

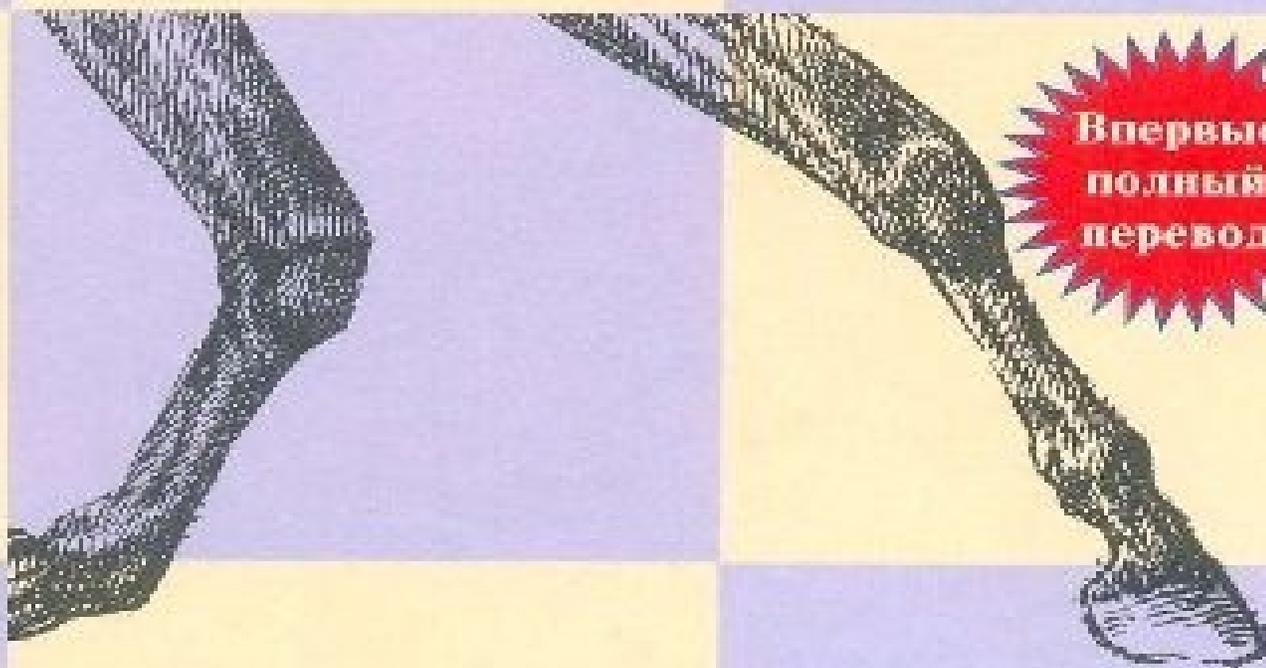

ДЖЕЙМС

*О всех созданиях —
больших и малых*

ХЭРРИОТ

**Впервые
полный
перевод**

Annotation

Записки Дж. Хэрриота — это прекрасные художественные иллюстрации трудной, подчас драматичной, а в ряде случаев небезопасной, но всегда важной работы сельского ветврача. Профессиональная интерпретация эпизодов строго научна и может быть весьма интересной для повседневной деятельности любого ветеринарного специалиста, где бы он ни трудился.

В своей книге он делится с читателями воспоминаниями об эпизодах, встречающихся в практике ветеринарного врача. Несмотря на, казалось бы, довольно прозаические сюжеты, отношение врача к четвероногим пациентам и их владельцам — то теплое и лиричное, то саркастическое — передано очень тонко, с большой человечностью и юмором.

Первая книга в серии. Впервые — полный перевод.

- [Джеймс Хэрриот](#)
 - [Вечное чудо](#)
 - [Прибытие в Дарроби](#)
 - [Мистер Фарнон меня испытывает](#)
 - [В дружеской обстановке](#)
 - [Первый самостоятельный вызов](#)
 - [Тристан, брат Зигфрида](#)
 - [Я не жалею](#)
 - [Лучшее средство вразумления](#)
 - [Как мы жили](#)
 - [Беллерби, пришельцы из былых веков](#)
 - [Мистер Дин теряет друга](#)
 - [Тристан — бухгалтер](#)
 - [Зимняя прелесть китайских мопсов](#)
 - [На сцену выходит миссис Харботтл](#)
 - [Тристан — животновод](#)
 - [Тристан — животновод 2](#)
 - [Зигфрид и миссис Харботтл](#)
 - [К чему приводит головокружение от успехов](#)
 - [На балу и в свинарнике](#)
 - [Зигфрид и миссис Харботтл 2](#)
 - [Лабрадор-мучитель](#)

- [Пёсик, корова и мистер Грайер](#)
- [Послеродовый парез](#)
- [Тристан проявляет героизм](#)
- [Овцы и жеребец](#)
- [Ореховый эль, горькая соль и холодная вода](#)
- [Корова полковника Меррика](#)
- [Джефф Мэллок, живодед](#)
- [Как мы заработались](#)
- [Мопс Трики, искусство врачевания](#)
- [Голубая пижама в малиновую полоску](#)
- [Только один шаг](#)
- [Поросёнок миссис Памфри](#)
- [Аудиенция у злобного ветеринара](#)
- [Добро пожаловать домой, Джеймс!](#)
- [Как вылечить летний мастит](#)
- [Достоинства шотландского воспитания](#)
- [Мне нравятся свиньи](#)
- [Ожидания и реальность](#)
- [Очень милая девушка](#)
- [В роли инспектора министерства](#)
- [С его мощной всё в порядке](#)
- [Есть ли жизнь после смерти](#)
- [Я пытаюсь завоевать её внимание](#)
- [Лошади на пенсии](#)
- [Теория и практика](#)
- [Живодёр против ветеринара](#)
- [Совет Тристана](#)
- [Слабые тормоза](#)
- [Схватка с немецким догом](#)
- [Вторая зима в Дарроби](#)
- [И так тоже было](#)
- [Земляничка: абсцесс](#)
- [Земляничка: операция](#)
- [Злостный неплательщик](#)
- [Злостный неплательщик 2](#)
- [Я и Тристан. Попытка развеяться](#)
- [Особенности местной жизни](#)
- [Кровопускание цыганскому пони](#)
- [Хелен привозит лечить своего пса](#)

- [Собачий ревматизм](#)
 - [Как мы с Хелен ходили в кино](#)
 - [Проверка генерала Рэнсома](#)
 - [Протирка стёкол дохлой курицей](#)
 - [Женюсь?](#)
 - [Женюсь!](#)
 - [Наш медовый месяц](#)
-

Джеймс Хэрриот
О всех созданиях – прекрасных и
удивительных

*С любовью посвящаю моей жене и
моей матери в милом старом Глазго*

Вечное чудо

«Нет, авторы учебников ничего об этом не писали», — подумал я, когда очередной порыв ветра швырнул в зияющий дверной проем вихрь снежных хлопьев и они облепили мою голую спину. Я лежал ничком на бульжном полу в навозной жиже, моя рука по плечо уходила в недра тужащейся коровы, а ступни скользили по камням в поисках опоры. Я был обнажен по пояс, и талый снег мешался на моей коже с грязью и засохшей кровью. Фермер держал надо мной коптящую керосиновую лампу, и за пределами этого дрожащего кружка света я ничего не видел.

Нет, в учебниках ни слова не говорилось о том, как на ощупь отыскивать в темноте нужные веревки и инструменты, как обеспечивать асептику с помощью полуведра еле теплой воды. И о камнях, впивающихся в грудь, — о них тоже не упоминалось. И о том, как мало-помалу немеют руки, как отказывает мышца за мышцей и перестают слушаться пальцы, сжатые в тесном пространстве.

И нигде ни слова о нарастающей усталости, о щемящем ощущении безнадежности, о зарождающейся панике.

Я вспомнил картинку в учебнике ветеринарного акушерства. Корова невозмутимо стоит на сияющем белизной полу, а элегантный ветеринар в незапятнанном специальном комбинезоне вводит руку разве что по запястью. Он безмятежно улыбается, фермер и его работники безмятежно улыбаются, даже корова безмятежно улыбается. Ни навоза, ни крови, ни пота — только чистота и улыбки.

Ветеринар на картинке со вкусом позавтракал и теперь заглянул в соседний дом к телящейся корове просто развлечения ради — так сказать, на десерт. Его не подняли с теплой постели в два часа ночи, он не трясся, борясь со сном, двадцать километров по оледенелому проселку, пока наконец лучи фар не уперлись в ворота одинокой фермы. Он не карабкался по крутому снежному склону к заброшенному сараю, где лежала его пациентка.

Я попытался продвинуть руку еще на пару сантиметров. Голова теленка была запрокинута, и я кончиками пальцев с трудом проталкивал тонкую веревочную петлю к его нижней челюсти. Моя рука была зажата между боком теленка и тазовой костью коровы. При каждой схватке руку сдавливало так, что не было сил терпеть. Потом корова расслаблялась, и я проталкивал петлю еще на пару сантиметров. Надолго ли меня хватит?

Если в ближайшие минуты я не зацеплю челюсть, теленка мне не извлечь... Я застонал, стиснул зубы и выиграл еще один сантиметр.

В дверь снова ударил ветер, и мне почудилось, что я слышу, как снежные хлопья шипят на моей раскаленной, залитой потом спине. Пот покрывал мой лоб и стекал в глаза при каждом новом усилии.

Во время тяжелого отела всегда наступает момент, когда перестаешь верить, что у тебя что-нибудь получится. И я уже дошел до этой точки.

У меня в мозгу начали складываться убедительные фразы: «Пожалуй, эту корову лучше забить. Тазовое отверстие у нее такое маленькое и узкое, что теленок все равно не пройдет». Или: «Она очень упитанна и, в сущности, мясной породы, так не лучше ли вам вызвать мясника?» А может быть, так: «Положение плода крайне неудачно. Будь тазовое отверстие пошире, повернуть голову теленка не составило бы труда, но в данном случае это совершенно невозможно».

Конечно, я мог бы прибегнуть к эмбриотомии: захватить шею теленка проволокой и отпилить голову. Сколько раз подобные отелы завершались тем, что пол усеивали ноги, голова, кучки внутренностей! Есть немало толстых справочников, посвященных способам расчленения теленка на части в материнской утробе.

Но ни один из них тут не подходил — ведь теленок был жив! Один раз ценой большого напряжения мне удалось коснуться пальцем уголка его рта, и я даже вздрогнул от неожиданности: язык маленького существа затрепетал от моего прикосновения. Телята в таком положении обычно гибнут из-за слишком крутого изгиба шеи и мощного сжатия при потугах. Но в этом теленке еще теплилась искра жизни, и, значит, появиться на свет он должен был целым, а не по кусочкам.

Я направился к ведру с совсем уже остывшей окровавленной водой и молча намылил руки по плечо. Потом снова улегся на поразительно твердый булыжник, упер пальцы ног в ложбинки между камнями, смахнул пот с глаз и в сотый раз засунул внутрь коровы руку, которая казалась мне тонкой, как макаронина. Ладонь прошла по сухим ножкам теленка, шершавым, словно наждачная бумага, добралась до изгиба шеи, до уха, а затем ценой невероятных усилий протиснулась вдоль мордочки к нижней челюсти, которая теперь превратилась в главную цель моей жизни.

Просто не верилось, что вот уже почти два часа я напрягаю все свои уже убывающие силы, чтобы надеть на эту челюсть маленькую петлю. Я испробовал и прочие способы — заворачивал ногу, зацеплял край глазницы тупым крючком и легонько тянул, — но был вынужден вновь вернуться к петле.

С самого начала все складывалось из рук вон плохо. Фермер, мистер Динсдейл, долговязый, унылый, молчаливый человек, казалось, всегда ожидал от судьбы какой-нибудь пакости. Он следил за моими усилиями вместе с таким же долговязым, унылым, молчаливым сыном, и оба мрачнели все больше.

Но хуже всего был дядюшка. Войдя в этот сарай на холме, я с удивлением обнаружил там быстроглазого старичка в шапке пирожком, уютно примостившегося на связке соломы с явным намерением поразвлечься.

— Вот что, молодой человек, — заявил он, набивая трубку. — Я мистеру Динсдейлу брат, а ферма у меня в Листондейле.

Я положил свою сумку и кивнул.

— Здравствуйте. Моя фамилия Хэрриот.

Старичок хитро прищурился.

— У нас ветеринар мистер Брумфилд. Небось слышали? Его всякий знает. Замечательный ветеринар. А уж при отеле лучше никого не найти. Я еще ни разу не видел, чтобы он спасовал.

Я кое-как улыбнулся. В любое другое время я был бы только рад выслушать похвалы по адресу коллеги, — но не теперь, нет, не теперь. По правде говоря, его слова отозвались в моих ушах похоронным звоном.

— Боюсь, я ничего не слышал про мистера Брумфилда, — ответил я, снимая пиджак и с большой неохотой стаскивая рубашку. — Но я тут недавно.

— Не слышали про мистера Брумфилда! — ужаснулся дядюшка. — Ну так это вам чести не делает. В Листондейле им не нахвалятся, можете мне поверить! — Он негодующе умолк, поднес спичку к трубке и оглядел мой торс, уже покрывавшийся гусиной кожей. — Мистер Брумфилд раздевается, что твой боксер. Уж и мускулы у него — загляденье!

На меня вдруг накатила волна томительной слабости, ноги словно налились свинцом, и я почувствовал, что никуда не гожусь. Когда я принялся раскладывать на чистом полотенце свои веревки и инструменты, старичок снова заговорил:

— А вы-то давно практикуете?

— Месяцев семь.

— Семь месяцев! — Дядюшка снисходительно улыбнулся, придавил пальцем табак и выпустил облако вонючего сизого дыма. — Но важнее всего опыт, это я всегда говорю. Мистер Брумфилд пользуется мою скотину десять лет, и он в своем деле мастак. К чему она, книжная-то наука? Опыт, опыт, вот в чем суть.

Я подлил в ведро дезинфицирующей жидкости, тщательно намылил руки до плеч и опустился на колени позади коровы.

— Мистер-то Брумфилд допрежь всегда руки особым жиром мажет, — сообщил дядюшка, удовлетворенно посасывая трубку. — Он говорит, что обходиться только мылом с водой никак нельзя: наверняка занесешь заразу.

Я провел предварительное обследование. Это решающий момент для любого ветеринара, когда его призывают к телящейся корове. Еще несколько секунд — и я буду знать, надену ли я пиджак через пятнадцать минут или мне предстоят часы и часы изнурительного труда.

На этот раз все оказалось даже хуже, чем можно было ожидать: голова плода обращена назад, а моя рука сдавлена так, словно я обследую телку, а не корову, телящуюся во второй раз. И все сухо — воды, по-видимому, отошли уже несколько часов назад. Она паслась высоко в холмах, и схватки начались за неделю до срока. Вот почему ее и привели в этот разрушенный сарай. Но как бы то ни было, а в постель я вернусь не скоро.

— Ну и что же вы обнаружили, молодой человек? — раздался пронзительный голос дядюшки. — Голова назад повернута, а? Так, значит, особых хлопот вам не будет. Мистер Брумфилд с ними запросто справляется: повернет теленка и вытаскивает его задними ногами вперед, я сам видел.

Я уже успел наслушаться подобной ерунды. Несколько месяцев практики научили меня, что все фермеры — большие специалисты, пока дело касается соседней скотины. Если заболит их собственная корова, они тут же бросаются к телефону и вызывают ветеринара, но о чужой рассуждают как знатоки и сыплют всяческими полезными советами. И особенно меня поразило, что к таким советам прислушиваются с куда большим интересом, чем к указаниям ветеринара. Вот и теперь Динсдейлы внимали разглагольствованиям дядюшки с глубоким почтением, — он явно был признанным оракулом.

— А еще, — продолжал мудрец, — можно собрать парней покрепче, с веревками, да разом и выдернуть его, как там у него голова ни повернута.

Продолжая свои маневры, я прохрипел:

— Боюсь, в таком тесном пространстве повернуть всего теленка невозможно. А если его выдернуть, не выправив положения головы, таз коровы будет обязательно поврежден.

Динсдейлы ухмыльнулись: они явно считали, что я увиливаю, подавленный превосходством дядюшки.

И вот теперь, два часа спустя, я готов был сдаться. Два часа я ерзал и ворочался на грязном булыжнике, а Динсдейлы следили за мной в угрюмом

молчании под нескончаемый аккомпанемент дядюшкиных советов и замечаний. Красное лицо дядюшки сияло, маленькие глазки весело блестели — давно уже ему не доводилось так отлично проводить время. Конечно, взбираться на холм было куда как нелегко, но оно того стоило. Его оживление не угасало, он смаковал каждую минуту.

Я замер с зажмуренными глазами и открытым ртом, ощущая коросту грязи на лице. Дядюшка зажал трубку в руке и наклонился ко мне со своего соломенного трона.

— Выдохлись, молодой человек, — сказал он с глубоким удовлетворением. — Вот чтоб мистер Брумфилд спасовал, я еще не видывал. Ну да он человек опытный. К тому же силач силачом. Уж он-то никогда не устает.

Ярость разлилась по моим жилам, как глоток неразбавленного спирта. Самым правильным, конечно, было бы вскочить, опрокинуть ведро с бурой водой дядюшке на голову, сбежать с холма и уехать — уехать навсегда, подальше от Йоркшира, от дядюшки, от Динсдейлов, от их проклятой коровы.

Вместо этого я стиснул зубы, напряг ноги, нажал из последних сил и, сам себе не веря, почувствовал, как петля скользнула за маленькие острые резцы в рот тельенка. Очень осторожно, затаив дыхание, я левой рукой потянул тонкую веревку, и петля под моими пальцами затянута. Наконец-то мне удалось зацепить эту челюсть!

Теперь я мог что-то предпринять.

— Возьмите конец веревки, мистер Динсдейл, и тяните, только ровно и не сильно. Я отожду тельенка назад, и, если вы в это время будете тянуть, голова повернется.

— Ну а как веревка соскользнет? — с надеждой осведомился дядюшка.

Я не стал отвечать, а прижал ладонь к плечу тельенка, надавил и почувствовал, как маленькое тельце отодвигается вглубь против волны очередной схватки.

— Тяните, мистер Динсдейл, только ровно, не дергая, — скомандовал я, а про себя добавил: «Господи, только бы не соскользнула, только бы не соскользнула!»

Голова поворачивалась! Вдоль моей руки распрямлялась шея, вот моего локтя коснулось ухо. Я отпустил плечо и ухватил мордочку. Оберегая стенку влагилица от зубов малыша, я вел голову, пока она не легла на передние ноги, как ей и полагалось.

Тут я торопливо ослабил петлю и передвинул ее за уши.

— А теперь, как только она натужится, тяните за голову!

— Да нет, за ноги надо тянуть! — крикнул дядюшка.

— Тяните за голову, черт вас дерит! — рявкнул я во всю глотку и с радостью заметил, что дядюшка оскорбленно вернулся на свою солому.

Вот показалась голова, за ней без труда выскользнуло туловище. Теленок лежал на булыжнике неподвижно. Глаза у него остекленели, язык был синий и распухший.

— Сдох, конечно! — проворчал дядюшка, возобновляя атаку.

Я очистил рот теленка от слизи, изо всех сил подул ему в горло и принялся делать искусственное дыхание. После трех-четырёх нажатий теленок судорожно вздохнул, и веки его задергались. Скоро он уже начал дышать нормально и пошевелил ногой.

Дядюшка снял шапку и недоверчиво поскреб в затылке.

— Жив, скажите на милость! А я уж думай, что он не выдержит: сколько же это вы времени возились!

Тем не менее пыл его поулег, зажатая в зубах трубка была пуста.

— Вот что теперь требуется малышу, — сказал я, ухватив теленка за передние ноги, и подтащил к морде матери.

Корова лежала на боку, устало положив голову на булыжник, полузакрыв глаза, ничего не замечая вокруг, и тяжело дышала. Но стоило ей почувствовать возле морды тельце теленка, как она преобразилась: глаза ее широко раскрылись, и она принялась шумно его обнюхивать. С каждой секундой ее интерес возрастал: она перекатилась на грудь, тычась мордой в теленка и утробно урча, а затем начала тщательно его вылизывать. В таких случаях сама природа обеспечивает стимулирующий массаж, и под грубыми сосочками материнского языка, растиравшими его шкурку, малыш выгнул спину и минуту спустя встряхнул головой и попытался сесть.

Я улыбнулся до ушей. Мне никогда не надоедало вновь и вновь быть свидетелем этого маленького чуда, и, казалось, оно не может приестся, сколько бы раз его ни наблюдать. Я попытался соскрести с кожи присохшие кровь и грязь, но толку было мало. Туалет придется отложить до возвращения домой. Рубашку я натягивал с таким ощущением, словно меня долго били толстой дубиной. Все тело болело и ныло. Во рту пересохло, губы слиплись.

Возле меня замаячила высокая унылая фигура.

— Может, дать попить? — спросил мистер Динсдейл.

Корка грязи на моем лице пошла трещинами от благодарной улыбки. Перед глазами возникло видение большой чашки горячего чая, щедро сдобренного виски.

— Вы очень любезны, мистер Динсдейл, я с удовольствием выпью чего-нибудь горяченького. Это были нелегкие два часа.

— Да нет, — сказал мистер Динсдейл, не отводя от меня пристального взгляда, — может, дать корове попить?

— Ну да, конечно, разумеется, конечно, — забормотал я. — Обязательно дайте ей попить.

Я собрал свое имущество и, спотыкаясь, выбрался из сарая. Снаружи была темная ночь, и резкий ветер швырнул мне в глаза колючий снег. Спускаясь по темному склону, я в последний раз услышал голос дядюшки, визгливый и торжествующий:

— А мистер Брумфилд против того, чтобы поить после отела. Говорит, что эдак можно желудок застудить.

Прибытие в Дарроуби

В ветхом тряском автобусе было невыносимо жарко, а я к тому же сидел у окна, сквозь которое били лучи июльского солнца. Мой лучший костюм душил меня, и я то и дело оттягивал пальцем тесный белый воротничок. Конечно, в такой зной следовало бы надеть что-нибудь полегче, но в нескольких милях дальше меня ждал мой потенциальный наниматель, и мне необходимо было произвести наилучшее впечатление.

От этого свидания столько зависело! Получить диплом ветеринара в 1937 году было почти то же, что встать в очередь за пособием по безработице. В сельском хозяйстве царил застой, поскольку десять с лишним лет правительство его попросту игнорировало, а рабочая лошадь, надежная опора ветеринарной профессии, стремительно сходила со сцены. Нелегко сохранять оптимизм, когда молодые люди после пяти лет усердных занятий в колледже попадали в мир, совершенно равнодушный к их свежим накопленным знаниям и нетерпеливому стремлению поскорее взяться за дело. В «Рикорде» ежедневно появлялись два-три объявления «Требуется...», и на каждое находилось человек восемьдесят желающих.

И я глазам своим не поверил, когда получил письмо из Дарроуби — городка, затерянного среди йоркширских холмов. Мистер Зигфрид Фарнон, член Королевского ветеринарного общества, будет рад видеть меня у себя в пятницу, во второй половине дня, — выпьем чашечку чая, и, если подойдем друг другу, я могу остаться там в качестве его помощника. Я ошеломленно вцепился в этот неожиданный подарок судьбы: столько моих друзей-однокашников не могли найти места, или стояли за прилавками магазинов, или нанимались чернорабочими на верфи, что я уже махнул рукой на свое будущее.

Шофер вновь лязгнул передачей, и автобус начал вползать на очередной крутой склон. Последние двадцать пять километров дорога все время шла вверх, и вдали смутно заголубели очертания Пеннинских гор. Мне еще не доводилось бывать в Йоркшире, но это название всегда вызывало в моем воображении картину края такого же положительного и неромантического, как мясной пудинг. Я ожидал встретить доброжелательную солидность, скуку и полное отсутствие какого-либо очарования. Но под стоны старенького автобуса я начинал проникаться убеждением, что ошибся. То, что еще недавно было бесформенной грядой на горизонте, превратилось в высокие безлесные холмы и широкие долины.

Внизу среди деревьев петляли речки, добротные фермерские дома из серого камня вставали среди лугов, зелеными языками уходивших к вершинам холмов, откуда на них накатывались темные волны вереска.

Мало-помалу заборы и живые изгороди сменились стенками, сложенными из камня, — они обрамляли дороги, замыкали в себе поля и луга, убегали вверх по бесконечным склонам. Эти стенки виднелись повсюду, мили и мили их расчерчивали зеленые плато.

Но по мере того как близился конец моего путешествия, в памяти начали всплывать одна за другой страшные истории — те ужасы, о которых повествовали в колледже ветераны, закаленные и ожесточенные несколькими месяцами практики. Наниматели, все до единого бессердечные и злобные личности, считали помощников жалкими ничтожествами, морили их голодом и замучивали работой. «Ни одного свободного дня или хотя бы вечера! — говорил Дейв Стивене, дрожащей рукой поднося спичку к сигарете. — Заставлял меня мыть машину, вскапывать грядки, подстригать газон, ходить за покупками. Но когда он потребовал, чтобы я прочищал дымоход, я уехал». Ему вторил Уилли Джонстон: «Мне сразу же поручили ввести лошади зонд в желудок. А я вместо пищевода угодил в трахею. Надо откачивать, а лошадь грохнулась на пол и не дышит. Откинула копыта. Вот откуда у меня эти седые волосы». А жуткий случай с Фредом Принглом? О нем рассказывали всем и каждому. Фред сделал прокол корове, которую раздуло, и, ошеломленный свистом выходящих наружу газов, не нашел ничего лучше, как поднести к гильзе пробойника зажигалку. Пламя полыхнуло так, что запалило солому, и коровник сгорел дотла. А Фред тут же уехал куда-то далеко — на Подветренные острова, кажется.

А, черт! Уж это чистое вранье. Я выругал свое воспаленное воображение и попытался заглушить в ушах рев огня и мычание обезумевших от страха коров, которых выводили из огнедышащего жерла коровника. Нет, такого все-таки случиться не могло! Я вытер вспотевшие ладони о колени и попробовал представить себе человека, к которому ехал.

Зигфрид Фарнон. Странное имя для йоркширского сельского ветеринара. Наверное, немец — учился у нас в Англии и решил обосноваться здесь навсегда. И конечно, по-настоящему он не Фарнон вовсе, а, скажем, Фарренен. Сократил для удобства. Ну да, Зигфрид Фарренен. Мне казалось, что я его уже вижу: эдакий переваливающийся на ходу толстячок с веселыми глазками и булькающим смехом. Но одновременно мне пришлось отгонять навязчиво возникавший облик грузного холодноглазого тевтона с ежиком жестких волос на голове — он

как-то больше отвечал ходовому представлению о ветеринаре, берущем помощника.

Автобус, прогромыхав по узкой улочке, въехал на площадь и остановился. Я прочел надпись над витриной скромной бакалейной лавки: «Дарроубийское кооперативное общество». Конец пути.

Я вышел из автобуса, поставил свой потрепанный чемодан на землю и огляделся. Что-то было совсем непривычным, но сначала я не мог уловить, что именно. А потом вдруг понял. Тишина! Остальные пассажиры уже разошлись, шофер выключил мотор, и нигде вокруг — ни движения, ни звука. Единственным видимым признаком жизни была компания стариков, сидевших возле башенки с часами посреди площади, но и они застыли в неподвижности, словно изваянные из камня.

В путеводителях Дарроуби занимает две-три строчки, и то не всегда. А уж если его и описывают, то как серенький городок на реке Дарроу с рыночной площадью, вымощенной булыжником, и без каких-либо достопримечательностей, если не считать двух старинных мостов. Но выглядел он очень живописно: над бегущей по камешкам речкой теснились домики, уступами располагаясь по нижнему склону Херн-Фелла. В Дарроуби отовсюду — и с улиц, и из домов — была видна величавая зеленая громада этого холма, поднимающегося на две тысячи футов над скоплениями крыш.

Воздух был прозрачным, и меня охватило ощущение простора и легкости, словно я сбросил с себя какую-то тяжесть на равнине в двадцати милях отсюда. Теснота большого города, копоть, дым — все это осталось там, а я был здесь.

Улица Тренгейт, тихая и спокойная, начиналась прямо от площади; я свернул в нее и в первый раз увидел Скелдейл-хаус. Я сразу понял, что иду правильно, — еще до того, как успел прочесть «3.Фарнон, КВО» на старомодной медной дощечке, довольно криво висевшей на чугунной ограде. Дом я узнал по плющу, который карабкался по старым кирпичным стенам до чердачных окон. Так было сказано в письме — единственный дом, увитый плющом. Значит, вот тут я, возможно, начну свою ветеринарную карьеру.

Поднявшись на крыльцо, я вдруг задохнулся, точно от долгого бега. Если место останется за мной, значит, именно тут я по-настоящему узнаю себя. Ведь проверить, чего я стою, можно только на деле!

Старинный дом георгианского стиля мне понравился. Дверь была выкрашена белой краской. Белыми были и рамы окон — широких, красивых на первом и втором этажах, маленьких и квадратных высоко

вверху, под черепичным скатом крыши. Краска облупилась, известка между кирпичами во многих местах выкрошилась, но дом оставался непреходяще красивым. Палисадника не было, и только чугунная решетка отделяла его от улицы.

Я позвонил, и тотчас предвечернюю тишину нарушил ошалелый лай, точно свора гончих неслась по следу. Верхняя половина двери была стеклянной. Поглядев внутрь, я увидел, как из-за угла длинного коридора хлынул поток собак и, захлебываясь лаем, обрушился на дверь. Я давно свыкся со всякими животными, но у меня возникло желание поскорее убраться восвояси. Однако я только отступил на шаг и принялся разглядывать собак, которые, иногда по двое, возникали за стеклом, сверкая глазами и лязгая зубами. Через минуту мне более или менее удалось их рассортировать, и я понял, что, насчитав сгоряча в этой кутерьме четырнадцать псов, немного ошибся. Их оказалось всего пять: большой светло-рыжий грейхаунд, который мелькал за стеклом особенно часто, потому что ему не нужно было прыгать так высоко, как остальным, кокер-спаниель, скотчтерьер, уиппет и миниатюрный коротконогий охотничий терьер. Последний возникал за стеклом очень редко, так как для него оно было высоковато, но уж если прыжок ему удавался, он, прежде чем исчезнуть, успевал тьякнуть особенно залихватски.

Я уже снова поднял руку к звонку, но тут увидел в коридоре дородную женщину. Она резко произнесла одно какое-то слово, и лай смолк точно по волшебству. Когда она открыла дверь, свирепая свора умильно ластилась у ее ног, показывая белки глаз и виляя поджатými хвостами. В жизни мне не приходилось видеть таких подхалимов.

— Добрый день, — сказал я, улыбаясь самой обаятельной улыбкой. — Моя фамилия Хэрриот.

В дверном проеме женщина выглядела даже еще дороднее. Ей было лет шестьдесят, но зачесанные назад черные как смоль волосы лишь кое-где тронула седина. Она кивнула и посмотрела на меня с суровой доброжелательностью, как будто ждала дальнейших пояснений. Моя фамилия ей явно ничего не сказала.

— Мистер Фарнон меня ожидает. Он написал мне, приглашая приехать сегодня.

— Мистер Хэрриот? — повторила она задумчиво. — Прием с шести до семи. Если вы хотите показать свою собаку, вам будет удобнее привести ее тогда.

— Нет-нет, — сказал я, упорно улыбаясь. — Я писал насчет места помощника, и мистер Фарнон пригласил меня приехать к чаю.

— Место помощника? Это хорошо. — Суровые складки на ее лице слегка разгладились. — А я — миссис Холл.

Веду хозяйство мистера Фарнона. Он ведь холостяк. Про вас он мне ничего не говорил, ну да неважно. Заходите, выпейте чашечку чая. Он, наверное, скоро вернется.

Я пошел за ней через выбеленный коридор. Мои каблуки звонко застучали по плиткам пола. В конце коридора мы свернули еще в один, и я уже решил, что дом невероятно длинен, но тут миссис Холл открыла дверь залитой солнцем комнаты. Она была благородных пропорций, с высоким потолком и массивным камином между двумя нишами. Стеклопанная дверь в глубине вела в обнесенный стеной сад. Я увидел запущенный газон, каменистую горку и множество фруктовых деревьев. В солнечных лучах пылали кусты пионов, а дальше на вязах перекликались грачи. Над стеной виднелись зеленые холмы, исчерченные каменными оградами.

Мебель была самая обычная, а ковер заметно потерт. По стенам висели охотничьи гравюры, и всюду были книги. Часть чинно стояла на полках в нишах, но остальные громоздились грудками по углам. На одном конце каминной полки красовалась пинтовая оловянная кружка. Очень любопытная кружка, доверху набитая чеками и банкнотами. Некоторые даже вывалились на решетку вниз. Я с удивлением рассматривал эту странную копилку, но тут в комнату вошла миссис Холл с чайным подносом.

— Вероятно, мистер Фарнон уехал по вызову, — заметил я.

— Нет, он уехал в Бротон навестить свою мать, так что я не знаю, когда он вернется.

Она поставила поднос и ушла. Собаки мирно расположились по всей комнате, и, если не считать небольшой стычки между скотчтерьером и кокер-спаниелем за право занять мягкое кресло, от недавней бурности их поведения не осталось и следа. Они лежали, поглядывая на меня со скучающей дружелюбностью, и тщетно боролись с неодолимой дремотой. Вскоре последняя покачивающаяся голова упала на лапы, и комнату наполнило разнообразное посапывание и похрапывание.

Но я не разделял их безмятежности. Меня одолевало сосущее чувство разочарования: я с таким напряжением готовился к разговору с мистером Фарноном и вдруг словно повис в пустоте! Все выглядело как-то странно. Зачем приглашать помощника, назначать время встречи — и уезжать в гости к матери? И еще: если бы он взял меня, мне предстояло сразу же остаться тут, в этом доме, но экономка не получила никаких инструкций о том, чтобы приготовить для меня комнату. Собственно говоря, ей обо мне

вообще ни слова не сказали.

Мои размышления были прерваны звонком дверного колокольчика. Собаки, словно от удара током, с воплями взвились в воздух и клубком выкатились за дверь. Я пожалел, что они относятся к своим обязанностям столь серьезно и добросовестно. Миссис Холл нигде не было видно, и я прошел к входной двери, перед которой собаки усердно проделывали свой коронный номер.

— Заткнитесь! — рывкнул я во всю мочь, и лай мгновенно смолк. Пять собак смиренно закружили возле моих лодыжек — впечатление было такое, что они чуть ли не ползают на коленях. Но всех превзошел красавец грейхаунд, оттянувший губы в виноватой ухмылке.

Я открыл дверь и увидел перед собой круглое оживленное лицо. Оно принадлежало толстяку в резиновых сапогах, который развязно прислонился к решетке.

— Здрасьте, здрастьте. А мистер Фарнон дома?

— Нет, он еще не вернулся. Не мог бы я вам помочь?

— Ага. Передайте ему от меня, когда он вернется, что у Берта Шарпа в Барроу-Хиллз надо бы корову просверлить.

— Просверлить?

— Угу, она на трех цилиндрах работает.

— На трех цилиндрах?

— Ага! И если ничего не сделать, так как бы у нее мошна не повредилась!

— Да-да, конечно.

— Не доводить же до того, чтобы у нее опухло, верно?

— Разумеется, нет.

— Вот и ладно. Значит, скажете ему. Счастливо оставаться!

Я медленно вернулся в гостиную. Как ни грустно, но я выслушал первую в моей практике историю болезни и не понял ни единого слова.

Не успел я сесть, как колокольчик вновь зазвонил. На этот раз я испустил грозный вопль, остановивший собак, когда они еще только взлетели в воздух. Сразу разобравшись, что к чему, они обескураженно вернулись на облюбованные места.

Теперь за дверью стоял серьезный джентльмен в кепке, строго надвинутой на уши, в шарфе, аккуратно укутывавшем кадык, и с глиняной трубкой точно в середине рта. Он взял ее в руку и сказал с сильнейшим ирландским акцентом:

— Моя фамилия Муллиген, и я хотел бы, чтобы мистер Фарнон изготовил микстуру для моей собачки.

— А что с вашей собачкой, мистер Муллиген?

Он вопросительно поднял бровь и поднес ладонь к уху. Я загремел во весь голос:

— А что с ней?

Он несколько секунд смотрел на меня с большим сомнением.

— Ее выворачивает, сэр. Очень сильно.

Я почувствовал под ногами твердую почву и уже прикидывал, как точнее поставить диагноз.

— Через какое время после еды ее тошнит?

— Что-что? — Ладонь снова поднялась к уху.

Я нагнулся поближе к нему, набрал воздуха в легкие и взревел:

— Когда ее выворачивает... то есть тошнит?

Лицо мистера Муллигена прояснилось. Он мягко улыбнулся.

— Вот-вот. Ее выворачивает. Очень сильно, сэр.

У меня не осталось сил на новую попытку, а потому я сказал ему, что позабочусь о микстуре, и попросил зайти позднее. Вероятно, он умел читать по губам, потому что медленно побрел прочь с довольным видом.

Вернувшись в гостиную, я рухнул на стул и налил себе чаю. Едва я сделан первый глоток, как колокольчик снова зазвонил. На этот раз оказалось достаточно одного свирепого взгляда, чтобы собаки покорно вернулись на свои места. От их сообразительности у меня стало легче на душе.

За дверью стояла рыжеволосая красавица. Она улыбнулась, показав множество очень белых зубов.

— Добрый день, — произнесла она светским тоном. — Я Диана Бромптон. Мистер Фарнон ждет меня к чаю.

Я сглотнул и уцепился за дверную ручку.

— Он пригласил вас на чай?

Улыбка застыла у нее на губах.

— Совершенно верно, — сказала она, чеканя слова. — Он пригласил меня на чай.

— Боюсь, мистера Фарнона нет дома. И я не знаю, когда он вернется.

Улыбка исчезла.

— А! — сказала она, вложив в это междометие чрезвычайно много. — Но в любом случае не могу ли я войти?

— Ну конечно. Разумеется. Извините, — забормотал я, поймав себя на том, что гляжу на нее с разинутым ртом.

Я распахнул дверь, и она прошла мимо меня без единого слова. Дом, по-видимому, был ей знаком: когда я добрался до поворота, она уже исчезла

в гостиной. Я на цыпочках прошел мимо, а дальше припустил по извилистому коридору галопом и метров через тридцать влетел в большую кухню с каменным полом, где обнаружил миссис Холл. Я бросился к ней.

— Там пришла гостья. Какая-то мисс Бромптон. Она тоже приглашена к чаю! — Я чуть было не потянул миссис Холл за рукав.

Ее лицо хранило непроницаемое выражение. А я-то думал, что она хотя бы горестно всплеснет руками! Но ей как будто даже в голову не пришло удивиться.

— Пойдите займите ее разговором, — сказала она. — А я принесу еще пирожков.

— Но о чем же я буду с ней разговаривать? А мистер Фарнон, он скоро вернется?

— Да поболтайте с ней о чем вздумается. Он особенно не задержится, — ответила миссис Холл невозмутимо.

Я медленно побрел в гостиную. Когда я открыл дверь, девушка быстро обернулась и ее губы начали было раздвигаться в новой ослепительной улыбке. Увидев, что это всего лишь я, она даже не попробовала скрыть досаду.

— Миссис Холл думает, что он должен скоро вернуться. Может быть, вы пока выпьете со мной чаю?

Она испепелила меня взглядом от моих всклокоченных волос до кончиков старых, потрескавшихся ботинок. И я вдруг почувствовал, как запыхался и пропотел за долгую тряску в автобусе. Затем она слегка пожалала плечами и отвернулась. Собаки смотрели на нее с вялым равнодушием. Комнату окутала тягостная тишина.

Я налил чашку чаю и предложил ей. Она словно не заметила этого и закурила сигарету. Тяжелое положение! Но отступить мне было некуда, я слегка откашлялся и сказал небрежно:

— Я только что приехал. И возможно, буду новым помощником мистера Фарнона.

На этот раз она не потрудилась даже посмотреть на меня и только сказала «а!», но вновь это междометие прозвучало как пощечина.

— Места тут очень красивые, — не отступал я. -Да.

— Я впервые в Йоркшире, но то, что я успел увидеть, мне очень нравится.

— А!

— Вы давно знакомы с мистером Фарноном?

— Да.

— Если не ошибаюсь, он совсем молод. Лет около тридцати?

— Да.

— Чудесная погода.

— Да.

С упрямым мужеством я продержался еще пять минут, тщетно придумывая, что бы такое сказать пооригинальнее и поостроумнее, но затем мисс Бромптон вынула сигарету изо рта, молча повернулась ко мне и вперила в меня ничего не выражающий взгляд. Я понял, что это конец, и растерянно умолк.

Она опять отвернулась к стеклянной двери и сидела, глубоко затягиваясь и щурясь на струйки дыма, вырывавшиеся из ее губ. Я для нее не существовал.

Теперь я мог, не торопясь, рассмотреть ее — и она того стоила. Мне еще ни разу не доводилось видеть вживе картинку из журнала мод. Легкое полотняное платье, изящный жакет, красивые ноги в элегантных туфлях и великолепные ниспадающие на плечи рыжие кудри.

Я был заинтригован: вот она сидит тут и ждет не дождется жирного немчика-ветеринара. Наверное, в этом Фарноне что-то есть!

В конце концов мисс Бромптон вскочила, яростно швырнула сигарету в камин и возмущенно вышла из комнаты.

Я устало поднялся со стула и побрел в сад за стеклянной дверью. У меня побаливала голова, и я опустил в высокую, по колено, траву возле акации. Куда запропастился Фарнон? Действительно ли письмо было от него или кто-то сыграл со мной бессердечную шутку? При этой мысли меня пробрал холод. На дорогу сюда ушли мои последние деньги, и, если произошла ошибка, я окажусь в более чем скверном положении.

Потом я посмотрел по сторонам, и мне стало легче. Старинная кирпичная ограда дышала солнечным теплом, над созвездиями ярких душистых цветов гудели пчелы. Легкий ветерок теребил увядшие венчики чудесной глицинии, заплетшей всю заднюю стену дома. Тут царили мир и покой.

Я прислонил голову к шершавой коре акации и закрыл глаза. Надо мной наклонился герр Фарренен, совершенно такой, каким я его себе представлял. Его физиономия дышала негодованием.

— Что вы сделаете? — вскричал он, брызгая слюной, и его жирные щеки затряслись от ярости. — Вы входите в мой дом обманом. Вы оскорбляете фрейлен Бромптон, вы тринкен мой тшай, вы съедаете майне пирожки. Что вы еще делаете? Вы украдете серебряные ложки? Вы говорите — мой помощник, но я не нуждаюсь ни в каком помощнике. Сей минут я вызываю полицию.

Пухлая рука герра Фарренена сжала телефонную трубку. Даже во сне я удивился тому, как нелепо он коверкает язык. Низкий голос повторял: «Э-эй, э-эй!»

И я открыл глаза. Кто-то говорил «э-эй», но это был не герр Фарренен. К ограде, сунув руки в карманы, прислонился высокий худой человек. Он чему-то посмеивался. Когда я с трудом встал на ноги, он оторвался от ограды и протянул мне руку.

— Извините, что заставил ждать. Я Зигфрид Фарнон.

Такого воплощения чисто английского типа я в жизни не видел. Длинное, полное юмора лицо с сильным подбородком. Подстриженные усики, растрепанная рыжеватая шевелюра. На нем был старый твидовый пиджак и летние, утратившие всякую форму брюки. Воротничок клетчатой рубашки обтрепался, галстук был завязан кое-как. Этот человек явно не имел обыкновения вертеться перед зеркалом.

Я глядел на него, и у меня на душе становилось все легче, несмотря на ноющую боль в затекшей шее. Я помотал головой, чтобы окончательно разлепить глаза, и из моих волос посыпались сухие травинки.

— Приходила мисс Бромптон, — вдруг объявил я. — К чаю. Я сказал, что вас срочно вызвали.

Лицо Фарнона стало задумчивым. Но отнюдь не расстроенным. Он потер подбородок.

— Хм, да... Ну неважно. Но приношу извинения, что я вас не встретил. У меня на редкость скверная память, и я попросту забыл.

И голос был сугубо английский.

Фарнон поглядел на меня долгим изучающим взглядом и весело улыбнулся.

— Идемте в дом. Я покажу вам, что и как.

Мистер Фарнон меня испытывает

В дни былой славы длинная пристройка позади дома предназначалась для слуг. В отличие от комнат по фасаду там все было темным, узким и тесным.

Фарнон подвел меня к первой из нескольких дверей, открывавшихся в коридор, где висел запах эфира и карболки.

— Это, — сказал он, и глаза его таинственно заблестели, словно он указывал мне вход в пещеру Аладдина, — наша аптека.

В дни, когда еще не было пенициллина и сульфаниламидов, аптеке принадлежала весьма важная роль. От пола до потолка по стенам тянулись рады сверкающих банок и бутылей. Я с удовольствием читал знакомые названия: эфир, настойка камфары, хлородин, формалин, нашатырь, гексамин, свинцовый сахар, линиментум альбум, сулема, вытяжной пластырь. Хоровод этикеток действовал успокаивающе.

Я был среди старых друзей. Сколько лет им отдано, сколько трудов положено, чтобы постичь их тайны! Я знал их состав, действие, применение и все капризы их дозировки. У меня в ушах зазвучал голос экзаменатора: «Доза для лошади? Для коровы? Для овцы? Для свиньи? Для собаки? Для кошки?»

Эти полки содержали весь арсенал ветеринара в его войне с болезнями. На рабочем столе у окна красовались орудия для приготовления из них нужных лекарств — мензурки, колбы, ступки, пестики. А под ними за открытыми дверцами шкафчика — пузырьки, груды пробок всех размеров, коробочки под пилюли, бумага для заворачивания порошков.

Мы медленно обходили комнату, и Фарнон с каждой минутой оживлялся все больше. Глаза его сверкали, он так и сыпал словами. То и дело он протягивал руку и поглаживал бутылку на полке, взвешивал на ладони лошадиный болус, доставал из коробки баночку с пастой на меду, ласково похлопывал ее и бережно ставил на место.

— Поглядите-ка, Хэрриот! — неожиданно закричал он так, что я вздрогнул. — Адреван! Прекрасное средство от аскарид у лошадей. Но дороговато! Десять шиллингов коробочка. А это пессарии с генциановым фиолетовым. Если засунуть такой пессарий в матку коровы после чистки, выделения обретают прелестный цвет. Так и кажется, что от него есть польза. А этот фокус вы видели?

Он бросил несколько кристаллов йода в стеклянную чашечку и капнул

на них скипидаром. Секунду все оставалось как было, а потом к потолку поднялось клубящееся облако фиолетового дыма. При виде моего ошарашенного лица он расхохотался.

— Прямо-таки черная магия, верно? Так я лечу раны на ногах у лошадей. Химическая реакция загоняет йод глубоко в ткани.

— Неужели?

— Точно не скажу, но такая теория существует, а к тому же, согласитесь, выглядит это впечатляюще. Самый твердолобый клиент не устоит.

Некоторые бутылки на полках не вполне отвечали этическим нормам, которые я усвоил в колледже. Например, та, которая была украшена этикеткой «Бальзам от колик» и внушительным рисунком бьющейся в агонии лошади. Морда животного была повернута вверх и выражала чисто человеческую муку. Кудрявая надпись на другой бутылки гласила: «Универсальная панацея для рогатого скота — безотказное средство от кашлей, простуд, дизентерии, воспаления легких, послеродовых параличей, затвердения вымени и всех расстройств пищеварения». По низу этикетки жирные заглавные буквы обещали: «Не замедлит принести облегчение».

Фарнон находил, что сказать почти обо всех лекарственных средствах. У каждого было свое место в его опыте, накопленном за пять лет практики; у каждого было свое обаяние, свой таинственный ореол. Многие бутылки были красивой формы, с тяжелыми гранеными пробками и латинскими названиями, выдавленными по стеклу, — названиями, которые известны врачам уже много веков и успели войти в фольклор.

Мы стояли, глядя на сверкающие ряды, и нам даже в голову не приходило, что почти все это практически бесполезно и что дни старых лекарств уже сочтены. В ближайшем будущем стремительный поток новых открытий сметет их в пропасть забвения, и больше им не вернуться.

— А вот тут мы храним инструменты.

Фарнон провел меня в соседнюю комнатушку. На полках, обтянутых зеленой бязью, были аккуратно разложены блистающие чистотой инструменты для мелких животных. Шприцы, акушерские инструменты, рашпили для зубов, всевозможные зонды и — на почетном месте — офтальмоскоп.

Фарнон любовно извлек его из черного футляра.

— Мое последнее приобретение, — пророкотал он, поглаживая гладкую трубку. — Удивительная штучка. Ну-ка, проверьте мою сетчатку!

Я включил лампочку и с любопытством уставился на переливающийся цветной занавес в глубине его глаза.

— Прелестно. Могу выписать справку, что у вас там все в порядке.

Он усмехнулся и хлопнул меня по плечу.

— Отлично, я рад. А то мне все казалось, что в этом глазу у меня намечается катаракта.

Настала очередь инструментов для крупных животных. По стенам висели ножницы и прижигатели, щипцы и эмаскуляторы, арканы и путы, веревки для извлечения телят и крючки. На почетном месте красовался новый серебристый эмбриотом, но многие орудия, как и снадобья в аптеке, были музейными редкостями. Особенно флеботом и ударник для «отворения крови» — наследие средневековья, хотя и теперь порой приходится пускать их в ход, и густая струя крови стекает в подставленное ведро.

— По-прежнему непревзойденное средство при ламините, ревматическом воспалении копыт, — торжественно провозгласил Фарнон.

Осмотр мы закончили в операционной с голыми белыми стенами, высоким столом, кислородным баллоном, оборудованием для эфирной анестезии и небольшим автоклавом.

— В здешних местах с мелкими животными работать приходится нечасто, — Фарнон провел рукой по столу. — Но я стараюсь изменить положение. Это ведь куда приятнее, чем ползать на животе в коровнике. Главное — правильный подход к делу. Прежняя доктрина касторки и синильной кислоты совершенно устарела. Наверное, вы знаете, что многие старые зубры не желают пачкать рук о собак и кошек, но пора обновить принципы нашей профессии.

Он подошел к шкафчику в углу и открыл дверцу. Я увидел стеклянные полки, а на них скальпели, корнцанги, хирургические иглы и банки с кетгутотом в спирту. Он вытащил носовой платок, обмахнул ауроскоп и тщательно закрыл дверцы.

— Ну, что скажете? — спросил он, выходя в коридор.

— Великолепно! — ответил я. — У вас тут есть практически все, что может понадобиться. Я даже не ожидал.

Он прямо-таки засветился от гордости. Худые щеки порозовели, и он начал что-то мурлыкать себе под нос, а потом вдруг громко запел срывающимся баритоном в такт нашим шагам.

Когда мы вернулись в гостиную, я передал ему просьбу Берта Шарпа:

— Что-то о том, что надо бы просверлить корову, которая работает на трех цилиндрах. Он говорил о ее мощне и об опухании... я не совсем разобрался.

— Пожалуй, я сумею перевести, — засмеялся Фарнон, — У его коровы

закупорка соска. Мошна — это вымя, а опуханием в здешних местах называют мастит.

— Спасибо за объяснение. Приходил еще глухой мистер Муллиген...

— Погодите! — Фарнон поднял ладонь. — Я попробую угадать... Собачку выворачивает?

— Очень сильно выворачивает, сэр.

— Ага. Ну так я приготовлю ему еще пинту углекислого висмута. Я предпочитаю лечить этого пса на расстоянии. С виду он смахивает на эрделя, но ростом не уступит ослу, и характер у него мрачный. Он уже несколько раз валил Джо Муллигена на пол — опрокинет и треплет от нечего делать. Но Джо его обожает.

— А эта рвота?

— Ерунда. Естественная реакция на то, что он жрет любую дрянь, какую только находит. Но к Шарпу надо бы поехать. И еще кое-куда. Хотите со мной — посмотреть здешние места?

На улице он кивнул на старенький «хиллмен», и, обходя машину, чтобы влезть в нее, я ошеломленно разглядывал лысые покрышки, ржавый кузов и почти матовое ветровое стекло в густой сетке мелких трещин. Зато я не заметил, что сиденье рядом с шофером не закреплено, а просто поставлено на салазки. Я плюхнулся на него и опрокинулся, упершись затылком в заднее сиденье, а ногами — в потолок. Фарнон помог мне сесть как следует, очень мило извинился, и мы поехали.

За рыночной площадью дорога круто пошла вниз, и перед нами развернулась широкая панорама холмов, озаренных лучами предвечернего солнца, которые смягчали резкость очертаний. Ленты живого серебра на дне долины показывали, где по ней вьется Дарроу.

Фарнон вел машину самым непредсказуемым образом. Вниз по склону он, словно зачарованный пейзажем, ехал медленно, упершись локтями в рулевое колесо и сжав подбородок ладонями. У подножия холма он очнулся и ринулся вперед со скоростью семьдесят миль в час. Дряхлый «хиллмен» трясся на узком шоссе, и, как я ни упирался ногами в пол, мое подвижное сиденье моталось из стороны в сторону.

Потом Фарнон резко затормозил, чтобы показать мне элитных шортгорнов на соседнем лугу, и сразу же прибавил газа. На шоссе перед собой он вообще не смотрел, и все его внимание было обращено на происходящее по сторонам и позади. Именно это последнее обстоятельство внушало мне тревогу: слишком уж часто он гнал машину на большой скорости, глядя в заднее стекло.

Наконец мы свернули с шоссе на проселок, тут и там перегороженный

воротами. Студенческая практика научила меня лихо выскакивать из машины, чтобы отворять и затворять ворота, — ведь студенты считались как бы автоматами для открывания ворот. Однако Фарнон каждый раз благодарил меня без тени иронии, и, когда я оправился от изумления, мне это понравилось.

Мы въехали во двор фермы.

— Тут лошадь охромела, — объяснил Фарнон.

Фермер вывел к нам рослого клайдсдейлского мерина

и несколько раз провел его взад и вперед, а мы внимательно смотрели.

— По-вашему, какая нога? — спросил Фарнон. — Передняя левая? Мне тоже так кажется. Хотите провести осмотр?

Я пощупал левое копыто, почувствовал, что оно заметно горячее правого, и попросил дать мне молоток. Когда я постучал по стенке копыта, лошадь вздрогнула, приподняла ногу и несколько секунд продержала на весу, а потом очень осторожно опустила на землю.

— По-моему, гнойный пододерматит.

— Вы безусловно правы, — сказал Фарнон. — Только тут это называется «камешком». Что, по-вашему, следует сделать?

— Вскрыть подошву и эвакуировать гной.

— Правильно. — Он протянул мне копытный нож. — Интересно, каким методом вы пользуетесь?

Понимая, что подвергаюсь испытанию, — чувство не из приятных! — я взял нож, приподнял ногу лошади и зажал копыто между колен. Я хорошо знал, что надо делать: найти на подошве темное пятно — место проникновения инфекции — и выскабливать его, пока не доберусь до гноя. Я соскреб присохшую грязь — и вместо одного обнаружил несколько темных пятен. Еще постукав по копыту, чтобы определить болезненную зону, я выбрал наиболее подходящее с виду пятно и принялся скоблить.

Рог казался твердым, как мрамор, и поворот ножа снимал только тоненькую стружку. Мерину же явно понравилось, что ему можно не опираться на больную ногу, и он с благодарностью навалился на мою спину всей тяжестью. Впервые за целый день ему было удобно стоять.

Я охнул и ткнул его локтем в ребра. Он слегка отодвинулся, но тут же снова навалился на меня.

Пятно тем временем становилось все светлее. Еще один поворот ножа — и оно исчезло. Выругавшись про себя, я принялся за другое пятно. Спина у меня разламывалась, пот заливал глаза. Если и это пятно окажется ложным, мне придется опустить копыто и передохнуть. Но какой может быть отдых под взглядом Фарнона?

Я отчаянно кромсал копыто, воронка углублялась, но мои колени начинали неудержимо дрожать. Мерин блаженствовал, переложив значительную часть своего веса (а весил он никак не меньше тонны!) на такого услужливого двуногого. Я уже представлял себе, какой у меня будет вид, когда я наконец ткнусь носом в землю, но тут из воронки брызнул гной и потек ровной струйкой.

— Прорвало! — буркнул фермер. — Теперь ему полегчает.

Я расширил дренажное отверстие и отпустил копыто. Выпрямился я далеко не сразу, а когда выпрямился и отступил на шаг, рубашка на спине пластырем прилипла к коже.

— Отлично, Хэрриот! — Фарнон забрал у меня нож и сунул его в карман. — Это не шутка, когда рог такой твердый!

Он ввел лошади противостолбнячную сыворотку и повернулся к фермеру.

— Будьте добры, приподнимите ему ногу, пока я продезинфицирую рану.

Плотный низенький фермер зажал копыто между коленями и с интересом наблюдал, как Фарнон заполнил воронку йодными кристаллами, а потом капнул на них скипидаром. И тут его скрыла завеса фиолетового дыма.

Я замороженно следил, как поднимаются вверх и ширятся густые клубы, в глубине которых кашляет и фыркает фермер.

Дым понемногу рассеивался, и из его пелены возникли два широко раскрытых изумленных глаза.

— Ну, мистер Фарнон, я сперва никак в толк не мог взять, что такое случилось, — проговорил фермер сквозь кашель. Он поглядел на почерневшую дыру в копыте и добавил благоговейно: — Это же надо, до чего нынче наука дошла!

Затем мы заехали посмотреть теленка, порезавшего ногу. Я обработал рану, зашил ее и наложил повязку, и мы отправились лечить корову с закупоркой соска.

Мистер Шарп ожидал нас, и его круглое лицо сияло все тем же оживлением. Мы вошли вслед за ним в коровник, и Фарнон кивнул на корову:

— Поглядите, что тут можно сделать.

Я присел на карточки, начал ощупывать сосок и примерно на середине обнаружил уплотнение. Этот комок необходимо было разрушить, и я начал ввинчивать в канал тонкую металлическую спираль. Секунду спустя я обнаружил, что сижу в стоке для навозной жижи и пытаюсь отдышаться, на

моей рубашке как раз над солнечным сплетением красуется отпечаток раздвоенного копыта.

Глупое положение! Но сделать я ничего не мог и продолжал сидеть, открывая и закрывая рот, как рыба, вытащенная из воды.

Мистер Шарп прижал ладонь ко рту — его природная деликатность вступила в конфликт с естественным желанием рассмеяться при виде севшего в лужу ветеринара.

— Вы уж извините, молодой человек! Мне бы вас предупредить, что корова эта страсть какая вежливая. Ей бы только кому руку пожать! — Сраженный собственным остроумием, он прижался лбом к боку коровы и затрясся в припадке беззвучного хохота.

Я отдышался и встал на ноги, старательно сохраняя достоинство. Мистер Шарп держал корову за морду, а Фарнон задирает ей хвост, и мне удалось ввести инструмент в фиброзный комок. Я несколько раз дернул и прочистил канал. Однако, хотя принятые меры предосторожности несколько ограничили возможности коровы, ей все-таки удалось насажать мне синяков на руки и на ноги.

Когда операция была завершена, фермер потянул сосок, и на пол брызнула белая пенящаяся струя.

— Вот это дело! Теперь она работает на четырех цилиндрах!

В дружеской обстановке

— Вернемся другой дорогой, — Фарнон наклонился над рулевым колесом и протер рукавом сетку трещин на ветровом стекле. — Через Бренкстоунский перевал и вниз по Силдейлскому склону. Крюк невелик, а мне хочется, чтобы вы все это посмотрели.

Мы свернули на крутое узкое шоссе и забирались все выше над обрывом, уходящим в темноту ущелья, по которому клубился ручей, устремляясь к широкой долине. На вершине мы вышли из машины. Окутанные летними сумерками нагромождения куполов и пиков убегали на запад, теряясь в золоте и багрянце закатного неба. На востоке над нами нависала темная громада горы, безлесная, суровая. Большие кубические камни усеивали ее нижние склоны.

Я посмотрел кругом и тихо присвистнул. Все это совершенно не походило на дружелюбные пологие холмы, среди которых я въезжал в Дарроуби. Фарнон обернулся ко мне.

— Да, это один из самых диких пейзажей в Англии, а зимой тут бывает и совсем жутко. Перевал иногда неделями остается под снегом.

Я глубоко вдохнул чистый воздух. В величавых просторах нигде не было заметно ни малейшего движения, но откуда-то донесся крик кроншнепа, и внизу глухо ревел поток.

Уже совсем стемнело. Мы сели в машину и начали длинный спуск в Силдейлскую долину. Она тонула в смутной тьме, но на склонах, там, где ютились одинокие фермы, мерцали огоньки.

Мы въехали в тихую деревушку, и Фарнон внезапно нажал на тормоз. Мое подвижное сиденье скользнуло вперед как по маслу, и я с треском ударился лбом о ветровое стекло, но Фарнон словно ничего не заметил.

— Тут есть чудесный трактирчик. Зайдем выпить пива.?

Ничего похожего мне еще видеть не доводилось. Это была просто большая квадратная кухня с каменным полом. Один угол занимали огромный очаг и старая закопченная плита. В очаге стоял чайник; шипело и постреливало единственное большое полено, наполняя помещение приятным смолистым запахом.

На скамьях с высокими спинками у стен расположились посетители: человек десять — двенадцать. Перед ними на дубовых столах, потрескавшихся и покоробившихся от возраста, рядами выстроились пинтовые кружки.

Когда мы вошли, наступила тишина, потом кто-то сказал: «А, мистер Фарнон!» — без особой радости, но вежливо, и остальные дружески кивнули или что-то приветственно буркнули. Почти все это были фермеры и работники с красными обветренными лицами, собравшиеся тут приятно отдохнуть без шума и бурного веселья. Молодые парни сидели, расстегнув рубашку на могучей груди. Из угла доносились негромкие голоса и пощелкивание — там шла мирная игра в домино.

Фарнон подвел меня к скамье, заказал две кружки пива и поглядел на меня.

— Ну, место ваше, если оно вас устраивает. Четыре фунта в неделю, стол и квартира. Договорились?

От неожиданности я онемел. Меня берут! И четыре фунта в неделю! Мне вспомнились трагические объявления в «Рикорде»: «Опытный ветеринарный врач согласен работать только за содержание». Ветеринарная ассоциация вынуждена была пустить в ход все свое влияние, чтобы газета прекратила печатать эти вопли отчаяния. Нельзя было допустить, чтобы представители нашей профессии публично предлагали свои услуги даром. Четыре фунта — это же целое богатство!

— Спасибо, — сказал я, изо всех сил стараясь скрыть свое ликование. — Я согласен.

— Отлично, — Фарнон отхлебнул пива. — А теперь я расскажу вам, что и как. Практику я купил год назад у восьмидесятилетнего старца. Он еще работал, учтите. На редкость крепкий старик. Но ездить по вызовам в глухую ночь ему становилось не по силам. И конечно, в других отношениях он тоже недотягивал — цеплялся за старину.

Эти древние орудия в операционной принадлежали ему. Ну как бы то ни было, от практики оставались только рожки да ножки, и теперь я пытаюсь ее восстановить. Пока она почти не приносит дохода, но я убежден, что нам надо только продержаться год-другой, и все будет прекрасно. Фермеры рады врачу помоложе, и им нравятся новые способы лечения. К сожалению, старик брал с них за консультацию всего три с половиной шиллинга, и отучить их от этого непросто. Люди тут чудесные, и вам они понравятся, но раскошелиться они не любят, пока вы им не докажете, что за свои деньги они получают сполна.

Он увлеченно повествовал о своих планах, трактирщик не успевал наливать пиво, и атмосфера в зале все больше теплела. Его заполнили завсегдашние, шум и духота нарастали, и перед закрытием я оказался среди очень симпатичных людей, с которыми словно был знаком давным-давно, а мой коллега куда-то подевался.

Зато в поле моего зрения вновь и вновь возникала странная личность — старичок в грязной белой панаме, лихо торчавшей над лишенным всякой растительности коричневым лицом, которому годы придали сходство со старым порыжелым сапогом. Он крутился возле нашей компании, делал мне знаки, подмигивал. Полагая, что его что-то тревожит, я покорно последовал за ним к скамье в углу. Старичок сел напротив, сжал пальцы на ручке своей палки, уперся в них подбородком и уставился на меня из-под полуопущенных век.

— Вот что, молодой человек, мне с вами потолковать надо. Всю жизнь я возле скотины провел, вот и надо нам потолковать.

У меня по коже побежали мурашки. Сколько раз я уже так попадался! Чуть ли не на первом курсе я обнаружил, что у всех до единого деревенских стариков существует твердое убеждение в неопределимости тех сведений, какими они могут с вами поделиться. А занимает это обычно уйму времени. Я испуганно поглядел по сторонам. И убедился, что угодил в ловушку. Старичок придвинул свой стул поближе и заговорил заговорщицким шепотом. Струи пивного перегара били мне в лицо с расстояния в шесть дюймов.

Ничего нового я не услышал — обычный список чудесных исцелений, им совершенных, и вернейших панацей, известных ему одному, а также множество отступлений на тему о бессовестных людях, которые тщетно пытались выведать у него заветные тайны. Он умолкал, только чтобы отхлебнуть из пинтовой кружки: его щедедушное тело, видимо, было способно вместить немислимое количество пива.

Но он был счастлив, и я не перебивал его, а, наоборот, подбадривал, зримо поражаясь и восхищаясь.

Видимо, такой слушатель попался старичку впервые. Он был владельцем маленькой фермы, но теперь жил на покое, и уже много лет никто не оказывал ему уважения, которого он заслуживал.

Лицо его расплывалось в кривоватой ухмылке, слезящиеся глаза излучали дружелюбие. Внезапно он обрел серьезность и выпрямился на скамье.

— Так вот, паренек, скажу я тебе то, чего никто, кроме меня, не знает. Я бы мог деньги лопатой грести. Уж так меня допекали, расскажи да расскажи, только я — ни-ни.

Он понизил уровень пива в кружке на несколько дюймов и сощурил глаза в щелочки.

— Снадобье от лошадиного мокреца!

Я подскочил так, словно рядом рухнул потолок.

— Да не может быть! — охнул я. — От лошадиного мокреца?!

Старичок прямо замурлыкал.

— Может, может! Вотрешь мою мазь — и все как рукой снимет. Смотришь, а лошадь-то уже здоровехонька! — Его голос поднялся до жиденького вопля, и он так взмахнул рукой, что локтем сбросил на пол уже почти пустую кружку.

Я негромко присвистнул и заказал еще пинту.

— И вы правда скажете мне, что это за мазь? — прошептал я благоговейно.

— Скажу, скажу, паренек, но одно условие поставлю. Чтобы ты ни одной живой душе ни словечка! Чтоб знали только ты да я! — Он без всякого усилия вылил в глотку половину новой пинты. — Только ты да я, паренек.

— Хорошо, обещаю. Я ни одной живой душе не скажу. Так какая это мазь?

Старичок подозрительно оглядел шумный зал. Потом набрал в грудь воздуха, положил ладонь мне на плечо и приблизил губы к моему уху. Торжественно икнув, он произнес сиплым шепотом:

— Тыквенная притирка!

Я молча схватил его руку и сердечно ее потряс. Старик, растроганный до глубины души, расплескал значительную часть оставшегося пива по подбородку.

Но Фарнон уже махал мне с порога. Пора было и честь знать. Вместе с новыми нашими друзьями мы высыпали на улицу, образовав в ее тьме и тишине островок шума и света. Белобрысый парень без пиджака с природенной вежливостью распахнул передо мной дверцу машины и помахал на прощание рукой. Я рухнул на сиденье. На этот раз оно проявило особую расторопность и тотчас отшвырнуло меня назад. Голова моя упокоилась на груди резиновых сапог, а колени уткнулись в подбородок.

Сквозь заднее стекло на меня взирали изумленные лица, но вскоре дружеские руки уже помогли мне подняться и водворили коварное сиденье на место. Сколько времени оно так болтается? И почему мой наниматель никак его не закрепит?

Взревев мотором, мы унеслись в темноту. Я оглянулся. Компания махала нам вслед. Старичок стоял у распахнутой двери. В льющемся из нее свете его панамы сияла белизной, точно новая. Он многозначительно прижимал палец к губам.

Первый самостоятельный вызов

Все предыдущие пять лет вели к одной-единственной минуте, но она никак не наступала. Я пробыл в Дарроуби уже сутки, а еще ни разу не съездил на вызов самостоятельно.

И на второй день я тоже ездил с Фарноном. Как ни странно, но он — такой, казалось бы, небрежный, забывчивый и беззаботный человек — отнюдь не торопился предоставить своему новому помощнику самостоятельность.

На этот раз мы ездили в Лиддердейл, и я познакомился еще с несколькими нашими клиентами — дружелюбными, приветливыми фермерами, которые принимали меня очень хорошо и желали мне всяческих успехов. Однако, работая в присутствии Фарнона, я словно вновь проходил студенческую практику под руководством придиричивого преподавателя. Я всем своим существом ощущал, что по-настоящему моя профессиональная карьера начнется, только когда я, Джеймс Хэрриот, поеду лечить больное животное без чужой помощи и надзора.

Но теперь этот час был уже не за горами. Фарнон снова уехал в Бротон навестить свою матушку. Такая сыновняя преданность меня несколько удивила, к тому же он предупредил, что вернется поздно, — старушка, по-видимому, придерживалась не слишком правильного образа жизни. Ну да неважно. Главное — лечебница была оставлена на меня.

Я сидел в кресле с широким потертым чехлом и созерцал сквозь стеклянную дверь длинные тени, которые заходящее солнце отбрасывало на давно не стриженный газон. Меня охватывало предчувствие, что сидеть вот так мне придется довольно часто.

От нечего делать я пытался представить себе, каким будет мой самый первый случай. Уж конечно, после стольких лет ожидания — что-нибудь самое заурядное. Теленок с кашлем, свинья с несварением желудка. Но, пожалуй, так даже лучше: начать с чего-то простенького и сразу вылечить животное... Спокойное течение моих мыслей прервал трезвон телефона в коридоре, разносившийся по пустому дому как-то особенно громко. Я взял трубку.

— Мистер Фарнон? — резко спросил глубокий бас.

— Нет, к сожалению, он уехал. Говорит его помощник.

— Когда он вернется?

— Боюсь, что поздно ночью. Могу ли я вам помочь?

— Ну уж не знаю, можете или нет. — Тон стал очень суровым. — Я мистер Соме, управляющий именем лорда Халтона. Очень ценную охотничью лошадь схватили колики. Вы что-нибудь о коликах знаете?

Меня это разозлило.

— Я дипломированный ветеринарный врач и, мне кажется, должен что-то о них знать.

Наступила длительная пауза, потом голос рявкнул:

— Ну что ж, пускай вы. Да и в любом случае я знаю, что нужно ей впрыснуть. Захватите ареколин. Мистер Фарнон всегда им пользуется. И ради бога, не тяните до полуночи. Когда вас ждать?

— Я выезжаю сейчас же.

— Ну ладно.

В трубке щелкнуло. Я отошел от телефона, и мне стало жарко. Значит, мой первый случай все-таки не будет чистой формальностью. Колики — штука коварная, к тому же мне в затылок будет дышать грубый всезнайка по фамилии Соме.

Все восемь миль дороги я мысленно перечитывал классический труд Колтона Рикса «Обычные колики у лошадей». За последний год в колледже я так часто его штудировал, что способен был декламировать наизусть абзацами, как стихи. И перед моими глазами, пока я ехал, маячили потрепанные страницы. Легкий запор или небольшая спазма... Из-за изменения корма или избытка сочной травы. Да, конечно, чаще колики этим и исчерпываются. Быстрая инъекция ареколина и, может быть, чуточку хлородина, чтобы снять неприятные ощущения, и все будет в порядке. Я перебирал в уме случаи, с которыми сталкивался во время практики. Лошадь стоит совершенно спокойно, только иногда приподнимает заднюю ногу или оглядывает свой бок... А, пустяки!

И, все еще смакуя эту утешительную картину, я въехал в безупречно чистый, усыпанный песком двор, с трех сторон окруженный солидными просторными стойлами. Там прохаживался широкоплечий, плотно сложенный мужчина щеголеватого вида, в клетчатой кепке и куртке, элегантных брюках и блестящих крагах.

Я затормозил шагах в тридцати от него и вылез, а он медленно и подчеркнуто повернулся ко мне спиной. Я не спеша пошел через двор, давая ему возможность обернуться, но он стоял, сунув руки в карман, и упорно смотрел в другую сторону.

Я остановился почти рядом с ним, но он так и не обернулся. В конце концов мне надоело смотреть на его спину, и я сказал:

— Мистер Соме?

Тут он наконец неторопливо повернулся ко мне. Я увидел толстую красную шею, багровое лицо и злобные глазки. Ничего не ответив, он смерил меня с головы до ног пронзительным взглядом, от которого не укрылись ни мой поношенный плащ, ни моя молодость, ни явное отсутствие опыта. Закончив осмотр, он снова уставился мимо меня.

— Да, я мистер Соме. — Слово «мистер» он подчеркнул, словно очень им дорожил. — Я близкий друг мистера Фарнона.

— Моя фамилия Хэрриот.

Соме словно не услышал.

— Да, мистер Фарнон умнейший человек. Мы с ним большие друзья.

— Насколько я понял, у одной из ваших лошадей колики.

Ну почему мой голос прозвучал так пронзительно и неуверенно?!

Соме по-прежнему глядел куда-то в небо. Он негромко засвистел какой-то мотивчик и только потом сказал:

— Вон там! — Он мотнул головой в сторону денника — Один из лучших гунтеров его милости. И требуется ему специалист, так мне кажется. — Слово «специалист» он произнес с особым ударением.

Я открыл дверь, вошел и остановился как вкопанный. Денник был просторный, с толстым слоем торфа на полу. По нему безостановочно кружил гнедой конь, и в торфе была уже протоптана глубокая дорожка. Он был весь в мыле от кончика носа до хвоста. Раздутые ноздри, невидящие неподвижные глаза. При каждом шаге его голова моталась, сквозь стиснутые зубы на пол падали хлопья пены. От него остро пахло потом, словно он долго мчался галопом.

У меня пересохло во рту. С трудом, почти шепотом, я спросил:

— И давно он так?

— Ну, утром у него прихватило живот, и я весь день давал ему черный настой, то есть вон тот бездельник давал. Но, может, он и тут все перепутал, как всегда.

Только теперь я заметил, что в темном углу стоит высокий грузный человек с недоуздком в руке.

— Да нет, мистер Соме, настой-то он у меня пил как следует, только вот пользы никакой. — Он был явно испуган.

— А еще конюх! — сказал Соме. — Конечно, мне надо было самому за него взяться. Ему бы уже давно полегчало.

— Черный настой ему не помог бы, — сказал я. — Это не простые колики.

— Ну а что же это, черт побери?

— Я ничего не могу сказать, пока не осмотрю его, но такая

непрерывная острая боль может означать непроходимость... заворот кишок.

— Заворот кишок, еще чего! Живот у него прихватило, только и всего. Его с утра заперло, так и надо дать ему чего-нибудь, чтобы его прочистило. Ареколин вы привезли?

— Если это непроходимость, то ареколин — самое скверное, что можно придумать. У него и так жуткие боли, а от ареколина он вообще взбесится. Ведь ареколин усиливает сокращение мышц кишечника.

— Черт подери! — рявкнул Соме. — Вы что, лекции сюда читать приехали? Будете вы лечить лошадь или нет?

— Наденьте на него недоуздок, и я его осмотрю.

Недоуздок был надет, и конь остановился. Он стоял, весь дрожа, и застонал, когда я провел ладонью от ребра к локтевому отростку, нащупывая пульс. Пульс оказался хуже некуда: сверх учащенный и нитевидный. Я отвернул веко. Слизистая оболочка была темно-коричневого цвета. Термометр показал 38°C.

Я оглянулся на Сомса.

— Мне нужно ведро воды, мыло и полотенце. Будьте так добры.

— Это еще зачем? Еще ничего не сделали, а решили помыться?

— Я решил провести ректальное исследование. Будьте добры, принесите мне воду.

— Господи помилуй! Это что-то новенькое! — Соме устало провел рукой по глазам и вдруг набросился на конюха. — Ну хватит прохлаждаться! Притащи воды, и, может, дело сдвинется.

Когда принесли воду, я намылил руку и осторожно ввел ее в прямую кишку коня. Я ясно ощутил смещение тонких кишок влево и напряженное вздутие, которому там быть не следовало. Едва я прикоснулся к вздутию, как лошадь вздрогнула и застонала.

Я вымыл и вытер руки. Сердце у меня бешено билось. Как мне поступить? Что сказать?

Соме то выходил из денника, то снова входил, что-то бормоча, а изнемогающий от боли конь извивался и дергался.

— Да держи ты чертову тварь! — прикрикнул Соме на конюха, сжимавшего недоуздок. — Чего ты зеваешь?

Конюх ничего не сказал. Он ни в чем не был виноват, но посмотрел на Сомса пустым взглядом.

Я глубоко вздохнул.

— Все симптомы указывают на одно: у этой лошади непроходимость.

— Ну пусть по-вашему. Пусть непроходимость. Так сделайте что-нибудь, чего вы ждете? Мы что, всю ночь тут стоим?

— Сделать ничего нельзя. Это неизлечимо. Остается только как можно скорее избавить его от страданий.

Соме нахмурился.

— Неизлечимо? Избавить от страданий? Что вы такое болтаете?

Мне кое-как удалось сдержаться.

— Я жду, чтобы вы разрешили мне сейчас его пристрелить.

— Это вы о чем? — Соме даже рот открыл.

— О том, что его следует немедленно пристрелить. У меня в машине есть специальный пистолет.

— Застрелить! — Соме, казалось, вот-вот задохнется от ярости. — Совсем с ума сошли! Да вы знаете, сколько он стоит?

— Это никакого значения не имеет, мистер Соме. Он весь день терпел невыносимую боль, и он умирает. Вам следовало вызвать меня давным-давно. Он может протянуть еще несколько часов, но исход предрешен. И он все время будет испытывать дикую непрерывную боль.

Соме зажал голову в ладонях.

— Господи, за что? Его милость за границей, а то я бы дозвонился ему, чтобы он вас образумил. Повторяю, будь тут ваш хозяин, он впрыснул бы ему чего-нибудь и за полчаса поставил бы на ноги. Послушайте, а может, подождем мистера Фарнона? Пусть он его посмотрит.

Что-то во мне радостно отозвалось на это предложение. Впрыснуть ему морфия и убраться отсюда. Переложить ответственность на кого-нибудь другого. Так просто! Я взглянул на коня. Он уже опять кружил по деннику, спотыкался и шел, шел по выбитой в торфе дорожке в безнадежной попытке уйти от боли. Я смотрел на него, а он вдруг поднял мотающуюся голову и жалобно заржал. Непонимающе, безутешно, безнадежно. И я не выдержал: стремглав бросился к машине и достал пистолет, предназначенный для убоя животных.

— Подержите его за голову, — сказал я конюху и прижал дуло между остекленевшими глазами. Раздался резкий хлопок, ноги коня подогнулись, он рухнул на торфяную подстилку и замер.

Я повернулся к Сомсу, который ошеломленно смотрел на труп.

— Утром заедет мистер Фарнон и проведет вскрытие. Я хочу, чтобы лорд Халтон получил подтверждение моего диагноза.

Надев пиджак, я пошел к машине. Я уже включил мотор, когда Соме открыл дверцу и просунул голову внутрь. Говорил он негромко, но очень злобно:

— Я сообщу его милости о том, что произошло. И мистеру Фарнону тоже. Пусть знает, какого помощника он посадил себе на шею. И

запомните вот что: вскрытие завтра покажет, что вы все наврали, и я подам на вас в суд.

Он яростно захлопнул дверцу и отвернулся.

Дома я решил не ложиться, а подождать возвращения Фарнона. Я тщетно пытался перебороть ощущение, что погубил свою профессиональную карьеру еще до того, как она началась. Но, перебирая в уме все события вечера, я не видел, как мог бы поступить иначе. Вновь я возвращался к ним и вновь убеждался, что иного выхода не было.

Фарнон вернулся во втором часу. Вечер, проведенный у матери, явно привел его в превосходное настроение. Его лицо пылало румянцем, и от него приятно пахло джином. К моему удивлению, одет он был в корректнейший вечерний костюм, и хотя смокинг несколько старомодного покроя висел на его худощавой фигуре, словно на вешалке, все же он умудрялся выглядеть, как посол на официальном приеме.

Он молча выслушал мой рассказ о случившемся и уже собирался что-то сказать, как вдруг зазвонил телефон.

— Ночной вызов! — шепнул он, а потом произнес совсем другим тоном: — А, это вы, мистер Соме! — Кивнув мне, он устроился в кресле поудобнее и долгое время ронял лишь «да», «нет» и «ах так!». А затем решительно выпрямился и заговорил сам: — Благодарю вас, мистер Соме, что вы мне позвонили. Насколько я могу судить, мистер Хэрриот сделал именно то, чего требовали обстоятельства. Нет, я абсолютно не согласен. Оставить его мучиться было бы неоправданной жестокостью. Одна из наших обязанностей — предотвращать страдания. Мне очень жаль, что вы так на это смотрите, но я считаю мистера Хэрриота во всех отношениях компетентным ветеринарным врачом. И будь я там, то, конечно, поступил бы точно так же. Спокойной ночи, мистер Соме. Я приеду утром.

У меня настолько полегчало на душе, что я чуть было не разразился благодарственной речью, но в конце концов ограничился простым «спасибо».

Фарнон открыл стеклянную дверцу шкафчика над каминной полкой, извлек бутылку виски, плеснул немного в стопку и пододвинул ее мне. Налив себе столько же, он опустил в кресло, отхлебнул глоток, несколько секунд смотрел на янтарную жидкость, а потом с улыбкой повернулся ко мне.

— Ну, для начала вы действительно нырнули в самую глубину, дорогой мой. Первый самостоятельный вызов. Да притом к Сомсу!

— Вы его близко знаете?

— Ну, о нем я знаю все, что требуется. Скверный человек и любого

способен вывести из себя. Поверьте, среди моих друзей он не числится. Если верить слухам, он вообще нечист на руку. Говорят, он уже давно потихоньку обкрадывает своего лорда. Но сколько веревочке ни виться...

Неразбавленное виски огненной струйкой обожгло мне глотку, и я почувствовал, что мое уныние проходит.

— Конечно, лучше бы поменьше вечеров вроде сегодняшнего, но, вероятно, в ветеринарной практике они выпадают не так уж часто?

— Пожалуй, — ответил Фарнон. — Тем не менее никогда заранее не знаешь, какой сюрприз тебе готовится. У нас с вами, знаете ли, профессия очень своеобразная. И предлагает огромный выбор возможностей попасть в дурацкое положение.

— Но мне кажется, многое зависит от знаний и умения.

— До определенной степени. Конечно, хорошему специалисту в этом отношении полегче, но даже заведомого гения все время подстерегают всякие нелепые и унижительные случайности. Я как-то пригласил сюда именитого знатока лошадиных болезней, чтобы он сделал не такую уж сложную операцию, а лошадь в самом ее разгаре вдруг перестала дышать. И глядя, как почтенный врач лихо отплясывает на ребрах своей пациентки, я постиг великую истину: время от времени, причем отнюдь не так уж редко, и я буду выглядеть не менее глупо.

— Ну, значит, мне следует смириться с этим теперь же, — сказал я, рассмеявшись.

— И правильно. Животные непредсказуемы, а значит, и наша с вами жизнь непредсказуема. Она складывается из длинной цепи маленьких побед и непредвиденных катастроф, и надо иметь к ней настоящий вкус или же лучше сменить профессию. Нынче вечером вас допек Соме, а завтра подвернется кто-нибудь ничуть не лучше. Но одно можно сказать твердо: скучать нам не придется. Выпейте-ка еще.

Я выпил, и разговор продолжался. Время летело незаметно, и вот уже за стеклянной дверью на сереющем небе вырисовался темный силуэт акации, засвистал первый дрозд, и Фарнон с сожалением вытряхнул из бутылки в стопку последние капли. Он зевнул, подергал свой черный галстук и посмотрел на часы.

— Ого, уже пять! Кто бы мог подумать? Но я рад, что мы так славно посидели, — надо же было отпраздновать ваш первый самостоятельный выезд. Причем очень нелегкий, верно?

Тристан, брат Зигфрида

За два с половиной часа можно ли выспаться? Тем не менее я решительно встал в половине восьмого, а в восемь, побрившись и приведя себя в полный порядок, уже спустился в столовую.

Но завтракать мне пришлось одному. Миссис Холл невозмутимо поставила передо мной тарелку с омлетом и сообщила, что мистер Фарнон уже уехал вскрывать лошадь лорда Халтона. По-видимому, он предпочел совсем не ложиться.

Я доедал последний поджаренный хлебец, когда в комнату влетел Фарнон. Я уже привык к внезапности его появлений и даже не вздрогнул, когда, рванув дверь, он прямо-таки прыгнул к столу. Лицо его выглядело свежим и бодрым, и он, по-видимому, был в прекрасном расположении духа.

— В кофейнике что-нибудь осталось? Я выпью с вами чашечку. — Он рухнул на жалобно заскрипевший стул. — Ну, можете не волноваться. Вскрытие показало классическую непроходимость кишечника. Несколько петель совсем почернело и вздулось. Я рад, что вы не стали тянуть и сразу избавили беднягу от страданий.

— А моего приятеля Сомса вы видели?

— Ну как же! Он присутствовал на вскрытии и начал было прохаживаться на ваш счет, но я его уговорил. Сказал просто, что ему следовало бы вызвать вас гораздо, гораздо раньше и что лорду Халтону вряд ли будет приятно узнать о том, как мучилась его лошадь. На этом я с ним и расстался.

Будущее сразу представилось мне в несравненно более розовом свете. Я подошел к бюро и достал еженедельник.

— Какие из утренних визитов вы думаете поручить мне?

Фарнон просмотрел вызовы, составил короткий список и протянул мне листок.

— Вот для вас несколько приятных простых случаев, чтобы вы освоились.

Я уже пошел к двери, но он меня окликнул:

— Мне хотелось бы попросить вас об одной услуге. Мой младший брат должен сегодня приехать из Эдинбурга. Он учится там в ветеринарном колледже, а семестр кончился вчера. Добираться он будет, голосуя на шоссе, а когда окажется уже близко, вероятно, позвонит. Так вы не могли

бы подъехать забрать его?

— Конечно. С большим удовольствием.

— Кстати, зовут его Тристан.

— Тристан?

— Да. А, я ведь вам не объяснил! Вас, вероятно, и мое несурзное имя ставило в тупик. Это все наш отец. Отъявленный поклонник Вагнера. Главная страсть его жизни. Все время музыка, музыка — и в основном вагнеровская.

— Признаюсь, и я ее люблю.

— Да, но вам в отличие от нас не приходилось слушать ее с утра до ночи. А вдобавок получить такое имечко, как Зигфрид. Правда, могло быть и хуже. Вотан, например.

— Или Погнер.

— И то верно. — Зигфрид даже вздрогнул. — Я и забыл про старину Погнера. Пожалуй, мне еще следует радоваться.

Уже вечерело, когда наконец раздался долгожданный звонок. В трубке послышался удивительно знакомый голос:

— Это Тристан Фарнон.

— Знаете, я было принял вас за вашего брата. У вас совершенно одинаковые голоса.

— Это все говорят... — Он засмеялся. — Да-да, я буду вам очень благодарен, если вы меня подвезете. Я нахожусь у кафе «Остролист» на Северном шоссе.

По голосу я ожидал увидеть копию Зигфрида, только помоложе, но сидевший на рюкзаке худенький мальчик был совершенно непохож на старшего брата. Он вскочил, отбросил со лба темную прядь и протянул руку, озарив меня обаятельнейшей улыбкой.

— Много пришлось идти пешком? — спросил я.

— Да немало, но мне полезно поразмяться. Вчера мы немножко чересчур отпраздновали окончание семестра. — Он открыл дверцу и швырнул рюкзак на заднее сиденье. Я включил мотор, а он расположился рядом со мной, словно в роскошном кресле, вытащил пачку сигарет, старательно закурил и блаженно затянулся. Из кармана он достал «Дейли миррор», развернул ее и испустил вздох полного удовлетворения. Только тогда из его ноздрей и рта потянулись струйки дыма.

Я свернул с магистрального шоссе, и шум машин скоро замер в отдалении. Я поглядел на Тристана.

— Вы ведь сдавали экзамены? — спросил я.

— Да. Патологию и паразитологию.

В нарушение своего твердого правила я чуть было не спросил, сдал ли он, но вовремя спохватился. Слишком щекотливая тема. Впрочем, для разговора нашлось немало других. Тристан сообщал свое мнение о каждой газетной статье, а иногда читал вслух отрывки из нее и спрашивал мое мнение. Я все больше ощущал, что далеко уступаю ему в живости ума. Обратный путь показался мне удивительно коротким.

Зигфрида не было дома, и вернулся он под вечер. Он вошел из сада, дружески со мной поздоровался, бросился в кресло и принялся рассказывать об одном из своих четвероногих пациентов, но тут в комнату заглянул Тристан.

Атмосфера сразу изменилась, словно кто-то повернул выключатель. Улыбка Зигфрида стала сардонической, и он смерил брата с головы до ног презрительным взглядом. Буркнув: «Ну здравствуй», — он протянул руку и начал водить пальцем по корешкам книг в нише. Это занятие словно полностью его поглотило, но я чувствовал, как с каждой секундой нарастает напряжение. Лицо Тристана претерпело поразительную метаморфозу: оно стало непроницаемым, но в глазах затаилась тревога.

Наконец Зигфрид нашел нужную ему книгу, взял ее с полки и принялся неторопливо перелистывать. Затем, не поднимая головы, он спросил негромко:

— Ну и как экзамены?

Тристан сглотнул и сделал глубокий вдох.

— С паразитологией все в порядке, — ответил он ничего не выражающим голосом.

Зигфрид словно не услышал. Внезапно книга его чрезвычайно заинтересовала. Он сел поудобнее и погрузился в чтение. Потом он захлопнул книгу, поставил ее на место и опять принялся водить пальцем по корешкам. Все так же спиной к брату он спросил тем же мягким голосом:

— Ну а патология как?

Тристан сполз на краешек стула, словно готовясь кинуться вон из комнаты. Он быстро перевел взгляд с брата на книжные полки и обратно.

— Не сдал, — сказал он глухо.

Зигфрид словно не услышал и продолжал терпеливо разыскивать нужную книгу, вытаскивая то одну, то другую, бросая взгляд на титул и водворяя ее обратно. Потом он оставил поиски, откинулся на спинку кресла, опустив руки почти до полу, посмотрел на Тристана и сказал, словно поддерживая светскую беседу:

— Значит, ты провалил патологию.

Я вдруг заметил, что бормочу почти истерически:

— Ну это же совсем не плохо. Будущий год у него последний, он сдаст патологию перед рождественскими каникулами и совсем не потеряет времени. А предмет этот очень сложен...

Зигфрид обратил на меня ледяной взгляд.

— А, так вы считаете, что это совсем не плохо? — Наступила долгая томительная пауза, и вдруг он буквально с воплем набросился на брата: — Ну а я этого не считаю! По-моему, хуже некуда! Черт знает что! Чем ты занимался весь семестр? Пил, гонялся за юбками, швырял мои деньги направо и налево, но только не работал! И вот теперь у тебя хватает нахальства являться сюда и сообщать, что ты провалил патологию. Ты лентяй и бездельник, и в этом все дело. В том, что ты палец о палец ударить не желаешь!

Его просто нельзя было узнать: лицо налилось кровью, глаза горели. Он снова принялся кричать:

— Но с меня хватит! Видеть тебя не могу! Я не собираюсь надрываться, чтобы ты мог валять дурака. Хватит! Ты уволен, слышишь? Раз и навсегда. А потому убирайся вон! Чтоб я тебя здесь больше не видел. Убирайся!

Тристан, который все это время сохранял вид оскорбленного достоинства, гордо вышел из комнаты.

Изнемогая от смущения, я покосился на Зигфрида. Лицо у него пошло пятнами, и он, что-то бормоча себе под нос, барабанил пальцами по подлокотнику своего кресла.

Разрыв между братьями привел меня в ужас, и я по-чувствовал огромное облегчение, когда Зигфрид послал меня по вызову и у меня появился повод уйти.

Я вернулся уже совсем в темноте и свернул в проулок, чтобы поставить машину в гараж во дворе за садом. Скрип дверей всполошил грачей на вязах. С темных верхушек донеслось хлопанье крыльев и карканье. Потом все стихло. Я продолжал стоять и прислушиваться, как вдруг заметил у калитки сада темную фигуру. Фигура повернулась ко мне, и я узнал Тристана.

Меня вновь охватило невыразимое смущение. Беднягу одолевают горькие мысли, а я непрощено вторгаюсь в его одиночество.

— Мне очень жаль, что все так получилось, — пробормотал я неловко.

Кончик сигареты ярко зарделся — по-видимому, Тристан сделал глубокую затяжку.

— А, все в порядке. Могло быть куда хуже.

— Хуже? Но ведь и так все достаточно скверно. Что вы думаете

делать?

— Делать? О чем вы?

— Ну... Ведь он вас выгнал. Где вы будете ночевать?

— Да вы же ничего не поняли, — сказал Тристан, вынимая сигарету изо рта, и я увидел, как блеснули в улыбке белые зубы. — Не принимайте все так близко к сердцу. Ночевать я буду здесь, а утром спущусь к завтраку.

— Но ваш брат?

— Зигфрид? Он к тому времени все позабудет.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Он меня то и дело выгоняет и тут же забывает об этом.

И все сошло отлично. Собственно, трудность была только с паразитологией.

Я уставился на темный силуэт передо мной. Снова вверху захлопали крылья грачей, и снова все стихло.

— С паразитологией?

— Если помните, я же сказал только, что с ней все в порядке. Но не уточнял.

— Так, значит...

Тристан тихонько засмеялся и похлопал меня по плечу.

— Вот именно. Паразитологию я тоже не сдал. Провалил оба экзамена. Но будьте спокойны, к Рождеству я сдам и то и другое.

Я не жалею

Я плотнее закутался в одеяло, укрываясь от пронзительных телефонных трелей, будивших эхо в старинном доме.

После возвращения Тристана из колледжа миновало три недели, и жизнь в Скелдейл-хаусе вошла в более или менее постоянную колею. Обычно день начинался с телефонных трелей между семьей и восьмью часами — время, когда фермеры навещали утром свою скотину.

В доме был лишь один телефонный аппарат, и стоял он на полке в выложенном плиткой нижнем коридоре. Зигфрид строго-настрога запретил мне вскакивать с постели на ранние телефонные звонки. Обязанность эта возлагалась на Тристана. «Ответственное поручение пойдет ему на пользу», — подчеркнул Зигфрид категоричным ' тоном.

И вот я внимаю дребезжанию телефона. Оно продолжается, продолжается и словно бы становится громче. Из комнаты Тристана не доносится ни звука, ни шороха, и я ждал следующего акта ежедневной драмы. О нем возвестил оглушительный удар двери, затем на площадку выскочил Зигфрид и кинулся вниз, перепрыгивая через три ступеньки.

Затем — долгая тишина, и я представлял себе, как он трясется на ледяном сквозняке, как мерзнут его босые ноги на кафельных плитках, пока фермер неторопливо описывает симптомы приболевшей скотины. Затем трубка звякает о рычаг, бешеный топот ног вверх по ступенькам — Зигфрид устремляется к комнате брата.

Пронзительный скрип распахиваемой двери и яростный крик. Я улавливаю в нем злорадство. Значит, Тристан застукан в постели — бесспорная победа Зигфрида, а победы достаются ему редко. Обычно Тристан использует свое умение одеваться в мгновение ока и встречает Зигфрида при полном параде. Если он кончает завязывать галстук, а Зигфрид еще в пижаме, это обеспечивает ему заметное психологическое преимущество.

Но нынче утром Тристан слишком понадеялся на удачу: урывая еще лишние секунды сна, он задержался в кровати, где и был застигнут. До меня доносились крики:

— Почему ты не ответил на чертов звонок, как я тебе велел?! И не говори мне, что ты не только ленив, но и глух вдобавок! А ну, вылезай из-под одеяла! Ну же, ну!

Однако я знал, что Тристан быстро возьмет свое. Когда его застигли в

кровати, он обычно выигрывал несколько очков, успевая расправиться с половиной завтрака, когда его брат еще только садился за стол.

Попозже я увидел, как перекошилось лицо Зигфрида, едва он вошел в столовую и увидел, что Тристан беззаботно дожевывает кусок жареного хлеба, прислонив свою «Дейли миррор» к кофейнику, — казалось, у Зигфрида внезапно разболелся зуб.

В результате атмосфера была несколько напряженной, и я с радостью ускользнул собираться: пора было ехать по вызовам. Узким коридором с таким знакомым и все равно волнующим запахом эфира и карболки и дальше через обнесенный стеной сад во двор, где стояли автомобили. Одно и то же каждое утро, но для меня всегда исполненное изумления. Я вышел навстречу солнечным лучам и аромату цветов словно бы впервые. Свежий воздух таил намек на благоухание вересковых пустошей. После пяти лет в тисках города было трудно воспринимать все это одновременно.

И я никогда не торопил эти минуты. Даже когда вызов был срочным, я не ускорял шага. В проход между плющом стены и длинной пристройкой к дому, где плети глицинии подбирались к крыше, а ее веточки и увядшие цветы заглядывали в каждую комнату. Затем мимо альпийской горки на широкий газон, пусть запущенный, но придающий прохладу и мягкость старой кирпичной кладке. По его краям в неупорядоченном изобилии буйствовали краски цветов, ведущих бой с джунглями бурьяна.

И дальше в розарий, затем к грядке со спаржей, толстые побеги которой уже превратились в высокие игольчатые листья. И дальше к клубнике и малине. И повсюду плодовые деревья. Их ветви низко нависают над дорожкой. У южной стены — шпалеры персиковых деревьев, грушевых, вишневых и сливовых, отвоевающих место у вьющихся одичавших роз.

Пчелы жужжали над цветами, песенки дроздов соперничали с карканьем грачей на высоких вязах.

Я жил полной жизнью. Столько надо было узнать, столько доказать самому себе! Дни проносились молниеносно, ставя задачу за задачей, и самая их новизна была вызовом мне. Но не здесь, не в саду. Тут все словно бы замерло давным-давно. Я оглянулся, прежде чем выйти через калитку во двор. И словно увидел иллюстрацию в старинной книге: безлюдный одичалый сад и высокий безмолвный дом за ним. Мне просто не верилось, что я вижу их наяву, что я — часть их.

И чувство это только усиливалось, когда я выходил во двор, квадратный, мощный булыжником, где между камнями густыми пучками росла трава. Две его стороны образовывали службы — два гаража, в

прошлом каретные сараи, конюшня с шорницкой, отдельные стойла и хлев. У свободной стены заржавевшая ручка насоса торчала над каменной колодой, из которой когда-то пили лошади.

Над конюшней — сеновал и голубятня над одним из гаражей. А еще — старик Бордман. Он тоже казался наследием дней бывшего величия, когда, припадая на раненую ногу, хлопотливо расхаживал по двору, ничем, собственно, не занимаясь.

Он ворчливо пожелал мне доброго утра из своей каморки, где держал кое-какие инструменты, в том числе садовые. Со стены над его головой смотрели памятки последней войны — ряд цветных литографированных карикатур Брюса Бэрнсфадера. Он приклеил их там, когда вернулся домой в 1918 году, и теперь, пропыленные, скручивающиеся по краям, они все еще говорили ему о кайзере Вилли, и о воронках от снарядов, и о жидкой глине окопов.

Бордман порой мыл машину или немножко возился в саду, но удовлетворялся, заработав фунт-другой, и возвращался к себе во двор. Много времени он проводил в шорницкой — просто сидел там, сложа руки. А иногда обводил взглядом крючья, на которых когда-то висела сбруя, и потирал сжатым кулаком по ладони.

Он часто заговаривал со мной о днях бывшего величия.

— Ну, прямо вижу, как доктор стоит на крыльце и ждет, чтобы ему подали экипаж. Он был такой высокий, видный. И всегда в цилиндре и сюртуке. Я тогда парнишкой был, но все равно как сейчас помню: стоит он, перчатки натянет, цилиндр поправит и ждет.

Лицо Бордмана смягчалось, в глазах появлялся свет, будто он говорил больше сам с собой, чем со мной.

— И старый дом, он тогда совсем другим был. Экономка, шесть человек прислуги и все как положено. И еще садовник. В те деньки ни травинки в неположенном месте, а цветы аккуратными такими рядами, и деревья все обрезаны, как полагается. А уж двор! Самое любимое было место старого доктора. Придет, заглянет в эту самую дверь, смотрит, как я сбрую начищаю, и поздоровается, по-простому. Настоящий был джентльмен. Но все по его должно было быть. Пылинку где-нибудь тут углядит и рассердится, дальше некуда. Ну да война со всем этим покончила. Теперь все куда-то торопятся. Не заботятся ни о чем. Времени не хватает. Ну, не хватает, и все тут.

Он недоуменно оглядывал траву между булыжниками, лупящиеся краской двери гаражей, криво свисающие с петель. Пустую конюшню, насос, который уже никакой воды не качал. Со мной он держался

неизменно по-дружески, но словно бы не особенно меня замечал. Однако с Зигфридом будто возвращался в прошлое: подтягивался, говорил «слушаю, сэр!» и прикладывал палец ко лбу, отдавая честь. Казалось, он что-то узнавал — силу и власть «старого доктора» — и радостно возвращался в былые дни.

— Доброе утро, Бордман, — сказал я, открывая дверь гаража. — Как вы сегодня себя чувствуете?

— Так-сяк, малый, так-сяк.

Он прохромал через двор и смотрел, как я достаю заводную ручку и приступаю к следующему шагу в ежедневном распорядке. Выделен мне был крохотный «остин» года, которому позавидовал бы марочный портвейн, и Бордман добровольно взял на себя обязанность буксировать его, если мотор не заводился добром. Но в это утро, к моему изумлению, мотор чихнул и заработал после шестого поворота ручки.

Выезжая из проулка на улицу, я, по обыкновению, чувствовал, что вот теперь-то все начинается по-настоящему. Впереди меня ждали мои профессиональные проблемы и трудности, а в те дни мне их хватало с избытком.

Мне представлялось, что я начал свою практику в самый неподходящий момент. Фермеры, добрую половину жизни терпевшие пренебрежение и некомпетентность, обрели долгожданного пророка, замечательного нового ветеринара мистера Фарнона. Он явился, как комета, блистая хвостом совершенно новых идей и понятий. Талантливый, энергичный, обаятельный, он покориł их, точно сказочный принц скромную девушку. И теперь в самый разгар их медового месяца между ними втираюсь я, а третий, как известно, всегда лишний.

Я уже свыкся с вопросами вроде: «А где мистер Фарнон?», «Он заболел, или что?», «Я-то мистера Фарнона ждал!» Мне становилось не по себе при виде, как вытягивались их лица, когда во двор фермы входил я. Обычно они с надеждой смотрели через мое плечо, а некоторые даже подходили к машине и заглядывали внутрь — вдруг там прячется тот, кого они ждали?

И очень трудно осматривать животное, когда у тебя за спиной его владелец изнывает, от всей души желая, чтобы на моем месте был другой.

Но должен признать, что вели они себя по-честному. Мне не оказывали сердечного приема, а когда я объяснял, что, по-моему, неладно с моим пациентом, они выслушивали меня с откровенным скептицизмом, но я убедился, что стоило мне снять пиджак и с увлечением взяться за работу, как они немного оттаивали. И они были радушны. Как ни разочаровывало

их мое появление, они приглашали меня войти в дом.

«Зайдите-ка, пообедайте с нами», — было приглашение, которое я слышал чуть ли не каждый день. Иногда я был очень рад его принять, и некоторые эти обеды я лелею в памяти.

И еще они часто, когда я собирался уезжать, клали на сиденье полдюжину яиц или фунт мяса. Такое гостеприимство было традиционным в йоркширских холмах, и я знал, что точно так же они обошлись бы с любым гостем, но это указывало на дружелюбность, скрытую под не улыбочивой их суровостью, и очень меня поддерживало.

Я все лучше узнавал фермеров, и то, что я узнавал, очень мне нравилось. Им были свойственны закаленность и философское отношение к жизни, совсем для меня новое. Когда случались несчастья, от которых городской житель готов был бы биться головой о стенку, они только пожимали плечами, говоря: «Ну, что же, и не такое случается!»

Этот день обещал быть жарким, как и предыдущие, а потому я опустил стекла в дверцах машины как мог ниже. Мне предстояла проверка на туберкулез. Общенациональная система проникла и в холмы: наиболее прогрессивные фермеры просили о проведении профилактических проверок.

А стадо было не из обычных. Галловейский скот мистера Копфилда славился в округе и не только там. Зигфрид подробно рассказал мне про это стадо: «Труднее их не найти. Восемьдесят пять их — и ни единая никогда в стойле не содержалась и не привязывалась. Собственно говоря, к ним никто руками почти не прикасался. Живут в холмах, телятся и выкармливают телят там же. Их редко кто-нибудь навещает. И практически это дикий скот».

«А что же вы делаете, если они заболевают?» — спросил я.

«Ну, тут приходится полагаться на Фрэнка с Джорджем. Это сыновья Копфилда. Они, можно сказать, росли с этими коровами. Начали ловить телят, едва ходить научились, а потом перешли на взрослый скот. Почти не уступают галловейам ни в силе, ни в крепости».

Ферма Копфилда находилась в негостеприимных местах. Глядя через скудные пастбища на лысые верхние склоны с темными мазками вереска, было нетрудно понять, почему фермер остановил свой выбор на породе более выносливой, чем местные шортгорны. Но в это утро угрюмые абрисы смягчал солнечный свет и в бесконечности сочетания зелени и бурости скрывался покой пустыни.

Фрэнк с Джорджем оказались совсем не такими, как я ожидал. Закаленные работники, помогавшие мне на вызовах, были чаще смуглыми,

худыми, жилистыми, а братья Копфилд были белокурыми, с гладкой, почти нежной кожей. Красавцы, примерно мои ровесники, с головами, которые казались маленькими, потому что плечи были такими широкими, а шеи такими могучими. Не особенно высокие, они выглядели весьма внушительно: по плечи засученные рукава открывали борцовские мышцы, а гетры плотно облегли мощные ноги. Оба были в деревянных башмаках.

Скот загнали в коровники, где только-только хватило места. Примерно двадцать пять коров стояли в длинном проходе. Я увидел неровную линию голов над жердями, пар, поднимающийся со спин и боков. Еще двадцать заняли старую конюшню, остальные прохаживались в двух загонах.

Я поглядел на черных полудиких животных, а они глядели на меня. Их налитые кровью глаза поблескивали за падающей на морду густой челкой. И все раздраженно хлестали хвостами по бокам.

Сделать каждой инъекцию точно в толщу кожи будет ох как не просто! Я обернулся к Фрэнку.

— А вы сможете удерживать этих чертовок на месте? — спросил я.

— Уж как-нибудь, черт дери, — ответил он невозмутимо, перебрасывая через плечо аркан.

Он и брат закурили сигареты и перелезли через жерди в проход, где стояли самые крупные животные. Я последовал за ними и вскоре убедился, что в историях, которых я слышал о галловцах, не было ни капли преувеличений. Если я приближался спереди, огромная косматая голова угрожающе наклонялась, а если я пытался подойти сзади, они меня лягали, словно походя.

А вот братья меня поразили. Один набрасывал аркан, засовывал пальцы в ноздри животного, и оно молниеносно бросалось в сторону. Человека они мотали, будто тряпичную куклу, но братья не расслабляли хватки. Их светловолосые головы возникали над черными спинами и вновь нелепо исчезали; больше всего меня поражало, что на протяжении этих битв они продолжали попыхивать сигаретами.

Жара все росла; вскоре скотный двор превратился в настоящее пекло, и коровы, содержимое кишечника которых было жидковатым, поскольку питались они исключительно травой, то и дело задирали хвосты и выбрасывали гейзеры зеленовато-бурой жижи.

Процедура эта носила характер игры, и на того брата, который действовал в данный момент, сыпались подбадрывающие возгласы: «Фрэнк, держи его крепче!», «Голову ему пригни, Джордж!» В наиболее трудные моменты братья ругались мягко и без злости: «А ну, слазь с моей ноги, стервозина!» Оба опустили руки и одобрительно захохотали, когда корова

хлестнула меня по физиономии вонючим и мокрым хвостом. Не менее их позабавило, когда, пятась от аркана, бычок врезался мне костлявым задом в живот, а я как раз наполнял шприц, подняв обе руки над головой. Я только успел крикнуть, как бычок решил повернуться в тесном проходе и чуть не размазал меня по жердям, точно муху. Глаза у меня вылезли на лоб, и я не мог понять, трещат ли жерди у меня за спиной или мои ребра.

На закуску мы оставили юных телят, а они оказались наиболее трудными. Мохнатые малыши брыкались, били задом, взвивались в воздух, отдавливали нам ноги и даже налетали на стены. Братья часто попросту ложились им на спину и так валили на пол, чтобы я мог сделать инъекцию, а, почувствовав укол, телята высовывали языки, оглушительно мычали, и тут же доносился ответный рев встревоженных мамаш снаружи.

Было далеко за полдень, когда я, шатаясь, покинул скотный двор. Мне казалось, что я пробыл там, по крайней мере, месяц — в жаркой духоте, оглушительном шуме среди фонтанирующей навозной жижи.

Фрэнк и Джордж притащили ведро с водой, щетку и более или менее отчистили меня перед отъездом. В миле от их фермы я свернул на не огороженный проселок, выбрался из машины и рухнул на прохладный дерн склона. Широко раскинув руки, я вжался плечами под мокрой от пота рубашкой в жесткую траву и подставил себя душистому ветерку. Я щурился от солнца и смотрел на голубое небо, затянутое легкой дымкой.

Ребра у меня ныли, болели синяки на ногах, оставленные десятком острых копыт. И нельзя сказать, что от меня пахло розами. Я окончательно закрыл глаза и ухмыльнулся нелепой мысли: ведь какие-то полчаса назад я там занимался диагностикой возможного туберкулеза! Станный способ проведения научного исследования! И раз уж на то пошло, странный способ зарабатывать хлеб насущный!

Но ведь я бы мог сейчас сидеть в кабинете с окнами, закупоренными от выхлопных газов и уличного шума, а настольная лампа озаряла бы столбцы цифр, и на стене висел бы мой благопристойный котелок...

Я лениво открыл глаза и стал следить, как тень облака скользит по склонам по ту сторону зеленой долины. Нет-нет... Я не жалею на свою судьбу, вовсе нет!

Лучшее средство вразумления

Неделю за неделей я трясся по проселкам в старенькой машине, совершая ежедневные объезды. Время летело незаметно, я уже хорошо узнал округу, люди обретали индивидуальные черты. Почти каждый день мне приходилось стоять у обочины, меняя проколотую шину. Все четыре покрышки были сношены до корда, и меня каждый раз удивляло, что я вообще хоть куда-то на них добираюсь.

Но машина могла похвастать и одним особым удобством — заржавелой сдвижной крышей. Она отвратительно скрипела, когда ее закрывали, но обычно я держал верх и окна открытыми, наслаждаясь душистым воздухом, который волнами накатывался на меня. В дождливые дни закрывать крышу не имело смысла — капли просачивались в местах соединений и растекались озерцами на моих коленях и на свободных сиденьях.

Я научился лихо объезжать лужи. Ехать напрямик не рекомендовалось: мутная вода фонтанчиками била сквозь дырки в полу.

Но лето стояло солнечное, и от долгих часов под открытым небом я загорел не хуже любого фермера. Даже заклеивать очередной прокол где-нибудь на пустынном проселке высоко над долиной было почти удовольствием: по соседству кружили кроншнепы, а ветер приносил снизу ароматы цветов и листвы. Впрочем, всегда нетрудно было найти предлог, чтобы вылезти из машины, раскинуться на упругой траве и утонуть взглядом в воздушных просторах над Йоркширом. Это были минутные передышки в стремительном течении жизни. Передышки, чтобы взглянуть на нее со стороны и оценить свои успехи. Все это было настолько не похоже на то, к чему я привык, что я даже растерялся. Деревенская глушь после юности, промелькнувшей в суматохе большого города, свобода, сменившая необходимость заниматься и сдавать экзамены, работа, которая ежедневно ставила передо мной неожиданные и интересные задачи. Не говоря уж о моем патроне.

Зигфрид Фарнон неумоимо объезжал клиентов с утра до ночи, и я часто недоумевал, что его к этому понуждает. Уж, во всяком случае, не любовь к деньгам, к которым он относился с полным пренебрежением. После оплаты счетов наличные засовывались в пинтовую кружку на каминной полке, и, когда они ему требовались, он вытаскивал их оттуда не глядя. Ни разу я не видел, чтобы он воспользовался кошельком, но карманы

у него вздувались от множества монет и смятых банкнот. Когда он доставал термометр, они взметывались снежным вихрем.

После недели-двух круглосуточной работы он вдруг исчезал — иногда на вечер, иногда на всю ночь, и часто без предупреждения. Миссис Холл накрывала стол на двоих, но, заметив, что я сижу за ним в одиночестве, молча убирала второй прибор.

Каждое утро он составлял список визитов с такой быстротой, что я нередко отправлялся не на ту ферму или получал не те инструкции. Когда вечером я рассказывал ему об этих недоразумениях, он принимался от души хохотать.

Но однажды он попался сам. Некий мистер Хитон из Бронсета позвонил и попросил приехать к нему, чтобы вскрыть сдохшую овцу.

— Я бы хотел, чтобы вы поехали со мной, Джеймс, — сказал Зигфрид. — Утро у нас сегодня выдалось спокойное, а если не ошибаюсь, вас обучили очень любопытным методам вскрытия. Вот мне и хотелось бы их посмотреть.

Мы въехали в деревушку Бронсет, и Зигфрид свернул влево на перегороженный воротами проселок.

— Куда мы едем? — спросил я. — Ферма Хитона в том конце.

— Но вы же сказали: Ситон.

— Да нет же, уверяю вас...

— Послушайте, Джеймс, я стоял рядом с вами, когда вы разговаривали с ним, и ясно расслышал, как вы его назвали.

Я попытался возразить, но машина уже катила по проселку, а подбородок Зигфрида был упрямо выставлен вперед. Ну пусть сам убедится.

Завизжав тормозами, мы остановились перед домом фермера. Машина еще не замерла окончательно, а Зигфрид уже выскочил и рылся в багажнике.

— Черт! — возопил он. — Нож для вскрытий куда-то задевался. Ну да ничего, возьму что-нибудь в доме.

Захлопнув крышку багажника, он ринулся к двери.

На стук вышла жена фермера, и Зигфрид озарил ее улыбкой.

— Доброе утро, доброе утро, миссис Ситон. У вас есть нож для разрезания жаркого?

Почтенная женщина с недоумением подняла брови.

— Что-что?

— Мне нужен нож для разрезания жаркого, миссис Ситон. И пожалуйста, поострее.

— Вам нужен нож для разрезания жаркого?

— Да-да, совершенно верно! — воскликнул Зигфрид, чей скудный запас терпения быстро истощался. — И если вас не затруднит, то побыстрее. У меня мало времени.

Фермерша в полной растерянности вернулась на кухню, и оттуда донесся ее взволнованный шепот. В окнах стали возникать головки детей, с любопытством разглядывавших Зигфрида, который раздраженно переминался с ноги на ногу. Наконец из двери вышла одна из дочек и робко протянула ему длинный, страшноватого вида нож. Зигфрид схватил его и провел большим пальцем по лезвию.

— Никуда не годится! — сердито крикнул он. — Разве вы не поняли, что мне нужен по-настоящему острый нож? Принесите мне точильный брусок.

Девочка кинулась на кухню, и там послышались взволнованные голоса. Прошло несколько минут, прежде чем из двери буквально вытолкнули другую девочку. Она бочком приблизилась к Зигфриду на расстояние вытянутой руки, сунула ему брусок и тут же кинулась назад к двери.

Зигфрид гордился своим умением затачивать ножи и делал это с наслаждением. Водя лезвием по бруску, он так увлекся, что даже запел. Из кухни не доносилось ни звука, и тишину нарушали только скрежет стали о брусок и немзыкальное пение. Внезапно наступала пауза — это Зигфрид пробовал лезвие, а потом скрежет и пение возобновлялись. Наконец, удовлетворенный результатом очередной пробы, он заглянул в дверь и громко крикнул:

— Где ваш муж?

Ответом было молчание, и он широкими шагами направился в кухню, помахивая сверкающим ножом. Я пошел за ним и увидел, что миссис Ситон и девочки забились в дальний угол и смотрят на него широко открытыми, испуганными глазами.

— Ну, я могу начать, — заявил он, махнув ножом в их сторону.

— Что начать? — прошептала фермерша, прижимая к себе дочек.

— Вскрытие овцы. У вас ведь сдохла овца?

Недоразумение выяснилось, и последовали извинения.

А позже Зигфрид сделал мне выговор за то, что я направил его не на ту ферму.

— Впредь будьте повнимательнее, Джеймс, — сказал он с грустной серьезностью. — Подобные промахи производят весьма неблагоприятное впечатление. Весьма.

Тут надо сказать, что в те дни меня заинтересовали регулярные визиты в дом женщин. Все они принадлежали к высшему обществу, по большей части были красивы, и их объединяла одна черта — страсть. Они заходили на бокал вина, на чашку чая, на обед, но было заметно, что больше всего они хотят взглянуть на Зигфрида, — так опаленные солнцем путники смотрят на оазис в пустыне.

Мое эго оскорблялось, когда их глаза равнодушно скользили по мне, не выказывая никакого интереса, но зато жадно впивались в моего коллегу. Я не ревновал, но был озадачен. Какое-то время я исподтишка изучал его, пытаюсь проникнуть в секрет его притягательности. Я вглядывался в поношенный пиджак, висевший на узких плечах, на обтрепанные воротнички, невнятный галстук, и мне пришлось прийти к заключению, что одежда тут ни при чем.

Было что-то привлекательное в узком, худом лице и смешливых синих глазах, но по большей части он был настолько хмур, а его щеки так вваливались, что мне казалось, что он заболел.

Я часто замечал в этой чередё Диану Бромптон, и в такие моменты мне хотелось нырнуть под диван. Ее нельзя было не счесть вульгарной красоткой, когда она поела глазами Зигфрида, жадно ловила его слова, хихикая, как школьница.

Я холодел от мысли, что Зигфрид может остановить на ней свой выбор и жениться. Меня это сильно беспокоило, поскольку я понимал, что в таком случае мне придется уехать, а я как раз начинал получать удовольствие от жизни в Дарроуби.

Но Зигфрид не выказывал никаких matrimониальных намерений ни в чей адрес, и я в итоге привык к этим ритуалам и перестал беспокоиться.

Я также привык к его умению менять мнение на противоположное. Помнится, было утро, когда Зигфрид спустился к завтраку, устало протирая покрасневшие глаза.

— Меня подняли с постели в четыре утра! — простонал он, вяло намазывая маслом ломтик поджаренного хлеба. — И хотя мне неприятно это говорить, Джеймс, но только по вашей вине.

— Как по моей? — повторил я растерянно.

— Да, мой дорогой, по вашей. Та самая корова с легкой тимпанией рубца. Фермер сам пользовал ее бог знает сколько времени. Сегодня пинта льняного масла, завтра сода с имбирем, а затем в четыре часа утра он решает, что настало время обратиться к ветеринару. Когда же я указал, что можно было бы спокойно подождать несколько часов, он заявил, что мистер Хэрриот велел ему звонить не стесняясь, — он, дескать, приедет в

любое время, днем или ночью. — Зигфрид постучал по крутому яйцу так, словно разбить скорлупу было ему не по силам. — Ну разумеется, добросовестность и усердие — прекрасные вещи, но если можно было тянуть несколько дней, так уж можно подождать до утра. Вы их балуете, Джеймс, а расхлебывать должен я. Мне надоело, что меня поднимают с постели по пустякам.

— Искренне сожалею, Зигфрид. Я же ничего подобного не хотел. Наверное, виной моя неопытность. Но если бы я не поехал на вызов, меня замучили бы опасения, что животное погибнет. А отложи я до утра, она сдохнет, — как бы я тогда себя чувствовал?

— Ну и пусть, — огрызнулся Зигфрид. — Дохлая скотина — лучшее средство образумить их. В следующий раз нас вызовут сразу, только и всего.

Я запомнил этот совет и попробовал ему следовать. Неделю спустя Зигфрид сказал, что ему надо серьезно со мной поговорить.

— Джеймс, я знаю, вы не обидитесь. Но старик Самнер сегодня жаловался мне, что вчера ночью позвонил вам, а вы отказались поехать к его корове. Вы знаете, он хороший клиент и отличный человек, но он был возмущен. А нам не хотелось бы его потерять, правда?

— Но ведь это же просто хронический мастит, — сказал я. — Молоко чуть хуже свертывается, только и всего. А он ее почти неделю пичкал каким-то шарлатанским снадобьем. Ела корова прекрасно, и я подумал, что можно без всяких опасений подождать до утра.

Зигфрид отечески положил мне руку на плечо, и лицо его приняло бесконечно терпеливое выражение. Я стиснул зубы. К его взрывам нетерпения я давно привык, и они меня несколько не раздражали, но сносить его терпеливую снисходительность было куда труднее.

— Джеймс, — сказал он мягким голосом, — в нашей профессии есть одно главное правило, перед которым все остальное отступает на задний план, и я скажу вам какое. Быть всегда наготове. Вам надо запечатлеть его в своей душе огненными буквами. — Он назидательно поднял палец. — Быть всегда наготове. Не забывайте этого, Джеймс, ни на секунду. Каковы бы ни были обстоятельства, в дождь и в жару, ночью и днем, если клиент вас вызывает, вы обязаны ехать к нему, и ехать охотно. Вот вы говорите, что причина не показалась вам срочной. Но ведь, в конце-то концов, вы полагались только на слова владельца, а он некомпетентен решать, насколько это срочный случай. Нет, дорогой мой, вы обязаны ехать. Пусть они сами пользовали животное, но ему могло вдруг стать хуже. И не забывайте, — он торжественно погрозил пальцем, — животное могло

сдохнуть!

— Но, по-моему, вы говорили, что дохлая скотина — лучшее средство их образумить? — съязвил я.

— Что-что? — спросил Зигфрид в полном изумлении. — Впервые слышу подобную чушь. Но довольно об этом. Просто впредь не забывайте: надо всегда быть наготове.

Иногда он учил меня жизни. Например, тогда, когда застал меня наклонившимся над телефонным аппаратом, который я только что разбил об пол. Я стоял, вперив взор в стену, и ругался про себя.

Зигфрид криво улыбнулся.

— Что случилось, Джеймс?

— Я только что провел десять минут в бурном разговоре с Ролсоном. Помните тот случай телячьей пневмонии? Я же провел столько часов с его телятами, поил их дорогими лекарствами. Не было ни одного случая падежа. А теперь ему не нравится счет, который мы ему выставили. Ни единого слова благодарности! Воистину, нет правды на земле.

Зигфрид подошел и положил руку мне на плечо. Он снова напустил на себя вид терпеливого человека.

— Дружище, — сказал он воркующе, — ну посмотрите на себя. Лицо красное, сам весь напряжен до предела. Вам следует попытаться расслабиться. Как вы думаете, почему по всей стране профессионалы оказываются на больничной койке со стенокардией или язвой желудка? Да просто потому, что они доводят себя переживаниями по поводу всякой чепухи, вот как вы сейчас. Да, да, я знаю, как все это раздражает, но вам нужно относиться к этому спокойнее. Спокойнее, Джеймс, спокойнее. Оно того не стоит, я имею в виду, что такое останется неизменным даже через сто лет.

Он прочел мне эту проповедь с безмятежной улыбкой, успокоительно похлопывая меня по плечу, как психиатр, успокаивающий буйного пациента.

Несколько дней спустя я сидел и писал этикетку для банки с вытяжным пластырем, когда Зигфрид влетел в комнату так, как будто им выстрелили из пушки. Похоже, он открыл дверь пинком ноги, потому что, отскочив от резинового упора, она чуть не ударила его по лицу. Он подбежал к столу, за которым я сидел, и начал колотить по нему ладонью. Его глаза дико горели, а лицо налилось краской.

— Я только что от этой чертовой свиньи — Холта! — заорал он.

— Вы имеете в виду Неда Холта?

— Да именно его, будь он проклят!

Я удивился. Мистер Холт был невысоким мужчиной, исполнявшим должность какого-то дорожного чиновника в управлении графством. В качестве побочного занятия он держал четырех коров, и никто ни разу не видел, как он оплачивает счета ветеринаров, но у него был веселый нрав, и Зигфрид годами помогал ему бесплатно, не высказывая никаких возражений.

— Это же ваш любимчик, не так ли? — сказал я.

— Был! О боже, был! — прорычал Зигфрид. — Я лечил его Мюриэл. Вы знаете, большая рыжая корова, стоит второй с конца в его коровнике. У нее случилось возвратное вздутие живота, — каждый вечер она приходила с раздутым пузом, и я перепробовал все, что можно. Ничего не помогало. И тогда мне пришло в голову, что у нее актинобациллез тонкого кишечника. Я впрыснул ей в вену йодистого натрия и сегодня осмотрел ее: разница была невероятной — она стояла в стойле, жуя свою жвачку, здоровая как бык. Я мысленно похлопал себя по спине за точный диагноз, но как вы думаете, что сказал Холт? Он сказал, что знает, почему ей лучше. Потому что вчера он дал ей с болтушкой из отрубей полфунта английской соли. Вот это ее и вылечило.

Зигфрид вытащил из карманов пустые упаковки и пузырьки от лекарств и злобным жестом бросил их в мусорную корзину. Он снова начал орать.

— Вы понимаете, за последние две недели я не переставал снова и снова думать об этой корове, она мне чуть ли не снилась. И теперь, когда я нашел причину неприятностей, применил самое современное лечение, животное выздоровело. И что? Владелец выражает свою благодарность ветеринару за его мастерство? Какого черта — все заслуги приписываются полуфунту английской соли. Оказывается, я тратил время впустую.

Он еще раз с силой ударил по столу.

— Но я напугал его, Джеймс, — сказал он, и глаза его загорелись. — Клянусь Богом, я напугал его. Когда он понес этот бред про соль, я заорал на него: «Ты — идиот!» — и хотел его схватить. Думаю, я задушил бы его, но он спрятался в доме и заперся. Больше я его не видел.

Зигфрид упал в кресло и взъерошил волосы.

— Английская соль, — зарычал он, — боже, какая безнадега.

Я подумал о том, чтобы напомнить ему, как он учил меня расслабляться и говорил, что такое не кончится и через сто лет, но у моего нанимателя в руке была бутылка из-под сыворотки, так что я оставил эту мысль.

Настал день, когда Зигфрид решил перебрать двигатель моей машины.

Она потребляла свой обычный литр масла в день, и ему не казалось, что это слишком много, но когда это количество удвоилось, он решил, что надо что-то делать. Возможно, свою роль сыграли слова одного фермера на ярмарке, сказавшего, что он всегда знает, когда к нему едет молодой ветеринар, потому что издали видит клубы дыма.

Когда маленький «остин» вернулся из гаража, Зигфрид засуетился вокруг него, как старая курица.

— Подойдите сюда, Джеймс, — позвал он меня, — мне надо с вами поговорить. Джеймс, — сказал он, расхаживая вокруг автомобиля и смахивая пылинки с краски, — вы видите эту машину?

Я кивнул.

— Видите ли, ее только что перебрали, Джеймс, и это стоило немалых денег, поэтому я и хочу переговорить с вами. То, что теперь вам принадлежит, равняется новой автомашине. — Он с усилием открыл замок, и капот заскрипел, а внутрь полетела ржавчина и грязь. Он показал пальцем на двигатель — весь в масле и черноте — с гирляндами непонятных шнуров и резиновых трубок вокруг. — Вам достался прекрасный механизм в образцовом состоянии, и я хочу, чтобы вы относились к нему с уважением. Я заметил, что вы любите гонять по дорогам как маньяк. Вы должны нянчиться с этой машиной тысячи три или даже пять тысяч километров. Пятьдесят километров в час — вполне пристойная скорость. Я считаю, что тот, кто перегружает новый двигатель, — преступник и его следует арестовать. Так что помни, старина, никаких гонок, или я задам тебе перцу.

Он осторожно закрыл капот, протер треснутое ветровое стекло рукавом своего пальто и ушел.

Эти строгие слова произвели на меня такое впечатление, что целый день я ездил по вызовам не быстрее пешехода.

В тот же вечер, когда я уже собирался спать, ко мне зашел Зигфрид. С ним были двое парней с фермы, и оба они глупо улыбались. Комнату заполнил густой запах пива.

Зигфрид говорил с достоинством, произнося слова до-статоч-но внятно.

— Джеймс, сегодня вечером я встретил этих джентльменов в «Черном Быке». Мы прекрасно скоротали время за домино, но, к сожалению, последний автобус до их фермы уже ушел. Ты не подгонишь сюда «остина», чтобы я отвез их домой?

Я поставил автомобиль перед домом, и парни залезли в него: один — вперед, другой — назад. Я посмотрел на Зигфрида, неуверенно садящегося за руль, и решил поехать с ними. Я сел на заднее сиденье.

Двое молодых людей жили на ферме в Нортмуре, поэтому, удалившись на пять километров от города, мы съехали с шоссе, и наши фары высветили полосу проселка, вилывшего между темными холмами.

Зигфрид спешил. Он не снимал ноги с педали газа, звук двигателя набрал невыносимую высоту, и автомобильчик с грохотом рассекал темноту. Крепко вцепившись в кресло, я наклонился, чтобы прокричать в ухо моему нанимателю:

— Помните, двигатель этого автомобиля только что перебрали.

Мне удалось перекричать шум.

Зигфрид обернулся и снисходительно улыбнулся.

— Да, да, я помню, Джеймс. Чего вы волнуетесь?

Пока он говорил, машина слетела с проселка, и мы понеслись по траве со скоростью девяносто километров в час. Мы болтались в кабине, как горошины в погремушке, до тех пор, пока машина не выбралась на ровную дорогу, и как ни в чем не бывало проследовали на той же скорости. Глупые улыбки исчезли с лиц парней, они неподвижно сидели на своих местах. Никто не разговаривал.

Пассажиров выгрузили на уснувшей ферме, и началось путешествие обратно. Поскольку теперь дорога пошла под гору, Зигфрид выяснил, что он может ехать еще быстрее. Машина подпрыгивала и стучалась на неровной дороге, а двигатель уже выл. Мы нанесли краткие, но решительные визиты паре местных торфяников и добрались домой.

Спустя месяц Зигфрид нашел повод сделать еще один выговор своему ассистенту.

— Джеймс, мальчик мой, — сказал он с горечью в голосе, — вы отличный парень, но боже правый, как же вы жестоки с автомобилем. Посмотрите на этот «остин». Его двигатель только что перебрали, он был как новый, и посмотрите на него теперь — он опять ест масло. Я не знаю, как вы умудрились добиться этого за такое короткое время. Вы несносны.

Как мы жили

— Кто первый, заходите, — сказал я, выглянув в приемную. Там сидели старая дама с кошкой в картонной коробке, два мальчика, пытавшихся удержать кролика, и кто-то еще, кого я не сразу узнал. Затем вспомнил — это был Соме.

Когда наступила его очередь, в кабинет вошел совершенно не тот человек, какого я знал. Он заискивающе улыбался. Его борода двигалась вверх и вниз, когда он говорил. Но самое интересное заключалось в его правом глазе: он распух, почти закрылся и был окружен огромным иссиня-черным пятном.

— Я надеюсь, что не помешал вам, мистер Хэрриот, — сказал он. — Дело в том, что я подал в отставку с прежней работы у его лордства и ищу новую. Я хотел бы попросить вас и мистера Фарнона сообщить мне, если вы услышите, что где-то есть место.

Сказать, что я был поражен его сообщением, значит, не сказать ничего. Я ответил, что мы сделаем все, что в наших силах. Соме пространно поблагодарил и откланялся.

Когда он ушел, я обратился к Зигфриду:

— Ну, и как нам быть с этим?

— Да, я все знаю, — Зигфрид посмотрел с кривой усмешкой. — Помните, я говорил вам, что у него были постоянные темные делишки в имении — то продаст пару мешков зерна, то пару центнеров удобрений. Все одно к одному. Но продолжалось это недолго, он зарвался и оказался на улице раньше, чем понял, что случилось.

— А что с его чудным черным глазом?

— А это он получил от Томми. Вы наверняка видели Томми, когда были в имении. Он тамошний конюх.

Моя память вернулась к событиям той неприятной ночи, и я вспомнил немногословного мужчину, который держал лошадь за голову.

— Я помню, он такой крупный, толстый мужчина.

— Да, парень он большой, и мне не хотелось бы получить от него в глаз. Соме превратил его жизнь в ад, и, когда Томми узнал о его увольнении, он навестил его, чтобы заплатить по долгам.

Моя жизнь у Фарнона теперь вошла в удобную и привычную колею. Поначалу я не понимал, как в наши дела впишется Тристан. Считался ли он у нас студентом-практикантом, проводил ли каникулы, работал или что? Но

вскоре стало ясно, что он работал в качестве доверенного помощника, который отпускал лекарства, мыл машины, отвечал на телефонные звонки, а в чрезвычайных случаях отправлялся по вызовам.

По крайней мере, так считал Зигфрид, в репертуаре которого было много разнообразных уловок, чтобы заставить Тристана постоянно работать. Он любил неожиданно возвращаться или врывать в комнату в надежде, что застанет брата без дела. Зигфриду даже не приходило в голову то обстоятельство, что каникулы уже закончились и Тристану давно пора возвращаться. В течение следующих месяцев я пришел к заключению, что Тристан, должно быть, так или иначе договорился с руководством колледжа о гибком расписании, поскольку для студента он слишком много времени проводил дома.

Сам он к своей роли относился иначе, чем его брат, и, живя в Дарроуби, огромную часть своего недюжинного интеллекта обращал на то, чтобы делать возможно меньше. По большей части Тристан просто спал в кресле. Когда мы уходили по вызовам, оставляя его готовить лекарства, он следовал одной неизменной процедуре: наполнял до половины двухсотграммовую бутылку водой, бросал в нее несколько граммов хлородина, немного ипекакуаны, затем затыкан ее пробкой и относил в гостиную к своему любимому креслу. Это было кресло, идеально подходившее для его целей, — старомодное, с высокой спинкой и валиками для головы.

Он доставал свою «Дейли миррор», закуривал сигарету и устраивался поудобнее, чтобы не мешать приходу сна. Если в дом врвался Зигфрид, Тристан хватал бутылку и начинал остервенело ее трясти, время от времени разглядывая содержимое. Затем он отправлялся в амбулаторию, доливал бутылку и клеил на нее этикетку.

Это была здоровая работающая система, но в ней имелся один недостаток. Он никогда не мог знать, кто вошел в дом: Зигфрид или кто-то другой, и часто случалось так, что я заставал его лежащим в кресле с полусонными глазами и старательно трясушим бутылку.

Большинство вечеров он проводил в «Гуртовщиках», сидя на высоком стуле в тамошнем баре и беззаботно болтая с барменшей. По другим случаям он отправлялся на прогулку с одной из молодых фельдшерниц местной больницы, которую он считал агентством по подбору ему женской компании. Как бы то ни было, он вел полноценную жизнь.

Была половина одиннадцатого субботнего вечера, и я заканчивал список вызовов, когда зазвонил телефон. Я чертыхнулся, скрестил пальцы на удачу и снял трубку.

— Здравствуйте, это Хэрриот.

— А, это вы, — прорычал в трубке голос с сильным йоркширским акцентом, — но мне нужен Фарнон.

— Извините, мистера Фарнона нет дома. Могу ли я чем-нибудь помочь?

— Может быть, и можете, хотя я предпочел бы вашего босса. Это Симз из Бил Клоуза.

(О, нет, пожалуйста, только не Бил Клоуз в субботу вечером. Неисчислимы километры по холмам и по ухабистому проселку.)

— Да, мистер Симз, что случилось?

— Я расскажу вам, в чем дело. У меня здесь есть великолепная казовая лошадь. Целых семнадцать ладоней в холке. Она сильно порезала заднюю ногу, сразу над коленом. Я хочу, чтобы вы немедленно зашили рану.

(Как славно! Над коленом! Что за милое место для зашивания раны у лошади. Если она не исключительно спокойная, операция обещает стать замечательным развлечением.)

— Как велика рана, мистер Симз?

— Да добрых сантиметров тридцать, и кровь хлещет как черт. А лошадь-то вертлявая как угорь. Может копытом выбить глаз мухе. Я никак не могу к ней подойти. Лезет на стенку, когда увидит кого. Кстати, пару дней назад я водил ее к ковалю, так мужик перепугался до смерти. Потрясающе хорошая лошадь.

(Черт побери тебя, мистер Симз, вместе с Бил Клоузом и «потрясающе хорошей лошадью»!)

— Я немедленно выезжаю. Попытайтесь найти нескольких помощников на тот случай, если придется заваливать ее.

— Завалить? Ее? Эту лошадь невозможно завалить. Сначала она убьет того, кто попытается. Да и нет у меня здесь никого, так что вам придется справляться самому. Я знаю, мистеру Фарнону не понадобилось бы много людей, чтобы помочь ей.

(Как мило! Это надо будет записать в дневник.)

— Очень хорошо, я выезжаю, мистер Симз.

— Да, совсем забыл. Дорогу ко мне размыло вчерашним наводнением. Последнюю пару километров надо будет пройти пешком. Так что выезжайте и не заставляйте меня ждать всю ночь.

(Ну, это уже чересчур!)

— Послушайте, мистер Симз, мне не нравится ваш тон. Я сказал, что выезжаю немедленно и доберусь до вас так быстро, как смогу.

— Ах, вам не нравится мой тон, да? А мне не нравятся молодые

студентки, когда они практикуются на моей замечательной скотине, и я не потерплю вашей наглости. Вы не разбираетесь в этом деле.

(Все, с меня хватит!)

— Послушайте меня, Симз. Если бы не лошадь, я бы вообще остался на месте. Что вы себе воображаете, а? Если вы еще попытаетесь разговаривать со мной так...

— Ну, ну, Джим, держи себя в руках. Спокойнее, старина. Пупок развяжется, если ты будешь продолжать в таком духе.

— Какого черта..?

— Ай, ай, Джим, успокойся! Ну и характер же у тебя. Тебе надо следить за собой.

— Тристан! Откуда, черт возьми, ты говоришь?

— Из будки рядом с «Гуртовщиками». Во мне два литра пива, и они озоруют. Вот я и решил позвонить тебе.

— Клянусь богом, я когда-нибудь убью тебя, если ты не прекратишь эти игры. У меня от них появляются седые волосы. Время от времени они терпимы, но за последнюю неделю это — уже третий случай.

— Но, согласись, он — самый лучший, Джим. Было просто здорово. Когда ты стал закипать по полной, я чуть не умер. Боже, слышал бы ты себя.

Он зашелся в безудержном смехе.

Я попытался предпринять слабую и негодную попытку отмщения человеку в телефонной будке.

— Это молодой Фарнон? — начал я, поддельваясь под гортанное кваканье йоркширцев, — с вами говорит Тилсон из Хайвуда. Я прошу вас приехать немедленно. У меня тяжелый случай...

— Извини, Джим, что случилось с твоими гландами? Впрочем, продолжай свою речь. Звучит очень интересно.

Но один раз трубку взять пришлось ему. Случилось это во вторник, когда мое дежурство пришлось на первую половину дня. В половине двенадцатого утра зазвонил телефон. Выпадение матки у коровы. Это очень тяжелая операция в нашей практике, и по спине у меня пробежал привычный холодок.

Это случается, когда корова после отела продолжает тужиться, пока не вывернет наружу всю матку, которая повисает чуть ли не до скакательного сустава. Это — огромный орган, и его необычайно трудно вправить на место, в основном потому, что, вытолкнув его, корова не хочет получить его обратно. А в соревновании между руками человека и мышцами коровы у последней шансов значительно больше.

Старые ветеринары, пытаясь хотя бы чуть-чуть уравнивать возможности, подвязывали корову за задние ноги и поднимали ее в воздух, а самые изобретательные из них применяли всевозможные изобретения типа маточных зажимов, чтобы втолкнуть орган в небольшой объем. Но следствием всегда была многочасовая упорная работа.

Появление эпидуральной анестезии все упростило, поскольку животное не чувствовало матки и не тужилось, но слова «выворот матки» по-прежнему гарантированно стирали улыбку с лица.

Я решил взять с собой Тристана на случай, если мне понадобятся несколько дополнительных килограммов силы. Он пошел со мной, но по поводу этой моей мысли проявил мало энтузиазма. Однако и эти остатки улетучились, когда он увидел пациентку — очень толстую шортгорнку, беззаботно лежащую на полу в своем стойле. Сзади нее находилась кровавая масса, состоящая из матки, последа, навоза и соломы.

Она не проявила ни малейшего намерения встать, но после наших долгих энергичных понуканий и толканий поднялась на ноги, сохраняя скучающий вид.

Через пласты жира было трудно найти эпидуральное пространство, и я не был уверен, что весь анестетик попал куда надо. Я убрал послед, почистил матку и положил ее на чистую простыню, которую держали фермер и его брат. Они были людьми хлипкими и могли только держать простыню. На большее с их стороны я рассчитывать не мог.

Я кивнул Тристану, мы сняли рубашки, ниже пояса обмотались чистой мешковиной и взялись за матку.

Она ужасно распухла, и нам понадобился целый час, чтобы поместить ее обратно. Но этому предшествовал долгий период времени, когда мы не могли добиться вообще никакого успеха, а вся идея засунуть огромный орган в небольшое отверстие казалась такой же смехотворной, как попытка продеть сосиску в игольное ушко. Затем несколько минут нам казалось, что мы наконец стали добиваться своего, но тут же обнаружилось, что мы пытаемся втолкнуть орган в дыру в простыне. (Зигфрид однажды рассказывал мне, как целое утро потратил на то, чтобы вставить матку в анус, хотя беспокоил его не сам этот факт, а то, что ему это почти удалось.) В итоге, когда надежды уже не оставалось, наступил блаженный момент: эта штука начала скользить внутрь и волшебным образом исчезла из виду.

Где-то на полдороге мы оба остановились передохнуть, стоя бок о бок и тяжело дыша. Щеки Тристана были разукрашены в тех местах, где его обрызгала задетая артерия. Я посмотрел ему в глаза и прочитал в них

глубокое отвращение ко всем этим делам.

Умываясь над ведром и ощущая боль во всем теле, я взглянул на Тристана. Он надевал рубашку через голову с таким видом, будто это отнимает у него последние силы. И только корова, с удовольствием набившая рот сеном, выглядела лучше всех.

Забравшись в машину, Тристан простонал:

— Нет, такие дела не для меня. Я чувствую себя так, будто по мне проехал асфальтовый каток. Черт, какой же оборот иногда принимает жизнь.

После обеда я поднялся из-за стола.

— Я сейчас отправляюсь в Бротон, Трисс, и думаю, мне надо предупредить тебя, что ту корову, возможно, тебе придется увидеть еще раз. Такие тяжелые случаи дают рецидивы, и есть шанс, что неприятность может повториться. В этом случае тебе придется действовать в одиночку, поскольку Зигфрида не будет еще несколько часов, а я собираюсь воспользоваться своим законным отдыхом, и ничто меня не остановит.

На этот раз чувство юмора изменило Тристану. Он сразу как-то даже постарел и выглядел изможденным.

— О боже, — простонал он, — даже не говори мне это. Я же обессилен, еще одна такая операция — и я умру. К тому же я остаюсь один! Говорю тебе, это убьет меня!

— Да ну, — сказал я голосом садиста, — не переживай так сильно. Может быть, все обойдется.

Но, когда через полтора десятка километров по дороге к Бротону я увидел телефонную будку, в голову мне пришла одна мысль. Я притормозил и вышел из машины. «А что, — подумал я, — один-то раз можно попробовать».

В будке я почувствовал прилив вдохновения. Набросив платок на трубку, я набрал телефон нашей приемной, а когда услышал Тристана, заорал во весь голос:

— Это тот молодой парень, что сегодня утром вправлял матку?

— Да, и я тоже, — в голосе Тристана звучало напряжение. — Что, что-то не так?

— Да, что-то не так, — закричал я, — она опять ее вытолкнула.

— Опять? Опять вытолкнула? Всю? — Он почти визжал.

— Да, и кровящи кругом вдвое больше, чем было утром, и она продолжает литься. Вам надо что-то с ней сделать.

Последовало долгое молчание, и я подумал, не упал ли он в обморок. Затем я услышал его снова, голос был хриплый, но решительный:

— Хорошо, я немедленно выезжаю. — Последовала очередная пауза, и затем он переспросил почти шепотом: — Она полностью выпала?

И тут я сломался. В его словах была такая тоска, что это сразило меня: он все еще надеялся, что фермер преувеличивает, что, возможно, торчит лишь маленький кусочек. Я начал смеяться. Я хотел бы подольше помучить свою жертву, но это было невозможно. Я смеялся все громче и снял платок с трубки, чтобы Тристан мог меня слышать.

Последовали несколько секунд бешеной брани с того конца провода. Я выслушал ее и повесил трубку. Возможно, мне больше никогда не удастся повторить этот опыт, но как сладка месть!

Беллерби, пришельцы из былых веков

— Мистера Хэрриота? Конечно, сейчас я его позову. — Зигфрид прикрыл телефонную трубку ладонью. — Джеймс! Вот еще одни предпочитают вас мне.

Я быстро взглянул на него. Но он улыбался. Он был доволен.

Беря трубку, я вспомнил все истории, которые слышал о другом типе нанимателей — о людях, которые не терпят, чтобы их сбрасывали с малюсеньких их пьедесталов. И еще я подумал о том, как за несколько недель изменилось отношение фермеров ко мне. Теперь они уже не смотрели мимо меня в надежде, что мистер Фарнон все-таки приехал. Они начинали принимать меня как своего, и мне хотелось думать, что не только законы гостеприимства заставляют их спрашивать, не хочу ли я «немножко перекусить».

Это многого стоило, потому что с ходом времени во мне росло и крепло уважение к обитателям йоркширских холмов, умение ценить дружбу, которую они предлагали далеко не всякому. И чем выше по склонам они жили, тем больше мне нравились. В долине, там, где она, расширяясь, превращалась в равнину, фермеры ничем не отличались от фермеров в других местах, но чем выше в холмах, тем интереснее оказывались люди, а в деревушках и одиноких фермах, разбросанных возле суровых вершин, особенно заметны были особые черты — простота и достоинство, упрямая независимость и радушие.

В это воскресное утро я отправился к Беллерби, почти к самой вершине Холдена, в небольшую, ответвляющуюся от нее долину. Моя машина подскакивала и тряслась последнюю миллю проселка, где через каждые несколько ярдов из земли высывались макушки валунов.

Я вылез. С этого места мне было хорошо видно это странной конфигурации подобие ущелья среди холмов. Его крутые склоны были изрезаны и разрыты тысячами ручейков, питавших буйный Холден-Бек, клубившийся по каменистому ложу далеко внизу. Там виднелись деревья, ухоженные поля, но сразу за моей спиной непокоренные холмы наступали на чашу, в которой лежала ферма. Холстен-Пайк, Алстанг, Бенрсайд — могучие великаны, носящие варварские имена, были совсем близко.

Тут, вверху, атрибуты цивилизации казались такими далекими! Коровник, конюшня, амбары были построены из массивных камней сотни лет назад с единственной целью — укрывать скотину. Тех былых

строителей не стесняли правила, требующие вентиляции и определенного освещения, так что коровник был сумрачным, и в каменных стенах окна почти отсутствовали. Пол был весь в буграх и рытвинах, а коров друг от друга отделяли полусгнившие перегородки. Я вошел, находя дорогу ощупью, пока мои глаза не свыклись с тусклым светом. Никого, кроме рыжей коровы с привязанной к хвосту запиской. Обычный способ общения с ветеринаром, а потому я приподнял хвост и прочел: «Мастит, задние четверти».

Я повернул корову, и принялся осматривать задние соски, и уже сдаивал синеватое, с хлопьями молоко, когда голос у дверей произнес:

— А, это вы, мистер Хэрриот! Вот хорошо, что вы с утра к нам приехали. Очень вы нас одолжить можете, если вам удобно будет.

Я поднял голову и увидел Рут Беллерби, красивую женщину лет под сорок. Она была движущей силой семьи, умная и любознательная. И горячая сторонница самообразования для обитателей йоркширских холмов.

— Буду рад помочь, если смогу, мисс Беллерби. Так в чем дело?

— Ну, мистер Хэрриот, вы ведь знаете, что сегодня в Дарроуби, в церкви, будут исполнять «Мессию», и нам очень хочется послушать. Но с пони и тележкой столько хлопот! Так если бы вы могли повезти нас на своей машине?! Назад мы кого-нибудь найдем. Вы бы нас так одолжили!

— Ну конечно, подвезу, — ответил я. — С большим удовольствием. Я и сам собираюсь там быть. Хорошую музыку в Дарроуби нечасто услышишь.

Было очень приятно оказать услугу этим чудесным людям. Беллерби меня всегда поражали. Они словно были пришельцами из былых веков, и мир их будто существовал над временем. Они никогда не торопились; поднимались, когда рассветало; ложились спать, когда уставали; ели, проголодавшись, и редко смотрели на часы.

Рут проводила меня в дом.

— Едут только мама с отцом да я. А Бобу, боюсь, неинтересно.

Я несколько растерялся, когда вошел в дом. Семья как раз садилась за воскресный обед, и все оставались в рабочей одежде. Я покосился на мои часы. Без четверти двенадцать, а начало в два. Ну, да ничего! Времени у меня в запасе, пожалуй, достаточно.

— Входите, входите, молодой человек! — сказал низенький мистер Беллерби. — Садитесь да пообедайте с нами.

Отказываться от таких приглашений, не нанеся обиды, было нелегким делом, но я объяснил, что к моему возвращению меня будет ждать обед и мне будет неудобно перед миссис Холл, если он останется не съеденным.

Этот довод они приняли сразу и расселись вокруг выскобленного кухонного стола. Миссис Беллерби поставила перед каждым по большому йоркширскому пудингу круглой формы и обильно полила их мясным соусом из эмалированного кувшина вместимостью в кварту. Утро у меня выдалось тяжелое, и восхитительный аромат, струившийся от соуса, растекающегося по золотистым пудингам, был сладкой пыткой. Но я утешался мыслью, что они поторопятся, раз я сижу тут и жду.

Пудинги были поглощены в благодушном молчании, затем Боб, симпатичный коренастый парень лет двадцати с небольшим, выдвинул свою пустую тарелку на середину стола. Он ничего не сказал, но его мать тут же вывалила на нее ещё один пудинг и не пожалела подливки. Родители и сестра благодушно взирали, как он уписывает плотную мучнистую массу. Затем из духовки появился огромный ростбиф, и мистер Беллерби резал его и кромсал, пока на всех тарелках не появилась горка толстых ломтей. Затем рядом выросли настоящие горы картофельного пюре, которое накладывалось из чего-то вроде таза для мытья посуды. Еще горки рубленой репы, и семья вновь принялась за дело. Солидно, не спеша, в достойном молчании. Боб подложил себе еще пюре.

Беллерби благодушествовали, чего о себе я сказать никак не мог. Меня грыз свирепый голод, а мои часы беспощадно отсчитывали уходящие минуты.

После благопристойной передышки миссис Беллерби направилась к старинной духовке в углу, открыла дверцу и извлекла огромную форму с исходящим паром яблочным пирогом. После чего нарезала его кусками в один квадратный фут для каждого и утопила куски в пинте заварного крема из другого внушительного эмалированного кувшина.

Семья приступила к десерту, будто только что села за стол, и вновь воцарилось деловитое молчание. Боб очистил свою тарелку с небрежной ловкостью и безмолвно выдвинул ее на середину стола. Его мать тут же водворила на нее еще один квадратный фут пирога, конечно, не пожалев и крема.

Времени остается в обрез, думал я, но уж теперь-то они завершат свою трапезу. Заметят, что надо поторопиться, и пойдут переоденутся. Однако, к моему ужасу, миссис Беллерби медленно направилась к очагу и поставила на него чайник, а ее супруг и Боб отодвинули стулья и вытянули ноги. На обоих были вельветовые штаны с незатянутыми поясами, а на ногах огромные, подбитые гвоздями сапоги. Боб, порывшись в карманах, извлек мятую пачку сигарет и развалился в блаженной летаргии. Мать поставила перед ним чашку с чаем, а мистер Беллерби достал складной ножик и начал

отрезать табак от плитки, чтобы набить трубку.

Когда они вновь придвинулись к столу и принялись за чай, я поймал себя на том, что демонстрирую все классические симптомы нервного перенапряжения: бешеный пульс, сведенные судорогой челюсти и начинающаяся головная боль.

После второй чашки чая появились некоторые признаки оживления. Мистер Беллерби со стоном поднялся на ноги, поскреб грудь под рубашкой и с хрустом потянулся.

— Ну, что же, молодой человек, мы помоемся, переоденемся, а Боб составит вам компанию, он с нами не едет.

В дальнем конце кухни над большой каменной мойкой некоторое время раздавались всплески и отфыркивания. После омовения они поднялись наверх. С огромным облегчением я обнаружил, что на переодевание они много времени не потратили. Мистер Беллерби очень скоро спустился к нам, преображенный шерстяным темно-синим костюмом с зеленоватым отливом. Почти следом спустились его супруга и дочь во всем блеске цветастых платьев из хлопчатобумажной ткани.

— Ну, что же, вот мы и готовы, а? — В моей веселой бодрости пряталась истерика. — Ну так в путь! Прошу вас, дамы!

Однако Рут не сдвинулась с места. Она натягивала белые перчатки и поглядывала на брата, вновь развалившегося на стуле.

— Знаешь, Боб, смотреть на тебя тошно! — вдруг взорвалась она. — Мы вот едем слушать чудную музыку, а ты валяешься тут, как свинья в навозе, и даже ухом не ведешь. Совсем не интересуешься культурой и о самообразовании думаешь не больше бычков на пастбище.

Боб тревожно заерзал под этим неожиданным нападением, но худшее ждало впереди. Рут топнула ногой.

— У меня просто кровь закипает, как погляжу на тебя. И ведь знаю: мы дверь закрыть не успеем, как ты захрапишь. Будешь хрюкать тут весь день, как боров. — Она обернулась к миссис Беллерби. — Мама! Вот что: я не оставлю его здесь храпеть! Он должен поехать с нами.

На лбу у меня выступил пот, и я забормотал:

— Не кажется ли вам... может быть... времени очень мало... начало в два... я не ел...

Но мои призывы пропали втуне. Рут закусил удила.

— А ну вставай, Боб! Вставай сию же минуту и переоденься!

Она плотно сжала губы и выставила упрямый подбородок.

Где было Бобу против нее! Хотя пищу он поглощал с поразительной энергией, но характером был, видимо, слабоват. Бурча себе под нос, он

поплелся к мойке. Стянул рубашку, а они сели и смотрели, как он намаывает торс большим куском мыла и обливает голову и плечи, качая ручку насоса у мойки.

Родители смотрели на него со счастливым видом, радуясь, что он поедет с ними, полные уверенности, что это к его же пользе. Рут следила, как он моется, с сиянием любви в глазах. И все время оглядывалась на меня, словно спрашивая: «Замечательно, правда?»

Я же еле-еле удерживался, чтобы не начать горстями рвать на себе волосы. Неодолимое желание вскочить, забегать по кухне, завизжать показывало, что я вот-вот сорвусь. Я закрыл глаза, борясь с этим чувством, и, видимо, держал их закрытыми долго, потому что, открыв их, увидел, что рядом со мной стоит Боб в точно таком же костюме, как у его отца.

Возвращение в Дарроуби почти не запечатлелось в моей памяти. Смутно помню только, что машина несется по каменистому проселку со скоростью сорок миль в час, а я выпученными глазами смотрю прямо перед собой, а Беллерби, еле уместившиеся на сиденье, но веселые и бодрые, получают от поездки большое удовольствие.

Даже невозмутимая миссис Холл поджала губы, когда я влетел в дом без десяти два и вылетел из него в два, на ходу дожевывая ее чудесное жаркое.

Я опоздал. Музыка уже звучала, когда я проскользнул в церковь, став мишенью негодующих взглядов. Уголком глаза я увидел, что Беллерби сидят рядком, чинно выпрямившись. По-моему, они тоже смотрели на меня негодуяще.

Мистер Дин теряет друга

Я снова заглянул в листок, на котором записал вызовы. «Дин, Томпсоновский двор, 3. Большая старая собака».

В Дарроуби было немало «дворов» — маленьких улочек, словно сошедших с иллюстраций в романах Диккенса. Одни отходили от рыночной площади, другие прятались за магистральями в старой части города. Они начинались с низкой арки, и я всякий раз удивлялся, когда, пройдя по тесному проходу, вдруг видел перед собой два неровных ряда поразительно разнообразных домиков, заглядывавших в окна друг другу через узкую полосу бульжной мостовой.

Перед некоторыми в палисадничках среди камней вились настурции и торчали ноготки, но дальше ютились обветшалые лачуги, и у двух-трех окна были забиты досками.

Номер третий находился как раз в дальнем конце, и казалось, что он долго не простоит. Хлопья облезающей краски на прогнивших филенках затрепетали, когда я постучал в дверь, а кирпичная стена над ней опасно вспучивалась по сторонам длинной трещины.

Мне открыл щуплый старичок. Волосы у него совсем побелели, но глаза на худом морщинистом лице смотрели живо и бодро. Одет он был в шерстяную штопаную-перештопанную фуфайку, заплатанные брюки и домашние туфли.

— Я пришел посмотреть вашу собаку, — сказал я, и старичок облегченно улыбнулся.

— Очень вам рад, сэ.р. Что-то у меня на сердце из-за него беспокойно. Входите, входите, пожалуйста.

Он провел меня в крохотную комнатушку.

— Я теперь один живу, сэ.р. Хозяйка моя вот уже больше года как скончалась. А до чего она нашего пса любила!

Все вокруг свидетельствовало о безысходной нищете — потертый линолеум, холодный очаг, душный запах сырости. Волглые обои висели лохмотьями, а на столе стоял скудный обед старика: ломтик грудинки, немного жареной картошки и чашка чаю. Жизнь на пенсию по старости.

В углу на одеяле лежал мой пациент, лабрадорский ретривер, хотя и не чистопородный. В расцвете сил он, несомненно, был крупным, могучим псом, но седая шерсть на морде и белесая муть в глубине глаз говорили о беспощадном наступлении дряхлости. Он лежал тихо и поглядел на меня

без всякой враждебности.

— Возраст у него почтенный, а, мистер Дин?

— Вот-вот. Без малого четырнадцать лет, но еще месяц назад бегал и резвился, что твой щенок. Старый Боб, он для своего возраста замечательная собака и в жизни ни на кого не набросился. А уж дети что хотят с ним делают. Теперь он у меня только один и остался. Ну да вы его подлечите, и он опять будет молодцом.

— Он перестал есть, мистер Дин?

— Совсем перестал, а ведь всегда любил поесть, право слово. За обедом там или за ужином сядет возле меня, а голову положит мне на колени. Только вот последние дни перестал.

Я смотрел на пса с нарастающей тревогой. Живот у него сильно вздулся, и легко было заметить роковые симптомы неутрахающей боли: перебои в дыхании, втянутые уголки губ, испуганный неподвижный взгляд.

Когда его хозяин заговорил, он два раза шлепнул хвостом по одеялу и на мгновение в белесых старых глазах появилось выражение интереса, но тут же угасло, вновь сменившись пустым, обращенным внутрь взглядом.

Я осторожно провел рукой по его животу. Ярко выраженный асцит, и жидкости скопилось столько, что давление, несомненно, было мучительным.

— Ну-ка, ну-ка, старина, — сказал я, — попробуем тебя перевернуть.

Пес без сопротивления позволил мне перевернуть его на другой бок, но в последнюю минуту жалобно взвизгнул и поглядел на меня. Установить причину его состояния, к несчастью, было совсем не трудно. Я бережно ощупал его бок. Под тонким слоем мышц мои пальцы ощутили бороздчатое затвердение. Несомненная карцинома селезенки или печени, огромная и абсолютно неоперабельная. Я поглаживал старого пса по голове, пытаюсь собраться с мыслями. Мне предстояли нелегкие минуты.

— Он долго будет болеть? — спросил старик, и при звуке любимого голоса хвост снова дважды шлепнул по одеялу. — Знаете, когда я хлопочу по дому, как-то тоскливо, что Боб больше не ходит за мной по пятам.

— К сожалению, мистер Дин, его состояние очень серьезно. Видите вздутие? Это опухоль.

— Вы думаете... рак? — тихо спросил старичок.

— Боюсь, что да, и уже поздно что-нибудь делать. Я был бы рад помочь ему, но это неизлечимо.

Старичок растерянно посмотрел на меня, и его губы задрожали.

— Значит... он умрет?

У меня сжалось горло.

— Но ведь мы не можем оставить его умирать, правда? Он и сейчас страдает, а вскоре ему станет гораздо хуже. Наверное, вы согласитесь, что будет лучше, если мы его усыпим. Все-таки он прожил долгую хорошую жизнь... — В таких случаях я всегда старался говорить деловито, но сейчас избитые фразы звучали неуместно.

Старичок ничего не ответил, потом сказал: «Погодите немножко», — и медленно, с трудом опустился на колени рядом с собакой. Он молчал и только гладил старую седую морду, а хвост шлепал и шлепал по одеялу.

Я еще долго стоял в этой безрадостной комнате, глядя на выцветшие фотографии по стенам, на ветхие грязные занавески, на кресло с продавленным сиденьем.

Наконец старичок поднялся на ноги и несколько раз сглотнул. Не глядя на меня, он сказал хрипло:

— Ну хорошо. Вы сейчас это сделаете?

Я наполнил шприц и сказал то, что говорил всегда:

— Не тревожьтесь, это совершенно безболезненно. Большая доза снотворного, только и всего. Он ничего не почувствует.

Пес не пошевелился, пока я вводил иглу, а когда нембутал вошел в вену, испуг исчез из его глаз и все тело расслабилось. К тому времени, когда я закончил инъекцию, он перестал дышать.

— Уже? — прошептал старичок.

— Да, — сказал я. — Он больше не страдает.

Старичок стоял неподвижно, только его пальцы сжимались и разжимались. Когда он повернулся ко мне, его глаза блестели.

— Да, верно, нельзя было, чтобы он мучился, и я благодарен вам за то, что вы сделали. А теперь — сколько я должен вам за ваш визит, сэр?

— Ну что вы, мистер Дин, — торопливо сказал я. — Вы мне ничего не должны. Я просто проезжал мимо... и даже лишнего времени не потратил...

— Но вы же не можете трудиться бесплатно, — удивленно возразил старичок.

— Пожалуйста, больше не говорите об этом, мистер Дин. Я ведь объяснил вам, что просто проезжал мимо вашего дома...

Я попрощался, вышел и по узкому проходу зашагал к улице. Там сияло солнце, сновали люди, но я видел только нищую комнатуху, старика и его мертвую собаку.

Я уже открывал дверцу машины, когда меня окликнули. Ко мне, шаркая домашними туфлями, подходил старичок. По щекам у него тянулись влажные полоски, но он улыбался. В руке он держал что-то маленькое и коричневое.

— Вы были очень добры, сэр. И я кое-что вам принес.

Он протянул руку, и я увидел, что его пальцы сжимают замусоленную, но бережно хранившуюся реликвию какого-то давнего счастливого дня.

— Берите, это вам, — сказал старичок. — Выкурите сигару!

Тристан — бухгалтер

События показали, что идея Зигфрида поручить бухгалтерию брату была неудачной, поскольку жизнь в Скелдейл-хаусе шла мирно, и мне это нравилось.

В течение без малого двух недель не было слышно ни одного сердитого слова, ни разу не повышался голос, за исключением случая, когда Зигфрид увидел, как его брат едет по коридору на велосипеде. Тристан посчитал его гнев и крики необоснованными: ему поручили накрыть на стол, а, поскольку от кухни до столовой было достаточно далеко, ему показалось вполне естественным ввести в игру велосипед.

Наступила осень, воздух стал свежеть, и вечерами отблески горевших в камине бревен падали на стены и высокий резной потолок большой комнаты. Нам всегда нравилось это время, когда работа, запланированная на день, была выполнена и мы втроем устраивались в потертых креслах, протягивая ноги к огню.

Тристан решал кроссворд из «Дейли телеграф», что он делал каждый вечер. Зигфрид читал, а я дремал. Я с трудом воспринимал кроссворды, Зигфрид мог подсказать вариант после минутного раздумья, а Тристан решал весь кроссворд, пока я думал над первым словом.

Ковра на полу не было видно, поскольку его закрывали лежащие на нем собаки — все пять; они лежали друг на друге, шумно дыша и добавляя колорита в атмосферу всеобщего единения и удовлетворения.

Мне показалось, что в комнату влетел порыв холодного ветра, когда заговорил Зигфрид.

— Завтра базарный день, и наступает срок оплаты счетов. Здесь будет очередь из желающих отдать нам свои деньги, так что я прошу тебя, Тристан, посвятить весь день их приему. Джеймс и я будем заняты, так что тебе придется справляться самому. Тебе нужно только принимать у них чеки, выдавать расписки и вносить их имена в регистрационную книгу. Как ты думаешь, ты сможешь справиться с этим без того, чтобы запороть дело?

Я поморщился. Это была первая режущая слух нота, и она царапнула меня где-то внутри.

— Я думаю, что вполне смогу справиться с этим, — надменно сказал Тристан.

— Хорошо. Тогда идем спать.

Однако на следующий день было очень заметно, что порученные

задачи пришлись Тристану впору. Он расположился за столом, пачками принимал чеки и все время говорил. Однако это была не пустая болтовня, к каждому посетителю у него был индивидуальный подход.

С последовательным методистом он говорил о погоде, ценах на скот и деятельности местных властей. Для развязного типа в кепке набекрень, наполнившего комнату ароматами пива, выпитого на ярмарке, у него была припасена своя история. Но наибольших высот он достигал в разговорах с дамами. Они сразу были очарованы его невинным мальчишеским лицом, и, когда он включал свое очарование на полную мощность, их капитуляция была полной.

Я был потрясен хихиканьем, которое доносилось из-за закрытой двери. Я был рад, что у парня получается. На этот раз все шло хорошо.

За обедом Тристан был весьма доволен собой, а когда мы сели пить чай, он уже торжествовал. Зигфрид тоже был доволен дневными поступлениями, о которых брат его проинформировал, показывая колонку аккуратно выписанных цифр с естественным «итога» внизу. «Благодарю тебя, Тристан, ты — молодец». Все было замечательно.

В конце дня я вышел во двор, чтобы выбросить в мусор пустые бутылки из багажника. День был нелегким, и у меня скопилось необычно много пустой тары.

И тут из сада ко мне подбежал запыхавшийся Тристан.

— Джим, я потерял регистрационную книгу.

— Опять морочишь мне голову своими шуточками, — сказал я. — Почему бы тебе не передохнуть от постоянной демонстрации своего чувства юмора?

Я засмеялся и разбил бутылку из-под линимента об остальные.

Он подергал меня за рукав.

— Я не шучу, Джим, поверь мне. Я действительно потерял эту чертову книгу.

На этот раз хладнокровие оставило Тристана. Его глаза были широко раскрыты, а лицо — бледно.

— Да куда она может деться, — сказал я. — Обязательно найдется.

— Она не найдется никогда! — Тристан, ломая руки, стал мерить двор шагами. — Ты знаешь, я два часа истратил на ее поиски. Я перерыл весь дом. Она исчезла, говорю тебе.

— Ну и что, оно и неважно. Ты ведь переписал все имена в главную книгу.

— В том-то и дело, что нет. Я собирался заняться этим сегодня вечером.

— Иными словами, все те фермеры, которые заплатили нам сегодня, получают в следующем месяце те же счета еще раз?

— Типа того. Я не помню их имен, за исключением двух или трех.

Я сел на край каменной поилки.

— Тогда пусть поможет тебе Бог. Эти йоркширские молодцы не любят расставаться со своими медяками и в первый раз, но если ты попросишь их сделать это снова — берегись.

И тут мне в голову пришла еще одна мысль, и я с оттенком жестокости спросил:

— А как насчет Зигфрида? Ты уже сказал ему?

Лицо Тристана исказила гримаса.

— Нет, его не было дома, он только что пришел. Пойду скажу ему.

Он распрямил плечи и ушел со двора.

Я решил не идти за ним в дом. Я не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы пережить сцену, которая должна была разыграться. Вместо этого я ушел в дальнюю аллею, которая мимо дома вывела меня на ярмарочную площадь, где в сумерках был отчетливо виден освещенный вход в «Гуртовщиков».

Я сидел за пивом, когда там появился Тристан, который выглядел так, как будто из него выпустили пару литров крови.

— Ну и как? — спросил я.

— Да как обычно. Может быть, на этот раз чуть хуже. Но вот что я скажу тебе, Джим. Я не хотел бы, чтобы этот месяц кончился.

Регистрационная книга так и не нашлась, и месяцем позже все счета были выписаны снова на день открытия ярмарки.

В приемной в тот день было тихо, а мои вызовы я обошел еще до полудня. Я не зашел в дом, поскольку через окно приемной видел, как вдоль стен сидят фермеры: у каждого на лице читались одинаковая обида и желание отстоять свои права.

Я прокрался на ярмарочную площадь. Когда у меня было свободное время, я с удовольствием бродил меж прилавков, которые стояли по периметру древней площади. Тут продавались фрукты, рыба, подержанные вещи и одежда, торговали букинисты, короче, здесь было почти все, но прилавков с фарфором мне нравился больше всех. Его держал интеллигент-еврей из Лидса — толстый, потный, уверенный. У него было гипнотическое умение продавать. Я никогда не уставал наблюдать за ним. Он очаровывал меня. В тот день он был в своей лучшей форме, стоя в небольшом проходе между двумя горами посуды, а жены фермеров слушали его, открыв рты.

— Я не очень красив, — говорил он. — Я не очень умен, но, боже, как я умею говорить. Я могу кого угодно заговорить до смерти. Вот посмотрите-ка сюда. — Он поднял в воздух дешевую чашку и держал ее, нежно обхватив ручку между большим и указательным пальцем, изысканно оттопырив мизинец. — Красиво, не правда ли? Разве она не мила? — Затем он так же нежно поставил ее на ладонь и продемонстрировал присутствующим. — А теперь, дамы, я скажу вам, что вы можете купить такой же чайный сервиз у Коннери в Брэдфорде за три фунта пятнадцать шиллингов. Я не шучу и никого не дурачу, он там продается по этой цене. А какова моя цена, дамы? —

И тут он выудил старую трость с разбитой рукояткой. — Спрашиваете, какова моя цена за этот прекрасный чайный сервиз? — Он взял трость за нижний конец и ударил ручкой по пустой картонке из-под сервиза. — Даже не три фунта пятнадцать шиллингов. — Удар! — И не три. — Снова удар! — И не два. — Удар! — И не тридцать шиллингов! — Удар! — Ну же, ну же, кто даст мне фунт? — Ни единая душа не шелохнулась. — Ладно, ладно, вижу, что я сегодня найду покупателя. Хорошо, пусть будет семнадцать шиллингов и шесть пенсов за все.

Финальный сокрушительный удар — и дамы стали махать ему руками и раскрывать свои сумочки. Невысокий торговец вышел из глубины стойки и начал раздавать сервизы. Ритуал был соблюден, и все были счастливы.

Я стоял и ждал следующего номера этого виртуоза, когда увидел дюжую фигуру в клетчатой кепке, живо машущую мне рукой из толпы. Другую руку он спрятан за пазухой, и я знал, чего он хочет. Я не колебался ни секунды, а прокрался за лотками с корытами для свиней и провололочной сеткой, пройдя всего в нескольких метрах от другого фермера, который размахивал конвертом.

Я оказался в ловушке, но увидел путь к отступлению. Я быстро обогнул прилавок с дешевыми ювелирными изделиями и нырнул в дверь «Гуртовщиков». Минуя бар, где было полно фермеров, я проскользнул в контору управляющего. Здесь я был в безопасности, это единственное место, где меня принимали с радостью.

Управляющий посмотрел на меня из-за стола и не улыбнулся.

— Послушайте, — сказал он резко, — какое-то время назад я приносил вам на обследование мою собаку и в положенный срок получил счет. — Я мысленно согнулся в поклоне. — Я оплатил его в тот же день и был несказанно удивлен, когда сегодня утром обнаружил, что мне этот же счет доставлен еще раз. У меня есть расписка, подписанная...

Я больше не мог этого терпеть.

— Мне очень жаль, мистер Брук, но произошла ошибка. Я все исправлю. Пожалуйста, примите наши извинения.

Это стало привычным рефреном на ближайшие несколько дней, но тяжелее всего пришлось Зигфриду. Это случилось в его любимом пабе «Черный лебедь». Его там нашел Билли Брекенридж, дружелюбный, веселый тип из местных знаменитостей Дарроуби.

— Эй, помните, я заплатил вам за операцию три шиллинга и шесть пенсов? Я получил еще один счет за нее.

Зигфрид извинился, тщательно подбирая слова, поставил клиенту выпивку, и они расстались друзьями.

Беда была в том, что Зигфрид, который вообще редко что-нибудь помнит, забыл об этом. Месяц спустя в том же «Лебеде» он вновь наткнулся на Билли Брекенриджа. На этот раз Билли не был расположен к шуткам.

— Эй, помните тот счет, что вы присылали мне дважды? Он опять пришел.

Зигфрид делал все, что в его силах, но его попытки обаять человека были тщетны. Брекенридж был оскорблен.

— Так, я вижу, вы не верите, что я оплатил этот счет. У меня была расписка от вашего брата, но я ее потерял. — Он отмахнулся от протестов Зигфрида. — Нет, нет, есть только один способ уладить дело. Я говорю, что заплатил три шиллинга и шесть пенсов, а вы говорите, что нет. Хорошо, давайте сыграем в орлянку.

Зигфрид жалобно возражал, но Билли был непреклонен. Он вытащил пенс и положил на большой палец.

— О'кей, выбирайте.

— Орел, — пробормотал Зигфрид, орел и выпал.

Маленький человек не изменился в лице. С тем же

достоинством он вручил Зигфриду три шиллинга и шесть пенсов.

— Давайте же считать инцидент исчерпанным.

Он вышел из бара.

Теперь у нас целая коллекция неприятных воспоминаний, но Зигфрид все же был исполнен преизрядного вдохновения. Каким-то образом он опять забыл зарегистрировать операцию, и в конце месяца Билли Брекенридж получил четвертый счет за работу, которую он уже оплатил дважды. Тогда-то Зигфрид и перестал ходить в свой паб и перешел в «Кросс Ки».

Зимняя прелесть китайских мопсов

На смену осени шла зима, на высокие вершины полосами лег первый снег, и теперь неудобства практики в йоркширских холмах давали о себе знать все сильнее.

Часы за рулем, когда замерзшие ноги немели и переставали слушаться, сараи, куда надо было взбираться навстречу резкому ветру, гнувшему и рвавшему жесткую траву. Бесконечные раздевания в коровниках и хлевах, где гуляли сквозняки, ледяная вода в ведре, кусочек хозяйственного мыла, чтобы мыть руки и грудь, и частенько мешковина вместо полотенца.

Вот теперь я по-настоящему понял, что такое цыпки: когда работы было много, руки у меня все время оставались влажными, и мелкие красные трещинки добирались почти до локтей.

В такое время вызов к какому-нибудь домашнему любимцу был равносильен блаженной передышке. Забыть хоть ненадолго все эти зимние досады, войти вместо хлева в теплую элегантную гостиную и приступить к осмотру четвероногого, заметно менее внушительного, чем жеребец или племенной бык! А из всех этих уютных гостиных самой уютной была, пожалуй, гостиная миссис Памфри.

Миссис Памфри, пожилая вдова, унаследовала солидное состояние своего покойного мужа, пивного барона, чьи пивоварни и пивные были разбросаны по всему Йоркширу, а также прекрасный особняк на окраине Дарроуби. Там она жила в окружении большого штата слуг, садовника, шофера — и Трики-Ву. Трики-Ву был китайским мопсом и зеницей ока своей хозяйки.

Стоя теперь у величественных дверей, я украдкой обтирал носки ботинок о манжеты брюк и дул на замерзшие пальцы, а перед моими глазами проплывали картины глубокого кресла у пылающего камина, подноса с чайными сухариками, бутылки превосходного хереса. Из-за этого хереса я всегда старался наносить свои визиты ровно за полчаса до ланча.

Мне открыла горничная, озарила улыбкой, как почетного гостя, и провела в комнату, заставленную дорогой мебелью. Повсюду, сверкая глянцевыми обложками, лежали иллюстрированные журналы и модные романы. Миссис Памфри в кресле с высокой спинкой у камина положила книгу и радостно позвала:

— Трики! Трики! Пришел твой дядя Хэрриот!

Я превратился в дядю в самом начале нашего знакомства и,

почувствовав, какие перспективы сулит такое родство, не стал протестовать.

Трики, как всегда, соскочил со своей подушки, вспрыгнул на спинку дивана и положил лапки мне на плечо. Затем он принялся старательно вылизывать мое лицо, пока не утомился. А утомлялся он быстро, потому что получал, грубо говоря, вдвое больше еды, чем требуется собаке его размеров. Причем еды очень вредной.

— Ах, мистер Хэрриот, как я рада, что вы приехали, — сказала миссис Памфри, с тревогой поглядывая на своего любимца. — Трики опять плюх-попает.

Этот термин, которого нет ни в одном ветеринарном справочнике, она сочинила, описывая симптомы закупорки околоанальных желез. В подобных случаях Трики показывал, что ему не по себе, внезапно садясь на землю во время прогулки, и его хозяйка в великом волнении мчалась к телефону: «Мистер Хэрриот, приезжайте скорее, он плюх-попает!»

Я положил собачку на стол и, придавливая ваткой, очистил железы.

Я не мог понять, почему Трики всегда встречал меня с таким восторгом. Собака, способная питать теплые чувства к человеку, который при каждой встрече хватает ее и безжалостно давит ей под хвостом, должна обладать удивительной незлобивостью. Как бы то ни было, Трики никогда не сердился и вообще был на редкость приветливым песиком, да к тому же большим умницей, так что я искренне к нему привязался и ничего не имел против того, чтобы считаться его личным врачом.

Закончив операцию, я снял своего пациента со стола. Он заметно потяжелел, и ребра его обросли новым слоем жирка.

— Миссис Памфри, вы опять его перекармливаете. Разве я не рекомендовал, чтобы вы давали ему побольше белковой пищи и перестали пичкать кексами и кремовыми пирожными?

— Да-да, мистер Хэрриот, — жалобно согласилась миссис Памфри. — Но что мне делать? Ему так надоели цыплята!

Я безнадежно пожал плечами и последовал за горничной в роскошную ванную, где всегда совершал ритуальное омовение рук после операции. Это была огромная комната с раковиной из зеленовато-голубого фаянса, полностью оснащенной туалетным столиком и рядами стеклянных полок, уставленных всевозможными флакончиками и баночками. Специальное гостевое полотенце уже ждало меня рядом с куском дорогого мыла.

Вернувшись в гостиную, я сел у камина с полной рюмкой хереса и приготовился слушать миссис Памфри. Беседой это назвать было нельзя, потому что говорила она одна, но я всегда узнавал что-нибудь интересное.

Миссис Памфри была приятной женщиной, не скупилась на благотворительные пожертвования и никогда не отказывала в помощи тем, кто в этой помощи нуждался. Она была неглупа, остроумна и обладала сдобным обаянием, но у всех людей есть свои слабости, и ее слабостью был Трики-Ву. Истории, которые она рассказывала о своем драгоценном песике, широко черпались в царстве фантазии, а потому я с удовольствием ожидал очередного выпуска.

— Ах, мистер Хэрриот, у меня для вас восхитительная новость! Трики завел друга по переписке! Да-да, он написал письмо редактору собачьего журнала с приложением чека и сообщил ему, что он, хотя и происходит от древнего рода китайских императоров, решил забыть о своей знатности и готов дружески общаться с простыми собаками. И он попросил редактора подобрать среди известных ему собак друга для переписки, чтобы они могли обмениваться письмами для взаимной пользы. Трики написал, что для этой цели он берет себе псевдоним «мистер Чепушист». И знаете, он получил от редактора очаровательный ответ (я без труда представил себе, как практичный человек уцепился за этот потенциальный клад!) и обещание познакомить его с Бонзо Фотерингемом, одиноким немецким догом, который счастлив будет переписываться с новым другом в Йоркшире.

Я прихлебывал херес. Трики похрапывал у меня на коленях. А миссис Памфри продолжала:

— Но у меня такое разочарование с новым летним павильоном! Вы ведь знаете, я строила его специально для Трики, чтобы мы смогли вместе сидеть там в жаркие дни. Это прелестная сельская беседка, но он чрезвычайно ее невзлюбил. Просто питает к ней отвращение и наотрез отказывается войти в нее. Видели бы вы ужасное выражение его мордашки, когда он смотрит на нее. И знаете, как он вчера ее назвал? Мне просто неловко это вам повторить! — Миссис Памфри оглянулась по сторонам, потом наклонилась ко мне и прошептала: — Он назвал ее «навозной дырой»!

Горничная помешала в камине и наполнила мою рюмку. Ветер швырнул в окно вихрь ледяной крупы. «Вот это настоящая жизнь», — подумал я и приготовился слушать дальше.

— И я же не сказала вам, мистер Хэрриот! Трики вчера снова выиграл на скачках. Право же, он втихомолку изучает все сообщения о скаковых лошадях! Иначе как бы он мог так верно судить, в какой они форме? Ну вот, он посоветовал мне вчера поставить в Редкаре на Хитрого Парня в третьем заезде, и, как обычно, эта лошадь пришла первой. Он поставил

шиллинг и получил девять!

Ставки эти всегда делались от имени Трики-Ву, и я с сочувствием представил себе, каково приходится местным букмекерам, задерганным, вечно меняющимся. В конце какого-нибудь проулка появлялся плакат, призывающий аборигенов довериться Джо Даунсу и не тревожиться за свои денежки. Несколько месяцев затем Джо балансировал на лезвии ножа, меряясь смекалкой с умудренными опытом горожанами. Однако конец всегда бывал один: несколько фаворитов приходили первыми один за другим, и Джо исчезал во тьме ночной, забрав с собой плакат. Как-то я заговорил с одним из старожилков об исчезновении очередного из этих злополучных кочевников. Он ответил с полным равнодушием:

— Так мы же его обчистили.

Безусловно, необходимость выплачивать звонкие шиллинги собаке была тяжким крестом для этих несчастных.

— Я так испугалась на прошлой неделе! — продолжала миссис Памфри. — И уже думала вызвать вас. Бедняжка Трики вдруг оприпадился.

Мысленно я добавил этот новый собачий недуг к плюх-попанью и попросил объяснения.

— Это было ужасно. Я так испугалась! Садовник бросал Трики колечки. Вы ведь знаете, он бросает их по полчаса каждый день.

Я действительно несколько раз наблюдал эту сцену. Ходжкин, угрюмый сгорбленный старик-йоркширец, который, судя по его виду, ненавидел всех собак, а Трики особенно, должен был каждый день стоять на лужайке и бросать небольшие резиновые кольца. Трики кидался за ними, приносил назад и бешено лаял, пока кольцо снова не взлетало в воздух. Игра продолжалась, и суровые морщины на лице старика становились все глубже, а губы не переставая шевелились, хотя расслышать то, что он бормотал, было невозможно.

— А Трики бегал за кольцами, — говорила миссис Памфри, — ведь он обожает эту игру, как вдруг без всякой причины он оприпадился. Забыл про кольца, стал кружить, твякать и лаять самым странным образом, а потом упал на бочок и вытянулся как мертвый. Вы знаете, мистер Хэрриот, я, право, подумала, что он умер, — так неподвижно он лежал. Но меня особенно расстроило, что Ходжкин вдруг принялся смеяться! Он работает у меня уже двадцать четыре года, и я ни разу не видела, чтобы он хоть раз улыбнулся, и тем не менее едва он взглянул на это бедное неподвижное тельце, как разразился пронзительным хихиканьем. Это было ужасно! Я уже собралась бежать к телефону, но тут Трики вдруг встал и ушел. И выглядел совсем таким, как всегда.

Истерика, подумал я. Следствие перекармливания и перевозбуждения. Поставив рюмку, я строго посмотрел на миссис Памфри.

— Послушайте, ведь об этом я вас и предупреждал. Если вы по-прежнему будете пичкать Трики вреднейшими лакомствами, вы погубите его здоровье. Вы просто обязаны посадить его на разумную собачью диету и кормить его раз, от силы два в день, ограничиваясь очень небольшими порциями мяса с черным хлебом. Или немножко сухариков. А в промежутках — решительно ничего.

Миссис Памфри виновато съежилась в кресле.

— Пожалуйста, пожалуйста, не браните меня. Я пытаюсь кормить его как полагается, но это так трудно! Когда он просит чего-нибудь вкусненького, у меня нет сил ему отказать! — Она прижала к глазам носовой платок, но я был неумолим.

— Что же, миссис Памфри, дело ваше, но предупреждаю вас: если вы и дальше будете продолжать в этом же духе, Трики будет оприпадываться все чаще и чаще.

Я с неохотой покинул уютную гостиную и на усыпанной песком подъездной аллее оглянулся. Миссис Памфри махала мне, а Трики по обыкновению стоял на подоконнике, и его широкий рот был растянут так, словно он от души смеялся.

По дороге домой я размышлял о том, как приятно быть дядей Трики. Отправляясь отдыхать на море, он присылал мне ящики копченых сельдей, а когда в его теплицах созревали помидоры, каждую неделю преподносил мне фунт-другой. Жестянки табака прибывали регулярно, порой с фотографией, снабженной нежной подписью.

Когда же на Рождество мне доставили огромную корзину всяких деликатесов от «Фортнема и Мейсона», я решил, что просто обязан слегка удобрить почву, приносящую столь великолепные плоды. До тех пор я ограничивался тем, что звонил миссис Памфри и благодарил ее за подарки, а она довольно холодно отвечала, что она тут ни при чем: все это посылает мне Трики, его и нужно благодарить.

Заглянув в рождественскую корзину, я внезапно осознал, какую серьезную тактическую ошибку совершал, и тут же принялся сочинять письмо Трики. Старательно избегая сардонических взглядов, которые бросал на меня Зигфрид, я поблагодарил своего четвероного племянника за рождественский подарок и за былую его щедрость. Выразил надежду, что праздник не вызвал несварения его нежного желудка, и порекомендовал на всякий случай принять черный порошок, который ему всегда прописывает дядюшка. Сладостное видение селедков, помидоров и

рождественских корзин заглушило смутное чувство профессионального стыда. Я адресовал конверт «мастеру Трики Памфри, Барлби-Грейндж» и бросил его в почтовый ящик лишь с легким смущением.

Когда я в следующий раз вошел в гостиную миссис Памфри, она отвела меня в сторону.

— Мистер Хэрриот, — зашептала она. — Трики пришел в восторг от вашего прелестного письма, но одно его очень расстроило: вы адресовали письмо «мастеру Трики», а он настаивает, чтобы его называли «мистером», как взрослого. Сперва он страшно оскорбился, был просто вне себя, но, когда увидел, что письмо от вас, сразу успокоился. Право, не понимаю, откуда у него такие капризы. Может быть, потому, что он — единственный. Я убеждена, что у единственных собачек легче возникают капризы, чем у тех, у кого есть братья и сестры.

Войдя в двери Скелдейл-хауса, я словно вернулся в более холодный, более равнодушный мир. В коридоре со мной столкнулся Зигфрид.

— И кто же это приехал? Если не ошибаюсь, милейший дядюшка Хэрриот! И что же вы подельывали, дядюшка? Уж конечно, надрывались в Барлби-Грейндже. Бедняга, как же вы утомились! Неужели вы искренне верите, будто корзиночка с деликатесами к Рождеству стоит кровавых мозолей на ладонях?

На сцену выходит миссис Харботтл

Оглядываясь назад, я не могу поверить, что мы тратили многие часы на приготовление лекарств. И тем не менее они поступали к нам не в фирменных упаковках, и перед тем, как сесть в машину, мы должны были наполнить ее целым набором из тщательно подобранных и, как правило, бесполезных препаратов.

Когда Зигфрид зашел ко мне в то утро, я держал трехсотграммовую бутылку на уровне глаз и доливал в нее сироп этилморфина. Тристан с мрачным видом растирал в ступке желудочное снадобье и, почувствовав на себе взгляд брата, удвоил усилия. Вокруг него горой лежали пакеты с уже приготовленным порошком и пессарии, которые он приготовил, наполняя полиэтиленовые цилиндры борной кислотой.

Тристан казался олицетворением труда, его локоть яростно ходил взад и вперед, пока он растирал карбонат аммония с порошком рвотного ореха. Зигфрид снисходительно улыбнулся.

Я тоже улыбнулся. Я всегда испытывал неловкость, когда братья ссорились, но в тот раз мне было очевидно, что утро обещает быть добрым. В атмосфере дома наметилось заметное улучшение после Рождества, когда Тристан незаметно смотался в колледж и без видимых стараний сдал все экзамены. Но сегодня в моем шефе было что-то еще: он, казалось, светился каким-то внутренним сиянием, довольный собой так, как будто знал, что впереди его ждет нечто очень хорошее. Он вошел в комнату и закрыл дверь.

— У меня — хорошие новости.

Я закрыл бутылку пробкой.

— Что ж, не томите. Выкладывайте.

Зигфрид переводил взгляд то на меня, то на брата. Он явно ухмылялся.

— Вы помните тот бедлам, который случился, когда Тристан занялся счетами?

Тристан отвернулся и стал еще быстрее растирать смесь в ступке, но Зигфрид подошел к нему и дружески потрепал по плечу.

— Не переживай, я не собираюсь просить тебя заняться этим снова. Более того, тебе больше никогда не придется делать это, потому что впредь этим будет заниматься специалист, — он сделал паузу и откашлялся. — У нас будет секретарь.

Мы уставились на него, а он продолжил:

— Да, я сам нашел ее, и мне кажется, она безупречна.

— И какая она? — спросил я.

Зигфрид поджал губы.

— Описать ее трудно. Но просто подумайте, кто нам нужен? Нам же не нужно воздушное существо, которое будет порхать по приемной. Нам не нужна симпатичная блондинка, которая будет пудрить носик за столом и строить всем глазки.

— Разве? — в голосе Тристана явно звучало непонимание.

— Нет, нам этого не надо, — заключил вместо него Зигфрид. — Она будет думать исключительно о своих мальчиках, а как только привыкнет к нашему распорядку, — сбежит под венец.

Тристан все еще не поддавался на уговоры, и его брат начал выходить из себя. Лицо Зигфрида стало краснеть.

— И кроме того, как мы можем позволить себе красивую молодую девушку в доме, где живут такие типы, как ты? Ты же не оставишь ее в покое.

Тристан был задет.

— А ты?

— Я говорю о тебе, а не о себе! — Зигфрид уже рычал.

Мир между братьями был непродолжительным. Я решил вмешаться.

— Ну хорошо. Расскажите нам о новой секретарше.

С видимым усилием Зигфрид подавил вспышку гнева.

— Ну, ей за пятьдесят, и она вышла на пенсию после тридцати лет работы в «Грин и Мултон» в Бредфорде. Она была секретарем компании, и в ней ее вспоминают только с благодарностью. Ее называли образцом эффективного сотрудника, а в нашей работе эффективность — главное. Мы допускаем слишком большую слабость. Нам просто повезло, что она решила поселиться в Дарроуби. Как бы то ни было, вы сможете познакомиться с ней через несколько минут, она придет сегодня к десяти часам утра.

Часы на церковной колокольне начали бить, когда в дверь позвонили. Зигфрид поспешил на звук и с видом триумфатора ввел свою находку в комнату.

— Джентльмены, это — мисс Харботтл, прошу любить и жаловать.

Это была крупная женщина с высоким бюстом и округлым лицом, на котором выделялись очки в золотой оправе. Масса черных кудряшек выглядывала из-под ее шляпки, было похоже, что они — крашеные, и они совершенно не шли к ее строгому костюму и обуви.

Я сразу подумал, что нам не придется опасаться, что она сбежит от нас замуж. Не то чтобы она была уродлива, но ее выдающийся вперед

подбородок и умение без усилия командовать окружающими заставили бы любого мужчину искать спасения в бегстве.

Я пожал ее руку и был удивлен силой, с которой она ответила мне. Мы посмотрели друг другу в глаза, последовали несколько секунд молчаливой борьбы взглядов, затем она почла за благо согласиться на ничью и отвернулась. Тристан оказался совершенно не готов к встрече, весь его вид свидетельствовал о том, как сильно он встревожен. Его рука оказалась в плену и была освобождена только тогда, когда у него уже стали трястись колени.

Она начала обход приемной, а Зигфрид следовал за ней, потирая руки; он был похож на приказчика, обхаживающего любимого клиента. Она остановилась возле стола, на котором горой лежали счета — наши и выставленные нам, анкеты министерства сельского хозяйства, рекламы разных фирм, а также разнообразные пилюли и тюбики с мазями.

С негодованием разгребая накопившийся мусор, она нашла главную книгу и брезгливо зажала ее между большим и указательным пальцами.

— Что это?

Зигфрид легкой рысью поспешил к ней.

— О, это — наша главная книга. Мы заносим в нее все наши визиты, которые отмечаем в регистрационной книге, она тоже должна быть где-то здесь, — он порылся на столе. — Вот она. Сюда мы записываем вызовы и посещения по мере их поступления.

Она изучила обе книги в течение нескольких минут, причем на лице ее отразилось выражение удивления, которое сменилось мрачным юмором.

— Джентльмены, если вы хотите, чтобы я вела ваши книги, потрудитесь научиться писать. Я вижу, что они заполнены тремя разными почерками, но вот этот решительно хуже остальных. Он просто ужасен. Чья это рука?

Она показала пальцем на неровную строчку, состоявшую из коряво написанных слов.

— Вообще-то это моя рука, — сказал Зигфрид, переминаясь с ноги на ногу. — Наверное, я в тот день очень торопился.

— Да почерк у вас везде одинаковый, мистер Фарнон. Смотрите — вот, вот и вот. Знаете, так не годится.

Зигфрид спрятал руки за спину и повесил голову.

— Полагаю, что здесь вы держите письменные принадлежности и конверты, — она выдвинула верхний ящик стола.

Оказалось, что он доверху забит старыми пакетами с семенами, некоторые уже порвались, просыпав на груды мусора несколько горошин и

фасолинок. Следующий ящик оказался забитым грязными веревками для родовспоможения коров, которые никто не удосужился помыть. Пахли они не слишком приятно, и мисс Харботтл поспешила задвинуть его назад. Однако ее было трудно смутить или сбить с толку, и она с надеждой потянула на себя третий ящик. Он открылся с мелодичным звоном, и она увидела ряд пустых бутылок из-под пива.

Мисс Харботтл медленно выпрямилась и терпеливым голосом спросила:

— Могу я узнать, где у вас касса? Где вы держите наличность?

— Ну, мы просто забиваем ею вон ту штуку, — Зигфрид показал на литровый горшок, стоящий на каминной полке. — У нас нет нормальной кассы, но он прекрасно справляется с ее ролью.

Мисс Харботтл с ужасом посмотрела на горшок.

— Как, вы кладете туда...

Измятые чеки и банкноты глядели на нее из горлышка, причем некоторые из них упали в камин.

— Вы хотите сказать, что, уходя, вы оставляете деньги лежать там изо дня в день?

— По-моему, никому это не повредило, — возразил Зигфрид.

— А где вы храните мелочь?

Зигфрид напряженно хихикнул.

— Да знаете ли, там же. Всю наличность, мелочь тоже.

Румяное лицо мисс Харботтл начало терять цвет.

— Знаете, мистер Фарнон, все это очень плохо. Я не знаю, как вам удалось протянуть так долго. Просто не знаю. Однако я убеждена в том, что смогу все поправить, и очень скоро. Я вижу, что в вашем бизнесе нет ничего сложного: обычная система картотечного учета — вот все, что нужно для ведения вашего баланса. Что же касается остальных мелочей, — она с недоверием посмотрела на горшок, — то я все сделаю как надо, и очень быстро.

— Отлично, мисс Харботтл, отлично, — Зигфрид с еще большей энергией потирал руки. — Мы ждем вас в понедельник утром.

— Ровно в девять часов, мистер Фарнон.

После ее ухода воцарилось молчание. Тристану понравилось ее посещение, а я испытывал сомнения.

— Знаете, Зигфрид, — сказал я, — возможно, она и гений эффективности, но не кажется ли вам, что она слишком строга?

— Строга? — Зигфрид громко, но довольно принужденно рассмеялся. — Ничего подобного. Оставьте это мне. Я с ней справлюсь.

Тристан — животновод

Мебели в столовой было мало, но благородные очертания комнаты и ее размер придавали дополнительную грацию длинному буфету и скромному столику из красного дерева, за которым завтракали мы с Тристаном.

Единственное большое окно комнаты было расписано морозными узорами, а с улицы доносился отчетливый скрип пешеходов, шедших по холодному снегу. Я поднял глаза от вареного яйца и увидел, как к дому подкатил автомобиль. Затем мы услышали топанье ног на крыльце, хлопанье входной двери, и в комнату ворвался Зигфрид. Не говоря ни слова, он прошел к камину и нагнулся над ним, опустив локти на серую мраморную доску. Он почти по самые глаза закутался в пальто и шарф, но все равно было видно, что лицо у него лилово-синее.

Он метнул быстрый взгляд на стол.

— У старого Хезелтайна — того, что живет в одном из домов на холме, — случай послеродового пареза. Боже, как же там холодно. Я едва дышу.

Он стащил перчатки и пошевелил онемевшими пальцами над огнем, бросая косые взгляды на брата. Тристан сидел ближе всех к огню и наслаждался своим завтраком, как он наслаждался всем в жизни, с радостью намазывая масло на тост и с веселым свистом накладывая себе мармелад. Его «Дейли миддл» лежала на своем месте, рядом с кофейной чашкой. Можно было физически ощущать исходящие от него волны комфорта и удовлетворения.

Зигфрид с сожалением оторвался от камина и упал на стул.

— Мне только чашку кофе, Джеймс. Хезелтайн оказался радушным хозяином, он попросил меня позавтракать вместе с ним. Угостил меня щедрым куском бекона из откормленной дома свиньи — большим, может быть, чересчур жирным, но каким же вкусным! Я до сих пор его ощущаю. — Он со стуком поставил свою чашку. — А знаете, я не вижу причин, по которым мы должны покупать бекон и яйца у бакалейщика. В саду стоит прекрасный курятник, а во дворе — свинарник с печью, где можно готовить пойло свиньям. Все отходы с нашего стола можно использовать для откорма свиньи. Нам вполне по силам получить достаточно дешевую свинину. — Он повернулся к Тристану, который только что закурил сигарету и теперь разворачивал «Миддл» с видом невыразимого удовольствия, что вообще было ему свойственно. — А для тебя это было

бы полезным занятием. А то ты слишком много времени просиживаешь задницу без дела, а это — непродуктивно. Немного скотоводства будет тебе полезно.

Тристан положил газету на стол, как будто из нее исчезло все очарование.

— Скотоводство? Что ж, между прочим, я кормлю твою кобылу.

Ему не нравилось ухаживать за новым гунтером Зигфрида, поскольку кобыла игриво лягала его каждый раз, когда он вел ее по двору к водопою.

Зигфрид подпрыгнул.

— Я помню об этом, но не весь же день ты тратишь на это! Не помрешь же ты, если присмотришь за курами и свиньями.

— Свиньями? — Тристан казался удивленным. — Ты же говорил об одной свинье.

— Да-да, свиньями. Я просто размышляю. Если мы купим целый выводок, то после откорма можем одну оставить для себя, а остальных — продать. Будет очень выгодно.

— С бесплатным трудом, конечно.

— Трудом? Трудом? Ты же не знаешь, что такое труд! Посмотри на себя, целыми днями валяющегося с сигаретой в зубах. Ты куришь слишком много этих чертовых сигарет.

— Ты тоже.

— При чем тут я, когда разговор идет о тебе! — заорал Зигфрид.

Со вздохом я встал из-за стола. Начинался новый день.

Когда Зигфриду в голову приходила идея, он не терял времени. Лозунгом дня становилось немедленное действие. Через сорок восемь часов в свинарнике поселился выводок из десяти поросят, а за проволокой курятника гуляла дюжина суссекских кур. Особенно он радовался курам. «Посмотри на них, Джеймс. Сначала яиц будет немного, но, как только они начнут нестись по-настоящему, мы будем ими завалены. Нет ничего лучше, чем отличное свежее яйцо, еще теплое, прямо из гнезда».

С самого начала было ясно, что Тристан не разделяет энтузиазма брата по отношению к курам. Я часто наблюдал, как он ходит вокруг курятника и с выражением скуки на лице бросает хлебные крошки за проволоку. Я не замечал и следа кормления по расписанию и сбалансированных диет, рекомендованных специалистами. Как несушки курицы его не интересовали, но он проявлял слабый интерес к ним как к личностям. Своеобразное кудахтанье, особенности походки — это его забавляло.

Но недели шли, а яиц не было, и Зигфрид начал раздражаться. «Ну, доберусь я до того парня, что продал мне куриц. Чертов негодяй. Все

твердил, какая это яйценосная порода». На него было жалко смотреть, когда он по утрам с нетерпением проверял пустые гнезда.

Однажды утром я проходил по саду, когда меня окликнул Тристан.

— Иди сюда, Джим. Тут что-то новенькое. Спорим, ты никогда не видел ничего подобного.

Он показал рукой вверх, и я увидел группу необычно ярких крупных птиц, сидящих на ветках вяза. Другие сидели в ветвях соседней яблони.

Я уставился на них в удивлении.

— Ты прав, я никогда не видел такого. Кто это?

— Ну же, — сказал Тристан, ухмыляясь от удовольствия. — Конечно же, ты их знаешь. Посмотри внимательнее.

Я снова посмотрел вверх.

— Нет, я никогда не видел таких крупных птиц, да еще с таким экзотичным оперением. Что это — необычная миграция?

Тристан фыркнул от смеха.

— Да это же наши куры.

— Как же они туда попали?

— Они сбежали из дому. Покинули его.

— Но я вижу только семерых. Где остальные?

— Бог его знает. Давай посмотрим с той стороны стены.

Крошащийся цемент давал много мест, куда можно было поставить ногу, и мы заглянули в соседний сад. Мы увидели там остальных пятерых кур, разгуливающих между капустных грядок и подбирающих что-то с земли.

Потребовалось немало времени, чтобы вернуть их всех в курятник, но этим скучным делом пришлось заняться несколько раз в течение следующего дня. Куры явно устали от жизни под руководством Тристана и решили, что им лучше отправиться жить в другие места. Они стали кочевниками, забираясь все дальше и дальше в поисках средств к существованию.

Поначалу соседи посмеивались. Они звонили нам, чтобы сообщить, что их дети загнали кур в угол, и просили приехать и забрать их. Однако по истечении какого-то времени их игривость стала улетучиваться. В итоге Зигфриду пришлось участвовать в нескольких болезненных беседах. Ему прямо сказали, что его курицы стали сильно досаждают.

После одного особенно неприятного разговора Зигфрид решил избавиться от кур. Это был жестокий удар судьбы, и по традиции под горячую руку попал Тристан.

— Я, видимо, совсем рехнулся, когда подумал, что куры под твоим

присмотром будут нести яйца. Но не слишком ли это много для тебя? Я поручил тебе эту немудреную работу, поскольку подумал, что даже ты не сможешь ее запороть. Но посмотри, что стало с ней всего после трех недель. Мы не увидели ни единого яйца. Эти чертовы курицы, как голуби, летают по округе. Мы постоянно ссоримся с соседями. Ты славно справился с поручением, не так ли?

В Зигфриде проснулся несостоявшийся производитель яиц, это было видно по его крику, переходившему в визг.

Лицо Тристана изображало оскорбленную добродетель, но у него достало сил, чтобы защищаться.

— Ты знаешь, с этими курицами с самого начала творилось что-то странное, — прошептал он.

Зигфрид потерял остатки управления своим гневом.

— Странное? — заорал он в голос. — Это ты странный, а не бедные курицы. Ты — самый странный придурок в округе. Ради бога, исчезни с глаз моих.

Тристан удалился с молчаливым достоинством.

Понадобилось еще некоторое время, чтобы исчезли последние следы куриной авантюры, однако пару недель спустя мы сидели за тем же обеденным столом, и я был уверен, что все уже забыто. По крайней мере, так казалось, хотя в душе осталось ощущение прихоти судьбы. Но тут в комнату влетел Зигфрид и грозно склонился над братом.

— Я полагаю, ты помнишь тех куриц, которых мы отдали миссис Дэйл, старой пенсионерке на Браунз Ярд? — Он почти шептал. — Так вот, я только что говорил с ней. Она души в них не чаает. Дает им горячее пойло утром и вечером и собирает в день по десять яиц. — Его голос поднялся почти до крика. — Десять яиц, ты слышишь, десять яиц?!

Я торопливо допил остатки чая и откланялся. Быстрым шагом прошел по коридору и направился в сад к своему автомобилю. По пути я прошел мимо курятника. Он выглядел заброшенным. И хотя до столовой было уже довольно далеко, я все еще слышал голос Зигфрида.

Тристан — животновод 2

— Джим, иди сюда, посмотри на этих попрошайек! — Тристан смеялся, глядя и дверь свинарника.

Я пересек двор.

— Что случилось?

— Я только что дал им пойло, и оно немного горячее. Посмотри-ка на них!

Поросята хватали еду, роняли ее и с подозрением обходили ее вокруг. Время от времени они подходили к корыту, трогали горячую картошку пяточками и в тревоге отскакивали в сторону. Не было слышно обычного для еды чавканья, только озадаченное ворчание.

С самого начала Тристану было интереснее со свиньями, чем с курами, что было хорошо, поскольку ему требовалось прийти в себя после катастрофы с птицеводством. Он много времени проводил во дворе, кормя свиней или убирая за ними навоз, но больше всего времени он проводил, опершись локтями на дверь свинарника и наблюдая за своими подопечными.

Как и в случае с курами, ему было интереснее наблюдать за поведением свиней, а не развивать их способности давать свинину и бекон. Налив пойло в корыто, он всегда замороженно наблюдал, как поросята бросаются к нему. Вскоре в процессе поглощения пищи появлялись первые признаки напряженности. Маленькие зверьки начинали смотреть по сторонам, потом их желание узнать, что же так вкусно поглощают их соседи, становилось невыносимым, и они начинали переходить с места на место, резво прыгали на спины друг другу и сваливались в корыто.

Старый Бордман с удовольствием помогал ему, впрочем, главным образом как советчик. Как все деревенские жители, он считал, что знает все о скотоводстве и болезнях животных, причем оказалось, что свиньи — это его специализация. Под карикатурами Бэрнсфадера в темном чулане происходили долгие беседы, и старик с воодушевлением рассказывал о том, каких больших и прекрасных животных он выращивал в этом самом свинарнике.

Тристан слушал его с уважением, потому что у него были твердые доказательства познаний Бордмана в виде его умения обращаться с печью. Тристан мог разжечь ее, но она гасла, как только он отворачивался, а Бордману она подчинялась безоговорочно. Я часто видел, как Тристан с

интересом слушает постоянную болтовню ходящего по двору старика, и над ними обоими поднимался запах варящейся картошки.

Никакое животное не перерабатывает еду в мясо так же быстро, как свинья, и через несколько недель маленькие розовые существа с пугающей скоростью превратились в огромных раскормленных свиней. Их характер испортился. Они потеряли всякое очарование. Кормление перестало быть забавным зрелищем и являло теперь собой сцену драки, причем шансы Тристана в ней становились все слабее.

Я видел, как расцветало лицо Бордмана и как он бросал любое свое занятие, когда Тристан заливал в корыто похлебку, приготовленную в печи.

Ему явно нравилось наблюдать за ежедневным соревнованием, и он с удовольствием садился на угол каменного корыта. Тристан, слушая визг, который издавали свиньи, услышавшие звон ведра, должен был собрать в кулак все свои силы. Он кричал на животных страшным голосом, но скорее для того, чтобы приободрить себя, затем открывал засов и оказывался среди хрюкающих, толкающихся животных и огромных грязных рыл, которые пытались прорваться к ведру. Их ноги топтались на его ногах, а сам он едва мог устоять под напором тяжелых тел.

Я не мог не улыбнуться, вспоминая былые времена, когда эта игра забавляла нас. Теперь было не до смеха. Тристан размахивал перед свиньями тяжелой дубинкой, прежде чем войти к ним. Удары палкой для расчистки хотя бы небольшого свободного места были единственным способом устоять на ногах, когда он оказывался внутри.

Свиньи уже почти достигли убойного веса, когда наступил ярмарочный день. Я вошел в комнату и застал Тристана, рассевшегося в его любимом кресле. Но было что-то необычное во всей картине: он не спал, у него в руках не было ни бутылки с лекарством, ни сигареты, ни «Дейли миррор». Его руки бессильно свисали с обеих сторон кресла, глаза были полуприкрыты, а лоб покрыт потом.

— Джим, — прошептал он, — у меня сегодня было самое адское утро за всю мою жизнь.

Я был встревожен его внешним видом.

— А что случилось?

— Свиньи, — сказал он квакающим голосом. — Они сбежали сегодня утром.

— Сбежали? Как им это удалось?

Тристан запустил пятерню в волосы.

— Это случилось, когда я кормил кобылу. Я задал ей сена и подумал, что можно одновременно покормить свиней. Ты же знаешь, какими они

теперь стали, но сегодня они просто взбесились. Как только я открыл дверь, они все вместе набросились на меня. Сбили с ног, опрокинули ведро и все остальное и накинулись на меня. — Он поежился и посмотрел на меня широко открытыми глазами. — Скажу тебе, Джим, когда я лежал там, на камнях, залитый похлебкой, а эти гады скакали по мне, я был уверен, что все кончено. Но они не растерзали меня. Они галопом поскакали к садовой калитке.

— А садовая калитка была открыта?

— В том-то и дело, что да. Именно в этот день мне понадобилось отставить ее открытой!

Тристан сел прямо и заломил руки.

— Ты понимаешь, поначалу я подумал, что все обойдется. Они притормозили у садовой дорожки и медленно повернули на улицу, а я и Бордман неслись за ними по пятам. На улице они собрались в группу. Казалось, они не знают, куда бежать дальше. Я был уверен, что мы сумеем повернуть их назад, но тут одна из них увидела себя в витрине магазина Робсона. — Он очень эмоционально обрисовал свинью, несколько секунд смотревшую на свое отражение и затем отпрыгивающую с недовольным ворчанием. — Это и решило дело. Чертово животное запаниковало и бросилось на рыночную площадь со скоростью примерно восемьдесят километров в час, а остальные побежали за ней.

Я разинул рот. Десять огромных свиней на площади, где повсюду расставлены лотки с товаром и гуляют толпы покупателей, — такую картину трудно было даже себе представить.

— Женщины кричат, дети кричат. Владельцы лотков, полиция и все остальные насылают на меня проклятия. Возникла многокилометровая пробка на шоссе, и все автомобили стали сигналить как бешеные, а полицейский на посту пытался угрожать мне. — Он вытер лоб. — Ты помнишь этого разговорчивого торговца фарфором? Сегодня я видел, как он потерял дар речи. Он держал в руках чашку и находился в самом разгаре своего трюка, когда одна из свиней встала передними ногами на его лоток и посмотрела ему в глаза. Он остановился так резко, как будто его подстрелили. В другое время я бы над этим позабавился, но сбежавшее животное собиралось опрокинуть лоток. Он уже начал трещать и раскачиваться, но внезапно свинья передумала и убежала.

— А как обстоят дела сейчас? — спросил я. — Тебе удалось вернуть их?

— Я вернул девять из них, — ответил Тристан и снова откинулся в кресле, закрыв глаза. — С помощью почти всего мужского населения

округи я вернул девятерых. Десятую в последний раз видели, когда она на приличной скорости неслась на север. Бог знает, где она теперь. Да, я не сказал тебе: одна из них забежала в здание почты. Провела там довольно много времени. — Он закрыл лицо руками. — В этот раз я точно попался. После этого несчастья я попаду в руки правосудия. В этом не может быть сомнения.

Я похлопал его по ноге.

— А я бы не стал беспокоиться. Не думаю, что был нанесен большой ущерб.

Тристан возразил со стоном.

— Но это еще не все. Когда я, наконец загнав их в свинарник, закрыл за ними дверь, то был на грани потери сознания. Я оперся о стену, ловя воздух, когда увидел, что ушла кобыла. Да, ушла. Я рванул за свиньями и забыл запереть ее в деннике. Не знаю, где она. Бордман сказал, что поищет, — у меня уже нет сил. — Трясущимися руками Тристан зажег сигарету. — Это конец, Джим. Зигфрид в этот раз не будет знать жалости.

Только он это сказал, как открылась дверь, и в комнату ворвался его брат.

— Что за чертовщина происходит вокруг? — зарычал он. — Я только что разговаривал с викарием, и он сказал, что моя кобыла стоит у него в саду и ест желтофиоли. Он в страшном гневе, и я могу его понять. Давай работай, молодой ленивый негодяй. Хватит валяться здесь, сейчас же отправляйся к викарию и верни ее назад!

Тристан даже не пошевелился. Он лежал, безразличный ко всему, и смотрел на брата. Его губы слабо двигались.

— Нет, — сказал он.

— Что такое? — закричал, не веря своим ушам, Зигфрид. — Немедленно вылезай из кресла. Отправляйся и приведи сюда кобылу.

— Нет, — возразил ему Тристан.

Я похолодел от ужаса. Такое неповиновение не имело прецедентов. Зигфрид покраснел, как свекла, и я приготовился к взрыву гнева, но первым заговорил Тристан.

— Если тебе нужна твоя кобыла, пойди и приведи ее сам.

Он говорил тихим голосом, в котором не было и намек на дерзость. Он производил впечатление человека, которому нет дела до его собственного будущего.

Даже Зигфрид увидел, что Тристану на сегодня достаточно. Он посмотрел на брата несколько секунд и вышел. Кобылу он привел сам.

Ничего больше не было сказано об инциденте, только свиней вскоре

отправили на мясокомбинат, а на их место не взяли никого. Скотоводческий проект был закрыт.

Зигфрид и миссис Харботтл

Когда я зашел в комнату, мисс Харботтл сидела над пустой кассой и выглядела потерянной. Касса представляла собой новый блестящий черный ящик с надписью «Мелкая наличность», сделанной наверху белыми буквами. Внутри лежала красная книжечка, куда аккуратными колонками заносились цифры прихода и расхода. Только денег в ней не было.

Крепкие плечи мисс Харботтл опустились. Она потрясла красной книжечкой, зажав ее между большим и указательным пальцами, из нее выкатился одинокий шестипенсовик и со звоном упал в кассу. «Он опять лазил сюда», — прошептала она.

В коридоре послышались крадущиеся шаги.

— Мистер Фарнон! — крикнула она. И обращаясь уже ко мне: — Разве не глупо — пытаться проскользнуть мимо этой двери?

Зигфрид, с неохотой перебирая ногами, вошел в комнату. В одной руке он держал желудочный зонд с насосом, в другой — бескровный кастратор, а из кармана его пиджака торчали бутылки с хлористым кальцием.

Он весело улыбнулся, но я видел, что он чувствует себя не в своей тарелке не только потому, что нагрузился не совсем обычным инструментарием, но и оттого, что с точки зрения тактики его положение было безнадежным. Мисс Харботтл поставила свой стол так, что сама сидела спиной к углу, и ему надо было пройти много шагов по ковру, чтобы подойти к ней. Ей из угла был виден каждый сантиметр огромной комнаты, а если дверь была открыта, — то и коридора. Повернув же голову налево, она могла в окно видеть улицу. Ничто не ускользало из ее поля зрения, — она занимала позицию силы.

Зигфрид взглянул на квадратную фигуру, сидящую за столом.

— Доброе утро, мисс Харботтл, я вам нужен?

Из-под очков в золотой оправе блеснули серые глаза.

— Именно что нужны, мистер Фарнон. Объясните мне, почему вы в очередной раз опустошили мой ящик для мелочи?

— О, извините. Мне прошлой ночью срочно нужно было в Бротон, и мне немного не хватало денег. У меня правда не было другого выхода.

— Но, мистер Фарнон, за два месяца, что я работаю здесь, это случалось раз десять, не меньше. Какой смысл в моих попытках вести точный учет движения денег, когда вы продолжаете их воровать и тратить?

— Ну, мне просто кажется, что я привык к этой системе в те дни, когда

мы складывали деньги в литровый горшок.

— Никакой системы в этом не было. Это была анархия. Так бизнесом не управляют. Сколько раз я уже вам об этом говорила, и вы каждый раз обещали мне исправиться. Я просто не знаю, что делать.

— Да ничего страшного, мисс Харботтл. Возьмите из банка и положите в вашу кассу. И все станет нормально.

Зигфрид собрал с пола петли желудочного зонда и собирался уходить, но мисс Харботтл многозначительно закашлялась.

— Есть еще пара вопросов. Могу я попросить вас исполнить еще одно ваше обещание: регистрировать ваши вызовы и записывать стоимость оказанных услуг каждый день? Прошла неделя с того дня, когда вы последний раз писали в регистрационной книге. Как же я могу выписывать счета по первым числам каждого месяца? Важнее этого нет ничего, но как я могу выполнять свои обязанности, если вы мне так мешаете?

— Да, да, я извиняюсь, но у меня куча звонков, и я должен идти — правда.

Он уже был на полдороге к двери, но зонд опять упал на пол, и он вновь услышал зловещее покашливание у себя за спиной.

— И еще, мистер Фарнон. Я по-прежнему не могу расшифровать ваш почерк. Все эти медицинские термины достаточно сложны сами по себе, поэтому, прошу вас, перестаньте писать каракулями.

— Очень хорошо, мисс Харботтл.

Зигфрид ускорил шаг по направлению к двери, ведущей в коридор, где он мог бы обрести мир и покой. Он радостно стучал каблуками по кафелю пола, когда его настиг знакомый звук. Мисс Харботтл могла направлять его на значительные расстояния, внося в него повелительную нотку, которой нельзя было не подчиниться. Я услышал, как Зигфрид кладет на пол зонд и насос и как звякают на полу бутылки с кальцием, — должно быть, они впивались ему в ребра.

Он снова встал перед столом. Мисс Харботтл погрозила ему пальцем.

— Раз уж вы здесь, то я хотела бы упомянуть и еще один вопрос, который беспокоит меня. Посмотрите на книгу регистраций. Видите, здесь на каждой странице приклеены бумажки? На них — а их не один десяток, — написаны вопросы, и я не могу сдвинуться с места, пока вы не ответите на них. Как я вас ни спрошу, у вас вечно нет времени. Не пройдемся ли мы по ним прямо сейчас?

Зигфрид быстро попятился.

— Нет, нет, только не прямо сейчас, у меня срочные вызовы. Мне очень жаль, но придется решить этот вопрос в другой раз. Когда я вернусь,

то при первой же возможности встречусь с вами.

Он почувствовал за спиной дверь, последний раз взглянул на сердитую массивную фигуру за столом, отвернулся и сбежал.

К чему приводит головокружение от успехов

Теперь я мог окинуть взглядом итоги шести месяцев тяжелой практической работы. Я ездил на вызовы к коровам, лошадям, свиньям, собакам и кошкам семь дней в неделю, по утрам и вечерам, днем, а также и в те часы, когда весь остальной мир спал. Я помогал телиться коровам и пороситься свиньям, отчего мои руки болели, и с них сходила кожа. Меня пинали, сбивали с ног, топтали копытами и обильно орошали всевозможным навозом. Я видел изнутри все болезни животных. И все-таки тихий голос внутри меня цеплялся к моим мыслям, он говорил, что я не знаю ничего, совершенно ничего.

Это было странное чувство, поскольку шесть месяцев практики опирались на пять лет теории, тяжелого, болезненного усвоения тысяч фактов и тщательного складирования отрывков знания, которое я хранил, как белка свои орехи. Начав изучение с растений и низших форм жизни, я копил знания и во время вскрытий в анатомичке, и во время занятий по физиологии, все время шел по обширным безлюдным просторам медицинской теории. Затем была наука патология, которая разорвала завесу невежества и в первый раз позволила взглянуть на свои глубинные секреты. А еще наука паразитология, рассказывающая об обширном мире других тварей — о червях, блохах и чесоточных клещах. И, наконец, медицина и хирургия, венчавшие мои познания тем, что научили меня пользоваться ими в повседневной борьбе с болезнями животных.

А помимо этого, было еще много всего — типа физики, химии, гигиены. Похоже, никто ни о чем не забыл. Почему же я чувствую себя так, будто ничего не знаю? Почему я иногда кажусь себе астрономом, который в телескоп глядит на неизвестную галактику? Меня угнетало ощущение того, что я наугад пытаюсь найти что-то на краю безграничного пространства. Это было тем более забавно, что, как мне казалось, все вокруг знают о больных животных всё. Парень, который держал коровий хвост, соседний фермер, мужчины в пабе, приходящие садовники — все они свободно и убежденно давали свои советы.

Я попытался осмыслить свою жизнь. А было ли когда-нибудь время, когда я сам чувствовал подобную безграничную веру в свои знания? И тогда я вспомнил.

Это было еще в Шотландии, мне было семнадцать, и я входил в арку Ветеринарного колледжа на Монроуз-стрит. Я уже три дня был студентом, но только тогда я ощутил трепетное чувство настоящего дела. Копание в ботанике и зоологии мне нравилось, но в тот день я почувствовал, что занимаюсь настоящим делом: у меня была первая лекция по животноводству.

Темой лекции была лошадь. Профессор Грант повесил на доску изображение лошади в натуральную величину и стал показывать нам ее стати от кончика носа до кончика хвоста, перечисляя поочередно холку, колено, скакательный сустав, затылок и все остальные многочисленные лошадиные названия. Профессор был мудр; чтобы сделать лекцию интересной, он то и дело подбрасывал практические моменты типа: «А здесь у рабочей лошади мы найдем трензель», — или: «А вот это — путовый сустав, он может опухать». Он говорил о наливах суставов и окостенении хрящей, о малых берцовых костях и бурситах, то есть обо всем том, до чего студенты будут доходить в течение следующих четырех лет, но зато так лекция становилась ближе к жизни.

Слова его все еще крутились у меня в голове, когда я поднимался по улице в гору. Именно за этим я и пришел в колледж. Я словно бы прошел обряд посвящения в члены клуба для избранных. Я получил первый практический урок в науке о лошадях, а на мне был новехонький редингот со всеми дополнительными ремешками и пряжками, он стучал меня по ногам, когда я сворачивал на заполненную людьми Ньютон-роуд.

Я не поверил своей удаче, когда увидел лошадь.. Она стояла у здания библиотеки на Квинз-Кросс и казалась выходцем из другого века. Она понурила голову, стоя между оглоблями угольной телеги, которая казалась маленьким островком в водовороте машин и автобусов. Пешеходы спешили мимо, не обращая на нее внимания, но у меня появилось ощущение, что фортуна мне улыбнулась.

Это была лошадь. Не картинка, а настоящая, живая лошадь. В моей памяти стали всплывать отдельные слова, услышанные на лекции: бабка, большая берцовая кость, стрелка копыта. Я также вспоминал названия отметин — звездочка, проточина, белизна, лысина, белый носочек на задней ноге. Я стоял на тротуаре и критическим взглядом рассматривал лошадь.

Полагаю, что любому проходившему мимо должно было быть очевидно, что делом занимается настоящий специалист. Не просто придиричивый прохожий, а человек, который знает и понимает все. Я был словно закутан в осязаемый кожей невидимый плащ лошадиности.

Я сделал несколько шагов вокруг, запустив руки глубоко в карманы редингота, ища глазами возможные огрехи коваля и шорника, а также признаки артрита скакательных суставов. Мой осмотр был так тщателен, что я, пытаясь отойти подальше от лошади, рискованно вышел на проезжую часть улицы с интенсивным движением.

Я свысока смотрел на спешащих мимо людей. Всем было на все наплевать, даже на лошадь. Она была крупной — не менее семнадцати ладоней в холке. Лошадь безучастно глядела по сторонам, переминаясь от скуки с ноги на ногу. Мне ужасно не хотелось уходить, но мой осмотр был закончен, и пора было идти. Однако я чувствовал, что перед уходом мне следует сделать какой-то жест, установить какой-то контакт с лошадьёю, который показал бы ей, что я понимаю ее трудности и что мы принадлежим к одному братству. Я быстро подошел и потрепал ее по шее.

Ее бросок не уступал по скорости змеиному, она дернула головой и цапнула меня за плечо своими крепкими зубами. Она прижала уши, закатила свирепые глаза и потянула меня вверх, едва не сбив с ног. Я висел беспомощно, как марионетка, извивался и пинался, но ее зубы прочно вцепились в материал моего редингота.

Теперь-то в интересе прохожих можно было не сомневаться. Забавный вид человека, попавшего в рот лошади и висящего над мостовой, заставил их тут же остановиться, и скоро вокруг меня стала собираться толпа людей, заглядывавших друг другу через плечо, причем сзади на них напирали те, кто хотел узнать, что случилось.

Старая дама в ужасе закричала: «Бедняжка! Да помогите же ему кто-нибудь!» Те, кто похрабрее, попытались вытащить меня, но лошадь зловеще заворчала и вцепилась в меня еще сильнее. С разных сторон доносились советы один другого лучше. К своему глубокому стыду, я увидел в первом ряду двух привлекательных девушек, хихикавших над моей беспомощностью.

Уязвленный абсурдностью ситуации, я начал дико дергаться из стороны в сторону, воротник рубашки затянулся вокруг шеи, по рединготу потоками текла лошадиная слюна. Я чувствовал, что начинаю задыхаться, и уже оставил всякую надежду, когда сквозь толпу прорвался мужчина.

Он был очень невысок. На его лице, испачканном угольной пылью, горели глаза, а в руках он держал два пустых мешка.

«Что, черт возьми, здесь происходит?» — заорал он. В воздухе повис десяток-другой ответов.

«Чего ты пристал к моей лошади?» — заревел он мне в лицо. Я не ответил, поскольку глаза у меня вылезали из орбит, что не создавало

настроения для беседы.

Тогда угольщик обратил свою ярость на лошадь. «Отпусти его, дурында! Ну же, отпусти, брось его!»

Не получив ответа и на этот раз, он злобно кольнул животное в брюхо большим пальцем. Лошадь сразу поняла намек и освободила меня. Так послушный пес бросает косточку по приказу хозяина. Я упал на колени и некоторое время повалялся в канаве, пока ко мне не вернулось дыхание. Я будто издалека слышал, как коротышка ругается на меня.

Через некоторое время я встал. Угольщик все еще орал на меня, а толпа послушно внимала его словам. «Ты что, решил, что это — игрушка? Держись подальше от моей лошади, а то я вызову полицию!»

Я посмотрел на свой новый редингот. Плечо представляло собой пережеванную массу. Мне показалось, что лучше сбежать, и я стал продираться сквозь толпу. В ней встречались обеспокоенные лица, но на большинстве играли улыбки. Оказавшись на воле, я быстро пошел прочь, но не успел еще повернуть за угол, как до меня долетел последний крик угольщика:

«И не лезь в дела, в которых ничего не понимаешь!»

На балу и в свинарнике

Я лениво перебирал утреннюю почту. Обычная стопка счетов, оповещений, красочные описания новых лекарств — они давно уже утратили прелесть новизны, и я даже не просматривал их. Но почти в самом низу стопки я обнаружил нечто необычное: элегантный конверт из толстой тисненой бумаги, адресованный мне лично. Я вскрыл его, извлек карточку с золотой каймой и торопливо прочел ее. Пряча карточку во внутренний карман, я почувствовал, что краснею.

Зигфрид кончил подсчитывать утренние визиты и поглядел на меня.

— Почему у вас такой виноватый вид, Джеймс? Ваши прошлые грехи нашли вас? Что это? Письмо от негодующей мамы?

— Ну ладно, — пристыженно сказал я и протянул ему карточку. — Смейтесь сколько хотите. Все равно же вы узнаете.

Сохраняя полную невозмутимость, Зигфрид прочел вслух: «Трики будет очень рад видеть у себя дядю Хэрриота в пятницу 5 февраля. Напитки и танцы». Он поднял глаза и сказал без тени иронии:

— Как мило, правда? Согласитесь, это, бесспорно, один из самых любезных китайских мопсов в Англии. Ему недостаточно одарять вас селедками, помидорами и табаком, он приглашает вас на званый вечер!

Я выхватил у него карточку и спрятал ее подальше.

— Ну хорошо, хорошо. Но как мне поступить?

— Как поступить? Немедленно садитесь и строчите благодарность за приглашение: «Ах, я, конечно, не премину быть у вас пятого февраля». Званые вечера миссис Памфри пользуются большой славой. Горы редких деликатесов, реки шампанского. Ни в коем случае не упускайте такой возможности.

— И там будет много народу? — спросил я, шаркая ногами по полу.

Зигфрид хлопнул себя ладонью по лбу.

— Конечно, там будет много народу! А как вы думаете? Или вы полагали, что проведете вечер в обществе одного Трики? Выпьете с ним пару пива и станцуете медленный фокстрот? Нет, там соберутся сливки графства при всех регалиях, но, держу пари, самым почетным гостем будет дядя Хэрриот. А почему? А потому, что остальных-то пригласила миссис Памфри, но вас пригласил лично сам Трики.

— Ну хватит, — простонал я. — Я же никого там не знаю и буду весь вечер торчать в одиночестве. У меня нет приличного выходного костюма.

Лучше я не поеду.

Зигфрид встал и отечески положил руку мне на плечо.

— Дорогой мой, не трепыхайтесь. Напишите, что принимаете приглашение, а потом отправляйтесь в Бротон и возьмите напрокат вечерний костюм. И торчать в одиночестве вам долго не придется: светские девицы будут драться за удовольствие потанцевать с вами. — Он еще раз похлопал меня по плечу и направился к двери, но потом озабоченно обернулся. — И ради всего святого, не пишите миссис Памфри. Адресуйте письмо прямо Трики, не то вы все погубите.

Когда вечером 5 февраля я позвонил в дверь миссис Памфри, меня раздирали противоположные чувства. Вслед за горничной я прошел в холл и в дверях залы увидел миссис Памфри, которая здоровалась с входящими гостями. В зале с бокалами и рюмками в руках стояли элегантно одетые дамы и джентльмены. Оттуда доносился приглушенный гул светских разговоров, на меня пахнуло атмосферой утонченности и богатства. Я поправил взятый напрокат галстук, глубоко вздохнул и стал ждать своей очереди.

Миссис Памфри вежливо улыбалась, пожимая руки супружеской паре, но, увидев позади них меня, она вся просияла.

— Ах, мистер Хэрриот, как мило, что вы приехали! Трики был в таком восторге, получив ваше письмо... Мы сейчас же пойдем с вами к нему! — И она повела меня через холл, объясняя шепотом: — Он в малой гостиной. Между нами говоря, званые вечера ему прискучили, но он очень рассердится, если я не приведу вас к нему хотя бы на минутку.

Трики лежал, свернувшись в кресле у горящего камина. При виде меня он вспрыгнул на спинку кресла, радостно таявкая, и его широкий смеющийся рот растянулся до ушей. Уклоняясь от его попыток облизать мне лицо, я заметил на ковре две фарфоровые миски. В одной лежали рубленные цыплята — не меньше фунта, а другая была полна крошенных бисквитов.

— Миссис Памфри! — грозно воскликнул я, указывая на миски.

Бедная женщина прижала руку ко рту и попятилась.

— Простите меня, пожалуйста, — сказала она жалобно, глядя на меня виноватыми глазами. — Это ведь праздничное угощение, потому что он весь вечер будет один. И погода такая холодная! — Она стиснула руки и умоляюще посмотрела на меня.

— Я вас прощу, — сказал я сурово, — если вы оставите ровно половину цыплят, а бисквиты уберете совсем.

Понурившись, как нашалившая девочка, она исполнила мое

требование, и я не без сожаления простился с Трики. День был тяжелый, и от долгих часов, проведенных на холоде, меня клонило ко сну. Небольшая комната, где пылал огонь, а свет был пригашен, показалась мне куда приятнее шумной сверкающей залы, и я с радостью подремал бы тут часок-другой с Трики на коленях. Но миссис Памфри уже вела меня назад.

— А теперь я познакомлю вас с моими друзьями.

Мы вошли в залу, озаренную тремя хрустальными люстрами, свет которых ослепительно отражался от кремовых с золотом стен, увешанных зеркалами. Мы переходили от группы к группе, и я ежился от смущения, потому что миссис Памфри каждый раз называла меня «милым добрым дядей моего Трики». Но либо это были люди чрезвычайно благовоспитанные, либо они давно привыкли к чудачествам хозяйки — во всяком случае, выслушивали они это сообщение с полной невозмутимостью.

У одной из стен настраивали инструменты пятеро музыкантов, среди гостей сновали официанты в белых куртках, держа подносы, уставленные напитками и закусками. Миссис Памфри остановила одного из них.

— Франсуа, шампанское этому джентльмену.

— Слушаю, мадам, — и он подставил мне свой поднос.

— Нет, нет, не эти! Большой бокал!

Франсуа поспешил прочь и тотчас вернулся с чем-то вроде суповой тарелки на хрустальной ножке. Этот сосуд был до краев полон пенящимся шампанским.

— Франсуа!

— Мадам?

— Это мистер Хэрриот. Посмотрите на него внимательно.

Официант обратил на меня пару грустных, как у спаниеля, глаз и несколько секунд созерцал мою физиономию.

— Пожалуйста, поухаживайте за ним. Последите, чтобы бокал у него был полон и чтобы он не остался голодным.

— Разумеется, мадам! — Он поклонился и отошел.

Я погрузил лицо в ледяное шампанское, а когда поднял голову, рядом стоял Франсуа и держал передо мной поднос бутербродов с копченой лососяной.

И так продолжалось весь вечер. Франсуа то и дело возникал возле меня, наливая мой бокал или предлагая очередной деликатес.

Я ел, пил, танцевал, болтал — и вечер промелькнул как одна минута. Я уже надел пальто и прощался в холле с миссис Памфри, но тут передо мной опять появился Франсуа с чашкой горячего бульона. По-видимому, он

опасался, как бы я по дороге домой не ослабел от голода.

Когда я допил бульон, миссис Памфри сказала:

— А теперь вы должны пойти пожелать Трики спокойной ночи. Он никогда мне не простит, если вы к нему не заглянете.

Мы пошли в малую гостиную, и песик, зевнув из глубин мягкого кресла, завилял хвостом. Миссис Памфри умоляюще положила руку мне на локоть.

— Раз уж вы здесь, то, может быть, вы будете так добры и посмотрите его коготки. Меня тревожит, не слишком ли они длинны.

Я одну за другой поднял и осмотрел все четыре лапки, а Трики лениво лизал мне пальцы.

— Никаких причин тревожиться нет. Они совершенно нормальны.

— Ах, благодарю вас. Я вам чрезвычайно признательна. Но теперь вам нужно помыть руки.

В знакомой ванной с эмалевыми рыбами по стенам и раковинами цвета зеленоватой морской воды, туалетным столиком и флаконами на стеклянных полках я подставил руки под горячую струю. Рядом лежало предназначенное только для меня полотенце и обычный свежий кусок мыла, которое легко пенилось и пахло дорогими духами. Заключительный штрих блаженного вечера. Несколько часов среди роскоши, света и тепла. С воспоминаниями о них я вернулся в Скелдейл-хаус.

Я лег, погасил свет и вытянулся на спине. В ушах у меня все еще звучала музыка, и я уже снова унесся в бальный зал, как вдруг зазвонил телефон.

— Это Аткинсон с фермы Бек, — произнес далекий голос. — Свинья у меня никак не разродится. С вечера тужится. Вы приедете?

Кладя трубку, я взглянул на часы. Без малого два. Меня охватила тупая злоба. Пороссящая свинья — после шампанского, копченой лососины и сухариков с черным бисером икры! И ферма Бек, одна из самых неблагоустроенных ферм в округе. Это нечестно!

В полусне я стащил с себя пижаму и натянул рубашку. Сдернув со стула жесткие вельветовые брюки, предназначенные для черной работы, я старательно отвел глаза от взятого напрокат вечернего костюма, висевшего на плечиках в гардеробе. Ощупью я пробрался через нескончаемый сад в гараж. В черном мраке двора я зажмурился, и вокруг вновь засияли люстры, заиграла музыка, засверкали зеркала.

До фермы Бек было всего две мили. Она находилась в лощине, и зимой вокруг стояло море жидкой грязи. Я вылез из машины и захлюпал по грязи к крыльцу. На мой стук никто не отозвался. Я побрел к

хозяйственным постройкам в другой стороне и открыл дверь коровника. В лицо ударил теплый сладкий коровий запах, и я прищурился на огонек в дальнем конце, где маячила какая-то фигура.

Я прошел мимо темного ряда коров, которые неподвижно стояли почти бок о бок, разделенные только сломанными перегородками, и мимо громоздящихся за ними навозных куч. Мистер Аткинсон считал, что часто чистить коровник не следует.

Спотыкаясь на неровностях пола, разбрызгивая лужи мочи, я добрался до дальнего угла, где с помощью снятой калитки был отгорожен закуток. В полумраке смутно белела свинья, лежащая на скудной соломенной подстилке. Свинья не шевелилась, только подрагивали бока. Пока я смотрел, она вдруг задержала дыхание и напряглась. Через несколько секунд это повторилось.

Мистер Аткинсон встретил меня без особенного восторга. Человек уже пожилой, он не брился по меньшей мере неделю, а голову его венчала древняя шляпа с обвислыми полями. Он привалился к стене, сгорбив плечи. Одна рука была глубоко засунута в рваный карман, другая сжимала велосипедный фонарик с уже почти севшей батареейкой.

— И это весь свет, который тут есть? — спросил я.

— А как же, — ответил мистер Аткинсон с видимым удивлением. Он перевел взгляд с фонарика на меня, словно спрашивая: «Какого еще рожна ему нужно?»

— Ну так посветим, — сказал я и направил луч на мою пациентку. — Совсем молодая свинья?

— Куда моложе. Первый опорос.

Свинья снова напряглась, задрожала и замерла.

— Что-то там застряло, — сказал я. — Вы не принесете мне ведро горячей воды, мыло и полотенце?

— Горячей воды нету. Плиту давно загасили.

— Ну хорошо, принесите что у вас есть.

Фермер застучал каблуками по булыжнику, забрав с собой фонарик, и в темноте снова зазвучала музыка. Вальс Штрауса, и я вновь закружился с леди Фрэнсуик, молоденькой блондинкой, и она смеялась, когда я ее завертел. Я видел ее белые плечи, блеск бриллиантовой нитки на ее шее, мелькающие вокруг зеркала.

Шаркая, вернулся мистер Аткинсон и со стуком поставил на пол ведро. Я окунул палец в воду. Она была ледяной. А ведро честно служило уже много лет: того и гляди обдерешь руки о зазубренные края.

Я быстро сбросил куртку и рубашку, со свистом втянув воздух, когда

мне в спину подло ударил холодный сквозняк.

— Мыло, пожалуйста, — проговорил я сквозь сжатые зубы.

— В ведерке.

Погрузив руку выше локтя, я пошарил на дне, и мои пальцы наткнулись на какой-то круглый предмет величиной с теннисный мяч. Я вытащил его и оглядел. Он был твердым, гладким и весь в крапинках, как обкатанный гольш на морском берегу. Я оптимистически принялся тереть его между ладонями и намыливать руки по плечи, ожидая, что они покроются пеной. Но мыло оказалось стойким.

Попросить другой кусок я не рискнул, опасаясь, что в этом опять будет усмотрен глупый каприз, а просто взял фонарик и побрел через коровник во двор. Резиновые сапоги чмокали в грязи, грудь покрылась гусиной кожей. Стуча зубами, я шарил в багажнике, пока не нашел банку с антисептическим кремом.

В закутке я обмазал руку кремом, встал на колени позади свиньи и осторожно ввел пальцы. Мало-помалу вся кисть, а потом и локоть исчезли внутри свиньи, и мне пришлось лечь на бок. Камни были холодными и мокрыми, но я позабыл обо всем, потому что мои пальцы чего-то коснулись. Это оказался крохотный хвостик. Почти поперечное положение: довольно крупный поросенок застрял, как пробка в бутылке.

Одним пальцем я отгибал задние ножки, пока не сумел ухватить их и вытащить поросенка.

— Все из-за него. Боюсь, он погиб — слишком долго его там сдавливало. Однако другие, может быть, живы. Сейчас проверим.

Я снова намазал руку. Погрузив ее почти по плечо, я у самого зева матки нащупал еще одного поросенка, дотронулся до его мордочки... и мне в палец впились крохотные, но очень острые зубы.

Я испустил невольный вопль и взглянул на фермера с моего каменного ложа.

— Ну этот, во всяком случае, жив. Сейчас я его вытащу.

Но у поросенка было на этот счет свое мнение. Он не проявил ни малейшего желания покинуть теплый приют, и едва мне удавалось зажать между пальцами его скользкую ножку, как он ее тут же выдергивал. После двух минут такой игры руку мне свела судорога. Я расслабился, откинулся на булыжник, не извлекая руки, закрыл глаза и мгновенно очутился на балу, в тепле, под потоками яркого света. Я держал свой огромный бокал, а Франсуа лил в него шампанское; и вот я уже снова кружусь в вальсе совсем рядом с оркестром, а дирижер улыбается мне и кланяется, словно всю жизнь ждал встречи со мной.

Я улыбнулся в ответ, но лицо дирижера куда-то уплыло. На меня бесстрастно смотрел мистер Аткинсон, а луч фонарика, освещавший его снизу, придавал зловещий вид его небритым щекам и косматым бровям.

Я заставил себя очнуться и оторвал щеку от пола. Только этого не хватало — уснуть во время работы! То ли я очень устал, то ли шампанское не выветрилось до конца. Я снова напряг руку, крепко зажал ножку, и поросенок, как ни упирался, вынужден был появиться на свет. Впрочем, он тут же смирился со случившимся и философски засеменил вокруг материнской ноги к соскам.

— Она не тужится, — сказал я. — Прошло столько времени, она совсем измучилась. Придется сделать ей укол.

Еще один мучительный переход по грязи до машины, инъекция питуитрина в бедро родильницы, и минутой-другую спустя начались сильные схватки. Препятствий больше не было, и вскоре на соломе заворочался розовый поросенок, за ним почти без перерыва второй, третий...

— Как с конвейера сходят, — сказал я. Мистер Аткинсон буркнул что-то невнятное.

Всего родилось восемь поросят, и фонарик почти совсем уже перестал светить, когда вышла темная, масса следа.

Я потер замерзшие плечи.

— Ну вот и все.

Меня пробирала дрожь. Не знаю, сколько времени я простоял, созерцая чудо, которое никогда не может приесться: как новорожденные поросята встают на ножки и сами находят путь к длинному двойному ряду сосков, а мать полегоньку поворачивается, чтобы поудобнее подставить их голодным ртам своего первого потомства.

Поскорее одеться! Я еще раз попробовал намылиться этим куском мрамора, но победа снова осталась за мылом. Меня заинтриговала мысль: от деда или от прадеда получили его в наследство нынешние владельцы? Моя правая щека и весь правый бок покрылись коростой липкого сохнущего навоза. Я отодрал, что мог, ногтями, а потом ополоснулся стылой водой из ведра.

— Есть у вас полотенце? — спросил я, стуча зубами.

Мистер Аткинсон безмолвно протянул мне мешок с навозной коркой по краям, душно пахнувший отрубями, которые в нем когда-то хранились. Я принялся растирать им грудь, и, пока ее запудривала затхлая мучная пыль, последние пузырьки шампанского унеслись в щели крыши и грустно лопнули в ночном мраке.

Я натянул рубашку на шершавую спину с ощущением, что вернулся в собственный мир. Застегнув куртку, я подобрал шприц, флакон с питуитрином и вышел из закутка. Но перед тем как уйти, я обернулся. Велосипедный фонарик давал теперь света не больше, чем раскаленный уголек, и мне пришлось перегнуться через загородку, чтобы увидеть рядок поросят, энергично и сосредоточенно сосущих мать. Свинья осторожно переменяла позу и хрюкнула. С величайшим удовлетворением.

Да, я вернулся в мой мир, и это было хорошо. Я проехал море жидкой глины и поднялся на холм, где мне пришлось вылезти из машины, чтобы открыть ворота. В лицо мне ударил ветер, несущий холодный свежий запах заиндевевшей травы. Я постоял там, глядя на темные луга и перебирая в уме события минувшей ночи. Мне вспомнились школьные дни и пожилой джентльмен, беседовавший с нами о выборе профессии. Он сказал: «Если вы решите стать ветеринаром, то богатым не будете никогда, но зато жизнь у вас будет интересная и полная разнообразия».

Я расхохотался и, садясь в машину, продолжал посмеиваться. Он знал, о чем говорил. Разнообразие! Да уж куда разнообразнее!

Зигфрид и миссис Харботтл 2

Глядя на список своих вызовов, я подумал, что в этот раз Зигфрид уже не выглядел школьником, когда предстал перед мисс Харботтл. Во-первых, он не встал перед столом, эта поза всегда лишала его всякой надежды на успех, он проигрывал, не успев начать. Вместо этого он сменил курс на последних метрах пути и встал спиной к окну. Теперь она должна была поворачивать голову, чтобы увидеть его, а помимо этого, он стоял так, что свет был у него за спиной.

Он сунул руки в карманы и оперся спиной о стену. На лицо он нацепил маску терпения с улыбкой только что не святого, а глаза его излучали доброту. Глаза мисс Харботтл сузились.

— Хотел бы перебраться с вами парой слов, мисс Харботтл. Есть несколько пунктов, которые я хотел бы обсудить. Во-первых, ваша касса, эта коробка для мелочи. Очень милая вещь, и, на мой взгляд, вы были совершенно правы, введя ее в наш обиход, но, думаю, что вы первая же и согласитесь с тем, что главная задача кассы заключается в том, чтобы хранить мелкую наличность. — Он фыркнул коротким смешком. — Вчера вечером я прооперировал нескольких собак, и их владельцы хотели рассчитаться на месте. У меня не было сдачи, и я полез в вашу кассу, которая оказалась пустой. Мне пришлось сказать им, что я пришлю счет, и мне не кажется, что это правильно, не так ли, мисс Харботтл? Это не выглядело как подобает, и я вынужден просить вас держать в кассе мелочь для сдачи.

Глаза мисс Харботтл недоверчиво раскрылись.

— Но, мистер Фарнон, вы же сами выгребли все содержимое, чтобы пойти на бал по случаю открытия охотничьего сезона...

Зигфрид поднял руку, и его улыбка стала таинственной.

— Пожалуйста, дослушайте меня. Есть и еще одна мелочь, на которую я хотел бы обратить ваше внимание. Сегодня уже десятое число месяца, а счета еще не разосланы. Такое положение дел крайне нежелательно, и здесь есть несколько важных моментов...

— Но, мистер Фарнон!..

— Минуточку, мисс Харботтл, я сейчас все объясню. Общеизвестно, что фермеры быстрее оплачивают счета, если получают их по первым числам месяца. Но есть и другое, более важное соображение... — С его лица исчезла улыбка, а на ее место пришло выражение скорбной

серьезности. — Вы не пытались прикинуть, какие издержки несет наша деятельность просто потому, что вы опаздываете с выставлением счетов?

— Но, мистер Фарнон!..

— Я почти закончил, мисс Харботтл, и, поверьте, мне печально об этом говорить. Но факты таковы, что я не могу терять деньги подобным образом. — Он распростер руки, демонстрируя очаровательную откровенность. — Так что, если вы займетесь этой небольшой проблемой, я уверен, все будет хорошо.

— Но не скажете ли вы мне, как же я могу выставить счета, когда вы не дописали...

— И в заключение, мисс Харботтл, позвольте мне сказать вот еще что. Я очень удовлетворен теми успехами, которые достигнуты с тех пор, как вы появились у нас, и я уверен, что со временем вы подтянете те небольшие мелочи, о которых я упомянул.

В его улыбке появилось некоторое лукавство, и он склонил голову набок. Сильные пальцы мисс Харботтл крепко сжимали эбонитовую линейку.

— Эффективность, — сказал Зигфрид, прищуривая глаза. — Вот чего нам не хватает — эффективности.

Лабрадор-мучитель

Я бросил шовную иглу в лоток и сделал шаг назад, чтобы оглядеть законченную работу. «Что же, — сказал я себе, — работа выполнена замечательно».

Тристан наклонился над собакой и осмотрел разрез с аккуратным рядом стежков.

— Очень неплохо, мальчик мой. Лучше бы даже я не сделал.

Огромной черной Лабрадор лежал на столе, высунув язык, с остекленевшими глазами, в которых застыл невидящий взгляд. Его принесли с огромной уродливой опухолью между ребер, и я решил, что это просто липома — доброкачественная и вполне операбельная. Так оно и оказалось. Опухоль я сумел удалить с почти смехотворной простотой, жировик оказался круглым, целым, блестящим, похожим на яйцо вкрутую, очищенное от скорлупы. Кровотечения не было, равно как и риска осложнений.

Некрасивое вздутие было заменено на аккуратный шрам, который не будет виден через несколько недель. Я был доволен.

— Пусть полежит у нас, пока не придет в себя, — сказал я. — Помогите мне перенести его на те одеяла.

Мы положили пса перед электрическим камином, и я отправился на утренние вызовы.

Мы сидели за обедом, когда впервые услышали странный звук. Это было что-то среднее между стоном и воем; начинаясь вполне спокойно, звук затем набирал силу и высоту, а еще чуть позже прекращался совсем.

Зигфрид в удивлении оторвал взгляд от супа.

— Бога ради, скажите мне, в чем дело?

— Должно быть, это — та собака, которую я прооперировал сегодня утром, — ответил я. — Несчастный зверь, видимо, отходит от барбитуратов. Думаю, он скоро перестанет.

Зигфрид с сомнением посмотрел на меня.

— Что же, будем надеяться, я этого долго не выдержу, меня мороз по коже продирает.

Мы отправились проведать собаку. Пульс хорошего наполнения, дыхание глубокое, слизистые оболочки нормального цвета. Он лежал неподвижно на полу, и единственным признаком возвращающегося сознания был вой, повторявшийся каждые десять секунд.

— Да, с ним все в порядке, — сказал Зигфрид. — Но что за вой! Давайте уйдем отсюда.

Мы торопливо закончили обед в молчании, которое нарушалось только далеким воем. Не успел Зигфрид проглотить последний кусок, как уже был на ногах.

— Так, я должен бежать. Очень много дел на сегодня. Тристан, мне кажется, будет правильно, если ты принесешь пса в гостиную и положишь у камина. Там ты сможешь следить за его состоянием.

Тристан был ошеломлен.

— Ты имеешь в виду, что я должен остаться в одной комнате с этим воем на целый день?

— Да, именно это я и имею в виду. Мы не можем отправить его домой в таком состоянии, а я не хочу, чтобы с ним что-нибудь случилось. Ему нужны уход и внимание.

— Может быть, ты хочешь, чтобы я подержал его за лапку или покатал в коляске?

— Прекрати мне дерзить! Ты остаешься с собакой, и это — приказ!

Тристан и я перенесли собаку по коридору на одеяле, а затем мне надо было уходить на дневные вызовы. Я в последний раз оглянулся на огромную черную массу у огня и на жалкую фигуру Тристана, сидящего в кресле. Вой был невыносимо громок. Я быстро закрыл дверь.

Было уже темно, когда я вернулся, и старый дом навис надо мной, черный и тихий на фоне морозного неба. Впрочем, тишину его продолжал нарушать все тот же вой, отражавшийся эхом в коридоре. Его мрачный звук был слышен даже на пустынной улице.

Я захлопнул дверь автомобиля и посмотрел на часы. Было ровно шесть, значит, Тристан терпит все это уже четыре часа. Я взбежал по ступенькам, прошел по коридору, и когда открыл дверь в гостиную, вой резанул мой слух. Тристан стоял ко мне спиной и смотрел через окно в темноту сада. Руки он засунул глубоко в карманы, а из его ушей торчали комки ваты.

— Ну, и как дела? — спросил его я.

Ответа не последовало, поэтому я подошел к нему и похлопал по плечу. Эффект оказался поразительным. Тристан подскочил в воздух и резко повернулся ко мне. Его лицо было мертвенно-бледным, и было видно, что он сильно дрожит.

— Боже правый, Джим, ты чуть не убил меня. Я же ничего не слышу из-за этих затычек в ушах — кроме, конечно, этой собаки. Ничто ее не берет.

Я встал на колени перед Лабрадором и обследовал его. Состояние собаки было отличным, но только, за исключением слабых глазных рефлексов, пес не подавал никаких признаков возвращающегося сознания. Плюс еще его истошный вой через одинаковые интервалы.

— Черт возьми, как много ему нужно времени, чтобы прийти в себя, — сказал я. — И что, так продолжалось весь день?

— Именно так. Ничто не изменилось ни на йоту. И не жалею его так, этого орущего пса. Здесь, у огня, он счастлив, как никто другой, он же ничего не чувствует и не понимает. Другое дело — я. Мои нервы скоро лопнут от этих звуков, которые я выслушиваю час за часом. Еще немного, и ты сам начнешь кидаться на меня.

Он провел дрожащей рукой по волосам, и щека его начала дергаться.

Я взял его за руку.

— Ладно, пойдем поедим. После еды тебе станет лучше.

Зигфрид пребывал в отличном настроении за столом.

Он был полон радости и взял на себя все разговоры, но ни разу не упомянул об ужасном визге, доносившемся до нас из соседней комнаты, хотя от него не было избавления нигде.

Когда все выходили из комнаты, Зигфрид положил мне руку на плечо.

— Ты помнишь, что сегодня у нас встреча в Бротоне? Старина Ривз будет делать доклад о болезнях овец, — обычно у него получается хорошо. Жаль, что ты не сможешь пойти с нами, Тристан, — боюсь, ты должен будешь остаться при собаке, пока она не придет в себя.

Тристан дернулся, как будто его ударили.

— О, только не еще один сеанс с этим чертовым животным! Оно сведет меня с ума!

— Боюсь, другого выхода нет. Джеймс или я могли бы заменить тебя на вечер, но нам надо показаться на встрече. Будет нехорошо, если мы пропустим ее.

Тристан, спотыкаясь, пошел в гостиную, а я надел пальто. Выйдя на улицу, я на секунду остановился и прислушался. Собака все еще выла.

Встреча прошла успешно. Она состоялась в роскошной гостинице Бротона, и, как всегда, лучшей ее частью была заключительная совместная гулянка ветеринаров в гостиничном баре. Рассказы коллег о своих проблемах и ошибках — особенно ошибках, — производили неизменно успокаивающее действие.

Забавно было, оглядывая зал, пытаться отгадать, о чем говорит та или иная группа людей. Вон тот мужчина, согнувшийся пополам и машущий рукой в воздухе, — рассказывает о стоячей кастрации жеребенка. А другой,

вытянувший руку и что-то показывающий в воздухе пальцами, совершенно точно говорит о родовспоможении кобыле, возможно — об исправлении положения запястья. И делает это без каких-либо усилий. Ветеринарная хирургия вообще детская забава, когда сидишь в теплом баре с парой-другой порций в желудке.

Когда все расселись по машинам, было уже одиннадцать, и мы разъехались по Йоркширу каждый на свой участок. Кто-то двинулся в промышленные города Западного Райдинга, другие — к морю, в городки на Восточном побережье, а я и Зигфрид радостно поспешили домой по узкой дороге, петлявшей среди холмов Северных Пеннин.

Последние несколько часов я совершенно забыл о Тристане и его вахте и почувствовал себя виноватым при мысли об этом. Да и потом, к вечеру положение должно было улучшиться. Пес наверняка уже успокоился. Но, выскочив из машины в Дарроуби, я тут же остановился при слабых звуках собачьего воя, доносившихся из Скелдейл-хауса. Это было невероятно. Время — за полночь, а собака все еще орет. А как Тристан? Мне стало жутко при мысли о том, в каком он состоянии. С некоторой опаской я повернул ручку двери в гостиную.

Кресло Тристана стояло островом в море пустых бутылок из-под пива. К стене был приставлен перевернутый ящик, а Тристан сидел, выпрямив спину и напустив на себя торжественный вид. Я продрался сквозь пустую посуду.

— Что, трудно пришлось, Тристан? Как ты себя чувствуешь?

— Могло быть и хуже, старина, могло быть и хуже. Когда вы уехали, я сбегал к «Гуртовщикам» и купил ящик пол-литровых бутылок шеффилдского пива. И все изменилось. Часа через три-четыре собака больше не беспокоила меня, более того, я сам воем отвечаю на ее вопли. Мы интересно провели вечер. Но, кажется, он приходит в себя. Посмотри на него.

Огромная собака подняла голову, и в ее глазах появилось осмысленное выражение. Вой прекратился. Я подошел и похлопал ее по спине, и она попыталась взмахнуть хвостом.

— Так-то лучше, старина, — сказал я. — Теперь веди себя хорошо. А то ты устроил дяде Тристану адский день.

Лабрадор ответил на мои слова тем, что попытался встать. Шатаясь из стороны в сторону, он сделал несколько шагов и упал на бутылки. В дверях появился Зигфрид и с негодованием посмотрел на Тристана, который сидел все так же, выпрямив спину и строго глядя по сторонам, как судья. А собака все еще гремела бутылками.

— Что за чертова грязь! Неужели ты не можешь обойтись без того, чтобы не превратить в помойку даже самое простое поручение?

При звуках его голоса Лабрадор, видимо, в приступе самоуверенности, покачиваясь, пошел к нему, неуверенно помахивая хвостом. Он не ушел далеко и рухнул на пол, как туша, толкнув к ногам Зигфрида пустую бутылку из-под пива.

Зигфрид наклонился над ним и погладил блестящую черную шерсть на его голове.

— Милая, веселая собака. Я думаю, он себя еще покажет, когда ему станет лучше. К утру он будет в норме, но проблема в том, что с ним делать сейчас. Мы не должны оставлять его здесь, — он может упасть так, что сломает ногу. — Он взглянул на Тристана, который сидел, не шелохнувшись, только еще сильнее выпрямив спину, и смотрел надменно и строго, как прусский генерал. — А знаешь, что наилучшим выходом из положения будет, если ты заберешь его к себе в комнату на ночь. Теперь, когда мы потратили на него столько сил, мы не можем допустить, чтобы он поранил себя. Да, именно так, пусть он проведет эту ночь с тобой.

— Вот уж спасибо так спасибо! — сказал Тристан унылым голосом, все еще продолжая глядеть прямо перед собой.

Зигфрид пристально посмотрел на него, а затем повернулся спиной.

— Ну, вот и хорошо. Убери весь этот хлам, и давайте спать.

Моя спальня сообщалась со спальней Тристана межкомнатной дверью и представляла собой главную комнату, огромную, с высоким потолком, камином, с колоннами и изящными альковами, вроде тех, что внизу. В ней я всегда чувствовал себя герцогом.

Комната Тристана представляла собой обычную комнату для одевания, она была узкая и длинная, с кроватью такой низкой, как будто ее хотели спрятать подальше от глаз. На гладком крашеном дощатом полу не было ковра, поэтому я положил пса на грудь одеял и сказал пару ободряющих слов изнуренному лицу Тристана на подушке:

— Он больше не кричит — спит как ребенок, и похоже, так оно и будет дальше. Ты сможешь отдохнуть, ты это заслужил.

Я вернулся в свою комнату, быстро разделся и лег в постель. Заснул я сразу же, поэтому просто не могу сказать, когда за дверью раздался первый шум, но я тут же проснулся от яростного вопля, который резанул мне ухо. Затем я услышал звук скольжения и глухой удар, за которыми последовал очередной крик Тристана.

Я содрогнулся при мысли пойти в комнату к Тристана—я все равно ничем не мог ему помочь, поэтому завернулся в простыни поплотнее и стал

слушать. Я то проваливался в полусон, то просыпался, когда из-за стены доносились очередные глухие удары и крики.

Через пару часов звуки стали меняться. Похоже, Лабрадор уже начал управлять своими лапами, и его коготки отчетливо цокали по дощатому полу. Цоканье не останавливалось ни на минуту. Время от времени Тристан, теперь уже охрипший, кричал: «Ради бога, прекрати! Сядь же и успокойся, чертов пес!»

Должно быть, я уснул, потому что, когда проснулся, окно серело от холодных утренних лучей. Я перевернулся на спину и прислушался. Я отчетливо слышал цоканье коготков, как будто он разгуливал по комнате, а не тыкался то в одну стену, то в другую. Тристана не было слышно.

Я вылез из кровати, трясаясь от окутавшего меня холодного воздуха, и натянул рубашку и брюки. Подойдя на цыпочках к двери в соседнюю комнату, я открыл ее, и две огромные лапы легли мне на грудь, едва не опрокинув меня на пол. Лабрадор явно был мне рад, и казалось, что он чувствует себя как дома. Его красивые карие глаза светились интеллектом и счастьем, в широкой улыбке он показал ряд блестящих зубов и безукоризненно розовый язык. А где-то внизу плясал в экстазе его хвост.

«Что же, с тобой все в порядке, старина, — сказал я. — Дай-ка я посмотрю рану».

Я убрал когтистые лапы с груди и осмотрел линию стежков на ребрах. Не было ни боли, ни опухания, вообще никакой реакции.

«Здорово! — закричал я. — Замечательно! Теперь ты у нас как новенький».

Я похлопал его по заду, что привело его в состояние бешеной радости. Он опять прыгнул на меня, царапая и облизывая.

Я пытался справиться с ним, когда услышал удрученный стон из кровати. В сумеречном свете Тристан выглядел чудовищно. Он лежал на спине, сложив руки на одеяле, и в глазах его застыл ужас. «Ни разу глаз не сомкнул', Джим, — прошептал он. — Ни разу, черт возьми. У него прекрасное чувство юмора, у моего брата, раз он заставил меня провести ночь с этой зверюгой. Он будет считать, что день прошел не зря, когда узнает, что мне пришлось пережить. Вот понаблюдай за ним, — могу спорить на что угодно: он будет доволен».

Позднее, за завтраком, Зигфрид услышал душераздирающие подробности ночи, которую пережил Тристан, и выразил сочувствие. Он извинился за те неприятности, которые причинил брату. Но Тристан был прав. Зигфрид действительно выглядел довольным.

Пёсик, корова и мистер Грайер

Войдя в операционную, я увидел, что перед Зигфридом на столе лежит пациент. Мой патрон задумчиво поглаживал голову пожилого и очень несчастного бордер-терьера.

— Джеймс, — сказал Зигфрид, — будьте добры, отвезите этого песика Грайеру.

— Грайеру?

— Бротонскому ветеринару. Он лечил его, перед тем как владельцы переехали сюда. Я пару раз его осматривал — камни в мочевом пузыре. Ему необходима немедленная операция, и лучше, чтобы ее сделал Грайер. Он обидчивый черт, и я не хочу наступить ему на ногу.

— А! По-моему, я о нем слышал, — сказал я.

— Вполне вероятно. Образчик сварливого шотландца. Практикует на модном курорте, а потому у него не переводятся студенты, и всем им он устраивает адскую жизнь. А этого не скроешь. — Он поднял терьера со стола и вручил его мне. — Чем скорее вы туда отправитесь, тем лучше. Посмотрите, как пса прооперируют, и привезете его назад. Но ходите на цыпочках — если вы Грайера чем-нибудь заденете, он так или иначе сведет с вами счеты.

При первом взгляде на Грайера мне представилась бутылка виски. Ему было под пятьдесят, и в чем-то же таилось объяснение обвислым, в багровых пятнах щекам, тупости глаз и узорам лиловых жилок, разбегавшихся по сторонам его мясистого носа?! Его лицо неизменно хранило оскорбленное выражение.

Он не стал расходовать на меня свое обаяние: кивнул, что-то буркнул и забрал пса у меня из рук. Потом ткнул пальцем в худенького белобрысого юношу в белом халате.

— Это Клинтон, старшекурсник. И чего это в ветеринары девочек в брюках потянуло, не знаете, а?

(Было это задолго до моды на женские брюки.)

Во время операции он ел беднягу поедом, и чтобы как-то его отвлечь, я спросил у студента, когда он возвращается в колледж.

— В начале той недели, — ответил он.

— Да только он уже завтра домой уедет, — проскрежетал Грайер. — Тратить время зря, вместо того чтобы набираться тут опыта.

Студент покраснел.

— Но я же занимался практикой больше месяца и должен хоть два-три дня провести с моей матерью!

— Да знаю, знаю. Все вы на одну колодку — от сиськи оторваться не можете!

Операция прошла гладко. Накладывая последний шов, Грайер взглянул на меня.

— Пока пес под анестезией, вы же его не повезете. А у меня вызов, так можете отправиться со мной, чтобы скоротать время.

В машине мы не разговаривали — это был монолог. Долгая повесть о том, что ему приходилось терпеть от бессовестных клиентов и хищных коллег. Больше всего меня потряс эпизод с отставным адмиралом, который попросил обследовать его лошадь. Грайер нашел у нее большое сердце, чем ввергнул адмирала в ярость, и он обратился к другому ветеринару. Тот объявил, что лошадь вполне здорова и никакой болезни сердца у нее нет. Адмирал написал Грайеру письмо, в котором изложил свое мнение о нем сочным морским языком. Облегчив душу, адмирал захотел освежиться еще больше и отправился на верховую прогулку. Лошадь неслась галопом, когда вдруг упала мертвой и придавила адмирала, который получил сложный перелом ноги и множественные переломы таза.

— И до чего же, — сказал Грайер с глубочайшей искренностью, — до чего же я был рад!

Мы въехали в на редкость грязный двор фермы, и Грайер обернулся ко мне.

— Я корову должен тут почистить.

— Понятно, — сказал я. — Очень хорошо. — И, откинувшись на спинку сиденья, приготовился закурить трубку.

Грайер, уже почти вылезший из дверцы, задержался.

— Вы что же, не пойдете мне подсобить?

Я подумал, что он шутит. «Почистить корову» значит просто убрать послед, и второму человеку там делать нечего.

— Так я вряд ли могу быть полезен, верно? — сказал я. — Мои резиновые сапоги и халат остались у меня в машине. Я не понял, что вас вызвали на ферму. Я только испачкаюсь без всякой пользы.

Тут же я понял, что допустил промах. Жабьи брыли побагровели еще больше, он одарил меня ядовито-злым взглядом и отвернулся. Но на полдороге через двор остановился, о чем-то подумал и пошел назад к машине.

— Только сейчас вспомнил. У меня в багажнике найдется, что вам надеть. И я бы хотел, чтобы вы пошли со мной, подадите мне пессарий,

когда понадобится.

Бред какой-то! Но я послушно вылез из машины и подошел к багажнику. Грайер уже извлекал оттуда плоский деревянный ящик.

— Вот, надевайте! Костюм для родовспоможения. Купил я его не то чтобы недавно, но пользовался им редко — тяжеловат немножко, но уж в нем вы останетесь чистеньким.

Я заглянул в ящик и увидел костюм из толстой черной глянцевой резины. Я вытащил куртку: она была вся в молниях и блестящих кнопках, а весила тяжелее свинца. Брюки, снабженные множеством застежек и пряжек, оказались еще тяжелее. Очень и очень внушительный костюм, явно сотворенный человеком, который не присутствовал ни при едином отеле. Главным его недостатком было то, что человек оказывался в нем практически парализованным.

Я поглядел на Грайера, но водянистые мутные глаза мне ничего не сказали. Я начал снимать пиджак — полный идиотизм, но ведь иначе он оскорбится!

Действительно, Грайер, казалось, жаждал облечь меня в костюм — во всяком случае, он уже держал брюки наготове. Бесспорно, эта операция требовала двоих. Сначала натягивались поблескивающие брюки, застегивались, с носа и с кормы, а затем наступала очередь куртки: истинное произведение искусства, туго облегавшее талию, и с короткими рукавами дюймов шести длиной с резиновыми манжетами, сдавившими мои бицепсы.

Прежде чем надеть ее, я должен быть закатать до плеча рукава рубашки, затем Грайер, дергая и пыхтя, натянул ее на меня. Я услышал, как повизгивают застегиваемые молнии. Последняя была на спине и стягивала высокий жесткий стоячий воротник, который задрал мой подбородок к небу, словно я возносил молитву.

Грайер, казалось, вкладывал душу в эту операцию и в заключение извлек из ящика черную резиновую шапочку. Я отдернул голову и начал мямлить те возражения, какие преодолевали преграду воротника, но Грайер не отступил.

— Пойдите смирно еще минутку. Раз делать, так уж делать!

Завершив дело рук своих, он отступил на шаг, любуясь им. Несомненно, я являл собой гротескное зрелище — фигура, с ног до головы втиснутая в резиновую сверкающую броню, голые по плечи руки, торчащие почти под прямым углом. Грайер выглядел вполне довольным.

— Ну, пошли. Пора браться за работу.

Он повернулся и быстро зашагал к коровнику, я двинулся за ним

тяжелой походкой робота.

Наше появление в коровнике вызвало сенсацию. На нас уставились фермер, два скотника и маленькая девочка. Слова веселого приветствия замерли на губах мужчин, когда в дверях показалась грозная фигура. Девочка громко заплакала и убежала.

«Чистка» — работа грязная и вонючая для чистящего и крайне скучная для зрителей, которые стоят без дела минут двадцать и ничего не видят. Но на этот раз им скучать не пришлось, Грайер шарил внутри коровы и бормотал что-то о погоде, но они не слушали и только глазели на меня, пока я стоял там, словно рыцарские доспехи, прикрепленные к стене. Они с упоением разглядывали куртку и брюки. Я знал, о чем они думают. Что, собственно, произойдет, когда этот внушительный неведомый фактор будет задействован? Всякий, кто одет подобным образом, уж конечно, готовил себя к чему-то невероятному.

Воротник так сдавливал мне гортань, что я не мог произнести ни слова, и это, возможно, добавляло мне таинственности. Внутри костюма я уже обливался потом.

Девочка собралась с духом и привела своих братьев и сестер посмотреть на меня. Я видел ряд головок над нижней половиной двери и, ценой немалой боли повернув голову, попытался подбодрить их ласковой улыбкой. Но головы исчезли, и со двора донесся топот бегущих ног.

Не знаю, сколько времени я простоял так, но Грайер наконец извлек руки из коровы и крикнул:

— Ладно, действуйте!

Атмосфера внезапно наэлектризовалась. Зрители выпрямились и, приоткрыв рты, впились в меня глазами. Они заждались этой минуты.

Я оттолкнулся от стены, сделал поворот вправо с некоторым трудом и направился к жестянке с пессариями. Пройти требовалось несколько шагов, но мне, шагающему, как робот, с задранной головой и окостенело растопыренными руками, путь показался очень долгим. Когда я добрался до жестянки, возникла новая трудность — нагнуться оказалось практически невозможно. Изворачиваясь так и эдак, я всунул руку в жестянку; затем надо было снять обертку с пессария одной рукой — следующий круг чистилища. Зрители наблюдали за мной в замороженной тишине.

Сняв обертку, я сделал осторожный поворот на сто восемьдесят градусов и мерной походкой снова пересек коровник. Поравнявшись с коровой, я окостенело простер руку к Грайеру, который взял пессарий и ввел его в матку.

Затем, пока мой коллега приводил себя в порядок, я занял свою прежнюю позицию у стены и скосил глаза на зрителей. Теперь они смотрели на меня в абсолютной растерянности. Не могли же обязанности таинственного пришельца ограничиться лишь этим! Не мог же он облачиться в такой костюм, только чтобы принести пессарий! Однако, когда Грайер принялся расстегивать кнопки и молнии — вот это было нелегкой задачей! — они поняли, что представление окончено, и на смену разочарованию пришла потребность расхохотаться.

В кольце ухмыляющихся лиц я пытался растереть руки, онемевшие от манжет-удавок. Думаю, моим недавним зрителям не терпелось добраться до местной пивной, чтобы поведать эту историю всем желающим. Собрав лоскутья моего достоинства, я надел куртку и забрался в машину. Грайер задержался, чтобы о чем-то с ними поговорить, но они слушали рассеянно; их внимание было сосредоточено на моей жмущейся к сиденью фигуре. Они все еще не могли поверить своим глазам.

В операционной бордер-терьер уже приходил в себя. Он поднял голову и мужественно попытался вильнуть хвостом, когда увидел меня. Я завернул его в одеяло, взял на руки, приготовился уйти и тут увидел Грайера за приоткрытой дверью кладовой. На столе стоял деревянный ящик, и он вынимал из него резиновый костюм, но в его движениях было что-то странное, у него словно начался какой-то припадок: тело дергалось и содрогалось, лицо в багровых пятнах гримасничало, а изо рта вырывались подавленные стоны. Я уставился на него в полном изумлении. Если бы меня спросили, я бы сказал, что это невозможно, однако я сам был очевидцем! Никаких сомнений быть не могло — Ангус Грайер смеялся!

Послеродовой парез

Послеродовой парез обычно не обещает сюрпризов, но, взглянув в ручей, еле различимый в унылом сером свете занимающегося утра, я понял, что мне предстоит иметь дело с довольно редким его проявлением. Паралич сковал корову сразу после отела, и она съехала по глинистому откосу в воду. Когда я приехал, корова была в коме, задние ноги ушли глубоко под воду, голова лежала на каменистом уступе. Возле под косыми струями дождя жался ее теленок, мокрый и жалкий.

Мы начали спускаться к ним, и Дэн Купер поглядел на меня с тревогой.

— Вроде бы уже поздно. Она ведь сдохла? Она же не дышит.

— Боюсь, что дело плохо, — ответил я. — Но жизнь, по-моему, еще теплится. Если мне удастся ввести хлористый кальций ей в вену, может, она и встанет.

— Если бы! — буркнул Дэн. — Она же у меня самая удоинная. Всегда такое случается с теми, которые получше.

— Послеродовой парез именно таких и не милует. Ну-ка, подержите эти бутылки. — Я вытащил футляр со шприцем и выбрал толстую иглу. Мои пальцы, окаменевшие от того особого холода, который пронизывает вас на рассвете, когда кровь в жилах течет еще вяло, а желудок пуст, никак не могли ее ухватить. Ручей оказался глубже, чем я думал, и при первом же шаге вода полилась мне в сапоги. Охнув, я нагнулся и прижал большим пальцем яремный желобок у основания шеи. Вена вздулась, и, когда игла вонзилась в нее, мои пальцы залила теплая темная кровь. Кое-как я извлек из кармана диафрагменный насос, в один конец вставил бутылку, другой надел на иглу, и в вену пошел хлористый кальций.

Стоя по колено в ледяном ручье, поддерживая бутылку окровавленными пальцами и чувствуя, как дождевые капли затекают мне за воротник, я пытался отогнать грустные мысли. О всех тех, кто еще спокойно спит в теплых постелях и будет спать, пока их не разбудит будильник. А потом они сядут завтракать, развернув свежую газету, а потом спокойно поедут в уютный банк или в страховую контору. Может, мне следовало бы стать врачом — они-то лечат своих пациентов в чистых теплых спальнях.

Я вытащил иглу из вены и швырнул пустую бутылку на берег. Инъекция не подействовала. Я взял вторую бутылку и начал вводить

кальций подкожно. Привычные, но на этот раз бесполезные действия. И вдруг, машинально растирая вспухший после впрыскивания желвак, я увидел, что у коровы задрожало веко.

Меня захлестнула внезапная волна облегчения. Я посмотрел на фермера и засмеялся.

— Она еще держится, Дэн! — Я дернул ее за ухо, и она открыла глаза. — Подождем несколько минут, а потом попробуем перевернуть ее на грудь.

Четверть часа спустя она начала ворочать головой. Пора. Я ухватил ее за рога и потянул, а Дэн и его дюжий сын уперлись в плечо. Дело шло медленно, но мы дружно тянули и толкали. Корова сделала усилие и перевалилась на грудь. И мы сразу ободрились. Когда корова лежит на боку, так и кажется, что пришел ее последний час.

Теперь я почти не сомневался, что она оправится, однако уехать, бросив ее в ручье, я не мог. Коровы с парезом иногда лежат сутками, но у меня было предчувствие, что эта моя пациентка скоро поднимется на ноги. И я решил подождать.

По-видимому, ей не очень-то нравилось лежать в торфяной воде, и она попробовала встать, однако прошло еще полчаса, и у меня уже зуб на зуб не попадал, когда наконец ее усилия увенчались успехом.

— Вот те на! — сказал Дэн. — А я-то уж думал, что она так тут и останется. Видно, вы ей закатали крепкое снадобье.

— Во всяком случае срабатывает оно побыстрее, чем старый велосипедный насос, — засмеялся я. Внутривенная инъекция кальция была тогда еще новинкой, и ее эффективное действие не переставало меня поражать. Сколько веков коровы, если с ними случался парез, попросту гибли! Затем стали применять вдувание воздуха в вымя, и оно спасло немало животных. Однако кальций оказался поистине волшебным средством: когда корова вот так вставала через какой-нибудь час, я ощущал себя цирковым фокусником.

Мы вывели корову по откосу наверх, и там ветер и дождь обрушились на нас со всей яростью. До дома было шагов полтора, и мы побрели туда. Дэн пошел впереди с сыном, таща теленка в мешке, как в гамаке. Теленок покачивался из стороны в сторону и крепко жмурил глаза, словно не желая смотреть на мир, встретивший его столь сурово. За ними брела обеспокоенная мамаша: ноги у нее еще подгибались, но она упорно пыталась засунуть морду в мешок. Я шлепал по грязи, замыкая шествие.

Когда мы расстались с коровой, она стояла в теплом сарае по колено в соломе и энергично вылизывала теленка. На крыльце хозяева аккуратно стащили сапоги, и я последовал их примеру, вылив из каждого не меньше

литра бурой торфяной жижи. По слухам, миссис Купер была бой-бабой и держала Дэна и детей в ежовых рукавицах. Но во время прежних моих визитов я успел убедиться, что Дэн вовсе не такой уж мученик. И вновь подумал об этом, увидев ее плотную фигуру и круглое приятное лицо в уютной кухне, где она заплетала косички дочери, собирая ее в школу. Веселый огонь в очаге играл на начищенной медной посуде, и приятный запах чистой кухни становился еще приятнее оттого, что к нему примешивался аромат жарящейся грудинки домашнего копчения.

Миссис Купер погнала Дэна с сыном наверх сменить носки, а потом перевела спокойный взгляд на меня, на лужицы, которые растекались вокруг по ее линолеуму, и укоризненно покачала головой, словно я был нашалившим мальчишкой.

— Ладно, снимайте носки, — скомандовала она. — И куртку, а брюки засучите, садитесь вот тут, да вытрите хорошенько волосы. — Она бросила мне на колени чистое полотенце, а сама нагнулась надо мной. — И что это вы без шляпы ходите?

— Не люблю я их, — пробормотал я, и она снова покачала головой. Потом налила горячей воды из чайника в таз и добавила туда горчицы из большой банки. — Ставьте сюда ноги!

Я поспешно выполнил ее распоряжение и испустил невольный вопль, едва мои подошвы окунулись в пузырящуюся смесь. Под грозным взглядом миссис Купер у меня не хватило духа вытащить ноги из таза. Я сидел, стиснув зубы, среди облаков пара, и тут она сунула мне в руку огромную кружку чая.

Лечение было старомодное, но весьма эффективное. К тому времени, когда кружка наполовину опорожнилась, я уже весь пылал. Сырость, пробиравшая меня до мозга костей, превратилась в далекое воспоминание и окончательно исчезла из памяти, когда миссис Купер подлила в таз еще кипятку из чайника. Затем она ухватила стул и таз и начала поворачивать меня так, что я оказался за столом, а мои ноги по-прежнему оставались в тазу. Дэн и дети уже уписывали завтрак, а передо мной красовалась тарелка с парой вареных яиц, большим ломтем грудинки и сосисками. К этому времени я уже достаточно хорошо знал местные обычаи и хранил за столом полное молчание. В первые дни я считал, что из вежливости следует платить им за радушие интересной застольной беседой, но вопросительные взгляды, которыми обменивались мои сотрапезники, скоро уняли мои поползновения.

А потому я накинулся на еду без предисловий, однако первый же глоток чуть не заставил меня нарушить недавно усвоенное правило. Мне

впервые довелось попробовать домашние йоркширские сосиски, и было очень нелегко удержаться от восторженных возгласов, которыми я не преминул бы разразиться за менее патриархальным столом. Впрочем, миссис Купер следила за мной краешком глаза и, несомненно, заметила мое восхищение. Она встала, взяла сковороду и вывалила мне на тарелку еще несколько штук.

— Мы на прошлой неделе свинью забили, — сказала она и открыла дверь кладовой, где на блюдах лежали груды рубленого мяса, отбивные, печень и тускло поблескивал студень.

Я доел, надел свои сухие ботинки на толстые носки, которые мне одолжил Дэн, и начал прощаться, но тут миссис Купер сунула мне под мышку объемистый пакет. Ясно было, что в нем лежат кое-какие сокровища из кладовой, однако ее взгляд заставил меня прикусить язык. Невнятно пробормотав слова благодарности, я пошел к машине.

Церковный колокол отбил четверть десятого, когда я подъехал к Скелдейл-хаусу. Я чувствовал себя прекрасно, был набит вкусной едой и с удовольствием вспоминал быстрое выздоровление коровы. Помимо этого, на заднем сиденье у меня лежал пакет. Вообще, улыбается же иногда удача, и тогда попадаешь на ферму, где только что зарезали свинью, и получаешь подарок от гостеприимных хозяев, но те сосиски я никогда не забуду.

Я одним прыжком преодолел ступеньки и рысцой побежал по коридору, но, как только я повернул за угол, мое движение было остановлено. Я увидел Зигфрида, напряженно прижимающего спину к стене. На плече у него висел длинный, гибкий кожаный зонд. Нас разделяла полуоткрытая дверь кабинета мисс Харботтл, которая сидела за своим столом.

Я радостно помахал ему: «Привет, привет, что, вызов к подавившемуся животному?»

Лицо Зигфрида исказила гримаса боли, и он взмахом руки остановил меня. Затем он начал красться мимо двери на цыпочках, как канатоходец. Он уже проскользнул мимо двери и его напряженность стала спадать, как медный наконечник зонда на его плече стукнул по стене, и в ответ раздалось знакомое бурчание из угла, где сидела мисс Харботтл. Зигфрид взглянул на меня с отчаянием, понурил голову и медленно пошел в комнату.

Смотря ему вслед, я размышлял о том, как же развивались события с тех пор, как он нанял секретаря. Теперь между ними шла откровенная война, которая придавала новый, дополнительный интерес нашей жизни тем, что открыла возможность для наблюдения за тактикой двух сторон.

Поначалу казалось, что Зигфрид одержит легкую победу. Он был

работодателем, и все думали, что мисс Харботтл окажется легкой жертвой его обструктивной стратегии. Однако мисс Харботтл была настоящим бойцом, причем изобретательным, и, когда она пускала в ход возможности, имевшиеся в ее распоряжении, ею нельзя было не восхищаться.

И действительно, на прошлой неделе общее положение складывалось в ее пользу. Она играла с Зигфридом, как опытный рыбак с лососем. Она постоянно вызывала его к своему столу и задавала ему разные мелкие вопросы. Ее покашливание превратилось в злобный лай, звуки которого добирались до каждого уголка дома. А теперь у нее было новое оружие: она стала выписывать идиотские канцеляризммы Зигфрида на отдельные полоски бумаги — туда тщательно заносились ошибки в правописании, в сложении, неверные записи.

Мисс Харботтл использовала эти бумажки как боеприпасы. Она не трогала ни одну из них, пока в делах не было напряженности, а ее работодатель занимался практикой. Она хранила их до того момента, когда он начинал нагнетать обстановку. Тогда она совала бумажку к его носу и говорила: «А как насчет этого?»

При этом она всегда хранила бесстрастное выражение лица, и было невозможно увидеть, какое удовольствие ей доставляет его съезжившийся вид — как у животного, которое погоняют кнутом. Но конец был всегда одинаков — жалкие объяснения и извинения Зигфрида, а мисс Харботтл, лучась сознанием собственной правоты, исправляла запись.

Когда Зигфрид зашел в комнату, я продолжал наблюдать за ним через полуоткрытую дверь. Во-первых, я знал, что мои утренние вызовы могут подождать, а во-вторых, меня глодало жуткое любопытство. Мисс Харботтл казалась оживленной и деловитой, она постукивала пером по записи в регистрационной книге, а Зигфрид шел к ней, шаркая ногами и бормоча слова извинений. Он сделал несколько неудачных попыток сбежать, и через какое-то время я увидел, что он начинает закипать. Он стиснул зубы, а глаза его вылезали из орбит.

Зазвонил телефон, и секретарь взяла трубку. Ее работодатель попытался приблизиться к двери, но она с видимой радостью сказала: «Полковник Brent хочет поговорить с вами». Как зачарованный, он вернулся на свое место. Полковник Brent, владелец скаковых лошадей, уже давно занозой сидел в наших головах со своими жалобами и постоянными просьбами провести проверку его животных. Звонок от него означал гарантированный подъем кровяного давления.

Именно так и было в то утро. Минуты шли, и я видел, как лицо Зигфрида наливалось краской. Он отвечал сдавленным голосом, который

постепенно превратился в крик. В конце разговора он бросил трубку на рычаг и оперся о стол, тяжело дыша.

Затем я, не веря своим глазам, увидел, как мисс Харботтл потянула на себя выдвижной ящик стола, где она обычно хранила свои бумажки. Она выловила одну из них и протянула ее Зигфриду под нос.

«Что это?» — спросила она.

Я подавил желание закрыть глаза и продолжал в ужасе глядеть на сцену. В течение нескольких секунд ничего не происходило, и Зигфрид неподвижно стоял в кабинете в напряженном молчании. Потом он изменился в лице, одним решительным взмахом вырвал бумажку из руки секретаря и начал методично рвать ее на части. Он не сказал ни слова, но, отрывая клочки, все ближе напирал на мисс Харботтл, которая вынуждена была двигать свой стул назад, пока не уперлась в стену.

Это была странная картина. Мисс Харботтл со слегка приоткрытым ртом, с крашеными кудряшками, в тревоге стоявшими дыбом, напряженно выпрямила спину, а Зигфрид с разъяренным видом в безумном исступлении продолжал рвать бумажку. Сцена закончилась тем, что Зигфрид, разорвав бумажку на мелкие кусочки, метким броском отправил ее в корзину, как заправский копьеметатель. Обрывки полетели аккуратной кучкой, как конфетти, какие-то из них упали мимо, а Зигфрид, не говоря ни слова, намотал на руку зонд и уверенным шагом вышел из комнаты.

В кухне миссис Холл развернула пакет и достала пирог, кусок печенки и гроздь восхитительных сосисок. Она бросила на меня вопросительный взгляд.

— Похоже, сегодня утром вам повезло, мистер Хэрриот.

Я откинулся на дубовый буфет.

— Да, миссис Холл, мне тоже так показалось. Наверное, очень здорово быть начальником нашей конторы, но знаете ли, жизнь помощника — это тоже неплохо.

Тристан проявляет героизм

День начинался плохо. В четыре часа утра Зигфрид поймал брата, который только что вернулся с вечеринки по случаю встречи звонарей.

Это мероприятие имело место ежегодно и начиналось с прибытия в Мойкем автобуса со звонарями местных церквей. Однако они лишь ненадолго останавливались на море, а когда не направлялись из одного паба в другой, то пили пиво из кувшинов, привезенных с собой.

Когда они под утро въехали в Дарроуби, большинство пассажиров автобуса находились в бессознательном состоянии. Почетный гость праздника Тристан вылез из автобуса у заднего крыльца Скелдейл-хауса. Он слабо помахал рукой, но автобус уехал, и смотрящие в пустоту лица за его окнами никак не отреагировали на его прощание. Он прокрался в сад и с ужасом увидел свет в окне комнаты Зигфрида. Бежать было некуда, и когда его попросили объяснить, где он был, он сделал несколько безуспешных попыток произнести слово «звонари».

Видя, что он попусту тратит время, Зигфрид решил приберечь свою ярость до завтрака. Тогда-то Тристан и рассказал мне все, а потом в столовую вошел его брат и накинулся на него.

Но, как обычно, больше всего досталось самому Зигфриду, который вышел из себя и охрип от крика. Через десять минут после его ухода я обнаружил, что Тристан удобно устроился в чулане Бордмана, а тот слушает его рассказ с интересом и одобрением.

Старик очень повеселел со времени приезда Тристана домой, и они оба много времени проводили в темной комнате, куда свет поступал через маленькое оконце, освещавшее ряды ржавых инструментов и карикатуры Бэрнсфадера, висевшие на стене. Комнатушка обычно была заперта, и посетителей в ней не привечали, но Тристану здесь были рады всегда.

Часто случалось так, что когда я заглядывал к ним, то видел, как Тристан затягивается очередной своей сигаретой, а Бордман рассказывает ему про свою жизнь. «Мы шесть недель были на передовой. Французы были у нас слева, а шотландцы — справа». Или так: «Бедный старина Фред — только что он стоял рядом со мной, и вдруг его не стало. Ничего от него не осталось — только пуговица от брюк».

И в то утро Тристан бойко приветствовал меня, и я в очередной раз подивился гибкости его характера и его способности ивовым прутиком сгибаться под шквалами житейских неприятностей и выпрямляться после

того, как они проходили. В руке у него было два билета.

«Джим, сегодня в деревне — танцы, я тебе обещаю. Я прихвачу кое-кого из моего гарема в госпитале и прослежу, чтобы у тебя все было нормально. Но это еще не все — гляди, — он провел меня в шорную мастерскую, поднял доску в стене и достал бутылку хереса. — Нам будет чем промочить горло между танцами».

Я не стал спрашивать его о том, откуда взялись билеты и вино. Мне нравилось ходить в деревню на танцы. В битком набитом зале в одном конце играли три музыканта — пианист, скрипач и ударник, а в противоположном дамы в возрасте хлопотали вокруг закусок. Там стояли стаканы с молоком, громоздились горы сэндвичей, ветчины, домашних копченостей, а также пирожных со взбитыми сливками.

В тот вечер на мой последний вызов Тристан поехал со мной, и в машине мы говорили только о танцах. Причина вызова была довольно несложной — легкое воспаление глазницы у коровы, — но ферма располагалась далеко в холмах, и, когда мы закончили, уже наступали сумерки. Я чувствовал себя прекрасно, и вечер обещал быть приятным. Мы въехали на единственную пустую улицу, мощенную серым камнем, увидели в небе последний багровый отблеск, и на землю опустилась лиловая ночь. Ветра не было, было лишь мягкое движение воздуха, который долетал до нас с тихих вересковых полей. Он был полон сладкой свежести и дарил нам смутную надежду. В воздухе стоял запах дыма от топившихся дровами каминов.

Когда мы добрались до нашего офиса, Зигфрида там не было, но на каминной полке лежала записка для Тристана. В ней говорилось: «Тристан, езжай домой. Зигфрид».

Так уже случалось и раньше, ведь в Скелдейл-хаусе не хватало всего, но особенно кроватей и одеял. Когда прибывал неожиданный гость, Тристан собирался и уезжал к матери в Бротон. Обычно он без возражений садился на поезд, но в тот вечер получилось иначе.

— О боже, — сказал он. — Видимо, вечером кто-то приезжает, и, конечно же, именно я должен исчезнуть. Чертова традиция, должен сказать! Но каково послание! Есть у меня личные дела, нет у меня дел — это неважно. О нет! Даже вопроса не ставится, а удобно ли мне? Просто — «Тристан, езжай домой». Как вежливо и продуманно, не так ли?

Вообще не в его привычках было так заводиться. Я попытался успокоить его:

— Послушай, Трисс. Может быть, мы пропустим эти танцы? Ну не последние же они.

Тристан сжал кулаки.

— Почему я должен спускать ему такое обращение со мной? — Он весь кипел от злости. — Все-таки я — человек, не так ли? У меня — своя жизнь, и я не поеду вечером в Бротон. Я собрался на танцы, значит, я пойду на танцы, черт бы меня побрал.

Слова повисли в воздухе, но меня охватило чувство тревоги.

— Минутку. А как быть с Зигфридом? Что он скажет, когда вернется и обнаружит тебя в доме?

— К черту Зигфрида! — сказал Тристан, и я оставил его в покое.

Зигфрид вернулся, когда мы переодевались на втором этаже. Я первым спустился вниз и обнаружил его сидящим у камина и погруженным в книгу. Я ничего не сказал, а просто сел рядом и стал ждать взрыва.

Через несколько минут вошел Тристан. Он тщательно перерыл свой небогатый гардероб и теперь блестяще вы

глядел в своем сером костюме с чистым воротником рубашки, тщательно выбритый и причесанный.

При взгляде на него лицо Зигфрида залила краска.

— Какого черта ты тут делаешь? Я же сказал тебе отправляться в Бротон. К нам приезжает Джо Рэмедж.

— Я не мог.

— Почему?

— Не было поездов.

— Что значит — не было поездов, черт возьми?

— А вот так — не было.

Эта перебранка пробудила во мне обычное внутреннее напряжение. Разговор принимал традиционную форму: краснолицый Зигфрид задыхался от гнева, а его брат хранил бесстрастное спокойствие, ведя оборонительный бой с мастерством, отточенным за многие годы.

Зигфрид опустил в кресло, подумал некоторое время, держа брата на прицеле своих прищуренных глаз. Красивый костюм, прилизанные волосы и начищенные ботинки, казалось, служат для него дополнительным источником раздражения.

— Хорошо, — сказал он внезапно, — может быть, это даже хорошо, что ты остался. Я хочу, чтобы ты выполнил мое поручение. Удали гематому на ухе свиньи Чарли Дента.

Это было бомбой. Про ухо свиньи Чарли Дента речи не было.

За несколько недель до этого Зигфрид сам ездил на ферму Чарли, расположенную дальше по улице в окрестностях нашего городка, чтобы осмотреть распухшее ухо. Это была обычная гематома, и единственным

способом вылечить ее было вскрытие, но по какой-то причине Зигфрид не стал его делать, а отправил к ней меня на следующий день.

Я задумался о причине, но ненадолго. Когда я зашел в свинарник, с соломы поднялась свиноматка таких размеров, которых я до той поры не встречал. Она злобно фыркнула и бросилась на меня, открыв огромную пасть. Я не стал вступать с ней в спор, а перепрыгнул ограду высотой не менее полутора метров перед самым ее рылом и приземлился в проходе. Я стоял там и размышлял над своим положением, задумчиво глядя в злобные красные глаза и разинутый рот с длинными желтыми зубами.

Обычно я не обращаю внимание на фыркание свиней, но эта, похоже, и в самом деле хотела задать мне трепку. Я размышлял над своим следующим шагом, когда свинья издала злобный рык и села на задние ноги, пытаясь перепрыгнуть через ограду, чтобы добраться до меня. Я быстро придумал, как быть.

«Боюсь, что не захватил с собой нужных инструментов, мистер Дент. Я вернусь завтра и вскрыю опухоль. Тут ничего серьезного нет — мелкая работа, только и всего. До свидания».

Проблема так и осталась, и никто до сегодняшнего дня о ней не вспоминал.

Тристан пришел в ужас.

— Ты что, хочешь, чтобы я отправился туда сегодня вечером? Вечером субботы? А в другое время никак нельзя? Я собираюсь на танцы.

Зигфрид горько усмехнулся из глубины своего кресла.

— Это нужно сделать сейчас. Это — приказ. А на танцы можешь отправляться после.

Тристан начал было что-то говорить, но понимал, что уже достаточно долго искушает судьбу.

— Хорошо, — сказал он. — Я пойду и сделаю это.

Он с достоинством вышел из комнаты, Зигфрид опять уставился в свою книгу, а я смотрел в огонь и думал о том, как Тристан собирается решить эту проблему. Он был юношей с безграничными способностями, но на этот раз им предстояло настоящее испытание.

Через десять минут Тристан вернулся. Зигфрид посмотрел на него с подозрением.

— Ты вскрыл ухо?

— Нет.

— Почему нет?

— Я не нашел дом. Ты, должно быть, дал мне неверный адрес, ты сказал: дом номер 98.

— Номер 89, и ты прекрасно знаешь это, черт побери! А теперь возвращайся туда и сделай свое дело.

Дверь за Тристаном закрылась, и я стал ждать. Через пятнадцать минут она открылась еще раз, и в комнату вошел Тристан, не скрывая своей радости. Его брат оторвал глаза от книги.

— Сделал?

— Нет.

— Почему нет?

— А вся семья отправилась в кино. Субботний вечер все-таки.

— Мне наплевать, куда ушла семья. Заходи в свинарник и разрежь ухо. А теперь убирайся, и на этот раз я требую, чтобы дело было сделано.

Тристан опять ушел, и началась новая вахта. Зигфрид не сказал ни слова, но я чувствовал, как напряжение нарастает. Прошло двадцать минут, и Тристан опять предстал перед нами.

— Ну, теперь-то ты вскрыл ухо?

— Нет.

— Почему нет?

— Да там темнотища, хоть глаз выколи. Как, ты думаешь, я должен был работать? У меня только две руки — в одной я держал скальпель, а в другой — фонарь. А как мне держать ухо?

Зигфрид крепко держал себя в руках, но теперь его способность управлять собой исчезла.

— Хватит с меня твоих идиотских оправданий! — заорал он, вскакивая с кресла. — Мне плевать, как ты сделаешь это, но клянусь Богом: или ты вскрыешь это ухо сегодня вечером, или я покончу с тобой. А теперь убирайся и не возвращайся, пока не выполнишь то, о чем тебя просят.

Мое сердце обливалось кровью по Тристану. Ему сдали не лучшие карты, однако он проявил редкостное умение, разыгрывая их, но теперь у него не осталось ничего. Он на секунду остановился в дверном проеме, потом повернулся и вышел.

Следующий час показался мне бесконечным. Зигфрид, похоже, увлекся своей книгой, даже я попытался почитать, но слова не складывались в предложения, а от тупого взгляда на них у меня заболела голова. Я бы мог развеяться, погуляв взад-вперед по ковру, но в присутствии Зигфрида об этом нельзя было и помыслить. Я уже решил извиниться и пойти на улицу, как услышал звук открываемой входной двери и шаги Тристана по коридору.

Секундой позднее он провозвестником судьбы вошел в комнату, но ему предшествовал всепроникающий запах свиньи. Когда он подошел к огню,

казалось, что запашистые волны окутывают его. По всему его красивому костюму, на чистом воротнике рубашки, на волосах и лице прилип свиной навоз. Его брюки сзади были испачканы еще сильнее, но, несмотря на свою помятую внешность, он сохранял самообладание.

Не меняя выражения лица, Зигфрид быстро оттолкнул кресло.

— Ты вскрыл ухо? — спросил он тихо.

— Да.

Зигфрид ничего не сказал и вновь взялся за свою книгу. Было похоже, что вопрос закрыт, и Тристан, пристально посмотрев на склонившегося над книгой брата, повернулся и вышел из комнаты. Но даже после его ухода в воздухе остался висеть запах свинарника.

Позднее в «Гуртовщиках» я смотрел, как Тристан пьет уже третью кружку. Он переоделся, и хотя уже не выглядел таким франтом, как в начале вечера, но, по крайней мере, отмылся и совершенно избавился от запаха. Я еще ничего не сказал, но уже видел, как в его глаза возвращается прежний огонь. Я подошел к бару и заказал вторую кружку себе и четвертую Тристану. Когда я ставил их на наш стол, то подумал, что, наверное, пришло время поговорить.

— Ну, расскажи, что случилось?

Тристан сделал хороший глоток из своей кружки и зажег сигарету.

— Ты знаешь, Джим, все оказалось довольно просто, но надо начать с самого начала. Можешь представить себе, как я стоял в полной темноте свинарника, а эта чертова свинья рычала и фыркала на меня по ту сторону ограждения. Могу сказать тебе: мне было не по себе.

Я зажег фонарь перед мордой этой твари, и она накинулась на меня, рыча, как лев, и обнажив грязные желтые зубы. Я уже собирался отложить дело до следующего раза и вернуться домой, но подумал о танцах и о предстоящем вечере и перепрыгнул через ограду.

Через две секунды я оказался на спине. Она напала на меня, но было темно, и она не видела, куда меня укусить. Я только услышал фыркание, а затем на мои ноги опустилась страшная тяжесть.

И тут случилась забавная штука. Ты знаешь, Джим, я не люблю применять насилие к животным, но, когда я там валялся, мои предрассудки улетучились, и я не чувствовал к этой чертовой скотине ничего, кроме холодной ненависти. Я увидел в ней причину всех моих неприятностей. Я не отдавал себе отчета в своих поступках, а вскочил на ноги и стал пинать ее по толстому задку, гоняя ее по хлеву круг за кругом. И ты знаешь, она не оказала никакого сопротивления. В душе эта свинья оказалась трусихой.

Я все еще не понимал его.

— А как же ухо? Как тебе удалось вскрыть гематому?

— А это вообще не было проблемой. Ее уже вскрыли до меня.

— Ты хочешь сказать...

— Да, — сказал Тристан, держа кружку против света и рассматривая песчинку на ее доньшке. — Да, мне действительно повезло. В темноте свинарника, когда мы дрались, свинья налетела на стену, и опухоль лопнула сама. Получилось отлично.

Овцы и жеребец

Внезапно я осознал, что пришла весна. Случилось это на исходе марта, когда я осматривал овец в овчарне на склоне холма. Спускаясь вдоль опушки соснового леса, я на минуту прислонился к стволу, закрыл глаза и вдруг ощутил и тепло солнечных лучей на сомкнутых веках, и трели жаворонков, и шум деревьев на ветру, словно далекий гул прибоя. Правда, вдоль оград еще тянулись полосы снега, а трава оставалась по-зимнему бурой и безжизненной, но все было пронизано ощущением надвигающихся перемен, даже освобождения — ведь, сам того не замечая, я, чтобы укрыться от суровых месяцев, от беспощадного холода, заковал себя в броню упорного терпения.

Весна выдалась не слишком теплая, но погода была сухая, с сильными ветрами, которые теребили белые венчики подснежников и гнули желтые нарциссы на лугах. В апреле откосы у дорог зазолотились первоцветом.

В апреле же начался окот. Сразу, точно огромная волна, обрушившаяся на берег, наступила самая яркая и интересная для ветеринара пора, пик ежегодного цикла, — и, как всегда, именно в тот момент, когда мы были по горло заняты всякой другой работой.

Весной на домашних животных начинают сказываться последствия долгой зимы. Коровы месяцами стояли в тесных закутках и истомились по зеленой траве и солнечному теплу, а телята легко становились жертвами разных заболеваний. И вот, когда мы уже не представляли, как справимся с кашлями, ринитами, пневмониями и кетозами, на нас накатилась эта волна.

Как ни странно, но в течение десяти месяцев в году овцы для нас словно бы вовсе не существовали. Так, мохнатые клубки шерсти на склонах холмов. Но зато на протяжении двух месяцев они практически заслоняли все остальное.

Для начала — связанные с беременностью токсемии и вывороты. Затем лихорадочные дни окота, а вслед за ними — парезы, жуткие гангренозные маститы, когда вымя чернеет и с него сходит кожа. И еще болезни самих ягнят — лордоз, размягченная почка, дизентерия. Затем потоп начинал спадать, растекался мелкими струйками и к концу мая сходил на нет. Овцы вновь превращались в клубки шерсти на склонах холмов.

Но в первый мой сезон я открыл в этой работе особое очарование, и оно сохранилось для меня навсегда. Окот, на мой взгляд, столь же

захватывающе интересен, как и отел, но не требует от ветеринара тяжелых усилий. Конечно, известные неудобства были и тут — главным образом потому, что работать приходилось под открытым небом: либо в загонах, наспех огороженных связками соломы или створками ворот, либо (что бывало значительно чаще) прямо на лугу. Фермерам просто в голову не приходило, что овцы предпочли бы ягниться где-нибудь в тепле, а ветеринару не так уж нравится часами стоять на коленях без пиджака под проливным дождем.

Но сама работа была легче легкого. После того, что я натерпелся из-за неправильного положения плода у коров, возиться с этими крохотными созданиями было одно удовольствие. Ягнята обычно появляются на свет подвое и по трое, и порой получается поразительная путаница в самом буквальном смысле: мешанина головок и ножек, и все пытаются пройти первыми, а ветеринар должен их рассортировать и решить, какая ножка принадлежит какой головке. Я просто упивался. До чего же приятно было против обыкновения чувствовать себя больше и сильнее своих пациенток! Однако я никогда не злоупотреблял своим преимуществом, раз и навсегда решив для себя, что при окоте необходимы две вещи — чистота и мягкая осторожность.

А уж ягнята! Все детеныши трогательны, но ягнята получили несправедливо большую долю обаяния. Мне вспоминается пронизывающе холодный вечер на холме, когда под ударами ветра я помог появиться на свет двойне. Ягнята судорожно потрясли головками, и уже через несколько минут один поднялся на ножки и неуверенно заковылял к вымени, а второй решительно двинулся за ним на коленях.

Пастух, пряча багровое, обветренное лицо в поднятом воротнике тяжелой куртки, усмехнулся.

— Ну откуда они, черт деря, знают?

Он тысячи раз наблюдал это, но по-прежнему дивился. И я тоже.

Еще одно воспоминание. Двести ягнят в сарае. День очень теплый, и мы вводим им сыворотку против размяченной почки и не разговариваем, потому что протестующие ягнята пронзительно вопят, а примерно сотня матерей басисто блеет, беспокойно кружа снаружи. Я не мог себе представить, как овцы отыщут своих ягнят в такой толчее почти совершенно одинаковых крошек. Конечно, на это потребуются часы!

А потребовалось на это около двадцати пяти секунд. Кончив, мы открыли двери сарая, и навстречу потоку ягнят метнулись обезумевшие матери. Шум был оглушительный, но он быстро стих, сменившись блеянием двух-трех овец, которые последними воссоединились со своими

отпрысками. Затем стадо, разбившись на семейные группы, спокойно отправилось на пастбище.

В мае и в начале июня моя работа становилась все легче, и я уже забыл, что такое холод. Ледяные ветры были теперь лишь неприятным воспоминанием, и в воздухе, свежем, как дыхание моря, веяли ароматы тысяч цветов, усеявших луга. Порой мне становилось совестно, что я получаю деньги за мою работу — за то, что ранним утром я еду среди полей, озаренных первыми лучами солнца, и люблюсь легкими клочьями тумана, которые еще льнут к вершинам холмов.

В Скелдейл-хаусе буйно зацвела глициния; она врывается во все открытые окна, и я, бреясь по утрам, вдыхал пряный аромат тяжелых розовато-лиловых гроздьев, покачивавшихся совсем рядом с зеркалом. Жизнь превратилась в идиллию.

В этой бочке меда была лишь одна ложка дегтя: настало время лошадей. В тридцатых годах, хотя трактор уже начал свое неумолимое наступление, на фермах еще оставалось немало лошадей. Ближе к равнине, где было много пахотной земли, конюшни заметно опустели, однако лошадей было еще достаточно для того, чтобы превратить май и июнь в беспокойные месяцы. Именно тогда проводилась кастрация.

А до этого жеребились кобылы, и зрелище матери с сосунком, трусящим за ней или растянувшимся на траве, пока она паслась, не привлекало особого внимания. Не то что теперь, когда при виде рабочей лошади с жеребенком на лугу я останавливаю машину, чтобы хорошенько на них наглядеться.

Когда кобылы жеребились, работы вполне хватало и с ними самими, и с жеребятами, которым надо было подрезать хвосты, не говоря уж о недугах новорожденных — задержании первородного кала, инфекционных поражениях суставов. Это было тяжело, но интересно; однако, когда устанавливалась теплая погода, фермеры начинали подумывать о том, что пришла пора холостить стригунов.

Мне не нравилась эта работа, а операций бывало в сезон до сотни, и они омрачали и эту, и многие последующие весны. В течение многих поколений эта операция проводилась путем заваливания жеребенка и связывания его ног, примерно так же, как укладывают курицу перед тем, как поставить ее в духовку. Это было несколько трудоемко, но животное полностью обездвиживалось, и появлялась возможность сосредоточиться исключительно на работе. Но к тому времени, когда я получил диплом, распространение получила стоячая кастрация. Она заключалась в набрасывании петли на верхнюю губу жеребенка, инъекции местного

анестетика в каждое яичко и проведении собственно операции. Конечно, так было гораздо быстрее.

Очевидным неудобством в этом случае было то, что опасность получить ранение как ветеринару, так и его помощникам возрастала десятикратно, но, несмотря на это, метод становился все более популярным. Местный фермер по имени Кенни Брайт, считавший себя продвинутым мыслителем, принял свои меры, чтобы распространить его и в нашей округе. Он пригласил специалиста по лошадям майора Фарли, чтобы тот провел показательную операцию на одном из его стригунков. Посмотреть на процедуру собралась большая толпа фермеров. Кенни, с самодовольным видом державший петлю, обводил взглядом собравшихся, а его протеже готовился продезинфицировать место операции. Однако, как только майор коснулся мошонки антисептиком, жеребенок встал на дыбы и передней ногой нанес мощный удар по его черепу. Майора вынесли с переломанным черепом, воспользовавшись дверью вместо носилок, и он долгое время провел в больнице. Остальные фермеры не переставали смеяться, но происшествие не остановило их, и кастрация стоя продолжала распространяться.

Я уже говорил, что так было быстрее. Но это тогда, когда все шло гладко, но бывало и так, что жеребенок брыкался, кидался на нас. Девять раз из десяти операция никаких затруднений не вызывала, но на десятый превращалась в родео. Не знаю, как все это действовало на других ветеринаров, но я в такие дни с утра внутренне весь сжимался.

Разумеется, причина отчасти заключалась в том, что я не был, не стал и никогда не стану лошадиником. Определить точный смысл этого понятия трудно, но я убежден, что лошадиниками либо рождаются, либо становятся в раннем детстве. А мне было далеко за двадцать, и я понимал, что мое время для этого давно прошло. Я знал болезни лошадей и полагал, что могу неплохо их лечить, но дар истинного лошадиника уговаривать, успокаивать и подчинять себе лошадь не был мне дан. Я даже не пытался себя обманывать.

Вне всякого сомнения, лошади чувствуют это, а потому я оказывался в невыгодном положении. Коровы — дело другое: им все равно. Если корове захочется вас брыкнуть, она вас брыкнет. Ее совершенно не трогает, знаток ли вы коров или нет. Но лошади — те чувствуют.

А потому, когда в такие утра я начинал объезд и у меня за спиной на заднем сиденье стучали и звякали уложенные на эмалированном подносе инструменты, настроение у меня сразу падало. Будет ли он бесноваться или вести себя тихо? Крупный он или не очень? Я не раз слышал, как мои

коллеги небрежно утверждали, что предпочитают крупных жеребят. Двухлетки куда приятнее, говорили они, легче наложить щипцы. Но сам я твердо знал одно: мне жеребята нравятся маленькие, и чем меньше, тем лучше.

Как-то утром, в самый разгар сезона, когда я был по горло сыт конским племенем, Зигфрид, уходя, окликнул меня:

— Джеймс, поезжайте в Уайт-Кросс к Уилкинсону. У него лошадь с опухолью на животе. Прооперируйте. Если можно, сегодня или когда вам будет удобно. Я оставляю ее на вас.

Злясь на судьбу, которая подложила мне этот сюрприз сверх сезонной работы, я прокипятил скальпель, щипцы и шприц, уложил их на поднос рядом с коробочкой пузырьков кокаинового раствора, йодом и антистолбнячной сывороткой и отправился на ферму.

Всю дорогу поднос зловеще погромыхивал у меня за спиной. Этот звук всегда отдавался в моих ушах, как барабаны рока. Я по обыкновению прикидывал, какой окажется эта лошадь. А вдруг стригунок? У них иногда бывают такие небольшие болтающиеся опухоли — фермеры еще называют их ежевичкой. На протяжении шести миль я успел создать умильный образ жеребеночка с кроткими глазами, отвислым животом и буйно разросшейся гривой. Зимой он перенес плохо, скорее всего мучается глистами и даже на ногах еле держится от слабости.

Во дворе фермы стояла тишина. Там не было никого, кроме мальчугана лет десяти, который не знал, куда ушел хозяин.

— Ну а лошадь где? — спросил я.

Он кивнул на конюшню.

— Вон там.

В глубине я увидел стойло с металлической решеткой, венчавшей деревянные стенки. Оттуда донеслось басистое ржание, затем фыркание и наконец громовые удары копыт в стену. У меня по коже поползли мурашки. Нет, там явно был не жеребенок.

Я приоткрыл верхнюю половину двери, и на меня сверху вниз глянул четвероногий гигант. Я даже не думал, что лошади могут быть такими огромными. Буланый жеребец с гордо изогнутой шеей и копытами, как чугунные крышки уличных шахт. На его плечах и крупе перекачивались бугры мышц. При моем появлении его уши легли, белки глаз блеснули и копыта с грохотом впечатались в стену. Мимо просвистела длинная щепка.

— О господи! — прошептал я, торопливо закрыл верхнюю половину двери, привалился к косяку и долго слушал барабанную дробь собственного сердца. Потом я повернулся к мальчику.

— Сколько ему лет?

— Седьмой год, сэр.

Я попытался собраться с мыслями. Как подступиться к такому людоеду? Подобных коней я еще не видывал: он весил никак не меньше тонны. Нет, надо взять себя в руки. Ведь я даже не посмотрел на опухоль, которую мне предстояло удалить. Приподняв щеколду, я отворил дверь, самую чуточку, и заглянул в стойло. Вот она — болтается под брюхом. Скорее всего папиллома величиной с теннисный мяч: типичная, словно мятая, поверхность, отчего она похожа на кочан цветной капусты. При каждом движении коня опухоль легонько покачивалась. Убрать ее проще простого. Ножка тонкая; ввести несколько кубиков анестезирующего раствора, наложить щипцы — и дело с концом.

Легко сказать! Прежде-то надо забраться под это широкое, как бочка, глянцевитое брюхо и воткнуть иглу в нужный участок кожи — и все это в непосредственной близости от чудовищных копыт. Мысль не из приятных.

Но я заставил себя думать о простом и необходимом — о ведре с горячей водой, о мыле и полотенце. И мне нужен будет сильный помощник, чтобы наложить и держать закрутку. Я пошел к дому.

На мой стук никто не отозвался. Я постучал еще раз. Опять ничего. По-видимому, дома никого нет. И как-то само собой стало ясно, что операцию придется отложить до другого раза. Мне и в голову не пришло заглянуть в сарай или поискать кого-нибудь в поле.

Резвым галопом я ринулся к машине, развернулся так, что завизжали покрышки, и умчался со двора.

— Никого не было дома? — удивился Зигфрид. — Чертовски странно! Я был уверен, что они ждут вас именно сегодня. Нуда ничего, Джеймс. Смотрите, как вам удобнее. Позвоните им и договоритесь, но лучше не откладывать.

Почему-то жеребца оказалось очень легко выкинуть из головы: дни переходили в недели, а я о нем и не вспоминал. За исключением того времени, когда я был не властен над собой. Каждую ночь он по меньшей мере один раз громовым галопом вторгался в мои сны, раздувая ноздри и встряхивая гривой, и у меня появилась прискорбная привычка просыпаться в пять утра и немедленно начинать его оперировать. И до завтрака я успевал удалить эту проклятую опухоль раз двадцать.

Я уговаривал себя, что будет куда легче, если я назначу день и покончу с этим делом. Да и чего я, собственно, жду? Возможно, во мне жила подсознательная надежда, что если я буду тянуть, то откуда-то явится неожиданное спасение. Вдруг опухоль сама отвалится, или сойдет на нет,

или жеребец возьмет да и сдохнет?

Конечно, можно было бы переложить операцию на Зигфрида — он превосходно управлялся с лошадьми, — но я и без того почти утратил веру в себя.

Мои сомнения разрешились в одно прекрасное утро, когда раздался телефонный звонок. Это оказался мистер Уилкинсон. Он не был в претензии на столь длительную отсрочку, но дал ясно понять, что больше ждать никак не может.

— Видите ли, молодой человек, я хочу продать конягу, но кто же его купит с эдакой штукой, верно?

Привычный перестук инструментов на подносе у меня за спиной по пути на ферму Уилкинсона действовал на меня особенно угнетающе: слишком уж живо напоминал он о том первом разе, когда я всю дорогу гадал, что меня ожидает. Теперь-то я это знал!

Вылезая из машины, я словно стал бестелесным, и ноги мои как бы ступали по воздуху. Меня приветствовал гулкий грохот. Из закрытого стойла доносилось то же злобное ржание и тот же сокрушительный стук копыт. Навстречу мне вышел фермер, и я попытался искривить онемевшие губы в подобие улыбки.

— Мои ребята надевают на него недоуздок, — начал он, но его слова заглушил яростный визг в стойле и два могучих удара в деревянную стенку. Во рту у меня пересохло.

Шум приближался. Затем двери конюшни распахнулись и огромный жеребец вылетел во двор, волоча двух дюжих парней, повисших на чумбуре. Бульжник выбивал искры из гвоздей в их подошвах, но им никак не удавалось остановить жеребца, который метался из стороны в сторону. Мне казалось, что я ощущаю, как дрожит земля под его копытами.

В конце концов после долгого маневрирования парни прижали жеребца правым боком к сараю. Один надел на его верхнюю губу закрутку и умело затянул ее, второй крепко ухватил недоуздок и повернулся ко мне.

— Все готово, сэр.

Я проколол резиновую пробку пузырька с кокаином, оттянул поршень шприца и следил за тем, как прозрачная жидкость наполняет стеклянный цилиндр. Семь... восемь... десять кубиков. Если мне удастся вогнать их, остальное будет просто. Но руки у меня дрожали.

Я пошел к жеребцу с таким ощущением, словно смотрю кинофильм. Это же не я иду, и вообще все нереально. Обращенный ко мне левый глаз наливался яростью, а я поднял левую руку, положил ее на могучую шею и провел ладонью по глянцевиному подергивающемуся боку и дальше по

животу, пока не ухватил опухоль. Вот я сжал ее, почувствовал под пальцами ее твердые бугры и легонько потянул вниз, растягивая коричневую кожу ножки. Вот сюда и введу, очень удобные складки. Все идет не так уж плохо. Жеребец прижал уши и предостерегающе фыркнул.

Я сделал глубокий вдох, правой рукой поднял шприц, приставил иглу к коже и вонзил.

Удар копытом был молниеносен, — сначала я почувствовал только изумление, что такое большое животное способно двигаться столь быстро. Нога лягнула в бок — я даже не успел ее увидеть, — копыто впечаталось в мое правое бедро с внутренней стороны, и меня закрутило волчком. Я повалился на землю и замер, ощущая только странное онемение во всем теле. Потом я пошевелился, и ногу пронзила острая боль.

Когда я открыл глаза, надо мной наклонился мистер Уилкинсон.

— Как вы, ничего, мистер Хэрриот? — В его голосе слышалась тревога.

— Да нет, плохо. — Меня удивило, насколько просто и деловито я это сказал, но еще более странным было блаженное душевное спокойствие, которое я испытывал впервые за несколько недель. Я нисколько не волновался и чувствовал себя хозяином положения.

— Боюсь, что плохо, мистер Уилкинсон. Лучше уведите лошадь назад в стойло... Попробуем еще на днях. И если вас не затруднит, позвоните, пожалуйста, мистеру Фарнону, чтобы он приехал за мной. Мне кажется, машину вести я не смогу.

Кость осталась цела, но на месте ушиба образовалась огромная гематома, и вся нога расцветилась необыкновенными разводами — от нежно-оранжевых до угольно-черных. Я все еще прихрамывал, как старый инвалид, когда две недели спустя мы с Зигфридом и целой армией помощников отправились на ферму Уилкинсона, связали жеребца, усыпили его хлороформом и удалили эту небольшую опухоль.

У меня на бедре сохранилась вмятина — напоминание об этом дне. Но нет худа без добра: я убедился, что у страха глаза велики, и с тех пор работа с лошадьми никогда уже меня так сильно не пугала.

Ореховый эль, горькая соль и холодная вода

В первый раз я увидел Фина Колверта на улице перед нашей приемной. Я беседовал с бригадным генералом Джулианом Куттс-Брауном о его подружейных собаках. Бригадир был вылитый английский аристократ с театральными подмостков: очень длинный, сутуловатый, с орлиным носом и высоким тягучим голосом. Пока он говорил, между его губами просачивались струйки дыма от тонкой сигары.

Я обернулся на стук тяжелых сапог по тротуару. К нам быстро приближался дюжий мужчина: пальцы засунуты за подтяжки, обтрепанная куртка расстегнута и открывает широкое выпуклое пространство рубашки без ворота, из-под засаленной кепки свисает бахрама седеющих волос. Он широко улыбался неведомо кому и что-то энергично напевал.

Генерал бросил на него быстрый взгляд и холодно буркнул:

— Доброе утро, Колверт.

Финеас откинул голову с приятным удивлением.

— Эгей, Чарли, как поживаешь? — крикнул он.

У генерала был такой вид, будто он выпил залпом большую кружку уксуса. Дрожащей рукой он вытащил сигару изо рта и уставился на быстро удаляющуюся спину.

— Наглый тип! — проворчал он.

Глядя на Фина, вы ни за что не догадались бы, что перед вами зажиточный фермер. Меня вызвали к нему на следующей неделе, и я с большим удивлением увидел отличный дом и крепкие хозяйственные постройки, а на лугу — стадо породистых молочных коров. Его я услышал еще в машине.

— Эге-гей! Это кто же к нам приехал? Новый доктор? Значит, поучимся! — Пальцы у него были все так же заложены за подтяжки, и ухмылялся он до ушей.

— Моя фамилия Хэрриот, — сказал я.

— Вот, значит, как? — Фин осмотрел меня, склонив голову набок, а потом оглянулся на трех молодых парней. — А улыбка у него приятная, ребята. Сразу видать, Счастливчик Гарри. — Он повернулся и пошел через двор. — Ну-ка идемте, поглядим, что он умеет. В телятах разбираетесь? А то они у меня тут что-то занедужили.

Я последовал за ним в телятник с тайной надеждой, что мне удастся произвести впечатление — например, с помощью новых препаратов и вакцин, которые я захватил с собой. На этой ферме требовалось что-то очень и очень эффективное.

Телят было шесть, крупных годовичков, и трое вели себя странно: бродили по стойлу, словно слепые, скрежетали зубами, а изо рта у них текла пена. У меня на глазах один пошел прямо на стену и остался стоять, упершись мордой в камень.

Фин в углу словно бы с полным равнодушием напевал себе под нос. Когда я вынул из футляра термометр, он пустился в громогласные рассуждения:

— И что же это он делает? Ага, вон оно что! Хвост, хвост задери!

За полуминуты, которые термометр остается в прямой кишке животного, мне обычно приходится обдумать очень многое, но на этот раз я мог не мучиться с диагнозом — слепота говорила сама за себя. Я принялся рассматривать стены телятника. Было темно, и я чуть не тыкался носом в камни.

Фин снова подал голос:

— Э-эй, это еще зачем? Вы же по стенам егозите, прямо как мои телята, словно лишку хватили. Чего вы там ищете?

— Краску, мистер Колверт. Ваши телята скорее всего отравились свинцом.

Тут Фин сказал то, что в подобных случаях говорят все фермеры:

— Это откуда же? Я тут телят тридцать лет держу, и все были живы-здоровы. Да и краски тут никакой сроду не бывало.

— Ну а это что? — Я прищурился на доску в самом темном углу.

— Так я щель забил на прошлой неделе. Плашкой из старого курятника.

Я поглядел на хлопья лупящейся краски, которые оказались столь неотразимыми для телят.

— Вот вам и причина, — объявил я. — Видите следы зубов, где они ее грызли?

Фин с сомнением нагнулся к доске и буркнул:

— Ну ладно, а что ж теперь делать?

— Во-первых, немедленно убрать отсюда эту доску, а во-вторых, дать всем телятам дозу горькой соли. Есть она у вас?

Фин хохотнул.

— Есть-то есть, целый мешок, да только вы бы не придумали чего лучше? Впрыснули бы им какое лекарство?

Положение было не из легких. Специальных средств против отравления металлами и их соединениями не существовало, и иногда помогал только прием внутрь сульфата магния, вызывающего выпадение нерастворимого сульфата свинца. А в обиходе сульфат магния называют горькой солью.

— Нет, — сказал я, — никакие впрыскивания не помогут. Я даже не гарантирую, что от горькой соли будет большой толк. Но мне хотелось бы, чтобы вы три раза в день давали им по две полных столовых ложки каждому.

— Черт, их же так будет нести, что они, бедняги, сдохнут.

— Возможно, — сказал я, — но другого средства не существует.

Фин шагнул ко мне, и его обветренное морщинистое лицо почти вплотную придвинулось к моему. Карие в крапинку глаза, вдруг ставшие серьезными, несколько секунд всматривались в меня, потом он быстро отошел.

— Ладно, — сказал он. — Пойдемте выпьем.

Он повел меня на кухню, откинул голову и взревел так, что стекла звякнули:

— А ну-ка, мать, дай этому молодцу кружку пива. Иди, я тебя познакомлю. Это же Счастливчик Гарри.

Миссис Колверт с волшебной быстротой поставила перед нами бутылки и кружки. Я поглядел на этикетку — «Ореховый эль Смита» — и налил себе. Хотя я этого тогда и не знал, но момент был исторический: первая из бесчисленных кружек орехового эля, которые мне предстояло выпить за этим столом.

Миссис Колверт села, сложила руки на коленях и радушно улыбнулась.

— Значит, вы телят полечите? — спросила она.

Фин не дал мне ответить.

— Еще как полечит! Он их на горькую соль посадил.

— На горькую соль?

— Ага, мать. Я так и сказал, едва он подъехал, что лечение будет самое что ни на есть новейшее и научное. Им, молодым да современным, прямо удержу нет. — И Фин с невозмутимым видом отхлебнул эль.

Телятам постепенно становилось легче, и через две недели они уже ели нормально. У того, кто особенно пострадал, еще сохранялись следы слепоты, но я не сомневался, что это тоже пройдет.

Снова я увидел Финя довольно скоро. Часов около трех я сидел с Зигфридом в приемной, когда входная дверь оглушительно хлопнула и по

коридору простучали подкованные сапоги. Я услышал голос, напевающий: «Хей-ти-тидли-рам-ти-там», — и на пороге возник Финеас. Он одарил Зигфрида желтозубой ухмылкой.

— А, приятель, как делишки?

— Все прекрасно, мистер Колверт, — ответил Зигфрид. — Чем мы можем вам служить?

— Мне вот он нужен, — Фин ткнул пальцем в меня. — Чтобы он поехал ко мне, да побыстрее.

— Что случилось? — спросил я. — Опять телята?

— Черт, нет. А уж лучше бы они. Это мой бык. Пыхтит, хрипит, вроде как при воспалении легких, только куда хуже. Смотреть жалко. Прямо помирает. — На мгновение Фин стал совсем серьезным.

Я слышал про этого быка: элитный шортгорн, призер многих выставок, опора его стада.

— Я сейчас же выезжаю, мистер Колверт. Прямо за вами.

— Вот и молодец. Так я поехал.

Всю дорогу я гнал машину, но Фин уже ждал меня с тремя своими сыновьями. Они угрюмо хмурились, но Фин еще держался.

— А вот и он! Счастливчик Гарри собственной персоной. Теперь бояться нечего!

Пока мы шли к коровнику, он даже мурлыкал какой-то мотивчик, но когда заглянул в стойло, голова его поникла, а руки скользнули глубже за подтяжки.

Бык стоял посредине стойла как привинченный. Его огромная грудная клетка тяжело вздымалась и опадала — такого затрудненного дыхания мне видеть еще не приходилось. Рот его был открыт, с губ свисали сосульки пены, в пене были и широко раздутые ноздри. Он тупо глядел на стену перед собой выпученными от ужаса глазами. Нет, это была не пневмония; просто он отчаянно боролся за каждый глоток воздуха и мало-помалу проигрывал эту борьбу.

Он не шевельнулся, когда я поставил ему термометр, и, хотя мысли вихрем мчались у меня в голове, я подумал, что вряд ли мне хватит этих тридцати секунд. Я предполагал, что дыхание будет учащенным, но ничего подобного не ожидал.

— Бедняга, — пробормотал Фин. — Каких я от него телят получал! А уж послушный, что твой ягненок. Мой внучок шастал у него под брюхом, так он даже ухом не повел. Просто видеть не могу, как он мучается. Коли помочь ему нельзя, так вы прямо скажите, и я схожу за ружьем.

Я вытащил термометр. За сорок три! Чушь какая-то. Я энергично

встряхнул его и поставил еще раз. Теперь я ждал почти минуту, чтобы успеть подумать подальше. И снова за сорок три. У меня возникло ощущение, что, будь термометр на фут длиннее, ртутный столбик все равно уперся бы в конец трубки.

Что же это может быть такое?! Неужели сибирская язва?.. Да, должно быть, так... и все же... и все же... Я оглянулся на головы над нижней половиной двери. Фин и его сыновья ждали моего приговора, и их молчание делало особенно мучительными страдальческие хрипы быка. Над их головами в синем квадрате неба мохнатое облачко наползало на солнце. Когда оно поплыло дальше, мне в глаза ударил слепящий луч, я зажмурился, и вдруг в голове забрезжила мысль.

— Вы его сегодня выпускали? — спросил я.

— Само собой. Все утро пасся на привязи. Солнышко-то нынче какое! Мысль засияла ярким светом.

— Быстрее тащите сюда шланг. Наденьте вон на тот кран во дворе.

— Шланг? Что за черт...

— Да быстрее же... У него солнечный удар.

Шланг был навинчен меньше чем за минуту. Я пустил полную струю и начал поливать могучее животное ледяной водой — и морду, и шею, и бока, и ноги. Прошло пять минут, но мне они показались нескончаемо долгими, потому что никакого улучшения заметно не было. Я даже подумал, что ошибся, но тут бык сглотнул.

Уже что-то! Ведь раньше, судорожно пытаясь втянуть воздух в легкие, он просто не мог проглотить слюну. Да, несомненно, бык выглядит чуть-чуть получше. И вид у него не такой понурый, и дыхание... замедлилось?

Потом бык встряхнулся, повернул голову и поглядел на нас. Один из парней прошептал как замороженный:

— Ух, черт, а ведь помогло!

После этого началось чистое наслаждение. За всю свою практику я ни разу не испытал такого удовольствия, как в тот день, когда стоял в хлеву и направлял на быка животворную струю, а он прямо-таки блаженствовал под ней. Особенно ему нравилось ощущать ее на морде, и, когда я вел ее от хвоста по дымящейся спине, он поворачивал шею, подставлял нос под бьющую струю, водил головой из стороны в сторону и убоготворенно жмурился.

Через полчаса он обрел почти нормальный вид. Грудь его еще вздымалась, но ему явно полегчало. Я еще раз измерил температуру. Она понизилась до сорок и пять десятых.

— Он уже вне опасности, — сказал я. — Но лучше будет, если кто-

нибудь пополивает его еще минут двадцать. А мне пора.

— Ну, время выпить у вас найдется! — буркнул Фин.

Хотя, войдя в кухню, он и крикнул: «Мать!» — но его голос не загремел, как обычно. Опустившись на стул, он уставился в свой ореховый эль.

— Гарри, — сказал он. — Вот что: на этот раз ты меня прямо-таки ошарашил. — Он вздохнул и недоуменно потер подбородок. — Прямо-таки не знаю, что тебе и сказать, черт тебя дери.

Фин не так-то часто терял голос. И он вновь обрел его очень скоро — на первом же собрании фермерского дискуссионного общества.

Ученый джентльмен горячо восхвалял прогресс ветеринарной науки и заверял фермеров, что теперь их скотину будут лечить совсем как людей, используя новейшие медикаменты и процедуры.

И Фин не выдержал. Вскочив на ноги, он перебил лектора:

— Ерунду вы говорите, вот что! В Дарроуби есть молодой ветеринар, только из колледжа, и, по какой причине его ни вызовешь, он все едино лечит только горькой солью да холодной водой!

Корова полковника Меррика

Корова полковника Меррика умудрилась проглотить проволоку именно в то время, когда Зигфрида в очередной раз охватила неумемная жажда идеала. А полковник Меррик к тому же был его приятелем, что только усугубило ситуацию. Когда на Зигфрида находил такой стих, туго приходилось всем. Стоило ему прочесть новейший труд по ветеринарии или посмотреть фильм, демонстрировавший ту или иную методику, как он исполнялся боевого духа и начинал требовать от присмиривших домашних, чтобы они взялись за ум и работали над собой. На какой-то срок он оставался весь во власти стремления к совершенству.

— Мы должны проводить операции на фермах с должным профессионализмом. Нашарили в сумке какие попало инструменты и давай кромсать животное! Ну куда это годится? Необходима чистота, даже стерильность, когда возможно, и, конечно, строжайшее соблюдение методик.

А потому он возликовал, обнаружив у полковничьей коровы травматический ретикулит (инородное тело в сетке — втором отделе ее желудка).

— Ну мы покажем старине Губерту, как это делается! Он никогда не забудет, что такое подлинно научная ветеринарная хирургия!

На нас с Тристаном была возложена роль ассистентов, и наше прибытие на ферму, бесспорно, отличалось немалой внушительностью. Процессию возглавлял Зигфрид, выглядевший весьма щегольски в новехоньком твидовом пиджаке, которым он очень гордился. Со светской непринужденностью он пожал руку полковнику, и тут добродушно осведомился:

— Так вы собираетесь оперировать мою корову? Извлечь проволоку? Я был бы рад посмотреть, если вы позволите.

— Ну, разумеется, Губерт. Разумеется. Вы убедитесь, что это крайне интересно.

В коровнике нам с Тристаном пришлось повозиться. Мы поставили около коровы стол, а на нем разложили новые металлические лотки с аккуратными рядами сверкающих стерилизованных инструментов. Скальпели, пинцеты, зонды, корнцанги, шприцы, иглы, кетгут и шелковые нитки в стеклянных банках, рулоны ваты, пузырьки со спиртом и прочими антисептическими средствами.

Зигфрид распоряжался, счастливый, как мальчишка. У него были чудесные руки, и всегда стоило посмотреть, как он оперирует. Я без труда читал его мысли. Это, думал он, будет образцово-показательная операция.

Когда все наконец было устроено по его вкусу, он снял пиджак и облачился в ослепительно белый халат. Пиджак он вручил Тристану, но тут же гневно возопил:

— Да не бросай ты его на бочку с отрубями! Ну-ка дай его мне. Я найду для него безопасное место! — Он с нежностью почистил новый пиджак и осторожно повесил его на вбитый в стену гвоздь.

Тем временем я выбрил и обработал спиртом нужный участок на боку коровы, и все было готово для местной анестезии. Зигфрид взял шприц и быстро обезболит участок.

— Вот тут мы сделаем разрез, Губерт. Надеюсь, у вас крепкие нервы.

— Ну, мне не раз приходилось видеть кровь. Не беспокойтесь, в обморок я не хлопнусь! — Полковник широко улыбнулся.

Уверенным ударом скальпеля Зигфрид рассек кожу, затем мышцы и наконец осторожно и точно разрезал поблескивающую брюшину. Открылась гладкая стенка рубца (так называется первый отдел желудка).

Зигфрид взял другой скальпель и примерился, где лучше сделать разрез. Он уже поднял его, но тут стенка рубца неожиданно выпятилась.

— Странно! — пробормотал он. — Возможно, скопление газов, — и, невозмутимо задвинув мягким движением протуберанец обратно, снова занес скальпель. Но едва он отнял ладонь, как рубец вылез наружу — розовое полушарие величиной побольше футбольного мяча. Зигфрид затолкал его обратно, но рубец тут же выскочил снова, раздувшись до поразительной величины. Теперь Зигфрид вынужден был пустить в ход обе ладони, и только тогда ему удалось вернуть желудок на положенное ему место. Несколько секунд он простоял, держа руки внутри коровы и тяжело дыша. На лбу у него выступили капли пота.

Затем он очень осторожно вынул руки. Ничего не произошло. Повидимому, все обошлось. Зигфрид снова потянулся за скальпелем, и тут рубец, словно живой, опять выпрыгнул наружу. Впечатление было такое, будто из разреза вылез весь желудок — скользкий блестящий ком, который расширился и вздувался, пока не поднялся до уровня его глаз.

Зигфрид уже не пытался изображать невозмутимость: обхватив ком обеими руками и отчаянно напрягая все силы, он давил на него, чтобы отжать вниз. Я кинулся к нему на помощь и услышал его хриплый шепот:

— Что же это такое, черт подери?

Он явно опасался, что этот пульсирующий орган был какой-то

неведомой ему частью коровьего организма.

Мы молча отжимали ком вниз, пока он почти весь не вошел в разрез. Полковник внимательно следил за нами. Он никак не ожидал, что операция окажется настолько интересной. Его брови чуть-чуть поднялись.

— Наверное, газы, — пропыхтел Зигфрид. — Передайте мне скальпель и посторонитесь.

Он вонзил скальпель в рубец и резко дернул вниз. Я был очень рад, что посторонился. Из разреза вырвалась струя полужидкого содержимого желудка — зеленовато-бурый вонючий фонтан, взметнувшийся из недр коровы так, словно там заработал невидимый насос.

Струя ударила прямо в лицо Зигфрида, который не мог отпустить рубец, иначе он провалился бы в брюшную полость и загрязнил ее. Его ладони лежали по сторонам разреза, и он стойко сохранял свою позицию, а мерзкая жижа лилась ему на волосы, стекала за шиворот, пятнала белоснежный халат.

Иногда гнусная струя взметывалась и подло орошала все вокруг. Почти сразу лотки со сверкающими инструментами были полностью залиты. Аккуратные ряды тампонов, стерильные рулончики ваты исчезли бесследно, но и это еще было не все: особенно дальнобойная порция щедро забрызгала новый пиджак, висевший на стене. Лицо Зигфрида было настолько залеплено, что я не мог рассмотреть его выражения, но его глаза выразили в этот момент глубочайшую муку.

Брови полковника тем временем поднялись до предела, челюсть отвисла, и он смотрел на эту сцену в полном ошеломлении. Зигфрид, все еще упрямо не разжимавший рук, занимал в ней центральное место и неколебимо стоял посредине зловонной лужи, доходившей до половины его резиновых сапог. Он словно сошел с иллюстрации, изображающей островитян Тихого океана: волосы подсыхали жесткими завитками, на коричневом лице сверкали белки глаз.

Затем струя спала, и на пол стекли последние капли. Теперь я мог раздвинуть края разреза, Зигфрид ввел в него руку и ощупью прошел в сетку. Я глядел на него, пока он шарил по напоминающей соты внутренней поверхности этого отдела коровьего желудка, почти прижатого к диафрагме. Зигфрид удовлетворенно крикнул, и я понял, что он нащупал проволоку. Несколько секунд спустя она была извлечена.

Тристан тем временем лихорадочно отыскивал и отмывал банки с кетгутотом и нитками, так что разрез в рубце удалось быстро зашить. Героическая стойкость Зигфрида была вознаграждена: дело обошлось без загрязнения брюшины.

Он молча и быстро сшил мышцы, наложил швы на кожу, а затем обработал рану. Все выглядело отлично. Корова сохраняла полную невозмутимость. Благодаря анестезии она даже не заметила титанической борьбы, которую мы вели с ее внутренностями. Более того, избавленная от проволоки, она, казалось, уже почувствовала себя лучше.

Уборка потребовала немало времени; особенно трудно оказалось придать презентабельный вид Зигфриду. Мы усердно лили на него ведра воды, а он скорбно чистил щепочкой свой пиджак. Толку от этого не было никакого.

Полковник сердечно его благодарил.

— Идите в дом, дорогой мой. Идите, выпьем! — Но в его голосе чувствовалось некоторое напряжение, и он благоразумно не подходил к своему приятелю ближе чем на пять шагов.

Зигфрид накиннул на плечи погубленный пиджак.

— Нет, Губерт, спасибо. Вы очень любезны, но нам, к сожалению, пора. — Мы вышли из коровника, и он добавил: — Я думаю, день-два, и ваша корова начнет есть нормально. Недели через две я заеду снять швы.

В тесноте машины нам с Тристаном некуда было ото-двинуться. Мы высунулись в окна, но легче нам от этого не стало.

Мили две Зигфрид хранил молчание, потом он посмотрел на меня, и его полосатое лицо расплылось в улыбке. Твердости духа ему было не занимать стать.

— В нашей профессии, мальчики, никогда не знаешь, что тебя поджидает за поворотом, но вы вот о чем поразмыслите: операция-то удалась!

Джефф Мэллок, живодер

В этом наводящем тоску дворе нас было трое — Айзек Крэнфорд, Джефф Мэллок и я. Только Мэллок выглядел непринужденно — как и следовало, поскольку, в определенном смысле, он был нашим радушным хозяином, а также владельцем живодерни, где под его снисходительным взглядом мы рассматривали труп только что распотрошенной им коровы.

В Дарроуби имя Мэллока звучало похоронным звоном. Оно знаменовало гибель скотины, упований фермеров, надежд ветеринаров. Стоило какому-нибудь животному заболеть, кто-нибудь да и объявлял: «Думается, ее скоро Мэллок заберет!» — или «Не миновать ей Джеффа Мэллока». И место его деятельности вполне гармонировало с его репутацией: скопление унылых кирпичных зданий в двух-трех лугах от дороги, а над одним обрезок трубы, из которой постоянно валил траурно-черный дым.

Приближаться к обители Мэллока тем, кто не обладал крепким желудком, заведомо не стоило, а потому горожане старательно ее избегали, но если бы вы осмелились пройти по подъездной дороге и заглянуть в щель между раздвигающимися створками металлических ворот, то узрели бы мир кошмаров. Повсюду туши мертвых животных. Большинство разъяты, с крючьев свисают огромные куски мяса. Однако кое-где виднеются вздувшиеся овечьи трупы или тоже раздувшаяся позеленевшая дохлая свинья, — выпотрошить их даже у Джеффа духа не достало.

Груды черепов и высохших костей местами достигали крыши, а по углам виднелись бурые бугры мясной муки. Запах там всегда стоял омерзительный, но когда Джефф варил туши в котлах, смрад был уж совсем нестерпимым. Жилище семьи Мэллок стояло в самом центре двора, и тех, кто оказывался там впервые, можно было извинить, если они ожидали увидеть там компанию уродцев. Однако сорокалетний Джефф был розовощеким херувимом, его супруга — пухленькой, улыбчивой и миловидной. На их детей тоже было приятно смотреть — начиная от старшей дочери, девятнадцатилетней красавицы, и кончая младшим сыном, крепким пятилетним бутузом. Всего имелось восемь юных Мэллоков, и они проводили жизнь, весело играя среди изъеденных туберкулезом легких и всевозможных микроорганизмов, вроде возбудителей сальмонеллеза или сибирской язвы. И были самыми здоровыми детьми в округе.

В трактирах поговаривали, что Джефф — один из самых богатых

людей города, но местные жители, прихлебывая пиво, признавали, что деньги свои он заработал сполна. В любой час дня и ночи он отправлялся в громыхающем старом фургоне на ферму, воротом втаскивал в негa труп, отвозил к себе и потрошил. Оптовый торговец собачьим кормом приезжал дважды в неделю из Бротона и покупал свежее мясо. Остальное Джефф сгребал в котел, чтобы готовить мясную муку, которая пользовалась большим спросом как добавка к корму свиней и домашней птицы. Кости шли на изготовление удобрений, шкуры отправляли к дубильщику, а не имеющие названия остатки забирал субъект с диким взглядом, «кошатник этот», как его окрестили. Иногда ради разнообразия Джефф изготавливал длинные бруски странновато пахнущего мыла — их разбирали нарасхват для мытья полов в лавках. Да, говорили люди, Джефф, конечно, деньги гребет лопатой. Но, черт дери, он их заработал, что так, то так.

Встречаться с Мэллоком мне приходилось довольно часто. Живодерня была для ветеринара очень полезным местом. Она служила примитивной секционной, где он мог проверить правильность своего диагноза в случае летального исхода; а когда причина смерти животного ставила его в тупик, под носом Джеффа обнаруживалась разгадка тайны.

И, конечно, фермеры постоянно присылали Джеффу труп животного, которое я лечил, и просили Джеффа объяснить, чего с ним приключилось-то, и вот тут возникали некоторые трения, так как Джефф получал в свои руки немалую власть и редко удерживался от соблазна пустить ее в ход. Пусть он не умел ни читать, ни писать, зато обладал великой профессиональной гордостью; он не любил, чтобы его называли живодером, пред-почитая более благозвучное «скорняк». Он твердо верил, что, более двадцати лет потроша трупы больных животных, знает больше любого ветеринара в мире, и беда была в том, что фермеры были с ним совершенно в этом согласны.

Мой день бывал бесповоротно испорчен, если в приемную заглядывал фермер и сообщал, что Джефф Мэллок снова опроверг мой диагноз. «Э-эй! Помните корову, которую вы лечили от недостаточности магния? Ну, она так и зачахла. Я ее к Мэллоку отправил. Так знаете, что с ней было-то? Червяк в хвосте. Джефф говорит: вам бы хвост отрубить, так она встала бы и пошла себе здоровехонькая».

И бессмысленно было возражать, что червяков в хвосте вообще не бывает. Джефф, он уж знает! И дело с концом.

Если бы Джефф использовал свои бесценные возможности, чтобы приобрести какие-никакие начатки знаний, все было бы не так уж плохо. Но он создал собственноручно кошмарную патологию и подкреплял ее

всякими отдающими черной магией рекомендациями, которых набрался от наиболее невежественных фермеров. У него были четыре дежурных недуга — застой в легких, черная гниль, язвы нутра и красные камни. Этот квартет ввергал в дрожь ветеринаров на много миль вокруг.

Еще один крест, который по его милости приходилось нести ветеринарам, была его уникальная способность только взглянуть на мертвое животное и с места в карьер определить причину его смерти. Фермеры, благоговевшие перед этим его даром, постоянно спрашивали у меня, почему я не могу так. Но невзлюбить Мэллока было невозможно. Какой же человек устоит перед шансом стать непререкаемым авторитетом? И за его поведением не крылось никаких коварных намерений. Тем не менее иногда оно приводило к неприятным ситуациям, и я всегда старался вовремя оказаться на месте. И особенно когда речь шла об Айзеке Крэнфорде.

Крэнфорд был суровым человеком, человеком поистине чугунным. Извлекающий максимум из любой сделки, любой ценой добывающийся своего, он слыл скаредом в краях, где бережливость была в крови у всех. Ему принадлежали чуть ли не самые плодородные земли в долине, его шортгорны постоянно получали призы на выставках, но друзей у него не было. Мистер Бейтсон, его северный сосед, охарактеризовал его так: «Этот малый блоху обдерет ради ее шкуры». Мистер Дикон, его южный сосед, придерживался другой точки зрения: «Если он наложит лапу на фунтовую бумажку, только ее и видели!»

Эта утренняя встреча уходила корнями в предыдущий день. Мистер Крэнфорд позвонил днем.

— У меня корову молнией убило. Валяется мертвая на лугу.

Я удивился.

— Молнией? Вы уверены? У нас сегодня грозы не было.

— Может, у вас и не было, а у нас тут была.

— Ну-у... хорошо. Я подъеду осмотрю ее.

По дороге на ферму я предвкушал предстоящий разговор без всякого удовольствия. Вопрос о молниях был очень щекотливым. Все фермеры были застрахованы от ударов молний, — это входило в страхование от огня, и после сильной грозы ветеринаров часто вызывали осмотреть погибших животных.

Страховые компании особенно не придирались. Если они получали официальную справку, подписанную ветеринаром, что причиной смерти он считает молнию, то обычно выплачивали премию без всяких осложнений. В сомнительных случаях они просили сделать вскрытие или обращались за

вторым мнением к другому ветеринару. Трудность заключалась в том, что никаких четких диагностических признаков такого рода смерти не существует. Разве что иногда повреждения подкожных тканей, но практически ничего больше. В лучшем случае на трупке были типичные следы ожога — от уха вниз по ноге к опаленной траве. Ну, или животное находили под деревом, которое, несомненно, само было расщеплено молнией. Тогда поставить диагноз труда не составляло.

Девяносто девять процентов фермеров хотели, чтобы все было честно, и если ветеринар обнаруживал другую четкую причину смерти, они принимали его заключение философски. Но оставшийся процент мог всю душу вымотать.

Мне довелось присутствовать при беседе Зигфрида со стариком, который вызвал его засвидетельствовать смерть от молнии. Длинные полосы опаленной шерсти были абсолютно классическими, и Зигфрид, разглядывая их, впал в почти лирический тон:

— Просто чудо, Чарли, просто чудо, я никогда еще не видел более типичных следов ожога. Вот только одно. — Он обнял старика за плечи. — Такая жалость, что вы капнули стеарином на кожу!

Старик всмотрелся и стукнул по ладони.

— Чтоб ему! Ваша правда, мистер! Подпортил я, ничего не скажешь. А как старался-то. Целый час убил на это дело, чтоб ему.

Он удалился, продолжая бурчать. Он ничуть не смутился и только негодовал на свою досадную промашку.

Но этот случай, раздумывая я, пока каменные стенки неслись за окошками машины, будет совсем другим. Крэнфорд привык настаивать на своем, прав он был или не прав, и если сегодня по его не выйдет, не избежать кучи неприятностей.

Я въехал в ворота фермы и покатил по аккуратной асфальтированной дороге через луг. Мистер Крэнфорд стоял неподвижно посреди двора, и меня не в первый раз поразило его сходство с голодной хищной птицей. Сгорбленные узкие плечи, выдвинутое вперед лицо с носом-клювом, темное пальто, свободно свисающее с костлявого тела, — я бы не удивился, если бы он вдруг захлопал полами и взлетел на крышу коровника. Однако он только нетерпеливо кивнул мне и торопливой подпрыгивающей походкой зашагал к лугу позади дома. А на лугу — ни единой живой изгороди, ни дерева, ни даже кустика. Тешившая мое воображение картина трупка под расщепленным обугленным деревом тотчас исчезла, оставив после себя тревожную пустоту.

Мы остановились возле коровы. Первым заговорил мистер Крэнфорд:

— Молния, это точно. Другому-то и быть нечему. Сначала грозища, каких мало, а потом гляжу — она тут валяется, а корова была из лучших.

Я оглядел траву вокруг крупной даже для шортгорнов коровы. Куски дерна были выворочены, оставив проплешины.

— Но ведь она не просто упала тут, верно? Она билась в судорогах. Видите — комья земли около копыт.

— Ладно, в судорогах. Так судороги-то от молнии начались. — У мистера Крэнфорда были маленькие злобные глазки, и они перебежали с воротничка моей рубашки на пояс макинтоша, на резиновые сапоги. Он никогда никому не смотрел прямо в лицо.

— Не думаю, мистер Крэнфорд. Для удара молнии характерно, что животное гибнет сразу же. У некоторых во рту даже остается трава.

— Да знаю я! — рявкнул мистер Крэнфорд, и его худое лицо пошло красными пятнами. — Я полвека со скотиной прожил. И эта не первая, которую у меня на глазах молния убила. Это по-разному бывает, вот что!

— Не спорю, но, видите ли, у такой вот смерти могло быть много причин.

— Каких еще причин?

— Ну, сибирская язва для начала. Недостаточность магния, что-нибудь с сердцем — можно целый список составить. Я считаю, что тут необходимо вскрытие.

— Э-эй! Это что же, по-вашему, я чего-то затеваю, чего не положено?

— Вовсе нет. По-моему, мы просто должны удостовериться, прежде чем я выпишу удостоверение. Поедем к Мэллоку, вскрыем ее, и поверьте, если другой явной причины смерти не окажется, сомнение будет истолковано в вашу пользу. Страховые компании в подобных случаях не придираются.

Хищное лицо мистера Крэнфорда ушло глубже в воротник. Он яростно сунул руки в карманы.

— Я всегда ветеринаров вызывал. Настоящих, опытных. — Глазки метнулись в сторону моего правого уха. —

И никогда они такой возни не затевали. Какой толк от лишних хлопот? Зачем вам придираться понадобилось?

Вот именно — зачем? Зачем наживать в лице этого человека врага? Он пользовался в округе большим влиянием. Первое лицо в местном Союзе фермеров, член всех сельскохозяйственных комитетов на мили вокруг. Богатый, преуспевающий человек, и, хотя он многим не нравился, его уважали, к нему прислушивались. Он мог очень навредить начинающему ветеринару. Почему не написать удостоверение и не отправиться домой? То

есть удостоверить, что я осмотрел означенное животное и, по моему мнению, причиной смерти был удар молнии. Так просто! И Крэнфорд будет умиротворен. На чем все и кончится. Зачем по пустякам настраивать против себя эту опасную личность? Да и вообще это вполне могла быть молния.

Я посматривал на мистера Крэнфорда, стараясь пере-хватить его взгляд, но в последнюю секунду он успевал отвести глаза.

— Извините, но мне кажется, нам следует заглянуть внутрь этой коровы. Я позвоню Мэллоку, попрошу, чтобы он ее забрал, а завтра утром мы ее осмотрим. Я буду ждать вас у него в десять. Это удобно?

— А куда деваться? — прошипел Крэнфорд. — Одна глупость, но, видно, придется вас ублажить. Только позвольте вам напомнить, что корова была отличная и стоила все восемьдесят фунтов. Я таких денег терять не могу. И хочу получить, что мое по праву.

— Не сомневаюсь, мистер Крэнфорд. Но прежде чем ее заберут, мне надо взять мазок на сибирку.

Фермер все больше закипал. Как столп методистской молельни, он был вынужден стесняться в выражениях, а потому вложил все свои подавляемые чувства в злобный пинок, который пришелся точно по тазовой кости покойной коровы, так что он несколько секунд прыгал на одной ноге, а потом захромал к дому.

Оставшись один, я надрезал ухо и намазал кровью пару предметных стеклышек. Разговор получился не слишком приятный, и завтрашний тоже не сулил ничего хорошего. Я аккуратно уложил стеклышки в картонную коробку и отправился в Скелдейл-хаус, чтобы посмотреть их под микроскопом.

Так что компания, собравшаяся на следующее утро во дворе живодерни, не лучилась бодростью и дружелюбием. Даже Джефф, хотя его лицо и хранило обычное выражение Будды, на самом деле был глубоко оскорблен. Выйдя во двор, я услышал от него довольно бессвязный рассказ о происшедшем накануне, однако я сумел собрать мозаику в единую картину. Джефф выпрыгивает из своего фургона на лугу Крэнфорда, обводит мертвую корову пронзительным взглядом и ставит свой мгновенный блистательный диагноз: «Застой в легких! Сразу видать по их глазам и как шерсть по хребту лежит», — а затем безмятежно ждет восторженного аханья и похвал, которые неизменно следовали за его коронным номером. И тут мистер Крэнфорд просто заплясал от бешенства. «Заткни свою идиот-скую пасть, Мэллок, чего ты знаешь-то? Эту корову молнией убило, заруби себе на носу!»

И вот теперь, нагибаясь над тушей, я не находил никаких признаков хоть чего-то. Кожа была содрана, но не открылось ни единой гематомы. У всех внутренних органов вид совершенно нормальный.

Я выпрямился и запустил пятерню в волосы. Котел негромко побулькивал, выбрасывая клубы смрадного пара в и без того уже благоухающую атмосферу. Две собаки деловито лизали холмик мясной муки.

И тут я оледенел от ужаса. У собак оказался конкурент. Златокудрый малыш засовывал в муку указательный пальчик, потом клал в рот и сосал с блаженным видом.

— Поглядите туда! — охнул я.

Лицо живодера просияло отцовской гордостью.

— Угу! — весело сказал он. — Моя мука по вкусу не одним псам да кошкам. Замечательная штука, а уж питательна!

К нему вернулось хорошее расположение духа, он чиркнул спичкой и безмятежно запыхтел короткой трубкой, обильно инкрустированной свидетельствами его жутковатого ремесла.

Я заставил свои мысли вернуться к причине моего появления тут.

— Джефф, пожалуйста, рассеките сердце, — сказал я.

Джефф ловко располосовал могучее сердце сверху донизу, и я тут же понял, что получил ответ на свой вопрос. Предсердия и желудочки были почти заполнены пушистыми выростами из клапанов. Бородавчатый эндокардит, частый у свиней, но очень редкий у рогатого скота.

— Вот что убило вашу корову, мистер Крэнфорд, — сказал я.

Крэнфорд нацелил нос на разрезанное сердце.

— Чушь собачья! Вы что, хотите, чтоб я поверил, будто такие малюсенькие штуковины свалили взрослую корову мясной породы?

— Не такие уж они малюсенькие. Вполне достаточные, чтобы преградить путь крови. Мне очень жаль, но ваша корова погибла от болезни сердца.

— А молния как же?

— Боюсь, ни малейших признаков. Вот, сами посмотрите.

— Ну а мои восемьдесят фунтов?

— Я очень сожалею, но это не меняет фактов.

— Фактов! Какие там еще факты! Я вот утро потратил, приехал сюда, а вы ничего мне такого не показали, чтоб я свое мнение изменил!

— Мне больше добавить нечего. Картина абсолютно ясная.

Мистер Крэнфорд замер в обычной своей позе нахохлившейся птицы. Он прижал ладони к пиджаку и шевелил пальцами, словно поглаживая

свои любимые банкноты, которые от него ускользали. Ушедшее в воротник лицо, казалось, заострилось еще больше.

Потом он обернулся ко мне и предпринял жуткую попытку улыбнуться. А его глаза, нацеленные на мои лацканы, мужественно пытались подниматься дюйм за дюймом. На мимолетный миг они встретились с моими и тут же с тревогой метнулись вбок.

Он отвел меня в сторону и обратился к моей гортани. В его хриплом шепоте зазвучала улещивающая нота.

— Вот что, мистер Хэрриот, мы же с вами понимаем, что к чему. И вы не хуже меня знаете, что для страховой компании это почти и не убыток вовсе, не то что для меня. Так почему вы не можете написать, что молния ее убила??

— Даже если я знаю, что дело не в молнии?

— Так, чтоб ей, какая важность-то? Написать-то вы можете? Никто и знать не будет.

Я почесал в затылке.

— Меня, мистер Крэнфорд, беспокоит, что я буду знать.

— Вы будете знать? — в полном недоумении произнес фермер.

— Вот именно. И напрасно вы... я не могу выписать вам удостоверение на эту корову, и все тут.

Растерянность, недоверие, разочарование сменялись на лице мистера Крэнфорда.

— Ладно! Так я вот что вам скажу. Я этого так не оставлю. Поговорю с вашим хозяином насчет вас. — Он резко обернулся и показал на корову. — Никаких признаков болезней тут нет. И нечего меня за нос водить, будто причина — эти штучки в сердце. Просто вы своего дела не знаете! Не знаете даже, что это за штучки!

Джефф Мэллок извлек изо рта свою несказанную трубку.

— А я вот знаю. То самое, что я говорил. Застой в легких получается, когда молоко из молочной жилы назад в тело попадает. Добирается, значит, до сердца, ну, тут уж все. И что вы там видите, так это, значит, свернувшееся молоко. Вот оно что такое.

Крэнфорд тотчас набросился на него:

— А ты помолчи, безмозглая твоя башка! Толку от тебя, что вот от этого тут! Мою хорошую корову молния убила. Молния! — Он чуть не надорвался от последнего вопля. Потом взял себя в руки и сказал мне уже спокойно: — Вы еще обо всем этом услышите, мистер Всезнайка! А сейчас я вам только одно скажу: ноги вашей больше на моей ферме не будет!

Он повернулся и ушел своей торопливой походкой.

Я попрощался с Джеффом и устало забрался в машину. Ну, все вышло лучше некуда. Если бы труд ветеринара сводился только к лечению больных животных! Куда там! Сколько еще всяческой всячины!

Я включил мотор и уехал.

Как мы заработались

Мистер Крэнфорд не стал откладывать надолго исполнение своей угрозы. Он явился в приемную на следующий день сразу же после обеда. Мы с Зигфридом слышали бряцание дверного колокольчика, как раз когда расположились насладиться сигаретой после сытной трапезы. Мы не пошевелились, так как фермеры обычно сразу же входили, едва позвонив в дверь.

В отличие от нас собаки не отступили от своего правила. Утром они долго бегали по вересковой пустоши в холмах и только что кончили вылизывать свои миски. Усталые, с туго набитыми животами, они свалились храпящей кучей у ног Зигфрида. Больше всего на свете они жаждали десяти минут покоя и мира, однако, преданно следуя возложенному на себя долгу свирепых стражей дома, они без малейшего промедления взвились с коврика, заливаясь бешеным лаем, и ринулись в коридор.

Люди часто недоумевали, почему Зигфрид держал пять собак. И не просто держал их в доме, но брал с собой повсюду. Когда он отправлялся по вызову, его бывало трудно угледеть среди косматых голов и виляющих хвостов. И всякий, кто приближался к машине, в ужасе отшатывался, услышав свирепый лай, увидев в окошках оскаленные клыки и пылающие злобой глаза.

«Я не в силах понять, — говорил Зигфрид, ударяя кулаком по колену, — почему люди видят в собаках живые игрушки. Собаке необходимо выполнять ту или иную функцию. Сторожить, пасти овец, выслеживать и приносить дичь, быть поводьями. Но хоть убейте, не пойму, кому нужно, чтобы эти твари просто болтались в доме!»

Он постоянно провозглашал это кредо — часто из-за ширмы болтающихся ушей и высунутых языков, если сидел в машине. Его слушатель в изумлении переводил взгляд с огромного грей-хаунда на крохотного ягдтерьера, со спаниеля на уиппета и на скотчтерьера, но никто ни разу не спросил Зигфрида, зачем он держит своих собак.

По моим расчетам, свора налетела на мистера Крэнфорда на повороте коридора, и всякий человек, более слабый духом, конечно, обратился бы в бегство, но я услышал, как он упорно пролагает себе дорогу вперед. Когда он появился в дверях гостиной, то отмахивался от собак снятой шляпой. Маневр не слишком разумный, так как лай стал почти истерическим. Глаза

мистера Крэнфорда выпучились, губы шевелились, но до нас не доносилось ни звука.

Зигфрид, как всегда сама учтивость, встал ему навстречу и указал на кресло. Губы у него тоже шевелились, несомненно, произнося любезные слова приветствия. Мистер Крэнфорд захлопал лапами черного пальто, пронесся по ковру и опустился в кресло, как на ветку. Собаки окружили его кольцом, сели и затаивались на него. Обычно после такой бурной встречи они измученно валились на пол, но во внешности или в запахе мистера Крэнфорда им что-то не нравилось.

Зигфрид откинулся в кресле, сложил кончики пальцев и принял внимательно-благожелательный вид. Иногда он понимающе кивал или прищуривал глаза, словно оценивая особенно интересный аргумент. Речь мистера Крэнфорда безнадежно заглушалась, но порой слова или фразы достигали моих ушей.

— ...обратиться с серьезной жалобой...

— ...не знает своего дела...

— ...мне не по карману... не богач...

— ...собаки, чтоб им...

— ...на порог не пущу...

— ...лежать, псина, отвяжись...

— ...чистый грабеж...

Зигфрид в самой непринужденной позе, словно не замечая адского шума, слушал со всем вниманием, но с течением минут я начал замечать, что напряжение все больше сказывается на мистере Крэнфорде. Глаза у него постепенно вылезали из орбит, на шее вздувались жилы от усилия изложить свои претензии. Потом он не выдержал, вскочил на ноги, и бурая, пляшущая волна повлекла его к двери. Он испустил последний негодующий вопль, снова замахнулся шляпой и исчез.

Несколько недель спустя, распахнув дверь аптеки, я увидел, что мой патрон готовит мазь. Он с огромным тщанием размешивал и растирал липкую массу на мраморной дощечке.

— Что это? — спросил я.

Зигфрид положил лопаточку и выпрямился.

— Мазь для хряка. — Он посмотрел через мое плечо на Тристана, который вошел следом за мной. — И я не понимаю, какого черта я этим занимаюсь, когда некоторые просиживают задницы от безделья. — Он ткнул пальцем в лопаточку. — Ладно, Тристан, берись ты. Ну, разумеется, когда ты докуришь сигарету. — Но его выражение заметно смягчилось, едва Тристан поспешно раздавил окурок в пепельнице и взялся за

лопаточку.

— Крепкая штука. Так просто ее не смешаешь, — сказал Зигфрид, с удовольствием поглядывая на склоненный затылок брата. — У меня шея успела разболеться.

Он обратился ко мне.

— Кстати, вам будет небезынтересно узнать, что она — для вашего старого приятеля Крэнфорда. Для его призового хряка. У него на спине появилась довольно скверная язва, и его хозяин просто на стенку лезет. На выставках он ему зарабатывал кучу денег, а с язвой его и везти туда нечего.

— Так Крэнфорд все еще наш клиент?

— Да. Смешно, но мы не в состоянии от него избавиться. Я не люблю терять клиентов, но для этого типа с радостью сделал бы исключение. После истории с молнией о вас он и слышать не хочет, причем дает ясно понять, что и обо мне не слишком высокого мнения. Говорит, что от меня его скотине никакого толку нет, что было бы куда лучше, если бы он меня не вызывал бы. А когда получает счет, стонет, как сто грешников в аду. Беспокойства от него больше, чем прибыли; а главное, от него у меня мурашки по коже бегают. Но искать другого ветеринара он, черт бы его побрал, не собирается.

— Он своей выгоды не упустит! Пользуется услугами первоклассного специалиста и стонет, чтобы добиться от вас скидки. Это часть его системы.

— Может, вы и правы, но хотел бы я найти простой способ от него избавиться. — Он тронул Тристана за плечо. — Ну, ладно, не надрывайся. Этого достаточно. Соскреби в коробку для мазей и надпиши ярлык: «Густо намазывать спину хряка трижды в день и втирать пальцами». И отправь по почте мистеру Крэнфорду. Да, и кстати, отошли этот кал в Лидс, в лабораторию для проверки на паратуберкулезный энтерит. — Он протянул жестянку из-под патоки, почти до краев полную зловонной жижи.

Собирать такие образчики и отправлять их для проверки на паратуберкулезный энтерит, глисты и тому подобное было в порядке вещей, и образчики эти отличала одна общая черта — обильность. Для проверки требовалось количество, равное примерно двум чайным ложкам, но фермеры на такое добро не скупилась. Их словно бы приятно удивляло, что ветеринару ничего не требуется, кроме навозной жижи из стока; забыв про прирожденное ожидание подвоха, они щедро наполняли самую большую емкость, которая оказывалась под рукой. И не слушали никаких возражений. «Не стесняйтесь, у нас этого золота навалом», — такова была их позиция.

Тристан брезгливо взял жестянку и начал шарить глазами по полкам.

— Стекланные баночки для кала у нас вроде бы кончились.

— Верно, — сказал Зигфрид. — Я как раз собирался заказать новую партию. Да неважно! Надень на банку крышку, прижми хорошенько, потом как следует упакуй в оберточную бумагу. И она доедет до лаборатории в лучшем виде.

Потребовалось всего три дня, чтобы фамилия мистера Крэнфорда вновь прозвучала за нашим столом. Зигфрид вскрывал утреннюю почту, отбрасывая рекламные проспекты в сторону и складывая стопками счета и квитанции. И вдруг окаменел. Он замер над письмом на голубой бумаге и не шелохнулся, пока не прочел его до конца. Наконец он оторвался от него и поднял голову. Его лицо было лишено всякого выражения.

— Джеймс, пожалуй, более злобного послания я в жизни не читал. Оно от Крэнфорда. Он не желает иметь с нами никакого дела и собирается вчинить нам иск.

— Что мы натворили на этот раз?

— Он утверждает, что мы грубо оскорбили его и подвергли опасности жизнь его хряка. Он утверждает, что мы прислали ему жестянку из-под патоки, полную коровьего дерьма, с инструкцией втирать его в спину хряка трижды в день.

Тристан, который сидел, полузакрыв глаза, внезапно очнулся от дремоты. Он неторопливо встал и направился к двери. Его пальцы взяли за ручку, но тут брат окликнул его громовым голосом:

— Тристан! Вернись и сядь! Мне кажется, нам надо поговорить кое о чем.

Тристан мужественно поднял голову, ожидая, когда грянет буря, но Зигфрид был на удивление спокоен, и голос у него был почти ласковым.

— Значит, ты опять за свое. Когда же я пойму, что ты неспособен выполнить простейшее поручение? Казалось бы, ничего особенно сложного — отправить по почте два небольших пакета. Но ты умудрился и тут напутать. Адресовал наоборот, так?

Тристан заерзал в кресле.

— Извини, не понимаю, как...

Зигфрид поднял ладонь.

— Не расстраивайся. Твое везение снова тебя выручило. С кем угодно другим такая промашка была бы катастрофой, но с Крэнфордом... Рука Провидения, не иначе. — Он помолчал, и на его лице появилось мечтательное выражение. — На ярлыке предписывалось втирать пальцами, если не ошибаюсь. А мистер Крэнфорд пишет, что вскрыл пакет за

завтраком... Да, Тристан, ты, несомненно, нашел способ. Думаю, это поставило точку.

— Ну, а иск? — спросил я.

— О, полагаю, о нем можно забыть. Мистер Крэнфорд неусыпно печется о своем достоинстве. Только представьте себе, как все это будет выглядеть в суде. — Он смял письмо и бросил его в мусорную корзинку. — Ну, пора браться за работу.

Он вышел в коридор, но у поворота внезапно остановился и обернулся к нам.

— Да, вот еще одно! Интересно, как там в лаборатории проверяют мазь на паратуберкулезный энтерит?

Мопс Трики, искусство врачевания

На этот раз Трики по-настоящему меня встревожил. Увидев его на улице с хозяйкой, я остановил машину, и от его вида мне стало нехорошо. Он очень разжирел и был теперь похож на колбасу с четырьмя лапками по углам. Из покрасневших глаз катились слезы. Высунув язык, он тяжело дышал.

Миссис Памфри поторопилась объяснить:

— Он стал таким апатичным, мистер Хэрриот. Таким вялым! Я решила, что он страдает от недоедания, и стала его немножко подкармливать, чтобы он окреп. Кроме обычной еды, я в промежутках даю ему немного студня из телячьих ножек, толокна, рыбьего жира, а на ночь мисочку молочной смеси, чтобы он лучше спал, — ну сущие пустяки.

— А сладкое вы ему перестали давать, как я рекомендовал?

— Перестала, но он так ослабел, что я не могла не разжалобиться. Ведь он обожает кремовые пирожные и шоколад. У меня не хватает духа ему отказывать.

Я вновь поглядел на песика. Да, в этом и заключалась вся беда. Трики, к сожалению, был обжора. Ни разу в жизни он не отвернулся от мисочки и готов был есть днем и ночью. И я подумал, сколько чего миссис Памфри еще не упомянула, — паштет на гренках, помадки, бисквитные торты... Трики ведь обожал и их.

— Вы хотя бы заставляете его бегать и играть?

— Ну, как вы видите, он выходит погулять со мной. А вот с кольцами он сейчас не играет, потому что у Ходжкина прострел.

— Я должен вас серьезно предупредить, — сказал я, стараясь придать голосу строгость. — Если вы сейчас же не посадите его на диету и не добьетесь, чтобы он много бегал и играл, ему не миновать опасной болезни. Не будьте малодушны и помните, что его спасение — голодная диета.

Миссис Памфри заломила руки.

— Непременно, непременно, мистер Хэрриот! Конечно, вы правы, но это так трудно, так трудно!

Я глядел, как они удаляются, и моя тревога росла. Трики еле ковылял в своей твидовой курточке. У него был полный гардероб курточек: теплые твидовые или шерстяные для холодной погоды, непромокаемые для сырой. Он кое-как брел, повисая на шлейке. Я уже не сомневался, что на днях

миссис Памфри мне обязательно позвонит.

Так и произошло. Миссис Памфри была в полном отчаянии: Трики ничего не ест, отказывается даже от любимых лакомств, а кроме того, у него случаются припадки рвоты. Он лежит на коврикe и тяжело дышит. Не хочет идти гулять. Ничего не хочет.

Я заранее обдумал свой план. Выход был один: на время забрать Трики из-под опеки хозяйки. И я сказал, что его необходимо госпитализировать на полмесяца для наблюдения.

Бедная миссис Памфри чуть не лишилась чувств. Она еще ни разу не расставалась со своим милым песиком. Он же зачахнет от тоски и умрет, если не будет видеть ее каждый день!

Но я был неумолим. Трики тяжело болен, и другого способа спасти его нет. Я даже решил забрать его немедленно и под причитания миссис Памфри направился к машине, неся на руках завернутого в одеяло песика.

Все слуги были подняты на ноги, горничные метались взад и вперед, складывая на заднее сиденье его дневную постельку, его ночную постельку, любимые подушки, игрушки, резиновые кольца, утреннюю мисочку, обеденную мисочку, вечернюю мисочку. Опасаясь, что в машине не хватит места, я включил скорость, и миссис Памфри с трагическим воплем только-только успела бросить в окно охапку курточек. Перед тем как свернуть за угол, я взглянул в зеркало заднего вида. И хозяйка, и горничные обливались слезами.

Отъехав на безопасное расстояние, я поглядел на бедную собачку, которая пыхла на сиденье рядом со мной. Я погладил Трики по голове, и он мужественно попытался вильнуть хвостом.

— Совсем ты выдохся, старина, – сказал я. — Но по-моему, я знаю, как тебя вылечить.

В приемной на меня хлынули наши собаки. Трики поглядел вниз на шумную свору тусклыми глазами, а когда я опустил его на пол, неподвижно растянулся на ковре. Собаки его обнюхали, пришли к выводу, что в нем нет ничего интересного, и перестали обращать на него внимание.

Я устроил ему постель в теплом стойле рядом с другими собаками. Два дня я приглядывал за ним, не давал ему есть, но пить разрешал сколько угодно. На исходе второго дня он уже проявлял некоторый интерес к окружающему, а на третий, услышав собачью возню во дворе, начал повизгивать.

Когда я открыл дверь, Трики легкой рысцой выбежал наружу и на него тут же накинулись грейхаунд Джо и остальная свора. Перевернув его на спину и тщательно обнюхав, собаки побежали по саду. Трики затрусил

следом, переваливаясь на ходу из-за избытка жира, но с явным любопытством.

Ближе к вечеру я наблюдал кормление собак. Тристан плеснул им ужин в миски. Свора ринулась к ним, и послышалось торопливое хлюпанье. Каждый пес знал, что стоит отстать от приятелей – и остаток его пищи окажется в опасности.

Когда, они кончили, Трики обследовал сверкающие миски и полизал дно одной или двух. На следующее утро для него была поставлена дополнительная миска, и я с удовольствием смотрел, как он к ней пробивается.

С этого момента он стремительно пошел на поправку. Никакому лечению я его не подвергал: он просто весь день напролет бегал с собаками и восторженно присоединялся к их играм, обнаружив, насколько это увлекательно, когда каждые несколько минут тебя опрокидывают, валяют и возят по земле. Несмотря на свою шелковистую шерсть и изящество, он стал законным членом этой косматой банды, как тигр дрался за свою порцию во время кормежки, а по вечерам охотился на крыс в старом курятнике. В жизни он не проводил время так замечательно.

А миссис Памфри пребывала в состоянии неумной тревоги и по десять раз на дню звонила, чтобы получить последний бюллетень. Я ловко уклонялся от вопросов о том, достаточно ли часто проветриваются его подушки и достаточно ли теплая надета на нем курточка. Однако я с чистой совестью мог сообщить ей, что опасность песику больше не грозит и он быстро выздоравливает.

Слово «выздоровливает», по-видимому, вызвало у миссис Памфри определенные ассоциации. Она начала ежедневно присылать Трики по дюжине свежайших яиц для восстановления сил. Несколько дней мы наслаждались двумя яйцами за завтраком на каждого, однако истинные возможности ситуации мы осознали, только когда к яйцам добавились бутылки хереса хорошо мне знакомой восхитительной марки. Херес должен был предохранить Трики от малокровия. Обеды обрели атмосферу парадности: две рюмки перед началом еды, а потом еще несколько. Зигфрид и Тристан по очереди провозглашали тосты за здоровье Трики и с каждым разом становились все красноречивее. На меня, как на его представителя, возлагалась обязанность произносить ответные тосты.

А когда прибыл коньяк, мы глазам своим не поверили. Две бутылки лучшего французского коньяка, долженствовавшего окончательно укрепить организм Трики. Зигфрид извлек откуда-то старинные пузатые рюмки, собственность его матери. Я видел их впервые, но теперь за несколько

вечеров свел с ними близкое знакомство.

Мысль оставить Трики навсегда в положении выздоравливающего больного была очень соблазнительна, но я знал, как страдает миссис Памфри, и через две недели, повинувшись велению долга, позвонил ей и сообщил, что Трики здоров и его можно забрать.

Несколько минут спустя у тротуара остановился сверкающий черный лимузин необъятной длины. Шофер распахнул дверцу, и я с трудом различил миссис Памфри, совсем затерявшуюся в этих обширных просторах. Она судорожно сжимала руки на коленях, губы у нее дрожали.

— Ах, мистер Хэрриот! Умоляю, скажите мне правду. Ему действительно лучше?

— Он совершенно здоров. Не трудитесь выходить из машины, я сейчас за ним схожу.

Я прошел по коридору в сад. Куча собак носилась по лужайке, и среди них мелькала золотистая фигурка Трики. Уши у него стлались по воздуху, хвост отчаянно вилял. За две недели он превратился в ловкого песика с литыми мышцами. Он мчался длинными скачками, почти задевая грудью траву, и держался вровень с остальными.

Я взял его на руки и прошел с ним назад по коридору. Шофер все еще придерживал открытую дверцу, и, увидев свою хозяйку, Трики вырвался от меня и одним прыжком очутился у нее на коленях. Миссис Памфри ахнула от неожиданности, а затем была вынуждена отбиваться от него — с таким энтузиазмом он принялся лизать ей лицо и лаять.

Пока они обменивались приветствиями, я помог шоферу снести в машину постельки, игрушки, подушки, курточки и мисочки, так и пролежавшие в шкафу все это время. Когда машина тронулась, миссис Памфри со слезами на глазах высунулась в окно. Губы ее дрожали.

— Ах, мистер Хэрриот! — воскликнула она. — Как мне вас благодарить? Это истинное торжество науки врачевания!

Голубая пижама в малиновую полоску

Меня подбросило, и я проснулся. Сердце стучало в одном ритме с настойчивым трезвоном. Телефонный аппарат на тумбочке у кровати — безусловно, заметный прогресс по сравнению со старой системой, когда катишься кубарем с лестницы, а потом дрожишь от холода в коридоре, приплясывая босыми ногами на плитках пола. Тем не менее этот пронзительный звук, который в глухую ночь вдруг раздается у самого вашего уха, производит сокрушающее действие. Я не сомневался, что ничего хорошего он мне не сулит.

Голос в трубке был оскорбительно бодрым.

— Кобыла у меня жеребится. Только что-то дело у нее не идет. Думаю, жеребенок лежит неправильно. Может, приедете пособить?

У меня защемило в животе. Это уж слишком! Когда тебя поднимают с постели посреди ночи, радость невелика, но дважды подряд? Это несправедливо, это, попросту говоря, чистейший садизм. У меня был тяжелый день, и я с большим облегчением улегся спать около полуночи. В час меня подняли из-за тяжелого отела, и я вернулся домой почти в три. А сейчас сколько? Три пятнадцать. Господи, да я и десяти минут не проспал! И к тому же кобыла. Как правило, с ними вдвое больше хлопот, чем с коровами. Ну и жизнь! Чертова жизнь! Я буркнул в трубку:

— Хорошо, хорошо, мистер Диксон, сейчас еду.

Позевывая, я заковылял по комнате. Плечи и руки тупо ныли. На стуле лежала моя одежда. Я уже один раз ее сегодня снял, потом опять надел, опять снял... Что-то во мне взбунтовалось при мысли, что придется снова в нее облачаться. Уныло хмыкнув, я сдернул с крючка на двери плащ, надел его поверх пижамы, спустился в коридор, где у двери аптеки стояли мои резиновые сапоги, и сунул в них ноги. Ночь теплая, какой смысл одеваться? Все равно же на ферме я опять разденусь.

Открыв дверь, я побрел через бесконечный сад, сонно не замечая, как свеж и душист ночной воздух. Я вышел во двор, отпер ворота в проулок и вывел машину из гаража. Городок спал, и лучи фар выхватывали из темноты закрытые ставни витрин, плотно задернутые занавески. Все спят. Только я, Джеймс Хэрриот, еду куда-то, хотя устал до невозможности и все тело болит, — еду, чтобы снова надрываться. Ну какого черта я пошел в деревенские ветеринары? Наверное, у меня в голове помутилось, а то с чего бы я выбрал занятие, подразумевающее, что ты будешь работать все семь

дней в неделю, а кроме того, и по ночам? Порой у меня возникало ощущение, что моя профессия — злобная живая тварь, которая проверяет меня, испытывает на прочность и все время увеличивает нагрузки, чтобы посмотреть, когда же я протяну ноги.

Но какой-то подсознательный протест извлек меня из этой ванны жалости к себе, и, стряхивая брызги у ее края, я взвесил ближайшее будущее уже с моим природным оптимизмом. Во-первых, дом Диксонов стоит у самого начала холмов, почти рядом с шоссе, а потому они позволили себе редкую в этих местах роскошь — провести электричество в хозяйственные постройки. Да и не настолько я устал! Мне ведь всего двадцать четыре года, я здоров и силен. Нет, так просто меня не убить!

И я с улыбкой погрузился в сонное оцепенение, обычное для меня в таких ситуациях: полное отключение всех чувств и мыслей, кроме тех, которые были нужны для того, чем я был занят в данный момент. Сколько раз за последние месяцы я вставал с постели, ехал на дальнюю ферму, добросовестно выполнял то, что от меня требовалось, возвращался домой, ложился спать, так толком и не проснувшись.

Диксоны не обманули моих ожиданий. Грациозная клайдсдейлская кобыла стояла в отлично освещенном деннике, и я разложил свои веревки и инструменты с огромным облегчением. Подливая дезинфицирующую жидкость в дымящееся ведро, я смотрел, как кобыла напрягается и пригибает круп. Это усилие не дало никаких результатов, ножки не показывались. Сомневаться не приходилось — неправильное положение плода.

Погрузившись в размышления, я снял макинтош, но тут громкий хохот фермера заставил меня очнуться.

— Господи помилуй, это что ж за тру-ля-ля такая?

Я поглядел на мою нежно-голубую пижаму в широкую малиновую полосу.

— Это, мистер Диксон, — сказал я с достоинством, — мой ночной костюм. Я не нашел нужным его сменить.

— Вон оно что! — В глазах фермера плясали насмешливые огоньки. — Вы меня извините, только мне, было, почудилось, что я не тому позвонил. В прошлом году в Блэкпуле я видел очень похожего человека — и костюмчик точно такой же, только у него еще был полосатый цилиндр и тросточка. А уж чечетку отбивал — любо-дорого!

— Боюсь, что этого удовольствия я вам доставить не смогу, — ответил я с томной улыбкой. — Что-то я сейчас не в настроении.

Я разделся и с интересом поглядел на глубокие красные царапины,

оставленные зубами теленка два часа назад. Эти зубы были как бритва, и всякий раз, когда я протискивал мимо них руку, они аккуратно снимали тонкие полоски кожи.

Я начал исследование, и по телу кобылы пробежала дрожь. Ничего... ничего... вот наконец хвост жеребенка... и тазовые кости, а туловище и задние ноги еще дальше, куда мне не достать. Поперечное положение со спинным предлежанием. При отеле для человека, знающего свое дело, — это пустяки, но у кобылы ситуация осложняется слишком большой длиной жеребьих ног.

Полчаса, потя и пыхтя от напряжения, я возился с веревками и с тупым крючком на конце длинной гибкой трости, пока наконец не сумел расправить одну ногу. Вторая доставила куда меньше хлопот. Словно поняв, что препятствие устранено, кобыла поднатужилась, и жеребенок вылетел на солому, а я, обхватив его туловище обеими руками, повалился на него. К большой моей радости, он судорожно дернулся. Выправляя его положение, я не почувствовал ни единого движения и уже решил, что он погиб. Однако он был жив и весьма энергично мотал головой и отфыркивался, потому что за время затянувшихся родов вдохнул немного околоплодной жидкости.

Когда я кончил вытираться и обернулся, то увидел, что фермер, точно камердинер, с абсолютно серьезным лицом держит передо мной полосатую куртку пижамы. Он произнес торжественно:

— Разрешите помочь вам, сэр.

— Ну ладно, ладно, — засмеялся я. — В следующий раз приеду в парадном костюме.

Пока я укладывал инструменты в багажник, фермер небрежно бросил на заднее сиденье объемистый пакет.

— Немножко маслица, — буркнул он и добавил, когда я завел мотор: — Кобыла-то очень хороша, и я давно хотел получить от нее жеребенка. Спасибо, большое спасибо!

Он помахал мне, когда я отъехал, и крикнул вслед:

— Для чечеточника вы с этим на славу справились!

Я откинулся и, с трудом разлепляя тяжелые веки, смотрел на дорогу, развертывавшуюся впереди в бледном утреннем свете. Багровый шар солнца поднимался над туманными полями. Я испытывал тихое удовлетворение, вспоминая, как жеребенок привставал на колени, а длинные тонкие ноги никак его не слушались. Хорошо, что малыш родился живым! Как-то тоскливо становится на душе, когда после всех твоих стараний у тебя в руках оказывается мертвое тело.

Диксоновская ферма находилась как раз там, где холмы сменяются широкой Йоркширской долиной. Мой путь пересекал магистральное шоссе. Из трубы круглосуточного придорожного кафе поднималась тоненькая струйка дыма, и, когда я сбросил скорость на повороте, на меня повеяло вкусными запахами — еле заметными, но достаточными, чтобы воображение нарисовало жареную колбасу с фасолью, помидорами и жареной картошкой.

У меня засосало под ложечкой. Я взглянул на часы — четверть шестого. До завтрака еще долго. Я свернул на широкую площадку и поставил машину между тяжелыми грузовиками. Торопливо шагая к кафе, в котором еще горели лампы, я решил, что не стану обжираться и обойдусь скромным бутербродом. Я уже бывал тут, и фирменные бутерброды мне понравились, а после такой тяжелой ночи не мешало подкрепиться.

Я вошел в теплый зал, где за столиками над полными тарелками сидели шоферы. При моем появлении стук ножей и вилок замер, и наступила напряженная тишина. Толстяк в кожаной куртке не донес ложку до рта, а его сосед, державший в замасленных пальцах большую кружку с чаем, выпученными глазами уставился на мой костюм.

Тут я сообразил, что пижама в малиновую полоску и резиновые сапоги выглядят в подобной обстановке несколько странно, и поспешно застегнул плащ, эффектно развевавшийся на моих плечах. Впрочем, он был коротковат, и над сапогами отлично были видны полосатые брюки.

Я решительно направился к стойке. Плосколицая блондинка в грязноватом белом халате, который был ей тесен, посмотрела на меня ничего не выражающим взглядом. На верхнем левом кармашке халата было вышито «Дора».

— Бутерброд с ветчиной и чашку бульона, пожалуйста, — сказал я хрипло.

Блондинка бросила бульонный кубик в чашку и пустила в нее струю кипятка. Меня начинала угнетать тишина в зале и взгляды, устремленные на мои ноги. Скашивая глаза направо, я видел толстяка в кожаной куртке. Он задумчиво жевал, а потом сказал назидательно:

— Люди-то, они разные бывают, а, Эрнст?

— Верно, Кеннет, верно, — ответил его товарищ.

— Как, по-твоему, Эрнст, нынешней весной у йоркширских джентльменов такая мода?

— Может, и такая, Кеннет. Может, и такая.

Позади раздались смешки, и мне стало ясно, что судьба свела меня с признанными местными остряками. Быстрее поесть и уйти! Дора толкнула

через стойку толстый кусок ветчины между двумя ломтиками хлеба и сказала с одушевлением сомнамбулы:

— С вас шиллинг.

Я сунул руку за борт плаща, и мои пальцы наткнулись на фланель. О господи! Деньги остались в кармане брюк в Дарроуби. Обливаясь холодным потом, я принялся бесцельно шарить по карманам плаща. В ужасе поглядев на блондинку, я обнаружил, что она убирает бутерброд в ящик.

— Видите ли, я забыл деньги дома. Но я бывал тут. Вы ведь меня знаете?

Дора вяло мотнула головой.

— Нуда неважно, — беспомощно бормотал я. — Деньги я завезу, когда в следующий раз буду проезжать мимо.

Лицо Доры по-прежнему ничего не выражало, только одна бровь чуть дернулась вверх. Бутерброд остался нетронутым, а я думал только о том, как спастись, и обжег рот, торопясь поскорее выпить бульон.

Кеннет отодвинул тарелку и начал ковырять спичкой в зубах.

— Эрнст! — сказал он, словно делаясь плодами долгих размышлений. — Я так думаю, что этот джентльмен любит чудачить.

— Чудачить? — Эрнст ухмыльнулся в кружку. — Мозги у него набекрень, вот что.

— Не скажи, Эрнст, не скажи! Как дело доходит до того, чтобы пожрать на дармовщинку, так они у него очень даже прямые.

— А ведь верно, Кеннет, верно.

— Еще бы не верно! Вон, попивает бесплатно бульончик, а погоди он по карманам шарить, так, гляди, и бутерброд умял бы. Если б Дора не держала ухо остро, прощай ветчинка.

— Правда, правда, — согласился Эрнст, по-видимому, вполне удовлетворяясь ролью хора.

Кеннет бросил спичку, шумно всосал воздух между зубами и откинулся на спинку стула.

— Только мы еще об одном не подумали. Может, он беглый?

— Беглый каторжник, Кеннет?

— Вот-вот, Эрнст.

— Но у них же на штанах всегда стрелки.

— Оно, конечно, так. Только я слышал, есть тюрьмы, где теперь перешли на полоски.

С меня было достаточно. Поперхнувшись на последних каплях бульона, я кинулся к двери. Меня озаарили косые солнечные лучи, и я

услышал последнее умо заключение Кеннета:

— Небось смылся с дорожных работ. Ты только погляди на его сапоги...

Только один шаг

Я видел, что мистер Хэндшо не верит ни единому моему слову. Он поглядел на корову и упрямо сжал губы.

— Перелом таза? По-вашему, она больше не встанет? Да вы поглядите, как она жвачку жуёт! Я вам вот что скажу, молодой человек: мой папаша, не скончайся он, живо бы поставил ее на ноги.

Я был ветеринаром уже год и успел кое-чему научиться. В частности тому, что фермеров — а особенно йоркширских — переубедить не просто. А ссылка на папашу? Мистеру Хэндшо давно перевалило за пятьдесят, и такая вера в познания и искусство покойного отца была даже трогательна. Но я предпочел бы иметь дело с менее почтительным сыном.

У меня с этой коровой и без того хватало хлопот. Ведь ничто так не выматывает ветеринара, как корова, которая не желает вставать. Люди, далекие от этих проблем, могут счесть странным, что, казалось бы, вылеченное животное не способно встать на ноги, но так бывает. И всякому понятно, что у молочной коровы, которая ведет лежачий образ жизни, нет никакого будущего.

Все началось с того, что Зигфрид отправил меня сюда лечить послеродовой парез, результат кальциевой недостаточности, которая возникает у высокоудойных коров сразу после отела и вызывает коллапс и все более глубокую кому. Корова мистера Хэндшо, когда я увидел ее впервые, неподвижно лежала на боку, и мне даже не сразу удалось установить, что она еще жива.

Но я с беспечной уверенностью достал бутылки с хлористым кальцием, ибо получил диплом именно тогда, когда ветеринарная наука нашла надежное оружие против этого рокового заболевания. Первой победой над ним была методика вдувания воздуха в вымя, и я все еще возил с собой специальный катетер (фермеры пользовались в таких случаях велосипедными насосами), но с появлением кальциевой терапии мы получили верную возможность пожинать дешевые лавры, одной инъекцией почти мгновенно возвращая к жизни животное, находившееся при последнем издыхании. Умения почти не требовалось, зато какой эффект!

К тому времени, когда я ввел две дозы — одну в вену, другую подкожно — и с помощью мистера Хэндшо перевернул корову на грудь, признаки стремительного улучшения были уже налицо: она оглядывалась по сторонам и встряхивала головой, словно удивляясь, что с ней такое

произошло. Я не сомневался, что, будь у меня время, я вскоре увидел бы, как она встанет, но надо было ехать по другим вызовам.

— Если она к обеду не встанет, позвоните мне, — сказал я, но только для порядка, нисколько не сомневаясь, что в ближайшее время больше ее не увижу.

Когда мистер Хэндшо позвонил днем и сказал, что она все еще лежит, я испытал только легкую досаду. В некоторых случаях требовалась дополнительная доза, а дальше все налаживалось. Поэтому я поехал на ферму и сделал еще инъекцию.

Не встревожился я по-настоящему и на следующий день, хотя она продолжала лежать, а мистер Хэндшо, который, сунув руки в карманы и сутулясь, стоял над своей коровой, был глубоко расстроен тем, что мое лечение не дало результатов.

— Пора бы старухе и встать. Чего ей так валяться? Вы бы сделали что-нибудь. Я вот нынче утром влил ей в ухо бутылку холодной воды, но ее и это не подняло.

— Что вы сделали?

— Влил ей в ухо бутылку холодной воды. Папаша всегда их так поднимал, а уж он-то скотину понимал — дай бог всякому.

— Не сомневаюсь, — сказал я сухо. — Но думаю, еще одна инъекция поможет ей больше.

Фермер хмуро смотрел, как я загнал под кожу корове бутылку кальция. Эта процедура его уже не завораживала.

Убирая инструменты, я попытался поддержать в нем бодрость.

— Не принимайте близко к сердцу. Они часто лежат вот так день-другой. Утром она наверняка встретит вас уже на ногах.

Телефон зазвонил перед самым завтраком, и у меня защемило под ложечкой — голос мистера Хэндшо был исполнен уныния.

— Все лежит. Ест за двоих, а встать даже и не пробует. Как вы теперь за нее приметесь?

Вот именно — как, думал я по дороге. Корова пролежала уже двое суток, и мне это очень не нравилось.

Фермер сразу же перешел в нападение.

— Мой папаша, когда они вот так валялись, всегда говорил, что причина тут — червяк в хвосте. Он говорил, хвост надо обрубить, и дело с концом.

Мне стало совсем скверно. Эта легенда уже доставила мне немало хлопот. Беда заключалась в том, что люди, все еще прибегавшие к этому варварскому средству, нередко получали основания считать его

действенным: прикосновение раны на конце обрубленного хвоста к земле причиняло такую боль, что многие коровы с дурным норовом тотчас вскакивали на ноги.

— Червяков в хвосте вообще не бывает, мистер Хэндшо, — терпеливо сказал я. — И не кажется ли вам, что рубить корове хвост — значит истязать ее? Я слышал, что на прошлой неделе Общество защиты животных от жестокого обращения привлекло к суду одного человека, который это сделал.

Фермер прищурился. Он явно считал, что я зашел в тупик и уклоняюсь от прямого ответа.

— Раз так, чего ж вы тогда думаете сделать? Поднять-то корову надо или как?

Я глубоко вздохнул.

— Ну, я не сомневаюсь, что от пареза она совершенно оправилась. Она хорошо ест и выглядит прекрасно. Вероятно, встать ей мешает легкий паралич задних конечностей. Кальций больше не требуется, а вот это стимулирующее средство, несомненно, поможет.

Шприц я наполнял с самыми мрачными предчувствиями. Толку от этого стимулирующего средства не могло быть никакого, но нельзя же просто стоять сложа руки.

Утопающий хватается за соломинку. Я повернулся, чтобы уйти, но мистер Хэндшо меня остановил.

— Э-эй, мистер! Папаша, помнится, вот что еще делал: кричал им в ухо. Коровы у него так и вскакивали, так и вскакивали. Только вот голосу у меня нет. Может, вы попробуете?

Оберегать свое достоинство было поздновато. Я подошел к корове и ухватил ее за ухо, затем набрал полную грудь воздуха, нагнулся и что есть мочи завопил в его волосатые глубины. Корова перестала жевать жвачку, вопросительно поглядела на меня, потом опустила глаза и невозмутимо задвигала челюстями.

— Дадим ей еще день, — сказал я вяло. — Если она и завтра не встанет, попробуем ее поднять. Вы не могли бы позвать на помощь кого-нибудь из соседей?

Весь этот день, объезжая других пациентов, я боролся с ощущением мучительной беспомощности. Черт бы побрал эту корову! Ну почему она не встает? А что еще мог я сделать? Ведь шел 1938 год, и мои возможности были крайне ограничены. И теперь, тридцать лет спустя, некоторые коровы с парезом не встают, но во всяком случае в распоряжении ветеринара, помимо кальция, есть еще много различных средств.

Прекрасный подъемник Багшо, который захватывает таз и поднимает животное в естественной позе, инъекции фосфора и даже электростимулятор, который можно прижать к крупу и включить, после чего любая предающаяся нирване корова вскочит с оскорбленным мычанием.

Как я и ожидал, следующий день не принес никаких перемен, и во дворе мистера Хэндшо меня окружили его соседи. Они были в веселом настроении, ухмылялись и сыпали полезными советами, как все фермеры, когда речь идет о чужой скотине.

Мы протащили мешки под тело коровы. Все это сопровождалось смехом, шуточками и жуткими предположениями, которые я старательно пропускал мимо ушей. Когда мы наконец дружно взялись за мешки и одним рывком подняли корову, она, как и можно было предвидеть, спокойно повисла на них, а ее владелец, прислонясь к стенке, со все большим унынием взирал на ее болтающиеся в воздухе ноги.

Кряхтя и отдуваясь, мы опустили неподвижное тело на землю, и все уставились на меня — а что теперь? Я отчаянно пытался хоть что-нибудь придумать, но тут раздался фальцет мистера Хэндшо:

— Мой папаша говорил, что чужая собака любую корову подымет.

Среди собравшихся фермеров послышался одобрительный гул, и все наперебой начали предлагать своих собак. Я пытался сказать, что одной хватит за глаза, но мой авторитет был сильно подорван, а каждому не терпелось продемонстрировать коровоподъемный потенциал своего пса. Двор мгновенно опустел, и даже мистер Смедли, деревенский лавочник, бешено помчался на велосипеде за своим бордер-терьером. Казалось, не прошло и минуты, как вдруг уже кишмя кишели рычащие и тявкающие собаки, но корова проявила к ним полнейшее равнодушие и только слегка наклоняла рога навстречу тем, кто рисковал подойти к ней поближе.

Кульминация наступила, когда собственный пес мистера Хэндшо вернулся с луга, где помогал собрать овец. Он был небольшим, тощим, крепким и отличался раздражительностью в сочетании с молниеносной реакцией. Вздыбив шерсть, он на напряженных ногах вошел в коровник, с изумлением поглядел на стаю вторгшихся в его владения чужаков и с безмолвной злобой ринулся в бой.

Несколько секунд спустя закипела такая собачья драка, каких мне еще не доводилось видеть. Я попятился, глядя на происходящее с крепнущим убеждением, что я тут лишний. Окрики фермеров тонули в рычании, визге и лае. Какой-то неустрашимый смельчак ринулся в свалку, а когда он вновь возник, в его резиновый сапог мертвой хваткой вцепился маленький терьер.

Мистер Рейнолдс из Кlover-Хилла растирал хвост коровы между двумя короткими палками и восклицал: «Теля! Теля!» И пока я беспомощно смотрел на него, совершенно незнакомый человек дернул меня за рукав и зашептал:

— А вы давали ей каждые два часа по чайной ложке мыльного порошка в кислом пиве?

У меня было такое ощущение, точно все силы черной магии вырвались на волю и моих скудных научных ресурсов слишком мало, чтобы преградить им путь. Не представляю, как удалось мне в этом бедламе услышать поскрипывание, — возможно, я почти вплотную наклонился к мистеру Рейнолдсу, убеждая его не тереть хвост. Но корова слегка повернулась, и я четко расслышал поскрипывание. Где-то в области таза.

Мне не сразу удалось привлечь к себе внимание, — по-видимому, про меня попросту забыли; но в конце концов собак разняли, с помощью бесчисленных обрывков шпагата привязали на безопасном расстоянии друг от друга, все перестали кричать, мистера Рейнолдса оторвали от хвоста, и трибуна оказалась в моем распоряжении.

Я обратился к мистеру Хэндшо:

— Будьте так добры, принесите мне ведро горячей воды, мыло и полотенце.

Он удалился, ворча себе под нос, словно ничего не ожидал от этой новой попытки. Мои акции явно упали до нуля.

Я снял пиджак, намылил руку и начал вводить кисть в прямую кишку коровы, пока не нащупал лонную кость. Ухватив ее сквозь стенку кишки, я оглянулся на зрителей.

— Двое возьмитесь, пожалуйста, каждый за верхнюю часть ноги и слегка покачивайте корову из стороны в сторону.

Вот-вот он! Опять и опять. Легкий скрип, почти скрежет, а кость под моими пальцами словно бы ни с чем не скреплена.

Я встал и вымыл руку.

— Теперь я знаю, почему ваша корова не встает: у нее перелом таза. Возможно, это произошло в первую ночь, когда у нее начинался парез и она плохо держалась на ногах. Вероятно, повреждены и нервы. Боюсь, положение безнадежно.

Я испытал большое облегчение, что могу наконец сказать что-то конкретное, пусть даже и самое плохое.

— Это так безнадежно? — Мистер Хэндшо уставился на меня.

— Мне очень жаль, — ответил я, — но сделать ничего нельзя. Вам останется только отправить ее к мяснику. Задние ноги у нее отнялись. Она

уже никогда не встанет.

Вот тут-то мистер Хэндшо окончательно вышел из себя и разразился длинной речью. Нет, он не осыпал меня ругательствами и даже не был груб, а только беспощадно указывал на мои недостатки, промахи и недосмотры, перемежая перечень сетованиями на то, что его папаши больше нет в живых, — уж он-то быстро привел бы все в порядок. Фермеры, сомкнувшись кольцом вокруг нас, упивались каждым его словом.

В конце концов я уехал. Сделать я ничего не мог, а мистер Хэндшо вынужден будет согласиться со мной. Время покажет, что я прав!

Утром я вспомнил про эту корову, едва раскрыл глаза. Эпизод, бесспорно, был печальным, но меня успокаивало сознание, что всем сомнениям пришел конец. Я знаю, что произошло, я знаю, что случай безнадежный, а потому можно не терзаться.

Звонок мистера Хэндшо меня удивил: чтобы убедиться в своей неправоте, ему, я полагал, должно было понадобиться два-три дня.

— Это мистер Хэрриот? Доброе утро, доброе утро! Я только хотел вам сказать, что корова-то моя преотлично встала.

Я вцепился в трубку обеими руками.

— Что? Что вы сказали?

— Я сказал, что корова встала. Прихожу нынче в коровник, а она там разгуливает себе как ни в чем не бывало. — Он перевел дух, а потом произнес сурово и назидательно, как учитель, выговаривающий нерадивому ученику: — А вы стояли рядом с ней и прямо мне в глаза сказали, что она больше не встанет!

— Но... но ведь...

— А, вы спрашиваете, как я ее поднял? Да просто вспомнил еще один папашин способ. Сходил к мяснику, взял свежую шкуру овцы и накрыл ей спину. Вот она мигом и встала. Обязательно заезжайте поглядеть. Папаша мой, он скотину понимал — прямо чудо!

Я, пошатываясь, побрел в столовую. Это необходимо было обсудить с Зигфридом. Его в три часа ночи вызвали к телящейся корове, и сейчас он выглядел куда старше своих тридцати с небольшим лет. Он молча слушал меня, доедая завтрак, потом отодвинул тарелку и налил себе последнюю чашку кофе.

— Что же, Джеймс, не повезло. Свежая овечья шкура, а? Странно, вы тут уже больше года, а ни разу с этой панацеей не сталкивались. По-видимому, она начала выходить из моды. Хотя, знаете, и тут, как во многих народных средствах, есть свое рациональное зерно. Естественно, под свежей овечьей шкурой скоро становится очень тепло, то есть она

действует как большая припарка и так допекает корову, что если она валялась просто по подлости характера, то скоро вскакивает почесать спину.

— Но как же сломанный таз, черт подери? Говорю вам, он скрипел, и кость прямо-таки болталась!

— Ну, Джеймс, не вы первый, не вы последний. Иногда после отела тазовые связки несколько дней не уплотняются, вот и возникает такое впечатление.

— Господи! — простонал я, вперяя взгляд в скатерть. — И надо же было так опростоволоситься!

— Да вовсе нет! — Зигфрид закурил и откинулся на спинку. — Скорее всего эта подлая корова уже сама подумывала о том, чтобы встать и прогуляться, а тут старик Хэндшо и прилепил ей шкуру на спину. С тем же успехом она могла подняться после одной из ваших инъекций, и тогда вся честь досталась бы вам. Помните, что я вам сказал, когда вы только начинали? Самого лучшего ветеринара от круглого дурака отделяет только шаг. Такие вещи случаются с каждым из нас, Джеймс. Забудьте, и вся недолга.

Но забыть оказалось не так-то просто. Корова стала местной знаменитостью. Мистер Хэндшо с гордостью демонстрировал ее почтальону, полицейскому, скупщикам зерна, шоферам грузовиков, торговцам удобрениями, инспекторам министерства сельского хозяйства, — и каждый с милой улыбкой рассказывал об этом мне. Судя по их словам, мистер Хэндшо всякий раз звонким торжествующим голосом произносил одну и ту же фразу: «Это

та самая корова, про которую мистер Хэрриот сказал, что она больше никогда не встанет!»

Конечно, мистер Хэндшо поступал так без всякого злорадства. Просто он взял верх над молокососом ветеринаром с его книжками — как же тут было не погордиться немножко? А корове я в конечном счете оказал большую услугу, значительно продлив ей жизнь: мистер Хэндшо продолжал содержать ее долго после того, как она почти перестала давать молоко, просто в качестве достопримечательности, и еще многие годы она блаженно паслась на лугу у шоссе.

Ее легко было узнать по кривому рогу, и, проезжая мимо, я частенько притормаживал и с легким стыдом смотрел на корову, которая больше никогда не встанет.

Поросёнок миссис Памфри

Зигфрид положил телефонную трубку. Его лицо хранило невозмутимую бесстрастность.

— Миссис Памфри хочет, чтобы вы осмотрели ее поросенка.

— Пекинеса! Вы не оговорились?

— Нет. Именно поросенка. Она хочет, чтобы вы проверили здоровье ее шестинедельного поросенка.

Я смущенно ухмыльнулся. Мои отношения с Трики-Ву, пекинесом пожилой богатой вдовы, были щекотливой темой.

— Ну ладно, ладно! Не начинайте! Что ей все-таки надо? Попочка Трики-Ву опять создает проблемы?

— Джеймс, — с проникновенной серьезностью произнес Зигфрид. — Вы, кажется, усомнились в моих словах? Это на вас непохоже. Я повторю просьбу миссис Памфри и надеюсь, что вы выполните ее незамедлительно и без дальнейших вопросов. Почтенная дама сообщила мне, что стала владелицей шестинедельного поросенка и желает, чтобы его подвергли всестороннему ветеринарному обследованию. Вам известно мое отношение к такого рода профилактическим осмотрам, и мне хотелось бы, чтобы никакие упуущения не имели места. Я бы обратил особое внимание на его легкие. Хорошенько погоняйте его по загону перед тем, как взяться за стетоскоп, и не проморгайте припухлостей на суставах задних ног или мозолистых наростов на скаковых суставах. На вашем месте я бы измерил его рост. Мерную линейку вы найдете в...

Его наставления замирали у меня за спиной, пока я торопливо шагал по коридору, сильно озадаченный. С тех пор как я стал приемным дядюшкой Трики и начал регулярно получать от него письма, подарки и подписанные фотографии, мне пришлось свыкнуться с подтруниваниями по моему с ним адресу, однако до подобных розыгрышей Зигфрид никогда не доходил. Но миссис Памфри и поросенок? Немыслимо! В ее элегантном доме и в саду просто не было места для домашней живности. Нет, он что-то неверно понял.

Отнюдь! Миссис Памфри встретила меня радостным восклицанием:

— Ах, мистер Хэрриот! Ну просто чудо! Такой очаровательный поросеночек! Я навещала одних моих родственников на их ферме и выбрала его в друзья Трики. Вы ведь знаете, как меня тревожит, что он — единственный песик!

Я ошеломленно помотал головой и зашагал через обшитую дубовыми панелями переднюю. Мои визиты сюда обычно сдабривались малой толикой фантазий, но на этот раз я был ошарашен.

— Вы хотите сказать, что держите эту свинью у себя в доме?

— Ну разумеется! — Миссис Памфри удивленно по-смотрела на меня. — Он на кухне. Пойдемте к нему.

Я уже не раз бывал на этой кухне, и меня приводила в благоговейный трепет ее безукоризненная сверкающая чистота. Выложенные кафелем пол и стены сделали бы честь любой лаборатории, мойка, плита, холодильник сияли и блестели. Теперь один угол занимала картонная коробка с маленьким поросенком внутри: стоя на задних ножках, а передние положив на край коробки, он одобрительно озирает этот совершенно для него новый мир.

Пожилая кухарка стояла к нам спиной и не обернулась на наши шаги. Она резала морковь и швыряла ее на сковородку с энергией, которая показалась мне несколько излишней.

— Правда, он прелесть? — Миссис Памфри нагнулась и почесала розовую головенку. — Так волнующе, так восхитительно, что у меня есть мой, только мой, поросенок! Мистер Хэрриот, я назвала его Нуджистом.

Я сглотнул.

— Нуджистом?

Широкая спина кухарки стала каменной.

— Нуда. В честь моего двоюродного дедушки Нуджиста. Он был такой маленький розовый старичок с малюсенькими глазками и очень курносый носом. Сходство просто поразительное.

— Ах так, — сказал я, и кухарка вновь принялась метать морковь на сковородку.

А я пребывал в растерянности. Профессионал во мне восставал против нелепого обследования этого пышущего здоровьем малыша. И я уже собирался сказать, что, на мой взгляд, все в полном порядке, но тут миссис Памфри снова заговорила.

— Ну-ка, Нуджист, — сказала она. — Будь хорошим мальчиком и позволь твоему дяде Хэрриоту тебя осмотреть.

Вот так! Подавив свои более благородные чувства, я ухватил хвостик-веревочку и, почти поставив Нуджиста на голову, измерил ему температуру. Потом с глубокой сосредоточенностью прослушал его сердце и легкие, заглянул в глаза, провел пальцем по его ножкам, согнул и разогнул их в суставах.

Спина кухарки излучала суровое осуждение, но я упрямо продолжал.

Племянник-пекинес, как я успел убедиться на опыте, обернулся неисчислимыми благами. И дело было не только в постоянных подарках (я до сих пор ощущаю вкус несравненных лососей, которых Трики прислал мне из Уилби), но и в блаженных минутах, скрашивавших мою нелегкую жизнь: херес перед обедом, нежащее тепло камина миссис Памфри. И если, решил я, мне встретился племянник-поросенок в том же духе, так дядюшка Хэрриот не из тех, кто перечит неисповедимым путям судьбы.

Кончив осмотр, я обернулся к миссис Памфри, которая с трепетом ожидала моего приговора.

— Абсолютно здоров, — объявил я веско. — Собственно говоря, вы обзавелись отличным поросенком. Но имеется одно «но» — жить в доме он не может.

В первый раз кухарка оглянулась на меня, и я прочел в ее глазах немую мольбу. Я мог лишь посочувствовать ей: экскременты свиней отличаются особой пахучестью, и хотя Нуджист был еще совсем малыш, он уже внес в атмосферу кухни свой специфический аромат.

Мой приговор сначала привел миссис Памфри в ужас, но, получив мои заверения, что воспаления легких он ни в коем случае не схватит, а, наоборот, будет на чистом воздухе расти даже еще более здоровым и счастливым, она сдалась.

Плотник, зарекомендовавший себя на фермах, воздвиг в углу сада королевский хлев: теплую спальню на фундаменте, а вокруг — обширный загон. Я присутствовал при том, как Нуджист был водворен туда и блаженно свернулся на подстилке из чистейшей соломы. Дважды в день его корытце наполняли отборным кормом, не говоря уж о дополнительных лакомствах: то сочная морковка, то пара капустных листьев. Каждый день его выпускали на часок побегать и шумно порезвиться с Трики в саду.

Короче говоря, Нуджист великолепно устроился, и трудно было бы найти более приятного представителя свиного племени, который более заслуживал бы такого завидного жребия. Хотя свиньи в подавляющем большинстве таят запасы дружелюбия, о которых мало кто подозревает, у Нуджиста оно развилось до небывалой степени. Просто люди ему нравились, и месяц за месяцем его натура расцветала от постоянного общения с ними.

Я часто видел, как он весело прогуливался с миссис Памфри по саду, а у себя в загоне он подолгу стоял на задних ногах, всунув копытца передних в ячейки проволочной сетки, и ждал появления следующего посетителя. Свиньи растут быстро, и его розовое младенчество вскоре осталось позади, однако обаяние ни на йоту не уменьшилось. Больше всего он любил, чтобы

ему почесывали спину: басисто похрюкивал, заводил глаза в экстазе, а затем его ноги начинали мало-помалу подгибаться, и он заваливался на бок.

Солнечное существование Нуджиста омрачала только одна тучка: Ходжкин, старик садовник, чье отношение к нашим четвероногим друзьям стало весьма кислым с тех пор, как ему было поручено бросать Трики для разминки резиновые кольца, теперь оказался камердинером подрастающего хряка. Он должен был кормить Нуджиста, укладывать его спать и приглядывать за ним, когда его выпускали в сад поразвлечься. Старому деревенскому жителю, естественно, было нестерпимо прислуживать свинье, которой даже не предстояло превратиться в отбивные. Во всяком случае, едва он брал ведро с кормом, как глубокие морщины у него на лице становились еще глубже.

В первое мое посещение его подопечного он угрюмо приветствовал меня словами:

— К Нудисту, значит, пришли?

Насколько я знал Ходжкина, ни о какой игре слов и речи быть не могло. Нет, он искренне пытался произнести кличку поточнее, и на протяжении всей долгой жизни моего племянника для старика он оставался Нудистом.

Нуджист подарил мне и одно бесценное воспоминание. Как-то раз сразу после обеда затрезвонил телефон. Звонила миссис Памфри, и по ее дрожащему голосу я сразу понял, что случилась какая-то невероятная катастрофа. Именно этим голосом мне сообщалось, что Трики-Ву плюх-попает или оприпадился!

— Ах, мистер Хэрриот! Слава Богу, я вас застала! Это Нуджист! Боюсь, он опасно болен!

— Неужели? Мне очень жаль. Что с ним?

Некоторое время в трубке слышались лишь судорожные вздохи. Затем миссис Памфри обрела голос.

— Ну-у... он не может... у него не получаются... его малые дела.

Я давно знал, что в ее лексиконе обозначается большими и малыми делами.

— Вы имеете в виду задержки с мочеиспусканием?

— Ну-у... э... — Она была в полном смущении. — Не то чтобы... но не так...

— Странно! — сказал я. — А ест он хорошо?

— Кажется, да, но... — И тут она вдруг выпалила: — Ах, мистер Хэрриот, я так боюсь! Ведь, как я слышала, у мужчин... и именно так... Причина — железа... ведь верно?

— Ну, это вас пусть не тревожит. Не говоря уж о том, что свиньи этим заболеванием не страдают вообще, в любом случае четыре месяца, по моему, слишком юный возраст для простатита.

— Ах, я так рада! Но что-то... э... препятствует. Вы приедете, правда ведь?

— Уже выезжаю.

Мне пришлось довольно долго томиться у загона Нуджиста. Он уже вырос в солидного подсвинка и глядел на нас сквозь сетку, дружески похрюкивая, и, несомненно, ждал, когда же с ним поиграют. Наконец, потеряв терпение, он несколько раз прогалопировал по загону, вытягивая передние ноги точно палки.

Я уже пришел к выводу, что мой визит был напрасен, как вдруг миссис Памфри, которая все это время прохаживалась вдоль сетки, заламывая руки, словно приросла к месту и дрожащими пальцами указала на Нуджиста.

— О Господи! — прошептала она. — Вот! Вот! Вот опять!

Краска сбегала с ее лица, оно стало белее мела.

— Какой ужас! Не могу, не могу смотреть! — Она со стоном отвернулась и спрятала лицо в ладонях.

Я внимательно вглядывался в Нуджиста. Он оборвал галоп и облегал мочевой пузырь, прыская струйку за струйкой, как и положено хряку.

— Право же, я не замечаю ничего ненормального.

— Но он... он... — Она все еще не решалась отнять руки от лица. — Он же... делает это... через промежутки.

Я уже давно приобрел сноровку сохранять серьезное лицо в присутствии миссис Памфри, и теперь сноровка эта пришлась как нельзя кстати.

— Но так свойственно им всем, миссис Памфри.

Она полуобернулась и, вся дрожа, — краешком глаза покосилась на Нуджиста.

— Вы имеете в виду... все свиньи-мальчики?

— Все свиньи-мальчики до единого, каких я видел, делали именно так.

— О-о! О!.. Как странно! Да, очень странно. — Бедняжка обмахнулась носовым платком, и краска алым потоком разлилась по ее лицу.

Чтобы избавить ее от неловкости, я стал крайне деловитым.

— Да-да, абсолютно! Многие люди впадают в такую ошибку, уверяю вас. Ну, мне пора. Был рад убедиться, что малыш здоров и счастлив.

Нуджист прожил долгую безмятежную жизнь и более чем оправдал мои ожидания. По обилию подарков он не уступал Трики, и я, как и с

Трики, успокаивал свою совесть сознанием, что питаю к нему искреннюю привязанность. Как всегда, каплей дегтя в бочке меда было иронизирование Зигфрида. Я достаточно настрадался от него в прошлом, когда получал фотографии, подписанные пекинесом, так что воздержался и не показывал ему фотопортрет, подписанный хряком.

Аудиенция у злобного ветеринара

Ангус Грайер, дипломированный ветеринар, никогда не радовал взор благообразной красотой, но когда он сидел в кровати, опираясь на подушки, самые мужественные сердца содрогнулись бы при виде его лица в багровых разводах и с выпученными глазами над воротником розовой стеганой пижамы. И тем более в восемь утра, когда он обычно давал мне первую из ежедневных аудиенций.

— Опять опоздали! — заявил он скрежещущим голосом. — Что, из постели выбраться не можете? Я вам повторял, пока не осип, что в восемь вы должны отправляться по вызовам.

Пока я бормотал извинения, он раздраженно дергал одеяло, оглядывая меня с ног до головы со все возрастающим отвращением.

— И еще: на вас не брюки, а черт знает что! Если уж вам приспичило работать в брюках, так сшейте себе пару у приличного портного, Бога ради. Не разберешь даже, какого они покроя, и ветеринару неприлично расхаживать в таких штанах.

Вот тут он уязвил меня до глубины души. Я питал к этим брюкам нежнейшие чувства. Заплатил за них тридцать шиллингов в лондонском Армейско-Армейско-флотском универсальном магазине и льстил себя мыслью, что они придавали мне определенную элегантность. И нападки Грайера на них уязвляли меня тем больше, стоило мне вспомнить, что моими услугами он почти наверное пользуется бесплатно — Зигфрид, уж конечно, небрежно отмахнулся от предложенной компенсации.

Я пробыл тут неделю, которая смахивала на вечность. Где-то, когда-то, мнилось мне, я вел более веселую, более счастливую жизнь, но воспоминания о ней совсем потускнели. В то утро в Дарроуби тон Зигфрида был почти виноватым.

— Джеймс, я получил письмо от бротонского Грайера. Оказывается, он кастрировал жеребенка, тот рухнул на него, так что он лежит с парой треснувших ребер. Видимо, помощник недавно от него ушел, так что заниматься его вызовами некому. Он хочет, чтобы я одолжил вас ему на неделю-другую.

— Нет-нет! Тут какая-то ошибка. Я ему не нравлюсь.

— А ему никто не нравится. И ошибки нет, прямо так и написано, и право же, что мне остается?

— Но единственный раз, когда я с ним встретился, он напялил на меня

жуткий резиновый комбинезон, так что по его милости я выглядел полным олухом.

Зигфрид скорбно улыбнулся.

— Я помню, Джеймс, помню. Он вредный старый черт, и мне очень тяжело подвергать вас этому, но я же не могу ему отказать, не правда ли?

Я просто не поверил своим ушам. В тот момент даже идея о подобном казалась абсолютно нереальной. Однако она обрела ощутимую реальность теперь, когда я стоял в ногах кровати Грайера и слушал, как он злобствует. А он уже принялся за меня с другой стороны.

— Еще одно: жена сказала, что вы не стали есть овсянку. Она вам не понравилась.

Я переступил с ноги на ногу.

— Нет-нет, очень вкусная. Просто мне что-то не хочется есть. (Я ковырял ложкой в безвкусном месиве, стараясь съесть хоть немножко, но оно быстро встало мне поперек горла.)

— Если человек не ест полезную пищу, с ним что-то не так! — Грайер подозрительно прищурился на меня, потом потянул листок бумаги. — Вот список ваших вызовов на утро. Их порядочно, так времени зря не теряйте. Вот этот — к Адамсону в Грентон — выпадение матки у коровы. И что вы сделаете, а?

Я сунул руку в карман, ухватил мою трубку и тотчас опустил назад. Грайер не любил, когда курили.

— Ну, сделаю ей эпидуральную анестезию, вправлю матку, наложу швы на вульву, чтобы предотвратить вторичное выпадение.

— Чушь! — раздраженно фыркнул Грайер. — Ахиня! Ничего этого не надо. Все из-за запора. Засунь матку обратно, подложи корове под задние ноги досок, чтобы задница задралась, и пропиши льняное масло деньков на пять.

— Но она же выпадет снова, если не наложить швы? — сказал я.

— Да ничего подобного, — сердито одернул меня Грайер. — Делайте, что я говорю, и все. Я же побольше вашего знаю.

Вероятно, так оно и было. И должно было быть: как-никак он практиковал тридцать лет, а я — только второй год. Я посмотрел, как он раздраженно щурится на меня с подушек, и вдруг подумал о странностях нашего зыбкого союза. Йоркширец, заметив особенности нашего выговора — его северошотландского и моего южного, — подумал бы, что между нами должна существовать какая-то общность, хотя бы в силу нашей национальности. Но нас ничто не объединяло.

— Хорошо, как скажете. — Я вышел из его спальни и спустился вниз

со своими инструментами.

Оставив дом за собой, я испытал облегчение, которое испытывал каждое утро, отправляясь по вызовам. Всю неделю я трудился с утра до вечера, но получал от работы чистое удовольствие. Фермеры почти все готовы были прощать молодому человеку его неопытность, и клиенты Грайера обходились со мной с уважением. Но мне приходилось возвращаться в этот унылый дом, ведь надо же было есть, и с каждым днем это становилось все тяжелее.

Миссис Грайер угнетала меня не меньше мужа. Женщина поразительно тощая, с недовольно поджатыми губами, стол она держала чисто спартанский, основой которого была жидкая овсяная каша. Овсянка на завтрак, овсянка на ужин, а днем тоскливая чередане анемичного рубленого мяса под названием то рагу, то поджарка и водянистых безымянных супов. Что бы она ни стряпала, это никогда не имело никакого вкуса. Ангус Грайер приехал в Йоркшир тридцать лет назад — шотландец без гроша в кармане, как и я, — и приобрел доходную практику старым, точно мир, способом: женившись на дочери своего патрона; иными словами, практику он получил в приданое. Но в приданое к миссис Грайер.

По-моему, она все еще чувствовала себя главной, вероятно, потому, что жила в этом доме с рождения, среди воспоминаний о своем отце, который создал эту практику. Любые посторонние воспринимались как гвоздь в ботинке, и я мог понять, что она чувствует. В конце-то концов, она была бездетна, вела безрадостную жизнь, и ее мужем был Ангус Грайер. Мне было искренне жаль ее.

Но жалость жалостью, только миссис Грайер буквально не давала мне свободно вздохнуть и нависала надо мной, будто приставленное ко мне привидение. Когда я возвращался с вызовов, она непременно встречала меня и засыпала вопросами: «Где вы пропадали?» Или: «Я понять не могла, куда вы запропалились. Заблудились, может быть?» Или: «Срочный вызов. Почему вы всегда так мешкаете?» Возможно, она подозревала, что я на час-другой заходил в кинотеатр.

По вечерам в приемной всегда набиралось много мелких животных, и у нее была неприятная привычка подслушивать под дверью, что я советую клиентам. Но полную волю она давала себе в аптеке, где следила за каждым моим движением, ядовито критиковала мои рецепты и постоянно выговаривала мне за неэкономность: «Вы слишком много хлородина кладете. Разве вы не знаете, какой он дорогой?»

Я проникся глубочайшей симпатией к помощнику, который бежал оттуда без предупреждения. Найти работу было очень трудно, и молодые

выпускники ветеринарных колледжей готовы были терпеть очень многое, лишь бы заниматься своим делом, но я скоро понял, что у этого неведомого мне страдальца иного выбора не было.

Небольшое хозяйство Адамсона находилось у границы города, и, возможно, потому, что я только что вдосталь налюбовался на Грайера, морщинистое терпеливое лицо фермера и дружелюбный взгляд показались мне необыкновенно ласковыми и привлекательными. На костлявой фигуре комбинезон цвета хаки висел, словно на вешалке. Он потряс мне руку.

— Так у нас сегодня новенький? — Он оглядел меня с головы до ног. — Видать, вы и в работе новичок?

— Совершенно верно, — ответил я. — Но я быстро учусь.

Мистер Адамсон улыбнулся.

— Да вы не тревожьтесь, молодой человек. Я верю в свежую кровь и свежие идеи. Вот что нам в хозяйстве нужно. Слишком уж долго мы топчемся на месте. Так пошли к коровник, я вам корову покажу.

Коров было около дюжины, и не обычных шортгорнов, но айрширок, очень здоровых и ухоженных. Мою пациентку я сразу определил по розоватому выпячиванию вагинальной стенки величиной с футбольный мяч и шейке матки в продольных бороздах. Фермер, вызвав ветеринара, не тратил времени зря: розовая масса была чистой и неповрежденной.

Он внимательно наблюдал, как я обработал выпавший орган антисептиком и водворил его на место, потом он помог мне соорудить приступку из дерна и досок, чтобы корова встала на нее задними ногами. Когда мы все закончили, корова стояла так, что хвост у нее был заметно выше головы.

— Так, говорите, если несколько дней давать ей льняное масло, эта штука больше не вывалится?

— Вот именно, — сказал я. — Но следите, чтобы зад у нее был приподнят.

— Обязательно, молодой человек, и большое вам спасибо. Я знаю, вы очень для меня постарались, и я буду рад снова с вами свидеться.

Садясь за руль, я испустил мысленный стон. Постарался! С чего вдруг эта штука останется на месте без швов? Но я должен был следовать инструкциям, и Грайер, как он ни неприятен, все-таки не круглый дурак. Не исключено, что он прав. Я выкинул случившееся из головы и поехал по следующему вызову.

Менее чем через неделю, когда я за завтраком ковырял неизбежную овсянку, Грайер, который уже рисковал спускаться вниз, внезапно рявкнул:

— У меня тут открытка от Адамсона. Он не удовлетворен вашей

работой. Поедем сейчас туда вместе и выясним, что не так. Мне такие жалобы не нравятся.

Его обычное выражение обиженности на всех и вся стало еще заметнее, на белесые глазки навернулись слезы, и мне почудилось, что вот сейчас эти слезы подсолят овсянку.

На ферме мистер Адамсон сразу повел нас в коровник.

— Ну, что вы об этом скажете, молодой человек?

Я посмотрел, и у меня екнуло сердце. Розовая выпуклость теперь превратилась во вздувшуюся лиловатую массу. Она была облеплена грязью, и сбоку змеилась воспаленная рана.

— Недолго она там оставалась, а? — негромко сказал фермер.

От стыда у меня перехватило горло. Так безобразно обойтись с отличной коровой! Я чувствовал, как краска заливает мне лицо, но, к счастью, рядом стоял мой патрон — сейчас он все объяснит. Я обернулся к Грайеру, который сопел, что-то мямлил, моргал глазами, но так ничего и не сказал. А фермер продолжал:

— Сами видите, она ее поранила. Верно, зацепила за что-то. И вот что: не нравится мне ее вид.

Не в характере этого доброго человека было предъявлять претензии, но он был очень расстроен.

— Может, вы бы сами, мистер Грайер? — сказал он.

Грайер, который так и не сказал ни единого внятного слова, теперь мгновенно приступил к делу. Выстриг шерсть у основания позвоночника, сделал эпидуральную анестезию, вымыл и дезинфицировал матку и с усилием водворил ее на место. Затем закрепил несколькими крепкими швами, используя дюймовые резиновые трубочки, чтобы они не впивались в вагину. Законченная работа выглядела аккуратной и профессиональной.

Фермер мягко положил руку мне на плечо.

— Вот это больше похоже на дело. Теперь видно, что снова она не вывалится, верно? Так почему вы-то так не сделали, когда приезжали в прошлый раз?

Я опять повернулся к Грайеру, но на него вдруг напал страшный кашель. Я продолжал смотреть на него, но он молчал, и, повернувшись на каблуках, я вышел из коровника.

— Да вы не расстраивайтесь, молодой человек! — крикнул мне вслед мистер Адамсон. — Всем нам учиться приходилось, а опыт ведь ничем не заменишь, верно, мистер Грайер?

— Верно, верно. Справедливо, да, справедливо, — про-мямлил Грайер.

Мы сели в машину, и я ждал каких-то его объяснений. Мне было интересно, что он все-таки скажет. Но нос в лиловых прожилках был устремлен прямо вперед, выпученные глазки смотрели на дорогу перед нами ничего не выражающим взглядом.

В приемную мы вернулись в нерушимом молчании.

Добро пожаловать домой, Джеймс!

Вскоре Грайер снова слег. Он то и дело стонал, прижимал ладонь к поврежденным ребрам и вновь водворился в спальню с подушками за спиной и в розовой пижаме, застегнутой до самого верха. Единственным, что успокаивало боль, было виски, и уровень этого лекарства в бутылке на тумбочке у кровати понижался с необыкновенной быстротой.

Жизнь вернулась в тоскливую колею. Миссис Грайер обычно оказывалась рядом, когда я приходил к ее мужу с отчетом. Поднимаясь по лестнице, я слышал за дверями спальни непрерывный шепот, который обрывался, едва я открывал дверь. Я выслушивал инструкции, а миссис Грайер хлопотала у кровати: подтыкала одеяла, проводила по лбу мужа сложенным носовым платком и все время бросала на меня искоса взгляды, полные неприязни. Едва я притворял за собой дверь, как шепот возобновлялся.

Было уже довольно поздно — около десяти вечера, — когда позвонила миссис Маллард. У ее собачки в горле застряла косточка, так не приедет ли мистер Грайер, и немедленно. Я начал говорить, что он болен и я его замещаю, но опоздал: в трубке щелкнуло и послышались короткие гудки.

Грайер, услышав, в чем дело, впал в странный транс. Его подбородок опустился на грудь, и он почти минуту сидел неподвижно, тщательно обдумывая положение. Затем он выпрямился и ткнул в меня пальцем.

— Это не косточка, а легкий фарингит, вот он и кашляет.

Меня удивила такая уверенность.

— Может быть, мне все-таки захватить длинные щипцы?

— Да нет, говорят же вам. Никакой косточки, так что идите в аптеку, смешайте ипекакуановую микстуру с умягчительным сиропом. Больше ничего не потребуется. И еще одно: если вообще ничего не найдете, так промолчите. Скажете даме, что это фарингит и как его лечить. Вы же должны оправдать свой визит.

Я наполнил четырехунцевый пузырек в аптеке с некоторым недоумением и на всякий случай все-таки захватил с собой несколько щипцов. Я заметно поистратил доверие к заочным диагнозам Грайера.

Я был изумлен, когда миссис Маллард открыла дверь элегантного полуособняка. Почему-то я ожидал увидеть старушку, а передо мной была сногшибательная блондинка лет сорока с высоко уложенными волосами по моде того времени. И я уж никак не ожидал длинного бального платья из

мерцающей зеленой ткани, огромных качающихся серег, сильно накрашенного лица.

Миссис Маллард словно бы тоже удивилась. Она растерянно смотрела на меня, пока я не объяснил положения вещей.

— Я приехал посмотреть вашу собачку, я замещаю мистера Грайера. Боюсь, он болен.

Видимо, сведения эти доходили до нее довольно долго, поскольку она стояла на пороге, как будто понятия не имея, о чем я говорю. Затем она очнулась и широко раскрыла дверь.

— Ах да, конечно! Извините. Войдите, пожалуйста.

Я прошел мимо нее сквозь почти физически ощутимую стену духов и повернул в комнату слева от прихожей. Там благоухание духов было еще крепче, но вполне гармонировало с обстановкой: единственной лампой под розовым абажуром, которая отбрасывала смутный розовый свет на широкий диван, придвинутый к камину, где мерцало пламя. И среди теней из радиолы лилась мелодия «Тела и души».

Моего пациента не было видно. Миссис Маллард нерешительно смотрела на меня, теребя одну серьгу.

— Вы хотите, чтобы я осмотрел его здесь? — спросил я.

— О да, конечно! — Она ожила и открыла дверь в глубине комнаты. Немедленно маленький уэст-хайленд-терьер пронесся вприпрыжку по ковру и с восторженным тьяканьем бросился на меня. Взвиваясь вверх на порядочную высоту, он усердно пытался облизать мне лицо, и это могло бы продолжаться очень долго, если бы я не изловил его в воздухе.

Миссис Маллард нервно улыбнулась.

— Ему как будто много лучше, — сказала она.

Я плюхнулся на диван, продолжая держать песика, и разжал ему челюсти. Даже в этой розовой полутьме сразу стало ясно, что горло у него в полном порядке. Я осторожно провел указательным пальцем по корню его языка, и песик не запротестовал, когда я начал обследовать его глотку. Затем я поставил его на ковер и измерил ему температуру. Нормальная.

— Что же, миссис Маллард, — сказал я. — Косточки у него в горле, безусловно, нет, как и температуры. — Я собирался добавить, что, по моему мнению, здоровье у него великолепное, но тут же вспомнил наставление Грайера: я должен оправдать свой визит, — и откашлялся.

— Впрочем, нельзя исключить возможность, что у него легкий фарингит, а потому он может кашлять или словно давиться. — Я снова открыл рот песика. — Как видите, вот тут горло у него чуть воспалено. Возможно, какая-то инфекция, или он проглотил какой-нибудь

раздражитель. У меня в машине микстура, которая быстро его вылечит... — Сообразив, что начинаю заговариваться, я оборвал мою речь.

Миссис Маллард впитывала каждое мое слово, тревожно заглядывала в рот песика и быстро-быстро кивала.

— Да-да, я вижу, — сказала она. — Благодарю вас. Как хорошо, что я вас вызвала!

На следующий вечер в самый разгар приема в смотровую влетел толстяк в весьма ярком твидовом пиджаке и поставил на стол бассет-хаунда со скорбными глазами.

— Что-то головой трясет, — пробасил он. — Думаю, может, ушная экзема.

Я достал из шкафчика ауроскоп и начал осматривать ухо, когда толстяк слова забасил:

— А я вас вчера видел на нашей улице. Я сосед миссис Маллард.

— Да-да. — Я смотрел в металлическую трубку с подсветкой. — Совершенно верно, я у нее был.

Толстяк побарабанил пальцами по столу.

— Наверное, у ее собаченции болезней не перечеть. Машина нашего ветеринара все время перед ее домом стоит.

— Ну, не сказал бы. Он мне показался здоровым малышом, — ответил я, кончив осматривать одно ухо и принимаясь за другое.

— Ну, я-то знаю, о чем говорю, — стоял на своем толстяк. — Бедняга все время болеет, и странно, как часто заболевает он ближе к ночи.

Я быстро посмотрел на него. В его тоне было что-то странное. Он ответил мне невиннейшим взглядом, а потом его физиономия расплылась в многозначительной улыбке.

Я выпучил глаза.

— Да неужели вы хотите сказать...

— Не с этим безобразным старым чертом, э? Тут есть над чем задуматься. — Глаза на красной физиономии смешливо заблестели.

Я уронил ауроскоп на стол, так что он звякнул, и опустил руки.

— Да не смотрите так, молодой человек! — взревел толстяк, игриво ткнув меня пальцем в грудь. — Чего только в жизни не случается!

Но в ужас меня привела не просто мысль о Грайере. Нет, я ужаснулся, представив себе, как я в этой гаремной обстановке важно рассуждаю о фарингите под музыку «Тела и души», а моя слушательница прекрасно знает, что я несу чепуху.

Еще через два дня Ангус Грайер встал с постели, а к тому же был нанят новый помощник, готовый приступить к работе немедленно. Я мог

уехать.

Предупредив, что отправлюсь прямо с утра, я покинул унылый дом в половине седьмого, чтобы добраться до Дарроуби к завтраку. Больше ни единой ложки чертовой овсянки!

Катя по Йоркской равнине, я смотрел на уходящий в небо хребет Пеннинских гор, который то возникал над живыми изгородами, то мелькал в просветах между деревьями. На таком расстоянии горы были бледно-сиреневыми, еще подернутыми дымкой в лучах восходящего солнца. Они манили меня к себе. А попозже, когда маленькая машина начала одолевать подъемы, деревья мало-помалу исчезали, а живые изгороди сменились стенками, сложенными из известняковых плоских камней, у меня возникло уже привычное чувство, что мир распахивается передо мной и с меня спадают оковы. И вот наконец Дарроуби, дремлющий под громадой Херн-Фелла, а дальше — величественные зеленые склоны холмов.

Когда я прогромыхал по бульжнику рыночной площади, вокруг все спало, как и на тихой улочке, где плющ густо вился по старинным кирпичным стенам Скелдейл-хауса, а на криво привинченной медной дощечке красовалась надпись: «Зигфрид Фарнон, Ч.К.В.О.» — член Королевского ветеринарного общества.

Я бы промчался по коридору галопом, но мне пришлось пролагать путь через всех пятерых собак, которые кружили, прыгали на меня, восторженно лаяли.

Я чуть не налетел на миссис Холл, чья дородная фигура появилась из столовой с кофейником в руке.

— Значит, вернулись, — сказала она, и я увидел, что это ее искренне обрадовало, так как она почти улыбнулась. — Идите садитесь за стол. У меня как раз на сковороде для вас жарится хороший кусочек домашней ветчины.

Я уже положил ладонь на ручку, когда из-за двери донеслись голоса братьев. Тристан что-то неясно бубнил, но Зигфрид кричал в полный полос:

— Где ты, черт дери, прошлялся всю ночь? Я слышал, как ты явился чуть не в четыре, а от твоей комнаты разит, как от пивоварни. Господи, посмотрел бы ты на себя! Глаза — ну дырки от мочи в снегу!

Улыбаясь про себя, я распахнул дверь и направился к Тристану, который вздрогнул от удивления, когда я схватил его за руку и начал ее трясти. Он хранил свой обычный наивно-мальчишеский вид, и в глазах, хотя они немножко запали, поблескивали обычные искорки. Затем я подошел к Зигфриду во главе стола. Видимо, формальности, которыми я обставил мое появление, настолько его поразили, что он поперхнулся. Лицо

его покраснело, по худым щекам покатались слезы, рыжеватые усики завибрировали. Тем не менее он встал со стула, наклонил голову и протянул мне руку с изяществом маркиза.

— Добро пожаловать, Джеймс, — сумел он выговорить, слегка обдав меня хлебными крошками. — Добро пожаловать домой!

Как вылечить летний мастит

Я ехал по узкому не огороженному проселку, соединяющему Силдейл и Косдейл, и, добравшись на первой передаче до вершины, сделал то, что делал постоянно: свернул на обочину и вылез из машины.

Присловье деловых людей, что у них нет времени стоять и глазеть по сторонам, не для меня. Значительную часть своей жизни (чтобы не сказать — излишне значительную) я трачу на то, чтобы просто стоять и глазеть по сторонам. Так было и в то утро. Передо мной открывался широкий вид на Йоркширскую долину до гряды Хэмблтонских холмов в сорока милях к востоку, а позади меня тянулись мили и мили вересковых холмов. В первый год моего пребывания в Дарроуби я останавливался на этом месте не один раз, и вид на равнину всегда оказывался не таким, как раньше. Зимой она превращалась в плоскую темную чашу между заснеженными Пенниннами и дальней белой полоской Хэмблтонов. В апреле над ее зелено-коричневыми просторами плыли тяжелые завесы дождя, а однажды я стоял тут под ярким солнцем и глядел вниз, в непроницаемое море тумана, похожего на волнистый слой ваты, из которого там и сям темными островками поднимались макушки деревьев и вершины холмов.

Но сегодня лоскутное одеяло полей и лугов дремало в блеске солнечных лучей и воздух даже здесь, на высокой гряде, был напоен густыми ароматами лета. Я знал, что на фермах внизу трудятся люди, но нигде не было видно ни одной живой души, и меня охватило ощущение мирного покоя, которое всегда рождали во мне безмолвие и пустынность вересковых холмов.

В такие минуты я отстранялся от себя и беспристрастно оценивал свои успехи. Так легко было перенестись назад, к тому дню, когда я решил стать ветеринаром. Я точно помнил даже минуту. Мне было тринадцать, и я читал в «Меккано», журнале для мальчиков, статью о выборе профессии. Дойдя до ветеринарии, я вдруг проникся неколебимым убеждением, что это — мое призвание. Но, собственно, почему? Только потому, что я любил собак и кошек, а служба в конторах меня не прельщала. Довольно-таки слабые аргументы для определения своего будущего. Я не имел ни малейшего понятия ни о сельском хозяйстве, ни о сельскохозяйственных животных и, хотя за годы учения в колледже успел узнать достаточно много об этих последних, свою дальнейшую судьбу представлял себе однозначно — я собирался специализироваться на лечении мелких животных. До

самого получения диплома моя дальнейшая жизнь виделась мне так: я лечу собак, кошек и других домашних любимцев в собственной ветеринарной клинике, где все будет не просто современным, но сверхсовременным. Идеально оборудованная операционная, лаборатория, рентгеновский кабинет — все это четко рисовалось в моем сознании до дня окончания колледжа.

Так каким же образом я очутился здесь, на вершине высокого йоркширского холма, без пиджака, но в резиновых сапогах, источая легкий, но несомненный коровий запах?

Перемена в моих взглядах произошла очень быстро — собственно говоря, почти сразу же после того, как я попал в Дарроуби. В ту эпоху повальной безработицы выбирать не приходилось, но я не сомневался, что задержусь здесь недолго, что это просто первая ступень в осуществлении моих честолюбивых замыслов. А потом почти мгновенно все стало прямо наоборот.

Может быть, свою роль сыграла невыразимая свежесть воздуха, которая все еще ошеломляла меня каждое утро, когда я выходил в одичавший сад Скелдейл-хауса. Или калейдоскопическая жизнь в красивом старинном особняке с моим талантливым, но слишком уж энергичным патроном и с Тристаном, его нерадивым братом-студентом. А может быть, просто лечение коров и свиней, овец и лошадей оказалось против моих ожиданий удивительно интересным, и я увидел себя по-новому — необходимым винтиком огромной машины сельского хозяйства моей страны. Это давало глубокое удовлетворение.

Или же я просто не представлял себе, что существует такое место, как йоркширские холмы, мне и в голову не приходило, что я могу проводить все свои дни на высотах, где чистый ветер несет запахи и трав, и деревьев и где даже под секущими зимними дождями можно большими глотками пить воздух и улавливать в его холодной резкости нежный привкус просыпающейся весны.

Как бы то ни было, для меня все переменялось, и моя жизнь заключалась теперь в том, чтобы объезжать фермы, разбросанные по этой крыше Англии, и проникаться уверенностью, что я — избранник судьбы.

Вернувшись в машину, я просмотрел список вызовов.

День промелькнул быстро, но около семи часов вечера, когда я уже думал кончить, мне позвонил Терри Уотсон, молодой работник, державший двух собственных коров. У одной из них, сказал он, начался летний мастит. Для середины июля заболевание еще редкое, хотя на исходе лета бывали буквально сотни таких случаев. У этого мастита было даже местное

название «августовская мошна». Заболевание очень неприятное, поскольку оно практически не поддавалось лечению, и обычно корова теряла пораженную долю вымени, а иногда и жизнь.

Корова Терри Уотсона выглядела плохо. К часу дойки она еле добрела с пастбища, далеко отставляя правую заднюю ногу, чтобы не задеть вымени, потому что прикосновение к нему причиняло ей сильную боль, и теперь стояла в хлеву, вся дрожа и тревожно глядя прямо перед собой. Я осторожно потянул пораженный сосок, и вместо молока в подставленную жестянку брызнула струя темной, дурно пахнущей жидкости.

— Запах такой, что не ошибешься, Терри, — сказал я. — Да, это летний мастит. — Я провел рукой по горячей распухшей четверти и едва коснулся болезненного места, как корова приподняла ногу. — И очень сильный. Боюсь, дело плохо.

Терри погладил корову по спине, хмурясь все больше. Еще совсем молодой (ему не исполнилось и двадцати пяти), женатый, недавно ставший отцом, он принадлежал к тем труженикам, которые весь день гнут спину на других, а вечером, вернувшись домой, ухаживают за собственной немногочисленной живностью. Две коровы, несколько свиней и кур — это большое подспорье для человека, который живет с семьей на тридцать шиллингов в неделю.

— Не пойму я что-то, — бормотал он. — Если б она хоть доиться перестала, а то еще давала по два галлона в день. Так я ее давно бы уже дегтем помазал. (Фермеры в те времена обмазывали соски недойных коров, чтобы предохранить их от мух, считая, что те переносят заразу.)

— К сожалению, заболеть может любая корова, а особенно та, которая начинает терять молоко. — Я вытащил термометр. Он показывал сорок один и один.

— Что же теперь будет? Подлечить ее вы можете?

— Сделаю все, что в моих силах, Терри. Введу ей лекарство, а вы должны прочищать сосок как можно чаще, но ведь вы не хуже меня знаете, какая это трудная болезнь.

— Да уж знаю! — Он уныло следил, как я впрыскивал в шею коровы антитоксин (даже теперь мы все еще применяем его при летних маститах, потому что, к сожалению, ни один из современных антибиотиков не оказывает на них значительного действия). — Она потеряет четверть вымени, верно? А то и сдохнет?

— Ну не думаю, чтобы она сдохла, — нарочито бодрым тоном сказал я. — А если одну долю и придется удалить, она все наверстает с тремя

оставшимися.

Но меня терзало мучительное чувство беспомощности — как всегда в тех случаях, когда речь шла о чем-то важном, а я был бессилён помочь. Ведь я знал, какой это удар для Терри, — корова с тремя сосками теряет значительную часть своей рыночной цены, а на лучший исход и рассчитывать не приходилось. Если же корова сдохнет... Я отогнал от себя эту мысль.

— Послушайте, может, вы мне хоть посоветуете что-нибудь? Или дело совсем уж пропащее? — Худые щеки Терри были землисто-бледными, и, взглянув на его щуплую фигуру, я в который раз подумал, что он недостаточно крепок для своего тяжелого труда.

— Я ничего обещать не могу, — сказал я. — Но легче идут на поправку те коровы, которым чаще прочищают соски. Потратьте на это вечер — каждые полчаса, если сумеете выкроить время. Если эту дрянь в соске удалить, едва она образуется, большого вреда от нее быть не должно. Вымя обмывайте теплой водой и хорошенько массируйте.

— А чем его смазывать?

— Да чем угодно! Главное — разминать ткани, так чтобы побольше убрать этой дряни. Можно, например, вазелином.

— У меня есть чашка гусиного жира.

— Вот и прекрасно!

Я подумал, что чашка гусиного жира обязательно найдется на любой ферме, — универсальная мазь и лечебное средство и для людей, и для скотины.

Оттого, что для него нашлось занятие, Терри немножко ожил. Он принес старое ведро, устроился поудобнее на доильном табурете и прислонился к корове. Вдруг он поглядел на меня через плечо с каким-то вызовом.

— Ну ладно, — сказал он, — сейчас и начну.

На другой день меня рано утром вызвали к корове с послеродовым парезом, и по дороге домой я решил заглянуть к Уотсонам. Было часов около восьми, и, войдя в маленький хлев с двумя стойлами, я увидел, что Терри уже сидит там в той же позе, в какой я оставил его накануне. Прижавшись щекой к коровьему боку, он с закрытыми глазами оттягивал больной сосок. Когда я заговорил, он вздрогнул, словно внезапно проснулся.

— Доброе утро! Вы, значит, опять за нее взялись?

Корова тоже оглянулась на мой голос, и я даже ахнул от неожиданности — настолько лучше она выглядела, чем вчера вечером.

Остекленелость исчезла из ее глаз, и она посмотрела на меня с небрежным интересом, характерным для всех ее сородичей, когда они здоровы. Но самое главное — ее челюсти двигались из стороны в сторону с той неторопливой равномерностью, которая всегда радует сердце ветеринара.

— Господи! Да ее не узнать, Терри. Это просто другая корова!

Терри, казалось, с трудом разлеплял веки, но все-таки он улыбнулся.

— Нет, вы вот с этого конца поглядите.

Он медленно поднялся с табурета, разогнул спину — не сразу, а очень постепенно — и оперся локтем о круп коровы.

Я нагнулся к вымени, нащупывая вчерашнее болезненное вздутие, но моя ладонь скользнула по ровной упругой поверхности, и, не веря себе, я помял кожу между пальцами. Корова отнеслась к этому с невозмутимым спокойствием. В полном недоумении я потянул сосок. Полость над соском, где собирается молоко, была почти пуста, но мне удалось выжать на ладонь совершенно белую струйку.

— Что же это такое, Терри? Вы подменили корову! Вы ведь меня разыгрываете, а?

— Да нет, мистер, — ответил он со своей медлительной улыбкой. — Корова та самая. Только она на поправку пошла.

— Но это невозможно! Что вы с ней делали?!

— Да то, что вы мне посоветовали. Мял и сдаивал.

Я поскреб в затылке.

— Но она же совсем здорова! Ничего подобного я в жизни не видел.

— Чего не видели, того не видели, — произнес у меня за спиной женский голос. Я обернулся. В дверях с ребенком на руках стояла молоденькая жена Терри. — Вы же никогда не видели человека, который бы тер и очищал вымя всю ночь напролет, правда?

— Всю ночь напролет? — повторил я.

Она поглядела на мужа со снисходительной нежностью.

— Да, как вы ушли, он так с табуретки и не вставал. И спать не ложился, и ужинать не приходил, и завтракать. Я уж носила ему сюда поесть, и чаю, кружку за кружкой. Вот ведь дурачок — как только выдержал!

Я посмотрел на Терри, на его бледные щеки, на щуплые подрагивающие плечи, на почти пустую чашку с гусиным жиром у его ног.

— Вы совершили невероятное, Терри, — сказал я. — И конечно, совсем вымотались. Но теперь ваша корова полностью выздоровела и больше никаких забот не требует. Ложитесь-ка, вздремните.

— Не могу. — Он мотнул головой и расправил плечи. — Мне на

работу пора. Я и так уж опоздал.

Достоинства шотландского воспитания

Я не мог не ощутить некоторого самодовольства, выдавливая красный резиновый мячик из разреза в собачьем желудке. В Дарроуби работы с мелкими животными у нас было как раз в меру, чтобы приятно разнообразить обычную нашу рутину, не вызывая пресыщенности. Конечно, для ветеринара с процветающей городской практикой операция на желудке вещь самая заурядная и абсолютно не волнующая, но, когда красный мячик прокатился по столу и запрыгал по полу операционной, я преисполнился радостью удачного завершения нелегкого дела.

Крупного щенка ирландского сеттера нам привезли утром; его хозяйка объяснила, что вот уже двое суток он дрожит, куксится, а иногда его рвет — с того самого момента, как таинственно исчез красный мячик их дочки. Поставить диагноз не составило труда.

Я сложил края разреза и начал накладывать непрерывный шов, ощущая приятную расслабленность — в отличие от Тристана, который не мог закурить сигарету из-за эфира, бурлившего в стеклянном сосуде позади него и выбивавшегося из-под маски, которую он держал у морды щенка. Бедняга угрюмо взирал на спящего пациента и барабанил по столу пальцами свободной руки.

Но вскоре настал мой черед страдать, потому что дверь операционной распахнулась, и в нее широким шагом вошел Зигфрид. Не знаю почему, но под наблюдательным взглядом Зигфрида я совершенно терялся. От него словно катились волны нетерпения, недоумения, раздражения и критического неодобрения. Я чувствовал, как эти волны швыряют меня, будто щепку, хотя лицо моего патрона не выражало ничего. Он тихо стоял у края стола, но с каждой минутой, казалось мне, извержение вулкана все приближалось. Произошло оно, когда я начал сшивать нижний слой брюшной мышцы. Я вытаскивал кусок кетгута из стеклянной балки, когда услышал свирепый вдох.

— Господи помилуй, Джеймс! — вскричал Зигфрид. — Да перестаньте транжирить шовный материал! Вы знаете, сколько стоит фут чертова кетгута? И хорошо, что не знаете, не то сразу бы хлопнулись в обморок! И антисептический очень дорогой порошок — внутри этого щенка его уже не меньше полуфунта. — Он умолк и несколько секунд тяжело дышал. — И еще одно: чтобы протереть, достаточно кусочка ваты, а не квадратного ее фута! Дайте-ка мне иглу. Позвольте, я вам покажу.

Он быстро вымыл руки и встал на мое место у стола. Для начала он взял крохотную щепотку йодоформа и изящным движением посыпал им рану, словно старушка, кормящая своих золотых рыбок, затем отрезал крохотный кусочек кетгута, а потому к концу непрерывного шва остался такой крохотный кончик, что завязать узел ему удалось, лишь сконцентрировав все свое внимание и усилия.

Процесс этот повторялся раз десять, пока он стягивал кожу шелковинками, накладывая прерывистый шов. Почти прикасаясь к пациенту носом, он завязывал с помощью пинцета каждый коротенький кончик, что давалось ему совсем не легко. Когда он закончил, глаза у него слегка вылезли из орбит.

— Ну вот! Тристан, отключи эфир, — сказал он, отщипнув полдюйма ваты, и педантично протер шов. Потом обернулся ко мне, и я с ужасом увидел у него на лице такое знакомое многотерпеливое выражение.

— Джеймс, прошу, не поймите меня ложно. Вы великолепно прооперировали эту собаку, но следует учитывать и экономическую сторону. Я знаю, сейчас вас она совершенно не трогает, но, не сомневаюсь, когда-нибудь вы обзаведетесь собственной практикой и тогда поймете хотя бы отчасти, какое бремя лежит на моих плечах. — Он погладил меня по руке, и я стиснул зубы, так как он наклонил голову набок и в его улыбке появилось некоторое лукавство. — Думаю, вы согласитесь, Джеймс, что желательно получать хоть маленькую прибыль.

Неделю спустя я прижимал коленями шею спящего жеребенка посреди луга, а мою шею пекло солнце, пока я смотрел на мирно смеженные веки, на узкую морду, исчезающую в наморднике с хлороформом. Я покапал на губку еще немного хлороформа и закупорил бутылку. Хватит с него!

Я не помнил, сколько раз мы с Зигфридом повторяли эту сцену: лошадь на травяном ложе, мой патрон оперирует, а я слежу за головой. Зигфрид соединял в себе прирожденного лошадника и находчивого хирурга — очень редкая комбинация, — и, конечно, конкурировать с ним я не мог, а потому мне неизменно выпадала роль анестезиолога. Лошадей мы предпочитали оперировать на открытом воздухе: и много чище, и у норовистой лошади куда меньше шансов повредить себе. Оставалось только надеяться, что утро будет ясным, и на этот раз нам повезло. Сквозь легкую утреннюю дымку я смотрел на бесчисленные лютики, которыми зарос луг: казалось, я сижу среди волнующегося золотистого океана. Их пыльца припудрила мои башмаки и шею лошади под моими коленями.

Все произошло примерно как обычно. Я вошел в стойло жеребенка, прицепил намордник к его недоуздку, а потом неторопливо вывел его на

ровное мягкое место на лугу. Я отдал короткий, привязанный к недоуздку повод работнику, а сам налил первые пол-унции хлороформа на губку и следил, как жеребенок нюхает незнакомый запах и встряхивает головой. Работник медленно вел его по кругу, а я добавлял капли хлороформа, пока жеребенок не начал спотыкаться и пошатываться; это всегда длилось несколько минут, и я уверенно дожидался неременной реплики Зигфрида. И не был разочарован.

— Знаете, Джеймс, он не ляжет. Как по-вашему, не подвязать ли ему переднюю ногу?

Я, по обыкновению, разыграл глухоту, и несколько секунд спустя жеребенок в последний раз покачнулся и рухнул на бок. Зигфрид, изнывавший от невольного безделья, не потерял и секунды.

— Сядьте ему на голову!.. Накиньте веревку на ту заднюю ногу и вытяните ее вперед! Подайте мне вон то ведро с водой! И побыстрее!

Ошарашивающий переход! Секунду назад — благодатная тишина и покой, а теперь работники заметались во всех направлениях, натывая друг на друга, подстегиваемые воплями Зигфрида.

Прошло тридцать лет, я все еще укладываю лошадей для Зигфрида, и он все еще говорит: «Джеймс! Он не ляжет!»

Теперь я чаще всего ввожу внутривенно тиопентон, и он укладывает лошадь примерно за десять секунд. Казалось бы, у Зигфрида просто нет времени произнести свою реплику, но обычно он вставляет ее где-то между седьмой и десятой секундами.

В то утро речь шла о рваной ране. И очень серьезной, потребовавшей общего наркоза. Жеребенок, сын породистой охотничьей кобылы, носился галопом по своему загону, и вдруг ему приспичило выбраться в широкий мир. Чтобы перепрыгнуть туда, он выбрал единственный острый кол в изгороди, и острое вонзилось ему между передними ногами. Стараясь высвободиться, он так разворотил область груди, что она приобрела сходство с товаром мясной лавки: кожа повсюду разорвана, большие грудные мышцы висят, словно рассеченные резакон.

— Переверните его на спину, — сказал Зигфрид. — Вот так. — Он взял зонд, с лежащего на траве подноса и тщательно исследовал рану.

— Кость не повреждена, — пробурчал он, внимательно вглядываясь в глубь раны. Потом взял пинцет, извлек весь мусор, какой сумел обнаружить, и обернулся ко мне. — Осталось только зашить, хотя работы будет много. Можете этим заняться, если хотите.

Когда мы поменялись местами, мне показалось, что он рассчитывал на что-то более интересное и теперь был разочарован. Вряд ли он поручил бы

мне сложную операцию. Но едва я взял иглу, как в памяти у меня всплыл разрез в собачьем желудке. Возможно, это проверка моей неэкономности. Ну, на этот раз я остерегусь!

Я вдел в иглу минимально короткий кусок кетгута, вонзил иглу в надорванную мышцу и с усилием пришил ее куда следовало. Но на завязывание одного узла, потом второго, потом третьего ушло по меньшей мере втрое больше времени, чем потребовал бы непрерывный шов. Однако я упорствовал. Меня предостерегли, и я не желал выслушивать еще одну нотацию.

Таким способом я наложил полдюжины швов и тут ощутил, что на меня накатываются волны. Мой патрон стоял на коленях на шее жеребенка совсем рядом со мной, и пенные валы неодобрения обрушивались на меня с предельно близкого расстояния. Я продержался еще два шва, и вдруг Зигфрид яростно зашептал:

— Что вы, собственно, делаете, Джеймс?

— Ну-у, шью. О чем вы?

— Но чего вы возитесь с этими обрывками кетгута? Мы проторчим здесь весь чертов день! Я кое-как затянул еще один узелок на мышце.

— Ради экономии, — добродетельно шепнул я в ответ.

Зигфрид вскочил с шеи, словно жеребенок его укусил.

— Я больше не вынесу! Ну-ка, дайте мне!

Он подошел к подносу, выбрал иглу, ухватил кончик кетгута, торчавший из банки, и широким взмахом руки извлек гигантскую петлю кетгута, так что катушка внутри банки бешено завертелась, словно катушка спиннинга, когда клюет большой лосось. Он вернулся к жеребенку, слегка спотыкаясь, потому что кетгут обматывал ему лодыжки, и начал шить. Что было непросто, так как, даже вытягивая руку во всю длину, он не затягивал шов достаточно туго, а потому то вставал, то снова садился. К тому времени, когда он закрепил мышцы в их нормальном положении, дыхание у него перешло в пыхтение, а на лбу я заметил бисеринки пота.

— Тут откуда-то кровь сочится, — буркнул он, снова навестил поднос, где свирепо разодрал кусок ваты. Волоча по лютикам концы мохнатых лент, он вернулся и промокнул рану, смяв все это богатство ваты в один ком. И снова к подносу.

— Немножко йодоформа, прежде чем зашивать кожу, — сказал он небрежно, схватил двухфунтовую картонку, секунду подержал ее над раной, а затем принялся сыпать порошок, судорожно дергая кистью. Изрядное количество порошка действительно попало на рану, но куда больше его рассыпалось по телу жеребца, по моему телу, по лютикам, а особенно

широкий взмах окутал облаком потное лицо человека, державшего веревку, привязанную к ноге. Когда он перестал кашлять, то уже удивительно смахивал на «белого» клоуна в цирке.

Зигфрид зашил рану, израсходовав несколько ярдов шелка, а когда он отошел и обозрел безупречный шов, я заметил, что настроение у него было превосходное.

— Вот и отлично. Такая молодая лошадь поправится очень скоро, и не удивлюсь, если даже никаких следов не останется.

Он подошел ко мне, когда я мыл инструменты в ведре.

— Извините, что я вас отстранил, Джеймс, но, право же, я не мог понять, что на вас нашло. Ну просто старая насадка! Вы ведь должны знать, как скверно это выглядит, когда человек пытается шить жалкими обрывочками шовного материала. Надо оперировать... с... ну, с определенным щегольством, если можно так выразиться, а откуда ему взяться, если вы скаредничаете.

Я кончил мыть инструменты, вытер и уложил на эмалированный поднос. Потом я взял поднос и пошел с ним к воротам в дальнем конце луга. Зигфрид, шагая рядом со мной, положил руку мне на плечо.

— Поймите, Джеймс, я ни в чем вас не виню. Возможно, причина в вашем шотландском воспитании. И опять-таки, поймите меня правильно, это же самое воспитание развило в вас множество качеств, которыми я восхищаюсь: несгибаемую честность, трудолюбие, высокую порядочность. Но я уверен, вы первый согласитесь... — тут он остановился и погрозил мне пальцем, — что вы, шотландцы, порой несколько излишне бережливы. — Он усмехнулся. — Так что запомните, Джеймс, оперируя, не будьте таким... э... домовитым.

Я смерил его взглядом. Если тут же бросить поднос, я наверняка сумею свалить его правым в челюсть.

А Зигфрид продолжал:

— Но я знаю, мне не нужно читать вам мораль, Джеймс. Вы же всегда очень внимательно относитесь к моим словам, не правда ли?

Я сунул поднос под мышку и зашагал дальше.

— Да, — ответил я. — Очень. Всегда, без исключения.

Мне нравятся свиньи

— Сразу видно, что свиньи вам нравятся! — сказал мистер Уорли, когда я бочком вошел в закуток.

— Неужели?

— А как же! Мне с первого взгляда ясно. Вот вы зашли тихо, похорошему, почесали Принцессе спинку, поговорили с ней, и я сразу подумал: «Этому молодому человеку свиньи нравятся!»

— Отлично. Кстати сказать, вы совершенно правы: свиньи мне нравятся...

Тем временем я осторожно пробирался мимо Принцессы, не зная, как она воспримет мою дерзость. Это была внушительная зверюга, а матери с молочными поросятами нередко набрасываются на чужаков. Когда я вошел в хлев, она встала, стряхивая с себя сосущих поросят, поглядела на меня и неопределенно хрюкнула, напомнив о тех довольно частых случаях, когда я выскакивал из закутков куда быстрее, чем входил в них. При виде разинутой пасти дюжей, свирепо хрипящей свиньи я всегда обретаю удивительную резвость.

И вот теперь я был в узком закутке. Принцесса как будто отнеслась ко мне с полным благодушием. Она снова хрюкнула, но совершенно мирно, и неторопливо улеглась на солому, подставив соски жадным маленьким ртам. Эта поза позволяла мне спокойно осмотреть ее ногу.

— Ага, ага, та самая, — тревожно сказал мистер Уорли. — Утром она просто наступить на нее не могла.

На вид ничего серьезного не было: роговой край одного копытца разросся и натирал чувствительную подошву, но ради подобных пустяков нас, как правило, не вызывали. Я удалил разросшийся край и смазал больное место нашей универсальной успокаивающей дегтярной мазью, а мистер Уорли все это время стоял на коленях возле головы Принцессы, поглаживал ее и что-то ласково ворковал ей на ухо. Слов я не разбирал. А может быть, он изъяснялся на свином языке, потому что Принцесса словно бы отвечала ему тихим похрюкиванием. Во всяком случае, это сработало лучше всякой анестезии, и все были на удивление счастливы — включая поросят, деловито в два ряда сосавших мать.

— Ну, все в порядке, мистер Уорли. — Я выпрямился и протянул ему баночку мази. — Втирайте понемножку два раза в день, и, не сомневаюсь, все скоро заживет.

— Большое спасибо, весьма вам благодарен! — Он потряс мне руку с таким жаром, словно я спас Принцессу от неминуемой гибели. — Рад был познакомиться с вами, мистер Хэрриот. Конечно, с мистером Фарноном я уже знаком года два и очень высокого о нем мнения. Любит он свиней, ах, как любит!

— Безусловно, мистер Уорли.

— Вот-вот, я сразу вижу! — Он некоторое время смотрел на меня увлажнившимися глазами, а затем удовлетворенно улыбнулся.

Мы вышли на задний двор — но не фермы, а гостиницы, ибо мистер Уорли был, собственно, не фермером, а хозяином отеля «Лангторпский водопад», и его обожаемые свинки размещались в бывших конюшнях и каретнике. Он держал только тэмуртов, и какую бы дверь вы ни отворили, ваши глаза встречались с глазами золотисто-рыжей свиньи. Несколько кабанчиков откармливались на бекон и ветчину, но гордостью мистера Уорли были его свиноматки. У него их было шесть — Императрица, Принцесса, Бирюза, Ромашка, Далила и Примула.

Уже несколько лет опытные свиноводы убеждали мистера Уорли, что из его затеи с разведением свиней ничего не выйдет. Если браться за это всерьез, говорили они, то нужно построить настоящий свинарник, а рассовывать свиноматок по каким-то перестроенным конюшням — последнее дело. И уже несколько лет любимицы мистера Уорли производили на свет рекордное число поросят и нежно их вскармливали. Все они без исключения были заботливыми матерями, не пожирали новорожденных и не придавливали их по небрежности, так что через восемь недель, как по расписанию, мистер Уорли отправлял на рынок двенадцать упитанных поросят.

Наверное, фермерам из-за этого пиво в горло не шло: ни у кого из них свиньи не приносили столько здоровых поросят, к тому же (что делало пилюлю еще более горькой) хозяин «Лангторпского водопада» переселился сюда из какого-то промышленного города (Галифакса, если не ошибаюсь) — бывший владелец газетного киоска, хилый и близорукий, не имевший никакого понятия о сельском хозяйстве. По всем законам природы у него ничего не должно было получаться.

Мы вышли со двора и направились к тихому перекрестку, где я оставил машину. Чуть дальше шоссе круто ныряло в заросший деревьями овраг, где Дарроу бурлила и пенилась, стремительно переливаясь через зубчатый порог, преградивший ей путь. С того места, где я стоял, реки не было видно, но до меня доносились слабые отголоски ее рева, и перед моим мысленным взором из кипящей воды поднималась отвесная черная

скала, а за ней виднелся травянистый откос противоположного берега, куда горожане приезжали полюбоваться водопадом.

Вот и теперь почти рядом с нами остановился большой сверкающий автомобиль. Пассажиры вылезли, и сидевший за рулем внушительный толстяк, подойдя к нам, объявил:

— Мы хотели бы выпить чаю.

Мистер Уорли негодуя поглядел на него.

— И выпьете, мистер! Когда я освобожусь. У меня с этим джентльменом важный разговор.

Повернувшись к нему спиной, он начал подробно расспрашивать меня, как еще можно полечить ногу Принцессы.

Толстяк явно растерялся, и я хорошо его понимал. На мой взгляд, мистер Уорли мог проявить больше такта — ведь, в конце-то концов, он, как владелец гостиницы, был обязан поить и кормить людей. Однако, узнав его покороче, я понял, что главным для него были свиньи, а все остальное относилось к числу досадных помех.

Короткость с мистером Уорли имела свои положительные стороны. Я люблю пропустить кружечку пива не вечером, когда открываются питейные заведения, а эдак в половине пятого, на исходе жаркого дня после возни с молодыми бычками в душном коровнике. Обливаясь потом, совсем измочаленный, с каким наслаждением укрывался я в заветной кухне мистера Уорли и маленькими глоточками попивал горький эль прямо со льда.

Общему благополучному существованию такой системы благоприятствовало отношение начальника местной полиции констебля Даллоуэя к проблеме лицензирования алкогольного производства. Его благосклонная и гибкая интерпретация закона о лицензиях завоевала ему глубокое уважение в обществе. Время от времени он присоединялся к нам, снимал мундир, оставаясь в рубашке и подтяжках, и принимал кружку-другую, исполненный чувства собственной важности, которое было ему свойственно.

Но по большей части мы оставались вдвоем. Мистер Уорли ставил высокий кувшин на стол, располагался возле и говорил: «Ну, а теперь немножечко похрюкаем!» Его любовь к этой фразе заставила меня заподозрить, что он относится к собственному маниакальному увлечению свиным племенем не без юмора. Но как бы то ни было, наши беседы доставляли ему живейшее удовольствие.

Мы толковали о роже и чуме у свиней, об отравлении поваренной солью и паратифе, о сравнительных достоинствах сухих и запаренных

кормов, а со стен на нас взирали портреты его несравненных свинок с изящными розетками, полученными на выставках.

Как-то во время особенно горячего обсуждения вентиляции помещений, предназначенных для опороса, мистер Уорли внезапно умолк и, отчаянно моргая за толстыми стеклами очков, сказал проникновенным голосом:

— А знаете, мистер Хэрриот, когда я сижу вот тут с вами и разговариваю, так я счастливей короля!

Его страсть приводила к тому, что он вызывал меня по всяким пустякам, и я невольно выругался себе под нос, когда его голос донесся однажды из телефонной трубки в час ночи:

— Ромашка днем опоросилась, мистер Хэрриот, только, по-моему, у нее не хватает молока. Поросятки, мне кажется, совсем изголодались. Вы не приедете?

Постанывая, я выбрался из кровати, спустился вниз и побрел через сад к гаражу. К тому времени, когда машина выехала из проулка, я начал малопомалу просыпаться и, остановившись у гостиницы, уже смог поздороваться с мистером Уорли достаточно бодро. Но бедняга даже не ответил. Свет керосинового фонаря озарял его осунувшееся от тревоги лицо.

— Надеюсь, вы сумеете помочь ей быстро. Я очень за нее беспокоюсь: лежит как каменная, а поросятки преотличные. Целых четырнадцать!

Я понял его волнение, едва заглянув в закуток. Ромашка неподвижно лежала на боку, а крохотные поросята толклись у ее сосков. Они бросали один, хватали другой, повизгивали и опрокидывали друг друга в тщетной попытке утолить голод. Их тельца выглядели тощими и дряблыми — верный признак, что желудки у них пусты. Мысль, что новорожденные поросята погибнут просто потому, что мать их не кормит, была мне невыносима, — но это могло произойти так легко! Скоро они оставят попытки сосать и бессильно лягут на пол. А тогда их уже не спасти.

Присев на корточки, я поставил Ромашке термометр и оглядел ее вздутый бок в рыжей щетине, отливавшей под фонарем медью.

— Она что-нибудь сегодня ела?

— Очистила корытце, как всегда.

Температура оказалась нормальной. Я начал водить руками по соскам, по очереди оттягивая их. Изнывающие от голода поросята вцеплялись острыми зубками мне в пальцы, когда я отодвигал их в сторону. Но, несмотря на все мои усилия, я не сумел выжать ни капли молока. Вымя казалось полным, даже раздутым, и все-таки ни единой капельки.

— У нее же там сухо, верно? — испуганно прошептал мистер Уорли.
Я встал и повернулся к нему.

— Это просто агалактия. Мастита нет, и Ромашка не больна, но что-то тормозит отпускнуой рефлекс. Молока у нее много, сейчас мы ей кое-что впрыснем, и оно пойдет.

Говоря это, я пытался придать своему лицу непроницаемое выражение, потому что готовился к одному из любимейших моих салонных фокусов. В подобных случаях инъекция питуитрина оказывает поистине волшебное действие. Она срабатывает не позже чем через минуту и, хотя не требует никакого искусства, впечатление производит крайне эффектное.

Ромашка не возмутилась, когда я вогнал иглу глубоко ей в бедро и ввел три кубика внутримышечно. Она была всецело поглощена беседой со своим хозяином — почти соприкасаясь носами, они обменивались нежными похрюкиваниями.

Я убрал шприц, немного послушал, как они воркуют, и решил, что торжественный момент наступил. Я снова нагнулся к соскам, и мистер Уорли уставился на меня в изумлении.

— Что вы делаете?

— Проверяю, не пошло ли молоко.

— Откуда, черт подери! Вы же ее только-только укололи, а у нее там все сухо!

Такой зачин превзошел все мои ожидания. Для полного триумфа мне не хватало только барабанной дроби. Я зажал в пальцах один из напряженных задних сосков. Вероятно, где-то в глубине души я позер, потому что в подобных обстоятельствах всегда стараюсь брызнуть молоком на противоположную стену. На этот раз я для пущего эффекта решил направить струйку мимо левого уха хозяина гостиницы, но немного не рассчитал и оросил его очки.

Он снял их и начал медленно протирать, словно не веря своим глазам. Потом нагнулся и сам потянул за сосок.

— Да это же чудо! — воскликнул он, когда молоко Щедро потекло на его ладонь. — В жизни такого не видывал!

Поросята мигом разобрались в ситуации. Не прошло и нескольких секунд, как драки и визг прекратились, они улеглись ровным рядком, и наступила тишина. Блаженное выражение их мордочек свидетельствовало, что они лихорадочно наверстывают упущенное время.

Я пошел на кухню, чтобы помыть руки, и, вытирая их полотенцем, висящим за дверью, обратил внимание на нечто странное: я услышал приглушенный звук многих голосов. Этот шум казался необычным для

паба в два часа ночи, и я заглянул внутрь через неплотно прикрытую дверь. Повсюду сидели люди. В свете единственной неяркой электрической лампочки я увидел нескольких мужчин, расположившихся за стойкой бара, а другие сидели по лавкам вдоль стен с пенными кружками в руках.

Когда я повернулся в удивлении, Уорли ответил мне улыбкой.

«Не ожидали увидеть такое, да? Так я вам вот что скажу — настоящие выпивохи приходят только после закрытия. Да, так вот. Каждый вечер я запираю главный вход, а эти ребята проходят через черный».

Я сунул голову в дверь и еще раз оглядел зал. Он представлял собой своего рода местную галерею фотографий из серии «Их разыскивает полиция». Казалось, здесь собрались все самые сомнительные личности города, имена которых регулярно оживляли колонки новостей еженедельной газеты. Переводя взгляд с одного лица на другое, я как будто вживую видел перед собой заголовки: пьянство и непотребное поведение, уклонение от уплаты налогов, избивание жен, драки и скандалы.

Меня заметили. Я услышал пьяные крики в свой адрес и внезапно понял, что все взгляды прокуренного зала обращены на меня. Вдруг все остальные крики заглушил голос: «Не хочешь ли выпить?» Больше всего на свете я хотел бы добраться до постели, но просто закрыть дверь и исчезнуть было бы не совсем прилично. Я вошел и направился к стойке. Видимо, у меня тут было много друзей, и не прошло и минуты, как я оказался в центре веселой компании с кружкой пива в руке.

Ближайшим моим соседом был хорошо известный в Дарроуби герой по имени Гоббер Ньюхаус, невероятного размера толстяк, который умудрялся идти по жизни, нигде не работая. Он постоянно пил, дрался и играл на деньги. В данный момент он пребывал в благодушном настроении, и глаза на его огромном потном лице рядом со мной смотрели дружески, но хитро.

«Ну, Хэрриот, как торговля собаками?» — спросил он с достоинством.

Я раньше никогда не слышал, чтобы мою профессию описывали подобным образом, и задумался, как ответить на вопрос, и тут заметил, что все собравшиеся в ожидании смотрят на меня. Племянница мистера Уорли, которая стояла за стойкой, тоже застыла в ожидании.

«Шесть кружек лучшего пива — шесть шиллингов», — сказала она, разряжая ситуацию.

Я пошарил в кармане и достал деньги. Мое впечатление, что кто-то пригласил меня выпить с ним пива, видимо, было ошибочным. Я оглядел лица, но не было никакой возможности определить, кто же позвал меня, а по мере того, как кружки исчезали со стойки, толпа вокруг меня начала

редеть, будто по волшебству: люди просто отходили от меня, словно они забыли что-то в другом месте, и я скоро оказался в одиночестве. Я больше не представлял интереса, и никому не было до меня дела, когда я допил свою кружку и вышел.

Свет в свинарнике прорезал темноту двора, и я услышал хрюканье и звуки человеческого голоса, которые подсказали мне, что мистер Уорли все еще возится со своей свиноматкой. Я подошел ближе, он посмотрел на меня восхищенным взглядом.

«Посмотрите, мистер Хэрриот, — прошептал он, — разве это не прекрасно?»

Он показал на поросят, которые в беспорядке лежали друг на друге с закрытыми глазами и животами, раздувшимися от щедрых соков Ромашки.

«Да, действительно, — сказал я, пытаюсь растолкать спящую массу, но не получив никакого ответа, кроме одного открывшегося глазика. — Вам пришлось проделать долгий путь, чтобы увидеть эту картину».

Я разделял его чувства, работа на этот раз была несложной, но доставила огромное удовольствие. Садясь в машину, я понял, что не зря приезжал на этот ночной вызов, хотя мне и пришлось за просто так угостить компанию без всякой надежды на получение ответной выпивки. Не то чтобы я хотел выпить еще — мой желудок не привык пить кружку за кружкой в два часа ночи, но некоторый приступ удивления и негодования я все же испытал: я был задет тем, как эти джентльмены в баре походя, но профессионально развели меня на пиво.

Однако по дороге домой по залитой лунным светом улице я и не подозревал, что рука возмездия уже зависла над этой веселой бандой. То была, как оказалось, роковая ночь, и минут через десять после моего ухода на паб мистера Уорли был совершен налет. Может быть, это и не совсем точное слово, но случилось так, что в ту ночь у начальника полиции был день рождения, и подменивший его на дежурстве молодой полицейский, который не разделял либеральные взгляды мистера Даллоуэя, прикатил на своем велосипеде и застукал всех на месте преступления.

Было интересно читать отчеты о заседании суда, которые публиковала местная «Дарроуби и Холтон тайме». Гоббер Ньюхаус и вся компания были оштрафованы на два фунта каждый, им также было вынесено предупреждение на будущее. Судейские, явно безжалостные люди, оставили без рассмотрения страстные протесты Гоббера, согласно которым пиво в кружках его товарищей и его собственной было куплено еще до закрытия заведения, и последующие четыре часа они провели в беззаботной беседе о том о сем.

Мистер Уорли был оштрафован на пятнадцать фунтов, но, по-моему, ему было все равно — Ромашка и ее выводок чувствовали себя прекрасно.

Ожидания и реальность

Последние ворота! Я вылез открыть их, поскольку вел машину Тристан, и оглянулся на ферму, теперь далеко внизу под нами, и на следы, которые наши колеса оставили на крутых травянистых склонах. Некоторые фермы в холмах отличались всякими странностями. К этой, например, не было не только дороги, но и тропы. С этого места вы просто ехали через луга от ворот до ворот, пока не добирались до шоссе над долиной. А эти были последними. Еще десять минут езды, и мы дома.

Тристан играл роль моего шофера, так как моя левая рука начала нарывать после тяжелого отела и теперь была в лубке. Однако он не проехал через ворота, а вылез из машины, прислонился к столбу и закурил сигарету.

Он явно никуда не торопился. Солнышко пригревало ему шею, в его желудке нашли тихий уют две бутылки отличного пива, и я легко мог догадаться, что он чувствует себя чудесно. Собственно говоря, чувствовал он себя неплохо и раньше. Удалил бородавки с сосков телки, и фермер сказал, что для такого молодого эта у него очень хорошо получается. («Да, молодой человек, руку вы себе уже набили лучше некуда».) А потом пригласил нас выпить по бутылочке пива — день ведь вон какой жаркий. Блаженная молниеносность, с какой Тристан поглотил свое пиво, произвела на фермера такое впечатление, что он поставил ему еще одну бутылочку.

Да, все было замечательно, и я видел, что Тристан разделяет мое мнение. С улыбкой глубочайшего удовлетворения на губах он медленно, глубоко вдохнул воздух вересковых пустошей напололам с сигаретным дымом и закрыл глаза.

И быстро их открыл, когда со стороны машины донесся легкий скрежет.

— Черт! Она поехала, Джим! — завопил он.

Маленький «остин» неторопливо скатывался под уклон задними колесами вперед. Видимо, рычаг передачи выскочил, а тормоза давно практически приказали долго жить. Мы оба помчались следом за машиной, Тристан был к ней ближе и умудрился дотянуться пальцем до капота, но не выдержал такой скорости. Мы оба остановились и начали наблюдать.

Склон был крутой, и автомобильчик быстро набирал скорость, подпрыгивая и сотрясаясь на буфах. Я покосился на Тристана: в

критические минуты его ум всегда работал стремительно и четко, и я прекрасно понимал, о чем он думает. Прошло всего две недели с того вечера, когда он перевернул «хиллмен», провожая девушку домой после танцев. Машина была совершенно изуродована, а страховая компания встала на дыбы. И Зигфрид, естественно, пришел в лютое бешенство и кончил тем, что выгнал его окончательно, раз и навсегда, — чтобы его духу в доме больше не было!

Но Тристан давно свыкся с этими изгнаниями и знал, что ему надо только некоторое время не попадаться на глаза брату, и все будет забыто. А на сей раз ему особенно повезло: Зигфрид уговорил управляющего банком дать ему ссуду для покупки чудесного нового «ровера», и все остальное изгладилось из его памяти.

То, что произошло теперь, выглядело особенно зловещим, поскольку формально он, как шофер, отвечал за «остин», а тот теперь несся вниз по длинному зеленому склону со скоростью не менее семидесяти миль в час, выделывая жуткие курбеты. Одна задругой распахнулись все дверцы, и, казалось, автомобильчик хлопает ими точно огромная неуклюжая птица — крыльями.

А на дерн из открытых дверец летели флаконы, инструменты, бинты, вата, оставляя за ним зигзагообразный след. Время от времени картонки с рвотным порошком или питьевой содой при ударе о землю взрывались как бомбы, выбрасывая облака содержимого, такие белые на зеленом фоне!

Тристан вскинул руки над головой.

— Смотри! Чертова машина нацеливается прямо на этот сарай! — И он судорожно затянулся сигаретой.

Действительно, на голом склоне было лишь одно препятствие — небольшое строение почти у самого подножия горы, где начиналось дно долины, и «остин», точно притягиваемый магнитом, мчался прямо на него.

Я не выдержал и отвернулся за секунду до столкновения, сосредоточив взгляд на тлеющем кончике тристановской сигареты, который в момент катастрофы стал багрово-алым. Когда я поглядел вниз, строеньице уже не торчало там, оно рассыпалось веером, и мне на память пришло все, что я знал о карточных домиках. Поверх досок мирно покоился на боку автомобильчик, и его колеса все еще продолжали лениво вращаться.

Пока мы галопом неслись вниз по склону, не требовалось быть ясновидцем, чтобы читать мысли Тристана. Он не мог предвкушать минуты, когда придется сообщать Зигфриду, что разбил «остин». Собственно, ум отказывался принять такую возможность. Но, когда мы приблизились к сцене катастрофы, минуя по пути шприцы, скальпели,

флаконы с вакцинами, представить себе иной исход было попросту невозможно...

Добравшись до машины, мы в тревоге принялись ее осматривать. Кузов и раньше был в таких вмятинах, что определить, где появились новые, было непросто. Бесспорно, сзади она была приплюснута, но в глаза это не бросалось. Явно о происшедшем свидетельствовал только разбитый задний фонарь. Ободрившись, мы зашагали к ферме за помощью.

Фермер встретил нас дружески.

— Что, ребята, вернулись выпить еще пивка?

— Оно было бы в самый раз, — ответил Тристан. — С нами кое-что приключилось.

Мы вошли в дом, и радушный хозяин откупорил еще несколько бутылок. Известие о сносе строения, казалось, его ничуть не огорчило.

— Так оно же не мое. Принадлежит гольф-клубу. Это ихний павильон.

Брови Тристана полезли к волосам.

— Не может быть! Не говорите, что мы снесли штаб-квартиру Дарроубийского гольф-клуба!

— Выходит, снесли, малый. Тут, в лугах, никаких других деревянных построек нет. Я этот участок сдаю клубу, и они устроили поле на девять лунок. Да вы не расстраивайтесь. Тут никто и не играет-то. Только управляющий банком, а мне его личность не по вкусу.

Мистер Прескотт вывел лошадь из конюшни, мы вернулись к машине и поставили ее на колеса. С некоторой дрожью Тристан сел за руль и нажал на стартер. Надежный мотор тут же уверенно взревел, и Тристан осторожно съехал с поврежденной стены на траву.

— Огромное спасибо, мистер Прескотт! — крикнул он. — Кажется, мы легко отделались.

— Еще как, молодой человек, еще как! Машина как новенькая. — Тут фермер поднял палец и подмигнул. — А про это вы ничего не знаете, а я ничего не скажу! Верно?

— Верно! Давай, Джим, залезай!

Тристан дал газ, и мы опять заурчали вверх по склону. Он о чем-то думал, пока мы не выбрались на шоссе, а тогда повернулся ко мне.

— Знаешь, Джим, все это очень мило, но ведь придется сказать Зигфриду про задний фонарь. Ну и я снова попробую плетки. По-твоему, справедливо, как я всегда оказываюсь виноватым, если что-то приключается с его машинами? Ты же сам видел, и не один раз. Дает мне дышащие на ладан драндулеты, а когда они начинают разваливаться на части, всякий раз вина моя! Чертовы покрышки протерты до корда, но

стоит мне проколоться, и с меня спускают шкуру заживо. Это нечестно!

— Ну, ты знаешь, что Зигфрид не из тех, кто страдает молча, — ответил я. — Он обязательно должен излить душу, а ты оказываешься под рукой.

Тристан помолчал, глубоко затынулся, надул щеки и принял выражение третейского судьи.

— Учти, я же не утверждаю, будто совсем непричастен к тому, что произошло с «хиллменом», — поворот был крутой, а я одной рукой обнимал хорошенькую медсестру, но в целом меня просто преследует страшное невезение. В конечном счете, Джим, я беспомощная жертва предубеждения.

Когда мы встретились в приемной, Зигфрид был далеко не в лучшей форме. Он простудился, хлюпал носом и был вял, но, услышав о случившемся, нашел в себе силы вспылить.

— Чертов желторотый маньяк! Теперь, значит, задний фонарь? Бог свидетель, по-моему, я тружусь, только чтобы оплачивать счета за починку всего, что ты портишь. Ты кончишь тем, что разоришь меня дотла. Так убирайся ко всем чертям. Я умываю руки.

Тристан удалился с полным достоинством и, как обычно, залег на дно. С братом он встретился только на следующее утро. Зигфриду стало заметно хуже. Как всегда, наиболее уязвимым оказалось его горло — у него начался ларингит. Шею его окутывал согревающий уксусный компресс, а когда мы с Тристаном вошли к нему в спальню, он слабеющей рукой листал «Дарроуби и Хултон тайме». И произнес надрывным шепотом:

— Читали? Здание гольф-клуба вчера разворотили, и нет ни единого намека, как это произошло. Чертовски загадочно. На земле Прескотта, а? — Его голова внезапно взвилась с подушки, и он смерил брата яростным взглядом. — Ты же вчера был там! — прохрипел он и откинулся назад на подушку, бормоча: — Нет-нет, извини, это даже смешно, и я не прав, что во всем виню тебя.

Тристан уставился на него. Он еще никогда ничего подобного от Зигфрида не слышал. Я тоже встревожился: уж не бредит ли он?

Зигфрид сглотнул и поморщился от боли.

— Мне как раз звонил Армитейдж из Сортона. Очень срочно. У его коровы послеродовой парез, так что немедленно отвези туда Джеймса. Давай же, пошевеливайся!

— Боюсь, я не смогу. — Тристан пожал плечами. — Машина Джима в гараже Хэммонда. Меняют фонарь. На это уйдет около часа.

— О черт, да, и они сказали, что у них нет другого автомобиля, чтобы

дать нам на время ремонта. Но Армитейдж просто в панике, через час корова может уже сдохнуть. Что нам, черт подери, делать?

— Есть «ровер», — негромко сказал Тристан.

Тело Зигфрида под одеялом внезапно окостенело, а в глазах заметался дикий ужас. Несколько секунд его голова перекатывалась по подушке, а длинные тонкие пальцы нервно перебирали одеяло, затем с усилием он повернулся на бок и уставился в глаза брата. Потом медленно заговорил, и мучительно-шипящий голос придавал его словам зловещность.

— Да, тебе придется взять «ровер». Не думал, что доживу до дня, когда позволю вести его такому любителю крушить машины, как ты. Но разреши сказать тебе вот что: единая царапина на этой машине — и я тебя убью. Собственными руками задушу.

Все начинало входить в обычную колею: глаза Зигфрида выпучивались, темный румянец разливался по щекам, а лицо Тристана утратило всякое выражение.

Собрав остатки сил, Зигфрид приподнялся повыше.

— Ты действительно думаешь, что сможешь проехать на этой машине пять миль до Сортона и назад, не раздолбав ее? Ну ладно, поезжай, но помни, что я тебе сказал.

Тристан удалился в оскорбленном молчании, а я, прежде чем последовать за ним, последний раз взглянул на кровать. Зигфрид упал на спину и вперил лихорадочный взор в потолок. Губы у него чуть шевелились, словно он молился.

В коридоре Тристан радостно потирал руки.

— Вот повезло, Джим! Шанс один на миллион! Знаешь, я никак не думал, что хоть когда-нибудь сяду за руль этого «ровера». — Его голос понизился до шепота. — Вот и выходит, что ни случится, все к лучшему!

Пять минут спустя он осторожно выезжал задним ходом из двора и в проулок, а когда мы выехали на Сортонское шоссе, я увидел, что он вошел во вкус. На две мили простиралось прямое, совсем пустое шоссе, если не считать встречного молочного фургона, только что появившегося из-за дальнего поворота. Идеальное место, чтобы опробовать возможности «ровера». Тристан расположился поудобнее на упругом кожаном сиденье и нажал на газ.

Мы с полной легкостью неслись на скорости восьмидесяти миль в час, когда я заметил, что фургон начинает нагонять легковушка — древний высокий экипаж с квадратным верхом, смахивавший на жестянку из-под галет на колесах, и не ей было идти на обгон даже тачки. Я полагал, что драндулет затормозит и встроится позади фургона, но нет, он продолжал

обгон. А грузовик — возможно, с азартным водителем за рулем, — прибавил газу, видимо превращая это в гонки.

С нарастающей тревогой я смотрел, как две машины, поравнявшись, надвигаются на нас, — до них оставалось несколько сот ярдов, а справа и слева от них не оставалось и фута свободной дороги. Конечно, драндулет должен был отстать и встроиться за фургоном — ничего другого ему не оставалось, но он явно мешкал. Тристан нажал на тормоза. Сделай водитель фургона то же, драндулет, возможно, сумел бы проскочить между ними. Но через секунду я понял, что этого не произойдет: они, гроыхая, надвигаются на нас, и я с бессильным ужасом приготовился к смерти от лобового столкновения.

Перед тем как зажмуриться, я успел увидеть широкую перепуганную физиономию над баранкой драндулета, затем что-то ударило в левое крыло «ровера», и раздался невыносимый скрежет.

Когда я открыл глаза, мы стояли. И никого, кроме Тристана и меня, — впереди пустое безмолвное шоссе, сворачивающее в мирную зелень холмов.

Я сидел неподвижно и слушал стук моего бешено колотящегося сердца. Потом оглянулся через плечо и увидел, как фургон на большой скорости скрылся за дальним поворотом. И еще я с интересом взглянул на лицо Тристана — никогда прежде мне не доводилось видеть такого абсолютно зеленого лица.

Через довольно долгое время, ощущая сквозняк слева, я очень осторожно поглядел туда. Обе дверцы отсутствовали — одна лежала на шоссе в нескольких ярдах позади нас, вторая повисла на одной петле и тут же на глазах у меня сорвалась с нее и загремела об асфальт со скорбным финальным звуком. Медленно, словно во сне я вылез на шоссе и обозрел результат столкновения. Левая сторона «ровера» превратилась в искореженный металл там, где драндулет, метнувшись на обочину в последний момент, пропахал себе путь.

Тристан хлопнулся на траву, лицо у него было совсем пустое. Большая царапина, повредившая краску, могла бы ввергнуть его в панику, но подобное оглушило все его чувства. Однако состояние это длилось недолго. Он заморгал, затем его глаза сощурились и он нащупал сигареты. Его быстрый ум уже заработал, и прочесть его мысли было совсем не трудно. Что можно сделать сейчас?

Мне после краткой оценки ситуации представлялось, что у него есть три возможных выбора. Первый — и наиболее привлекательный — навсегда покинуть Дарроуби, эмигрировав в случае необходимости. Второй

— он мог тут же отправиться на железнодорожный вокзал и сесть на поезд в Бротон, чтобы тихо пожить там у матери, пока все не образуется. Третий — о котором невозможно было даже помыслить — он мог вернуться в Скелдейл-хаус и сказать Зигфриду, что разбил его новенький «ровер».

Обдумывая эти варианты, я обнаружил старую машину, которая врезалась в нас. Она валялась вверх колесами в кювете ярдах в пятидесяти дальше по дороге. Побежав туда, я услышал громкое кудахтанье, доносившееся изнутри драндулета, и сообразил, что день был базарный, а потому фермеры везли на рынок клетки с курами и несколько десятков яиц на продажу. Мы заглянули в окошко, и Тристан ахнул. В жиге битых яиц лежал толстяк, видимо, целый и невредимый. На его лице сияла широкая умиротворяющая улыбка — вернее, насколько можно было рассмотреть за массой желтков и белка, закрывающей его физиономию, выражение его было искательным. Остальное внутреннее пространство заполняли мечущиеся куры, которые выбрались из разбившихся клеток и отчаянно искали выхода наружу.

Толстяк, продолжая улыбаться нам со своего яичного ложа, что-то выкрикивал, но в поднятом курами содоме расслышать его было нелегко. Мне удалось уловить отдельные фразы:

— Очень сожалею... вина, безусловно, моя... я возьму...

Слова дышали бодростью, а куры пробегали по его сияющей физиономии, а по его одежде медленно расплзались потеки желтков.

Тристан, напрягшись, сумел открыть дверцу и был отброшен назад хлынувшим наружу потоком кур. Некоторые галопом унеслись вдаль, где и исчезли, их менее склонные к приключениям товарки принялись философски что-то клевать на обочине.

— Вы не ранены?! — проорал Тристан.

— Нет, нет, молодой человек. Я не пострадал. Пожалуйста, за меня не тревожьтесь. — Толстяк тщетно пытался приподняться с хлюпающей яичной массы. — Э-эа... очень сожалею, но я заплачу, что следует, не беспокойтесь.

Он протянул роняющую желтые капли руку, и мы помогли ему выбраться на шоссе. Одежда его напилалась яичной смеси, к шевелюре и усам прилипли скорлупки, но апломб он не утратил ни на йоту. Он просто излучал уверенность — ту самую уверенность, решил я, с какой попытался обогнать мчащийся фургон. Он положил руку на плечо Тристана.

— Объяснение-то самое простое, знаете ли? Мне солнце слепило глаза.

Было двенадцать, солнце стояло в зените, толстяк двигался прямо на

север, но какой толк был спорить с ним?

Мы подняли помятые дверцы с шоссе, уложили их в «ровер» и поехали в Сортон, полечили корову с послеродовым парезом и вернулись в Дарроуби. Тристан одарил меня единственным полным отчаяния взглядом, расправил плечи и твердым шагом вошел в спальню брата. Я последовал за ним.

Зигфрид явно разболелся еще больше. Лицо у него раскраснелось от жара, горящие глаза запали в глазницы. Он не шевельнулся, когда Тристан встал в ногах кровати.

— Ну, как вы там? — еле слышно прошептал он.

— Прекрасно. Когда мы уезжали, корова уже встала. Только одно: кое-что произошло с машиной.

Зигфрид хрипло дышал, глядя в потолок, но тут хрипение оборвалось, словно его выключили. Воцарилась жуткая тишина, затем у абсолютно неподвижной фигуры вырвались два придушенных слова:

— Что произошло?

— Я не виноват. Один тип обгонял фургон и не успел. Задел «ровер».

Вновь тишина, затем вновь шепот:

— Большие повреждения?

— Переднее и заднее крылья сильно помяты, и, боюсь, обе левые дверцы сорваны.

Словно под воздействием мощной пружины Зигфрид подскочил и сел на постели совершенно прямо. Казалось, будто вдруг ожил труп. Впечатление это еще усиливалось, потому что бинты компресса развязались и саваном свисали вниз от запавших щек. Рот разинулся в абсолютно беззвучном вопле:

— Идиот чертов! Ты уволен!

Он хлопнулся на подушку, будто механизм заработал в обратном направлении, и замер в неподвижности. Мы испуганно смотрели на него, но когда вновь послышалось хриплое дыхание, на цыпочках вышли из спальни.

На площадке Тристан надул щеки и вытащил сигарету из пачки.

— Щекотливая ситуация, Джим, но ты знаешь, что я всегда говорю. — Он чиркнул спичкой и блаженно затянулся. — Обычно все оказывается много лучше, чем ожидаешь.

Очень милая девушка

Многие фермы не оповещают проезжих о своем названии, а потому было очень приятно увидеть на воротах надпись большими черными буквами: «Хестон-Грейндж».

Я вылез из машины и поднял щеколду. Ворота тоже были в полном порядке — створки распахнулись сами и тем избавили меня от необходимости открывать их, подпирая плечом. У подножия склона я увидел солидный дом из серого камня и с парой эркеров, которые добавил какой-то преуспевающий владелец в викторианские времена.

Он стоял на ровном лугу в излучине реки, и сочная зелень травы, безмятежное плодородие окружающих полей резко контрастировали с суровыми холмами на заднем плане. Могучие дубы и вязы укрывали дом, а нижняя часть склона густо поросла соснами.

Я направился к службам, как обычно, громким голосом возвещая о своем приезде. Подходить к двери дома, стучать и спрашивать хозяина не полагалось — некоторые усматривали в таком вопросе завуалированное оскорбление. Хорошего фермера застать дома можно только за завтраком, обедом и ужином. Но на мои крики никто не отозвался, а потому я все-таки поднялся на крыльцо и постучал в дверь под потемневшей от времени каменной аркой.

— Войдите! — сказал чей-то голос. Я открыл дверь и очутился в огромной, выложенной широкими плитами кухне, где с потолка свисали окорока и большие куски копченой грудинки. Темноволосая девушка в клетчатой блузке и зеленых полотняных брюках месила тесто в квашне. Она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Извините, что я не могла вам открыть. Но у меня неотложное дело. — И подняла руки, по локоть выбеленные мукой.

— Пустяки. Моя фамилия Хэрриот. Я приехал посмотреть теленка. Он, кажется, охромел?

— Да, мы думаем, что он сломал ногу. Наверное, на бегу неудачно ступил в ямку. Если вы минуту подождете, я вас провожу. Отец с работниками в поле. Да, кстати, я же не назвалась! Хелен Олдерсон.

Она вымыла руки, вытерла их и достала пару резиновых сапожек.

— Домеси тесто, Мег, хорошо? — сказала она старухе, которая вошла в кухню из внутренней двери. — Мне надо показать мистеру Хэрриоту теленка.

Во дворе она со смехом обернулась ко мне.

— Боюсь, нам придется порядочно прогуляться. Он в верхнем сарае, вон там, видите? — И указала на приземистое каменное строение почти у самой вершины холма.

Как хорошо мне были знакомы эти «верхние сараи», принадлежность любой фермы, расположенной в холмах! Взбираясь к ним, я успевал как следует размять ноги. Их использовали для хранения сена и разного инвентаря, а при необходимости в них укрывался скот с верхних пастбищ.

Я посмотрел на девушку.

— Ничего. Я не против такой прогулки. Совсем не против.

Мы пошли через луг к узенькому мосту через речку, и, переходя его следом за моей проводницей, я подумал, что новомодная манера женщин носить брюки во многих отношениях заслуживает полного одобрения, хотя и возмущает людей с консервативными взглядами. Тропинка вела вверх через сосновый лес, где между темными стволами дрожали узоры солнечного света. Шум реки замирал в отдалении; наши ноги неслышно ступали по ковру опавшей хвои, и прохладную тишину нарушали только птичьи трели. Мы шли быстро и через десять минут опять оказались под жаркими лучами солнца на открытом вересковом склоне. Тут тропа круто устремилась вверх, огибая каменные выступы. Я уже пыхтел, но девушка шагала по-прежнему легко и быстро. Наконец мы добрались до ровной вершины, и я с облегчением вновь увидел сарай.

Приоткрыв створку двери, я с трудом рассмотрел своего пациента в полумраке, душном от аромата сена, громоздившегося до самого потолка. Теленок выглядел очень маленьким, и, когда он попытался сделать несколько шагов на трех ногах, вид у него был самый жалобный: одна из передних ног беспомощно болталась, задевая солому, усыпавшую пол.

— Вы не поддержите ему голову, пока я буду его осматривать? — попросил я.

Девушка умело ухватила теленка одной рукой под мор-дочку, другой — за ухо. Пока я ощупывал ногу, малыш весь дрожал, испуганный и несчастный.

— Что же, диагноз вы поставили верно. Простой перелом; правда, и лучевой, и локтевой костей, но они почти не сместились, и с гипсовой повязкой все скоро будет в порядке. — Я открыл сумку, достал гипсовые бинты, набрал в ведро воды из бившего неподалеку ключа, намочил один бинт и наложил повязку, потом намочил второй, потом третий, пока нога от локтевого бугра до запястья не оказалась в белом быстро твердеющем лубке.

— Подождем несколько минут, чтобы гипс схватило как следует, а потом малыша можно будет пустить на свободу.

Я то и дело постукивал по гипсу, пока не убедился, что он стал совершенно каменным, и тогда сказал:

— Ну вот и все. Его уже можно не держать.

Девушка отпустила руки, и теленок засеменил прочь.

— Посмотрите! — воскликнула она. — Он уже наступает на эту ногу. И очень приободрился, верно?

Я удовлетворенно улыбнулся. Теперь, когда концы сломанных костей были плотно соединены, теленок больше не испытывал боли, и гнетущий страх, который у животных всегда сопутствует физическим страданиям, исчез как по волшебству.

— Да, — начал я, — он действительно очень оживился... — Тут мой голос утонул в густом мычании, и в голубом квадрате над нижней створкой двери появилась огромная голова. Два больших темных глаза с тревогой уставились на теленка; он тоненько замычал, и начался оглушительный дуэт.

— Это его мать! — объяснила девушка, стараясь пере-кричать их. — Она, бедняга, все утро тут бродила, не понимая, что мы сделали с ее теленком. Она просто не выносит, когда ее с ним разлучают.

— Ну, теперь ее можно впустить, — сказал я и отодвинул засов.

Могучая корова ринулась в сарай, чуть не сбив меня с ног, и принялась тщательно обнюхивать теленка, толкала его мордой и испускала низкие горловые звуки. Малыш с большим удовольствием подвергался этому осмотру, а потом, когда корова успокоилась, прихрамывая, добрался до вымени и начал жадно сосать.

— Ну, аппетит к нему быстро вернулся, — сказал я, и мы засмеялись. Я бросил пустые жестянки из-под бинтов в сумку и закрыл ее. — Ему придется носить повязку около месяца. Позвоните тогда, и я приеду снять ее. А пока приглядывайте, чтобы кожа у края гипса не воспалилась.

За дверью сарая нас обдала волна солнечного света и душистого теплого воздуха. Я обернулся и посмотрел через долины на окутанные полуденным маревом высокие вершины холмов, а травянистый склон у моих ног круто уходил вниз к деревьям, между которыми поблескивала река.

— До чего же здесь, наверху, хорошо! — сказал я. — Только взгляните на овраг вон там — ведь это почти ущелье, и этот огромный холм вы, наверное, называете горой, — и я указал на великана, гордо возносившего свои вересковые плечи над всеми остальными.

— Это Хескит. Его высота почти две с половиной тысячи футов. А тот за ним — Эдлтон. И еще Уэддер в той стороне, и Колвер, и Сеннор. — Она произносила эти звучные названия с нежностью в голосе, как будто говорила о старых друзьях.

Мы сели на теплую траву. Легкий ветерок колыхал венчики полевых цветов, где-то кричал кроншнеп. Дарроуби, Скелдейл-хаус и ветеринария отодвинулись в неизмеримую даль.

— Вам просто повезло, что вы живете здесь, — сказал я. — Но, думаю, вы это и без меня знаете.

— Да, я люблю здешние края. Нигде нет ничего на них похожего! — Она замолчала и неторопливо посмотрела по сторонам. — Я рада, что вам они тоже нравятся. Приезжие обычно находят их слишком дикими и голыми. Так и кажется, что они их пугают.

Я засмеялся.

— Да, я замечал, но сам я могу только пожалеть тех ветеринаров, которые вынуждены работать вдали от йоркширских холмов.

Я заговорил о своей работе, потом как-то незаметно начал вспоминать студенческие дни, рассказывать ей об этих счастливых временах, о моих тогдашних друзьях, о наших надеждах и чаяниях.

Такая несвойственная мне словоохотливость изумила меня самого, и я смутился, подумав, что ей, наверное, скучно меня слушать. Но она тихо сидела, обхватив руками ноги в зеленых брюках, смотрела на мирную долину и слушала, словно ей было интересно. И смеялась там, где следовало смеяться.

Я с удивлением поймал себя на нелепой мысли, что с радостью забыл бы про остальные вызовы и остался бы сидеть здесь, на этом солнечном склоне. До чего же давно я не разговаривал с девушкой моего возраста! Я даже забыл, как это бывает.

По тропке мы спускались медленно и не ускорили шага в лесу, и все-таки мне показалось, что не прошло и минуты, как деревянный мост остался позади и мы очутились во дворе фермы. Я открыл дверцу машины.

— Так, значит, мы увидимся через месяц.

Какой это, оказывается, долгий срок!

Она улыбнулась.

— Спасибо за теленка.

Я включил мотор, она помахала мне и вошла в дом.

— Хелен Олдерсон? — сказал Зигфрид за обедом. — Конечно, я ее знаю. Очень милая девушка.

Тристан, сидевший напротив, промолчал, но положил нож и вилку,

благоговейно возвел глаза к потолку и негромко присвистнул. Потом опять принялся за еду.

— Да, я ее хорошо знаю, — продолжал Зигфрид. — И очень уважаю. Ее мать умерла несколько лет назад, и весь дом держится на ней. Она и готовит, и заботится об отце. А кроме того, у нее на руках младший брат и сестра. — Он положил себе еще картофельного пюре. — Поклонники? Ну, от поклонников у нее отбоя нет, но жениха она себе как будто пока не нашла. Разборчивая девушка, должен сказать.

В роли инспектора министерства

Когда я упрямым шагом в девятый раз пересекал луг мистера Кея, мне в голову начала закрадываться мысль, что, быть может, этот мой день обещает стать не самым удачным. Уже некоторое время я был МВИ, важным владельцем маленького удостоверения, сообщавшего всем, кого это касалось, что Джеймс Хэрриот, член Королевского ветеринарного общества, был теперь местным ветеринарным инспектором министерства сельского хозяйства, рыболовства и продовольствия. Это означало, что мне приходилось выполнять много рутинных обязанностей вроде выборочных профилактических проверок и туберкулинизации. А еще это высветило то, о чем я уже довольно давно подозревал, — отношение фермеров в йоркширских холмах к понятию времени было совсем иным, чем у меня.

Когда я приезжал заняться заболевшим животным, все бывало иначе. Хозяин встречал меня, а мой пациент или пациентка ждали меня в отдельном стойле. Но когда я посылал извещение, что приеду для проверки их удойных коров или туберкулинизации их стада, все менялось как по волшебству. В извещении точно указывалось время, к которому животные должны быть собраны в загоне, и я соответственно планировал свой день; около пятнадцати минут на проверку и несколько часов на туберкулинизацию, в зависимости от числа коров. Если меня заставляли ждать, пока коров пригонят с пастбища, хотя бы десять минут, это попросту означало, что после шести визитов я отстану от своего расписания на час.

А потому, когда я подъехал к ферме мистера Кея и увидел, что коровы стоят в стойлах, готовые для проверки на туберкулез, у меня вырвался вздох облегчения. Разделались мы с ними моментально, и я поздравил себя с отличным началом дня, как вдруг фермер заявил, что осталось еще шесть телок, а уж тогда — все. Но тяжелые предчувствия овладели мной, только когда я вышел из коровника и увидел в дальнем конце большого луга бурорыжую косматую компанию, которая мирно щипала траву.

— Я думал, вы их загодя загоните в коровник, мистер Кей, — сказал я горько.

Мистер Кей постукал трубкой по ладони, подмешал к сыроватому пеплу жгутик убийственного на вид табака и запихал эту смесь в трубку.

— Да нет, — сказал он, с удовольствием ее раскуривая. — Не хотелось в такой жаркий день их запирать. Загоним их во-он туда. — Он указал на полуразвалившийся сарай из серого камня у верхнего края длинного,

тянущегося вверх по склону пастбища и выпустил клуб ядовитейшего дыма. — За десять минут управимся.

От его последних слов у меня защемило сердце. Сколько раз я уже слышал этот жуткий прогноз. Но, может быть, сегодня все обойдется? Мы сделали полукруг по лугу и зашли телкам в тыл.

— Теля, теля! — позвал мистер Кей.

— Теля, теля! — добавил я, подбадривая их, и хлопнул себя по бедрам.

Телки перестали щипать траву и посмотрели на нас с легким любопытством, продолжая мерно двигать челюстями, а потом, в ответ на наши новые призывы, они небрежно побрели вверх по склону. Нам удалось подманить их к двери сарая, но там они остановились. Первая было всунула голову внутрь, затем стремительно повернулась и кинулась вниз по склону. Остальные последовали ее примеру, и, хотя мы заметались, размахивая руками, они промчали мимо, будто нас там вообще не было. Я грустно провожал их взглядом, а они задирали хвосты и вскидывали задом, что твои мустанги, явно получая большое удовольствие от этой новой игры.

Спускаемся с холма, вновь медленно подманиваем их к сараю, и вновь внезапное бегство. На этот раз начала одна, но пока я носился галопом взад и вперед, стараясь ее перехватить, остальные со злорадством проскочили сбоку и сбежали по склону.

Склон был длинный и довольно крутой, и, взбираясь по нему в третий раз, я пожалел, что столь добросовестно одеваюсь согласно инструкции: министерство предписывало новым МВИ при исполнении своих обязанностей одеваться соответствующим образом. Я отнесся к этому с полной серьезностью и обзавелся длинным клеенчатым плащом и особенно высокими резиновыми сапогами. Но теперь стало мучительно ясно, что они не слишком подходят для подобной работы. Глаза мне заливал пот, рубашка прилипла к спине.

В третий раз понаблюдав, как телки радостным галопом удаляются к подножию склона, я решил принять кое-какие меры.

— Минуточку! — крикнул я фермеру. — Мне становится жарковато!

Я снял плащ, аккуратно сложил, отнес в сторонку от сарая. И пока бережно укладывал на него шприц, коробку с туберкулином, курвометр, ножницы, тетрадь и карандаш, мне мозг сверлила мысль, что меня каким-то образом оставляют в дураках. В конце-то концов, работать на министерство было на редкость легко — любой практикующий ветеринар заверил бы вас в этом. Не надо вскакивать с постели глубокой ночью, следуешь удобному расписанию, не напрягаешься. Короче говоря, просто

получаешь деньги даром, отдыхая от настоящей работы. Я утер мокрый лоб и постоял, переводя дух... Нет, это нечестно, нечестно!

Мы попробовали в четвертый раз, и я вознадеялся, что победа осталась за нами: телки небрежно вошли в сарай. Все, кроме одной. Зато она уперлась. Мы умоляюще ее подманивали на «телю!», взмахивали руками и даже подкрались сзади, чтобы подтолкнуть ее, но она упрямо стояла на пороге, с глубоким презрением оглядывая внутренность сарая. Затем в дверях замаячили морды ее товарок, и я понял, что мы вновь потерпели поражение. Несмотря на мои отчаянные приплясывания и вопли, они покинули сарай одна за другой, а потом дружно ринулись вниз. А я в тисках горького разочарования вдруг обнаружил, что мчусь следом за ними.

Мы предприняли еще несколько попыток, причем телки внесли в них некоторое разнообразие: то иногда поворачивая назад на половине склона, то забредая в сарай и кокетливо поглядывая на нас через осыпавшуюся стену, прежде чем, резвясь, вновь сбежать вниз.

После восьмого спуска я умоляюще посмотрел на мистера Кея, который снова невозмутимо раскуривал трубку, словно его ничто не тревожило. Мое расписание приказало долго жить, а он, мне кажется, даже не заметил, что эти метания вверх-вниз заняли уже больше сорока минут.

— Послушайте, — сказал я, — так у нас ничего не получится, а меня ждут в других местах. Неужели ничего больше сделать нельзя?

Фермер придавил табак подушечкой большого пальца, глубоко несколько раз с наслаждением затянулся, потом посмотрел на меня с кротким удивлением.

— Дайте-ка сообразить. Можно напустить на них пса, только, думается, толку не будет. Он совсем еще молодой.

Мистер Кей неторопливо побрел к дому и открыл дверь. Оттуда пулей вылетел мохнатый дворняга, заливаясь радостным лаем, и мистер Кей привел его на луг.

— А ну давай! — крикнул он, указывая на телок, которые тем временем вновь принялись щипать траву.

Пес помчался к ним, и во мне опять пробудилась надежда, пока я смотрел, поднимаясь на холм, как небольшое мохнатое существо гонит телок, покусывая им задние ноги. Но возле сарая все опять пошло наперекосяк. Телки явно заметили неопытность пса, и одна умудрилась брыкнуть его пониже челюсти, когда он на нее кинулся. Бедняга взвизгнул и поджал хвост. Он неуверенно поглядывал на телок, которые надвигались на него, угрожаяще наклоняя рога, а потом, видимо, принял решение и

направился вниз, припадая к земле. Телки ринулись за ним все быстрее и быстрее; секунду спустя я мог любоваться редким зрелищем: пес мчался по склону, стелясь над травой, а телки, громко топоча, настигали его.

У подножия он поднырнул под ворота, и больше мы его не видели. Что-то сдвинулось у меня в мозгу.

— Господи Боже ты мой! — завопил я. — Мы никогда эту чертову скотину не проверим! Хватит их с меня! Не знаю, что скажет министерство, но я сейчас же уезжаю!

Фермер посмотрел на меня задумчивым взглядом быка, пережевывающего жвачку. Видимо, до него дошло, что я на пределе.

— Да, так толку не выйдет, — сказал он, выколачивая трубку о каблук, — придется Сэма позвать.

— Сэма?

— Ага. Сэма Бробента. Работник у моего соседа. Он их в момент загонит.

— И как же?

— А он жужжит.

Это меня совсем доконало.

— Вы сказали... жужжит?

— Верно. Что твой овод, понимаете? Соображает-то он не очень чтобы, а вот жужжит, что твой черт. Сейчас схожу за ним. Всего через два луга дальше по дороге.

Я проводил удаляющуюся спину фермера недоверчивым взглядом, потом растянулся на траве. В любое другое время было бы просто наслаждением полежать на склоне, подставив лицо солнцу, прижимаясь потной спиной к прохладной траве. Недвижный воздух благоухал клевером, а когда я открыл глаза, мягкий изгиб долины дышал несказуемым покоем. Только я-то изнывал от тревоги. Впереди предстоял день министерской работы, а я уже на час отстал от расписания. Мне рисовалась длинная чередка фермеров, которые ждут меня и сыплют проклятия на мою голову. Вне себя от нетерпения я не выдержал: вскочил на ноги и сбежал к воротам внизу, оттуда была видна дорога, и тут мне немного полегчало — мистер Кей уже возвращался.

Прямо позади него широкоплечий толстяк ехал на очень маленьком велосипеде, каблуками он упирался в педали, а ступни и колени развел под прямым углом. Из-под круглой шапочки, которая очень смахивала на старый, лишившийся полей котелок, во все стороны торчали черные сальные патлы.

— Вот Сэм приехал нам помочь, — произнес мистер Кей с тихим

торжеством.

— Доброе утро, — сказал я, на что толстяк медленно обернулся и кивнул.

Глаза на круглом небритом лице смотрели пусто, без малейшего выражения, и я решил, что Сэм действительно соображает не очень чтобы. Я не представлял себе, какой от него может быть толк.

Телки, столпившиеся поблизости, томно посмотрели на нас, когда мы появились в воротах. Они явно наслаждались каждой минутой нежданного утреннего развлечения и готовы были еще с нами поиграть, если мы выразим такое желание. Но, разумеется, решать следовало нам: они обойдутся, трава-то — вот она.

Сэм прислонил велосипед к стенке и торжественно зашагал вперед. Сложив большой и указательный пальцы кольцом, он прижал их к губам. Щеки у него задергались, словно он все приводил в нужный порядок. Затем он сделал глубокий вдох, и вдруг ниоткуда донесся, нарастая, угрожающий звук, злобное гудение и жужжание, так что я в тревоге поискал взглядом разъяренное насекомое, готовое жалить и жалить.

Телок будто ударило током. Надменность их исчезла бесследно, сменилась парализующим ужасом, а затем, поскольку жужжание все нарастало и нарастало, они по-вернулись и кинулись вверх по склону. Но не весело балуясь, как раньше — не вскидывая головы, не задирая хвосты, не брыкаясь. Теперь они бежали плечо к плечу, единым перепуганным квадратом.

Мы с мистером Кеем рысили справа и слева, вновь направляя их к сараю, где они сбились в дрожащую кучку, нервно оглядываясь по сторонам.

Нам пришлось немного подождать Сэма. Он явно был неторопливым человеком и взбирался на холм с солидной неспешностью. На вершине он постоял, чтобы отдышаться, уставился на телок пустым взглядом и тщательно приладил кружок из пальцев ко рту. Мгновение напряженной тишины, и вновь зазвучало жужжание, даже еще более злобное и угрожающее, чем раньше.

Телки признали себя побежденными. Хором испутив испуганное мычание, они повернулись и влетели всем скопом в сарай, и я захлопнул за ними нижнюю половину двери. Потом прислонился к ней, еще не веря, что все мои мучения позади. Сэм подошел ко мне и заглянул в сумрачное нутро сарая. Словно решив окончательно доказать свое превосходство, он внезапно оглушительно зажужжал уже без помощи пальцев, и его жертвы теснее прижались к дальней стене.

Через несколько минут Сэм нас покинул, а я радостно выстригал шерсть на шеях и делал инъекции. Но не удержался и посмотрел на фермера.

— Знаете, я все еще не могу поверить тому, что произошло тут. Ну просто волшебство! У этого парня удивительный дар.

Мистер Кей взглянул через нижнюю половину двери, и я проследил его взгляд вниз по травянистому склону до дороги. Сэм уже катил по ней на своем велосипеде, и виден был только странный черный головной убор, который подпрыгивал над стенкой.

— Да, овода он изображает что надо. Бедный парень, он только это и умеет.

С его мощной всё в порядке

Торопясь от мистера Кея на следующую ферму, я утешался мыслью, что, если уж я опаздываю на час, то хорошо хоть, что опаздываю я к Хагиллам. Четыре брата и их семьи владели стадом почти в двести голов, считая телят, и мне предстояло всех их проверить на туберкулез. Однако я знал, что не услышу никаких ворчливых упреков за мое опоздание, ибо Хагиллы довели традицию вежливости, бытующую среди фермеров йоркширских холмов, до высшей степени. Всякого, кто входил в их ворота, встречали, точно особу королевской крови.

Едва я въехал в эти ворота, как все побросали свои занятия и направились ко мне с сияющими лицами. Впереди шли братья. Они остановились напротив меня, когда я вылез из машины. Как обычно, я подумал, что редко можно встретить таких здоровяков. Старшему, Уолтеру, было около шестидесяти, далее следовали Томас и Фенвик, а Уильяму, младшему, было под пятьдесят. Следует упомянуть, что их средний вес равнялся двумстам фунтам. Но толстыми их никто бы не назвал. Просто плотные силачи с румяными гладкими лицами и ясными глазами.

Уильям шагнул вперед, и я знал, что сейчас последует. Это была его неизменная обязанность. Он наклонился ко мне с некоторой торжественностью и заглянул мне в лицо.

— Как вы себя сегодня чувствуете, сорр? — осведомился он.

— Очень хорошо, благодарю вас, мистер Хагилл.

— Отлично, — с чувством произнес Уильям, и остальные братья повторили «отлично», «отлично», «отлично» с величайшим удовлетворением.

Уильям набрал воздуха в грудь.

— А как поживает мистер Фарнон?

— У него все обстоит хорошо.

— Отлично! — И пулеметная очередь откликов из-за его спины: «Отличаю, отлично, отлично».

Однако Уильям еще не кончил. Он откашлялся.

— А как младший мистер Фарнон?

— В наилучшей форме.

— Отлично! — Но на этот раз Уильям позволил себе мягкую улыбку, а у него за спиной раздались исполненные достоинства «ха-ха-ха-ха!».

Уолтер зажмурил глаза, его могучие плечи беззвучно сотрясались. Они

все хорошо знали Тристана.

Уильям, исполнив свою обязанность, отступил в строй, и мы все отправились в коровник. Я стиснул зубы, глядя на длинный ряд спин, на хвосты, отгоняющие мух. Да, предстояла немалая работа!

— Извините, что я так опоздал, — сказал я, наполняя шприц туберкулином. — Меня задержали. Никогда нельзя предугадать заранее, насколько может затянуться такая проверка.

Все четыре брата ответили в унисон:

— Верно, сорр, никак нельзя. Никак. — И они продолжали, пока не исчерпали мое утверждение до конца.

Я наполнил шприц, достал ножницы и начал протискиваться между двумя первыми коровами. Это стоило мне немалых усилий, и от духоты я чуть-чуть запыхтел.

— А тут жарковато, — заметил я.

И вновь залп полнейшего со мной согласия:

— Верно, сорр. Да уж, жарковато. Жарковато, да. Вы верно сказали. Жарковато. Жарковато. Да, верно.

Все это сообщалось с глубокой убежденностью и с энергичными кивками, будто я совершил потрясающее открытие. И, глядя на внимательные, серьезные лица братьев, все еще размышляющих над моим блистательным утверждением, я ощутил, что расслабляюсь и успокаиваюсь. До чего же мне повезло, что я практикую в йоркширских холмах! Где еще я повстречал бы подобных людей?

Я протиснулся вдоль коровы и ухватил ухо, но Уолтер остановил меня легким покашливанием.

— Да нет, мистер Хэрриот, в уши-то можете не смотреть. Я все номера записал.

— Чудесно! Это нам сэкономит много времени.

Выскребывать ушную серу, чтобы добраться до вытатуированного в ухе номера, — занятие, никогда меня не увлекавшее. И как приятно услышать, что всю письменную часть Хагиллы берут на себя. В министерской анкете имелся пункт: «В порядке ли документация по стаду?» Я всегда писал в этой графе «да», держась за дерево при мысли о цифрах, нацарапанных на обороте старых счетов, записи удоев и тому подобного.

— Ага, — сказал Уолтер. — Я всех их записал в тетрадку, как полагается.

— Великолепно! Вы за ней не сходите?

— Незачем, сорр, она у меня тут.

На ферме Уолтер был главой. Вне всяких сомнений. Казалось, братья жили душа в душу, но когда возникали сложности, Уолтер брал руководство на себя как нечто само собой разумеющееся. Он был организатором, признанным семейным мудрецом. Старая фетровая шляпа, которую он всегда носил, тогда как его братья довольствовались кепками, придавала ему дополнительный авторитет.

Все почтительно следили, как он неторопливо и внушительно извлек очешник из внутреннего кармана, открыл его, вынул старомодные очки в стальной оправе и сдул соломинки и мякину, проникшие в очешник. С тихим достоинством и внушительностью он неспешно заложил дужки за уши и слегка наморщил нос, чтобы все оказалось на положенном месте. Затем он опустил руку в карман жилета.

Когда она вновь появилась наружу, в ней было что-то, но что именно, мне удалось разглядеть не сразу, потому что огромный большой палец почти заслонял неведомый предмет. Затем я разобрал, что это — миниатюрная записная книжечка, примерно два на два дюйма — один из тех сувенирчиков, какие люди дарят друг другу на Рождество.

— Что это? Запись стада? — спросил я.

— Ага. Тут они все. — Уолтер небрежно перелистал странички мозолистыми пальцами и прищурился сквозь очки. — Номер у этой коровы, значит, восемьдесят четвертый.

— Чудесно, — сказал я. — Сейчас проверю на всякий случай, а дальше пойдем прямо по записям. — Я заглянул в ухо первой коровы. — Странно! Насколько я разглядел, ее номер — двадцать шестой.

Братья по очереди заглянули в злополучное ухо.

— Верно, сорр, верно. Номер-то ее двадцать шестой.

Уолтер пожевал губами.

— Так она же от Незабудки, верно?

— Не-а, — ответил Фенвик, — она от Медуницы.

— Вот уж нет, — буркнул Томас. — Медуницу мы продали Тиму Джефферсону, когда эта еще и не родилась. Она от Бренды.

Уильям покачал головой.

— Сдается мне, мы ее телкой купили у Боба Эшли.

— Ну хорошо, хорошо! — Я поднял ладонь. — Записываем ее двадцать шестой. — Не вмешаться я не мог: это же был не спор, а неторопливое обсуждение, грозившее затянуться надолго. Я записал номер в свою тетрадь и сделал инъекцию. — Ну, а следующая?

— Уж эту-то я знаю! — категорично заявил Уолтер, тыча пальцем в свою книжечку. — Тут ошибки не будет. Номер пятый, вот она кто!

Я заглянул в ухо.

— Сто тридцать седьмой номер.

И вновь началось: «Она ж купленная, так?», «Не-а, она от Копуши», «Так Копуша же одних бычков приносила»...

Я опять поднял ладонь.

— Мне кажется, дело пойдет быстрее, если мы просто будем заглядывать в уши. Время ведь идет!

— Ага, верно, сорр. Идет, идет время. — Уолтер философски возвратил запись стада в жилетный карман, и мы приступили к трудоемкой процедуре выстригания участочка на коровьей шее, измерения и инъекции, а вдобавок еще приходилось протирать ухо каждого животного тряпочкой, смоченной спиртом, чтобы установить номер — а многие из них успели превратиться в не слишком вразумительные наборы точек. Порой Уолтер сверялся со своей книжечкой:

— Верно-верно, девяносто два. Я так и думал. Тут же все записано.

А схватки с бычками в отдельных стойлах вокруг скотного двора можно уподобить только пребыванию в парильне грязной турецкой бани в застегнутом клеенчатом плаще. Братья без труда хватали могучих животных, и даже самые сильные бычки скоро утихомиривались и уже не пытались вырваться из этой мощной хватки. Но я заметил одну странную вещь: пальцы у братьев были такие толстые и огромные, что они выskalъзывали из ноздрей неподвижного животного.

Времени на это ушло масса, но всему приходит конец. В косматой шее последнего маленького теленка выстрижен участок, он отчаянно замычал от укола иглы, и вот я уже на свежем воздухе бросаю плащ в багажник. Я взглянул на часы — ровно три, и от расписания я теперь отстаю почти на два часа. Не говоря уж о том, что я измучился от жары, что с пальцев моей правой ноги содрана кожа, там, где на нее наступила корова, а на левой ступне — огромный синяк от подкованного гвоздями каблука Фенвика, надавившего на нее всей тяжестью во время схватки с особенно упрямым бычком. Я захлопнул багажник и захромал к дверце, внезапно ощутив некоторые сомнения относительно этой легкой министерской работы.

Надо мной возник Уолтер.

— Зайдите-ка в дом, передохните, выпейте чайку, — сказал он, любезно кивая.

— Вы очень добры, мистер Хагилл, и я был бы рад принять ваше приглашение. Но мне надо побывать еще во многих местах, и не понимаю, как я успею. Я переоценил свои силы и не учел, сколько времени уйдет на проверку вашего стада. Я просто последний идиот.

И братья искренне согласились:

— Верно, сорр, верно, верно.

Ну, с туберкулинизацией на этот день было покончено, но предстояло провести десять инспекций, и первую я должен был начать два часа назад. Нажимая на педаль газа, я чувствовал в желудке тот камень, который всегда появлялся там, когда я старался угнаться за временем.

Одной рукой сжимая баранку, а другой развязывая пакет с моим обедом, я извлек кусок ветчины, упакованный миссис Холл, и пирог с начинкой из яиц, после чего принялся жевать их на ходу.

Но через минуту-другую здравый смысл взял верх. Так не годится! Пирог отличный, и, значит, есть его следует в приятной обстановке. Дорога не была огорожена, и я съехал на траву, выключил мотор и открыл окна. На ферме царила суматоха, а теперь шум и духота коровника остались далеко позади, тишина и безлюдье окутали меня, как пуховое одеяло. Я откинул голову на спинку сиденья и смотрел на расчерченную стенками зелень лугов по склонам. Они уходили вверх, вверх и сменялись камнями и бурными вересками на вольных вершинах.

Когда я поехал дальше, то чувствовал себя много лучше, и нахмуренные брови фермера, первого в списке инспектируемых, никак на меня не подействовали.

— Это не час дня, мистер! — рявкнул он. — Мои коровы тут весь день ждут, и поглядите-ка, каких лепешек они наложили! Мне тут никогда чистоты не навести!

Увидев кучки навоза позади коров, я не мог не согласиться с ним. Вечная беда, если коров загоняют в помещение с пастбища. И лицо фермера стало чернее тучи, когда чуть не половина их задрала хвосты, будто салютуя, и добавила еще по лепешке к своим кучкам.

— Я вас долго не задержу, — сказал я деловито и пошел вдоль ряда.

До введения туберкулинизации эти клинические обследования были единственным способом выявить туберкулезную корову, и теперь я переходил от одной к другой, щупая вымя, не обнаружится ли подозрительное затвердение. Этот профилактический осмотр получил шутливое название «обшарить коровью мошну» и еще «пройтись по коровам», и приедался он очень скоро.

Я убедился, что есть только один способ не сойти с ума от скуки — напоминать себе, зачем я, собственно, произвожу этот осмотр. А потому, добравшись до тощей рыжей коровы с отвислым выменем, я выпрямился и сказал фермеру:

— У этой я возьму молока на анализ. В левой задней четверти у нее

некоторое уплотнение.

Фермер презрительно фыркнул.

— Как хотите. Ничего у нее нет, да небось кому-то поработать охота.

Я сдоил молоко в пузырек на две унции, и мне припомнился ветеринар, приятель Зигфрида, который всегда для анализа надаивал пинту молока у самой здоровой коровы в стаде — потом запивал им свои бутерброды.

Я наклеил ярлык на пузырек и отнес его в машину. У нас в Скелдейл-хаусе была маленькая электрическая центрифуга, и вечером я прокручу в ней это молоко, а затем исследую осадок под микроскопом, предварительно окрасив его по методике Циль-Нельсона. Скорее всего я ничего не обнаружу, но иногда мне случалось с особым волнением увидеть на предметном стеклышке под микроскопом скопление ярко-красных радужных туберкулезных палочек. В таких случаях корову немедленно забивали, а меня поддерживала мысль, что, возможно, я отменил смертный приговор какому-нибудь ребенку — в те дни менингит, инфекции легких и спинного мозга были такими обычными!

Вернувшись в коровник, я завершил инспекцию осмотром стенки перед каждой коровой.

Фермер угрюмо наблюдал за мной.

— Чего это вы?

— Ну, если у коровы кашель, то на стене можно найти слюну.

Сказать правду, этим способом я обнаружил больше туберкулезных коров, чем любым другим, — соскребая немного слюны на предметное стеклышко, а затем окрашивая ее по той же методике, что и молоко.

Нынешние молодые ветеринары, слава Богу, практически не сталкиваются с туберкулезными коровами, но «чахоточные» тридцать лет назад были далеко не редкостью. В высоких Пеннинах попадались лишь единицы, но ниже и на равнине они встречались чаще, чем хотелось бы, — коровы, с которыми «что-то было не так». Мягко, осторожно покашливающие, с чуть учащенным дыханием. Часто они бывали очень удойными и хорошо ели, но они несли в себе смерть, и я уже наловчился распознавать их. Но особенно опасными убийцами были другие — крупные, жирные, гладкие животные, и все-таки насквозь больные, несмотря на такую внешность. И распознать их не мог никто. Выявлять их начала лишь туберкулиновая проверка.

На следующих четырех фермах хозяева устали меня ждать и выпустили коров на пастбище. Их пришлось снова загонять в коровник, и шли они туда медленно и неохотно. Хотя обошлось без веселых игр, как с

телками мистера Кея, но все равно времени снова было потеряно много. Коровы норовили повернуть назад на пастбище, а я бегал вокруг них, как осатаневшая овчарка. И каждый фермер, слыша, как я пыхчу и отдуваюсь, считал необходимым объяснить мне, что коровы охотно идут к коровнику только в часы дойки.

Затем настал такой час, и еще три стада я поймал во время дойки, но было уже порядком за шесть, когда я, усталый и голодный, добрался до предпоследней из ферм, намеченных на этот день. Она была окутана тишиной, и, безрезультатно обойдя службы, где на мои громогласные призывы никто не откликнулся, я направился к дому.

— Ваш муж тут, миссис Белл? — спросил я.

— Нет, ему надо было сходить в деревню лошадь подковать, да он скоро вернется. И коров он для вас собрал, — сообщила супруга фермера.

Отлично! Значит, я с ними скоро разделаюсь. Я направился в коровник чуть не бегом и принялся за смертельно мне надоевшую процедуру. Меня уже поташнивало от вида и запаха коров, от ощущения вымени под моими пальцами. Я работал почти машинально, пока не добрался до тощей облезлой коровенки с узкой белой мордой в рыжих пятнах — возможно, помеси айрширской и шортгорнской пород. Я лишь чуть прикоснулся к ее вымени, как она с быстротой молнии лягнула мою ногу чуть выше коленной чашечки.

Я запрыгал по коровнику на одной ноге, охая и ругаясь от боли. Только через несколько минут я прихромал назад, попытаться еще раз. Но теперь я почесал ей спину и наговорил лстивых слов, прежде чем осторожно-осторожно просунуть руку ей между ног. И повторилось то же самое, только теперь острое раздвоенное копыто стукнуло меня по ноге чуть выше.

Хлопнувшись спиной о стену, я скорчился там, чуть не плача от боли и ярости. Несколько минут спустя я принял решение: к черту ее! Если не хочет, чтобы ее осматривали, пусть пеняет на себя. А с меня на этот день хватит! Геройствовать я был не в настроении.

И я продолжал осмотр остальных. Однако, возвращаясь по проходу мимо ее стойла, я остановился и еще раз ее оглядел. И то ли из чистейшего упрямства, то ли потому, что мне почудилось, будто она смеется надо мной, но я решился на третью попытку. Может, ей не понравилось, что я зашел сзади? Вдруг, если попробовать сбоку, она отнесется к этому спокойно?

Я осторожно протиснулся между ней и ее соседкой, охнув, когда бугор тазовой кости вдавился мне в ребра. Но за ним, думал я, мне удастся быстро завершить свою работу. Как бы не так! Едва я оказался там, как

корова взялась за меня всерьез. Быстро повернув зад так, чтобы отрезать мне путь к отступлению, она принялась систематически лягать меня по всему телу, иногда попадая высоко по груди, как я ни вжимался в стену.

С тех пор меня лягало множество коров в самых разных ситуациях, но такие мастерицы мне больше не встречались. Среди домашнего скота мстительные экземпляры попадаются очень редко, и если корова брыкается, обычно это инстинктивная реакция на боль или испуг. И брыкаются они не целясь, куда попало. Но эта корова оглядывала меня перед каждым ударом, и точности ее глазомера можно было только позавидовать. Подгоняя меня все ближе к своей голове, она получила возможность зацеплять рогом мою спину. Она явно питала неборимую ненависть ко всему роду человеческому.

Я оказался в отчаянном положении. Выбраться из этой ловушки я не мог, и мне отнюдь не стало легче, когда соседняя вроде бы мирная корова вступила в игру, отталкивая меня рогами, чуть я к ней прижимался.

Не знаю, почему я вдруг поглядел вверх, но там в толстой стене коровника светилось отверстие, примерно два фута на два фута. Видимо, оттуда выпал растрескавшийся камень. С ловкостью, которой сам изумился, я подтянулся, протиснулся головой вперед, и мне в ноздри повеяло сладким благоуханием. Я смотрел в сенной сарай, а прямо подо мной высилась пирамида чудесного клевера. Я вырвался из отверстия, точно пушечное ядро, проделал в воздухе недурное сальто и удачно приземлился на спину.

Лежа на клевере, весь в синяках, я еле переводил дух. Перед моего плаща был в отпечатках раздвоенных копыт, и тут я окончательно расстался с иллюзией, будто работа на министерство — это доходная синекура.

Я с трудом поднимался на ноги, когда в сарай неторопливо вошел мистер Белл.

— Извиняюсь, что не дождался вас, — сказал он, с интересом меня рассматривая. — Только я думал, вы уже не приедете, а у меня дело было в деревне. Приехали-то вы чертовски поздно.

Я почистился и выпутал из волос клочки сена.

— Да, сожалею. Но неважно, я все сделал.

— А... вы что, немножко вздремнуть прилегли?

— Не совсем. У меня с одной из ваших коров не заладилось.

Оберегать свое достоинство особого смысла не имело, и я рассказал ему все.

Даже самый благожелательный фермер словно бы извлекает большое удовольствие из злоключений ветеринара, и по лицу мистера Белла, пока

он меня слушал, расплзлась широченная ухмылка. А к тому времени, когда я умолк, он уже перегнулся пополам от хохота и бил себя ладонями по коленям.

— Ну, прямо вижу! Айрширка-полукровка! Стерва, каких поискать! Купил по дешевке на ярмарке прошлой весной, думал, до чего же выгодная сделка, да только недолго. У нас полмесяца ушло, чтоб ее в стойло загнать!

— Жаль, что я этого не знал, — процедил я сквозь зубы.

Фермер взглянул на дыру в стене.

— И вы оттуда выползли... — И он впал в новый пароксизм, а потом снял кепку и утер глаза подкладкой. — Господи Боже ты мой! — пробормотал он слабеющим голосом. — Черт, жалко, что меня там не было!

Последняя ферма почти примыкала к Дарроуби, и, с трудом выбираясь из машины, я услышал, как церковные куранты пробили четверть восьмого. После легкого дня на службе правительства я чувствовал себя разбитым и телом, и духом. И еле удержался от вопля, увидев еще один длинный ряд коровьих задов, ожидающих меня. Солнце опустилось к горизонту, на западе клубились тучи, и все вокруг окутывал жутковатый сумрак. А в старом коровнике с узкими щелями вместо окон коровы в полутьме выглядели нечеткими бесформенными сгустками мрака.

Ну, ладно, нечего тянуть! Я намеревался быстро с ними покончить, а потом домой, где меня ждут ужин и покойное кресло. Теперь я думал только об отдыхе. А потому левую руку на основание хвоста, правую между задними ногами, быстро оцупать — и к следующей. Полузакрыв глаза, окончательно отупев, я переходил от коровы к корове, проделывая одни и те же движения, точно робот, а дальний конец коровника манил, будто земля обетованная.

Наконец-то! Самая последняя у наружной стены. Левую руку на хвост, правую между ногами... Сперва мой утомленный мозг не осознал наличия какого-то различия, но оно было... и очень большое... Много простора, а вместо вымени глубокая щель, а дальше что-то свисает, и ни намека на соски.

Я разом очнулся и поглядел перед собой. Огромная косматая голова была повернута ко мне, и два широко посаженных глаза смотрели на меня вопросительно. В тусклом свете я еле различил отблески медного кольца в носу.

Фермер, все это время молча за мной наблюдавший, подал голос:

— Тут вы зря время тратите, молодой человек. С его-то мощной все в порядке.

Есть ли жизнь после смерти

Над кроватью старой женщины висела табличка. На ней было написано: «Бог рядом с тобой», — но она не походила на религиозную цитату. Она не была заключена в рамку, на ней не было никаких орнаментов. Это была просто полоска картона сантиметров двадцать длиной с хорошо читаемыми буквами, которые с равным успехом могли бы сложиться в «Не курить» или «Выход». Она висела на газовом рожке так, чтобы мисс Стабз могла видеть ее с того места, на котором лежала, и читать слова: «Бог рядом с тобой», — напечатанные черными прописными буквами.

Пожалуй, больше мисс Стабз ничего видеть и не могла, возможно, еще кустарник в окне — через потертые шторы, но главным образом — только захлавленную комнату, которая вот уже сколько лет была ее миром.

Комната эта находилась на первом этаже в передней части дома, и как только я продрался через чащу, которая когда-то была садом, я увидел, как собаки, наблюдавшие за мной из своего угла, прыгнули на кровать старой женщины. А когда я постучал в дверь, дом наполнился их дружным лаем. Так было всегда. В течение прошедшего года я приходил сюда регулярно, и распорядок никогда не менялся, — сначала взрыв лая, затем миссис Бродвит, присматривавшая за мисс Стабз, запирала всех животных — кроме моего пациента, — на кухне и открывала дверь. Я заходил в дом и видел мисс Стабз в постели, с табличкой, висевшей над ней.

Она лежала так уже долгое время, и было ясно, что она больше не встанет. Однако она никогда не жаловалась мне на свою болезнь и страдания, вся ее забота концентрировалась на трех собаках и двух кошках.

Сегодня это был Принц, и меня беспокоило его состояние. Причиной тому было его сердце, — в нем я слышал отчетливые признаки недостаточности клапанов. Он ждал меня и, когда я вошел, мило завилял хвостом.

Вид этого хвоста заставил меня подумать, что среди его предков было много ирландских сеттеров, но мне пришлось изменить свое мнение, когда я, осматривая его раздутое черно-белое тело, добрался до головы и обнаружил торчащие вверх уши эльзасской овчарки. Мисс Стабз любила называть его мистером Хайнцем, и хотя он и не мог похвастаться пятьюдесятью семью разновидностями, его гибридные гены обеспечивали ему хорошую форму. С таким сердцем он бы должен был давно умереть.

— Мне показалось, что надо вызвать вас, мистер Хэрриот, — сказала миссис Бродвиг, приятная пожилая вдова с квадратным красным лицом, которое резко контрастировало с искаженными чертами лежавшей на подушке. — Он очень плохо кашлял всю неделю, а сегодня утром его шатало. Правда, ест хорошо.

— Кто бы сомневался, — сказал я, ощупывая пальцами толстый слой жира на ребрах. — Нужно что-то очень веское, чтобы старина Принц отказался от кормежки.

Мисс Стабз засмеялась, а старый пес раскрыл широко рот и заиграл глазами, как будто желая присоединиться к шутке. Я приложил свой стетоскоп к его груди, заранее зная, что услышу. Говорят, что сердце стучит «тук-тук», но у Принца вместо этого были сплошные шипящие звуки. Почти вся кровь, которую сердце должно было вытолкнуть в систему кровообращения, возвращалась назад. И еще эти шипящие звуки повторялись гораздо чаще, чем в прошлый раз. Ему с едой давали дигиталис, но и он не справлялся с возложенной на него задачей.

С унылым чувством я двигал стетоскоп по груди. Как у всех старых собак, сердечная недостаточность вызвала хронический бронхит, и я безрадостно слушал симфонию свистов, хрипов, скрипов и бульканий, которыми сопровождалась работа собачьих легких. Старый пес стоял прямо и гордо, только хвост его медленно ходил из стороны в сторону. Когда я осматривал его, он относился к этому как к знаку глубокого уважения и поэтому и сейчас с радостью воспринимал мои действия. К счастью, он, похоже, был не очень болен.

Выпрямившись, я похлопал его по голове, и он моментально ответил, попытавшись положить лапы мне на грудь. Ему это не вполне удалось, но даже столь небольшое усилие заставило его ребра тяжело ходить, он высунул язык. Я ввел ему внутримышечно дигиталис, а затем — еще и гидрохлорид морфия, он принял манипуляции с удовольствием, — для него они были частью все той же игры.

— Я надеюсь, это поможет ему восстановить сердечный и дыхательный ритм, мисс Стабз. Он может проявлять признаки сонливости в течение дня, и это тоже пойдет ему на пользу. Продолжайте давать ему таблетки, а я оставлю вам еще лекарства для лечения его бронхита.

Я вручил бутылку с моим старым снадобьем из ипекакуаны и ацетата аммония.

Затем начинался второй акт. Миссис Бродвиг приносила чашку чая и выпускала с кухни остальных животных. Прибегали терьер Бен и кокер-спаниель Салли, они начинали оглушительное состязание с Принцем,

пытаясь превзойти соседа в мощности лая. За ними грациозно следовали кошки — Артур и Сьюзи, — они начинали тереться о мои брюки.

Таков был обычный сценарий многих чашек чая, которые я выпил вместе с мисс Стабз, лежавшей в своей постели под табличкой.

— Как вы сегодня? — спросил я.

— О, гораздо лучше, — тут же ответила она и, как всегда, сменила тему разговора.

По большей части она предпочитала говорить о своих животных и тех, кого знала в молодости. Много говорила о днях, когда ее семья была еще жива. Она любила рассказывать о похождениях трех своих братьев, а в тот день показала мне фотографию, которую миссис Бродвит нашла на дне комода.

Я взял ее в руки, и мне улыбнулись три молодых человека в бриджах до колена и кепках, бывших в моде в конце девяностых годов. В зубах у них были длинные трубки, а шаловливый взгляд их глаз не стал менее веселым за долгие годы.

— Хочу сказать вам, мисс Стабз, это восхитительные парни, — заметил я.

— О, они были такими бабниками! — воскликнула она.

Откинув голову на подушку, она засмеялась, и ее лицо на мгновение озарилось светом воспоминаний о прошлом.

Я вспомнил то, что мне говорили в деревне: о процветающем отце и его семействе, жившем в большом доме много лет назад. Потом случилась история с крупным иностранным кредитом и банкротством, и обстоятельства изменились. «Когда старый хозяин умер, — говорили мне, — у него ничего не было. Да и теперь у них и медных-то денег немного».

Возможно, их медяков только и хватало, чтобы поддерживать жизнь в мисс Стабз, ее животных и платить миссис Бродвит. Их не хватало на то, чтобы ухаживать за садом, домом или на обычные прихоти нормальной жизни.

Но, сидя здесь за чашкой чая, рядом с собаками, лежащими возле постели, и кошками, удобно устроившимися на ней, я переживал все то же чувство, которое ощущал всегда, — страх перед ответственностью, которая ложилась на меня. Единственным просветом в жизни немолодой отважной женщины была очевидная привязанность этой лохматой компании, которая не сводила глаз с ее лица. Загвоздка была в том, что все они тоже были немолоды.

Ведь поначалу собак было четверо, но одна из них — действительно древний золотистый ретривер — умерла за несколько месяцев до этого. А

теперь я должен был при-сматривать за остальными, а ведь самому молодому из них было больше десяти лет.

Они были достаточно веселы, но у каждого имелись какие-то признаки престарелого возраста: у Принца — сердце, Салли в последнее время пила очень много воды, что заставляло меня подозревать у нее пиометрию. Бен худел от нефрита. Я не мог дать ему новые почки и не очень верил в таблетки уротропина, которые выписал ему. С Беном была еще одна проблема: ему постоянно требовалось подрезать когти, они росли с необычайной скоростью.

С кошками было полегче, хотя Сьюзи была чересчур худа, и мне приходилось постоянно с тревогой ощупывать мохнатый живот в поисках признаков лимфосаркомы. Артур был самым здоровым в компании, он не страдал ничем, кроме небольшого налета зубного камня.

Видимо, об этом же подумала и мисс Стабз, потому что, когда я закончил пить чай, она попросила осмотреть и его. Я положил его поперек постели и открыл ему рот.

— Да, все та же старая неприятность. Я справлюсь с ней прямо сейчас.

Артур был огромным серым котом-кастратом, живым опровержением всевозможных теорий о том, что кошки ко всему безразличны, эгоистичны и все такое. Его красивые глаза, украшавшие самую широкую из кошачьих морд, что я видел, смотрели на мир с безграничной доброжелательностью и терпимостью. Каждое его движение было исполнено невероятного достоинства.

Когда я начал чистить ему зубы, его грудь наполнилась громким мурлыканьем, которое показалось мне похожим на отдаленный звук подвесного мотора. Его не нужно было держать, он сидел спокойно и шевельнулся только раз, когда я, снимая пинцетом особенно длинный камень на заднем зубе, нечаянно задел десну. Он небрежно поднял массивную лапу, словно говоря: «Эй, поосторожнее, старина», — но когти при этом оставались невыпущенными.

Следующий вызов поступил через месяц: в шесть часов вечера позвонила миссис Бродвит. Бен потерял сознание. Я прыгнул в машину и через десять минут уже катил по нескошенной траве садовой лужайки, а животные смотрели на меня из окна. Когда я постучал, ответом мне был собачий лай, но голоса Бена не было слышно. Пройдя в комнату, я увидел, что старый пес лежит на боку возле кровати.

«ПКМ» — так мы пишем в таких случаях в регистрационных книгах. Прибыл уже к мертвому. Всего три слова, но они охватывают все возможные ситуации: смерть коровы от пареза, вола от водянки, теленка от

непроходимости родовых путей. А сегодня вечером они означали, что мне больше не придется подрезать когти старому Бену.

Нефриты нечасто приводят к такому быстрому летальному исходу, но белок в его моче в последнее время рос с опасной скоростью.

— Что ж, все случилось быстро, мисс Стабз. Я уверен, что пес совсем не мучился.

Старая дама владела собой полностью. Я не увидел слез, только лицо ее оставалось совершенно неподвижным, когда она смотрела с кровати на существо, которое столько лет было частью ее компании. Я хотел как можно скорее вынести его из дома, подложил под него одеяло и поднял на руки.

— Минутку, — сказала мисс Стабз. Она с усилием повернулась на бок и пристально посмотрела на Бена. Не меняя выражения лица, она протянула руку и нежно коснулась собачьей головы. Затем она откинулась назад, а я поспешил прочь.

В кухне я шепотом совещался с миссис Бродвит.

— Я съезжу в деревню и попрошу Френа Мэннерса прийти и похоронить собаку, — сказала она. — Если у вас есть время, останьтесь с мадам, пока я не вернусь. Поговорите с ней, что ли, ей будет легче.

Я вернулся в комнату и сел подле кровати. Мисс Стабз посмотрела в окно и обратилась ко мне.

— А знаете, мистер Хэрриот, — сказала она небрежно, — следующей буду я.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, сегодня вечером ушел Бен, а за ним уйду и я. Я просто знаю это.

— Не может быть! Вы просто немного расстроились, только и всего. Со всеми случается, когда что-то происходит.

Но меня перебили. Я никогда не слышал и намека на подобное.

— Я не боюсь, — сказала она. — Я знаю, что меня ждет лучший мир. Я в этом никогда не сомневалась.

Наступило молчание; она спокойно лежала и смотрела на табличку, висевшую на газовом рожке.

Затем голова на подушке снова повернулась ко мне.

— Я боюсь только одного. — Тут выражение ее лица резко изменилось, как будто с него упала маска. Его нельзя было узнать. В ее глазах был виден ужас, она быстро схватила меня за руку. — Это касается моих собак и кошек, мистер Хэрриот. Я боюсь, что уже не увижусь с ними, когда меня не станет, и меня это так беспокоит... Понимаете, я знаю, что встречу вновь с родителями и братьями, но... но...

— Ну а почему не с вашими животными?

— В этом-то все и дело! — Она покачала головой, и тут я впервые увидел, как слезы текут по ее щекам. — Ведь говорят же, что у животных нет души.

— Кто говорит?

— О, я читала об этом и знаю многих религиозных людей, которые верят в это.

— Ну, а я в это не верю! — Я похлопал свободной рукой по руке, все еще сжимавшей мою. — Если под душой понимать способность чувствовать любовь, хранить верность и испытывать благодарность, то животные в этом отношении бывают гораздо лучше, чем многие из людей. Тут вам не о чем беспокоиться.

— О, надеюсь, что вы правы. Я часто думаю об этом по ночам.

— Я знаю, что я прав, мисс Стабз, и не пытайтесь спорить со мной. Нас, ветеринаров, учат понимать души животных.

Напряжение спало с ее лица, и к ней вернулось прежнее настроение.

— Извините, что беспокою вас по такому поводу, но я больше не буду об этом говорить. Однако, перед тем как вы уйдете, я хочу, чтобы вы были предельно честны со мной. Не надо меня успокаивать — просто скажите правду. Я понимаю, вы очень молоды, но скажите мне — во что вы верите? Верите ли вы в то, что мои звери пойдут за мной?

Она пристально уставилась мне в глаза. Я заерзал на стуле и пару раз сглотнул.

— Мисс Стабз, боюсь, что не смогу определенно ответить на ваш вопрос, — сказал я. — Но я абсолютно уверен в одном. Куда сможете пойти вы, могут пойти и они.

Она все еще глядела на меня, но ее лицо было спокойным.

— Спасибо, мистер Хэрриот, я вижу, что вы отвечали мне честно. Ведь вы и в самом деле в это верите, правда?

— Я и в самом деле верю, что это так, — сказал я. — Всем сердцем.

Прошел месяц, и я совершенно случайно узнал, что та моя встреча с мисс Стабз была последней. Когда умирает одинокая нищая старая женщина, люди на улице не торопятся поделиться с вами этой новостью. Я был на вызовах, и какой-то фермер сообщил мне, что дом в деревне Корби выставлен на продажу.

— А что же мисс Стабз? — спросил я.

— О, да она умерла внезапно три недели назад. Дом в плохом состоянии, говорят, в нем много лет не было ремонта.

— Значит, миссис Бродвит больше там не живет?

— Нет, она живет на другом конце деревни.

— А как же кошки и собаки?

— Какие кошки и собаки?

Я быстро закончил прием. И не поехал домой, хотя обеденное время уже начиналось. Вместо этого я на полной скорости отправился на своем недужном автомобильчике в Корби и спросил первого встречного, где живет миссис Бродвит. Домик оказался маленьким, но красивым, и миссис Бродвит сама открыла мне дверь.

— О, заходите, мистер Хэрриот. Как хорошо, что вы пришли!

Я вошел внутрь, и мы сели по разные стороны чистого дощатого стола.

— Я так скучаю по мисс Стабз, — сказала она.

— Да, мне только что сказали.

— Как бы то ни было, она умерла спокойно. Просто не проснулась.

— Рад это слышать.

Миссис Бродвит окинула взглядом комнату.

— Мне повезло, и я нашла этот дом. Это как раз то, чего я всегда хотела.

Я больше не мог сдерживаться. У меня просто вырвалось:

— А что стало с животными?

Она небрежно ответила:

— А они в саду. У меня довольно большой садовый участок при доме.

Она встала, открыла дверь, и я с облегчением увидел, как в дом вбегают мои старые друзья.

Артур моментально вскочил ко мне на колени, лег, изогнувшись, на руку, и его подвесной моторчик не заглушил собачий лай. Принц, как всегда страдающий одышкой, вертел хвостом и улыбался мне в перерывах между приступами лая.

— Они прекрасно выглядят, миссис Бродвит. И на какое время вы их оставили у себя?

— Навсегда. Я люблю их не меньше, чем мисс Стабз, и не могу их оставить. Они будут делить со мной кров, пока живы.

Я смотрел на типичное лицо старой жительницы Йоркшира, на крупные скулы, с их грубыми очертаниями, с которыми контрастировали добрые глаза.

— Это чудесно, — сказал я. — Но разве вам не кажется, что содержание такой оравы — э-э — несколько дорого?

— Нет, вам не надо об этом беспокоиться. У меня кое-что отложено на старость.

— Что же, отлично, отлично, я буду присматривать за ними. Я

проезжаю через эту деревню пару-тройку раз в неделю.

Я встал и направился к двери.

Миссис Бродвит жестом остановила меня.

— Есть только одна просьба. Пока не началась продажа дома и имущества в нем, я прошу вас заглянуть туда и забрать остатки лекарств, которые вы прописывали. Они — в передней.

Я взял ключ и поехал на другой конец деревни. Отворив шаткую калитку, я пошел по буйной траве к дому, который без собачьих морд в окне казался безжизненным. Когда я открыл скрипучую дверь и вошел внутрь, меня окутала полная тишина.

Ничего не было тронуту. Кровать со смятым одеялом стояла в своем углу. Я обошел комнату, собирая полупустые бутылки, банки с мазями и коробки с таблетками для старого Бена, — все-таки они ему помогли.

Когда я собрал все, то окинул взглядом комнату. Я больше не приду сюда. У двери я остановился и в последний раз прочитал табличку, которая висела над пустой кроватью.

Я пытаюсь завоевать её внимание

Был вечер вторника, и я проводил его так же, как и все остальные вечера вторников, — смотря в затылок Хелен Олдерсон на собрании Музыкального общества Дарроуби. Возможно, это был не самый быстрый способ познакомиться с нею поближе, но я не смог придумать ничего лучше.

С того утра, которое я провел на вересковом холме, помогая теленку с его ногой, я ежедневно просматривал книгу регистрации вызовов в надежде найти повод еще раз посетить ту ферму. Но у Олдерсонов, к прискорбию, видимо, был весьма здоровый скот. Мне приходилось довольствоваться мыслью о предстоящем в конце месяца визите на ферму, чтобы снять гипс. Поэтому настоящим ударом для меня стал звонок отца Хелен, который сказал, что, поскольку теленку стало лучше, он сам снял гипс. Он с радостью сообщил мне, что перелом сросся прекрасно, а хромоты нет и следа.

Мне уже приходилось восхищаться инициативностью и уверенностью в себе местных жителей, но в тот раз я долго проклинал эти их качества. Пришлось вступить в Музыкальное общество. Я видел, как она входит в класс, где проводились собрания, и с удалью отчаявшегося следовал за ней.

В первый раз это случилось много недель назад, вспоминал я, исполненный жалости к себе, но с тех пор я не добился никакого успеха. Я уже и не помнил, сколько теноров, сопрано и мужских хоров приезжали сюда и уезжали, однажды целый духовой оркестр, умудрившийся каким-то образом набиться в небольшой зал, чуть не порвал мне барабанные перепонки, но я не сделал и шага вперед.

Сегодня струнный квартет усердно елозил смычками, но я едва слышал их. Мои глаза смотрели только на Хелен, сидевшую в нескольких рядах впереди меня между двумя дамами, которых она всегда водила с собой. Это тоже было частью общей неприятности, эти две старухи всегда находились рядом с ней, не давая никаких шансов на личную беседу даже в перерыве между отделениями. Кроме того, существовала еще и общая атмосфера мероприятия: члены общества были в подавляющем большинстве людьми весьма пожилыми, а в воздухе висел мощный школьный запах чернил, учебников, мела и свежечиненных карандашей. В таком месте было просто невозможно задать вопрос: «А чем вы заняты в субботу вечером?»

Музыканты перестали елозить смычками, и все захлопали. Со стула в первом ряду поднялся председатель Общества и улыбнулся всей компании. «А теперь, дамы и господа, я думаю, пора сделать пятнадцатиминутный перерыв, поскольку, как я вижу, наши усердные помощники уже приготовили чай. Как обычно, цена за чашку составляет три пенса». Раздались смех и общий шумдвигаемых стульев.

Я вместе с другими отправился к дальней стене зала, выложил свои три пенса на тарелочку и получил чашку чая с печеньем. Затем я попытался приблизиться к Хелен в тщетной надежде, что на этот раз что-нибудь случится. Это было непросто, поскольку меня постоянно отзывали в сторону то директор школы, то кто-нибудь еще из числа тех, кто считал ветеринара, которому нравится музыка, интересным курьезом. Но в тот вечер я сумел протолкнуться ближе и будто случайно оказаться в ее компании.

Она посмотрела на меня поверх своей чашки. «Добрый вечер, мистер Хэрриот, как вам понравилось?» О боже, она всегда говорит эти слова. И еще — мистер Хэрриот! А что я могу поделаться? «Зовите меня Джим», — это бы звучало грандиозно. Но я ответил как всегда: «Добрый вечер, мисс Олдерсон. Да, все очень мило, не так ли?» Все опять шло прахом.

Я жевал свое печенье, пока старые дамы говорили о Моцарте. Каждый вторник происходило одно и то же. Приближалось время, когда я был готов оставить все это дело. Я чувствовал себя побежденным.

К нашей компании, не переставая улыбаться, подошел председатель общества. «Боюсь, сегодня вечером мне придется попросить кого-то из вас в наряд по мытью посуды. Может быть, наши молодые члены возьмутся за это дело?» Он весело смотрел то на меня, то на Хелен.

Никогда еще предложение помыть чайные чашки не было столь привлекательным для меня, мне показалось, что я вижу обетованную землю. «Да, конечно, с удовольствием, если только мисс Олдерсон не возражает».

Хелен улыбнулась. «Конечно, не возражает. Нам ведь всем надо это делать по очереди».

Я откатил тележку с чашками и блюдами в подсобку. Это было тесное помещение с раковиной и полками, места в нем хватало только нам двоим.

«Что вы предпочитаете — мыть или вытирать?» — спросила Хелен.

«Я буду мыть», — сказал я и начал наполнять раковину горячей водой. Я подумал, что теперь будет несложно направить разговор в то русло, в которое мне хотелось. У меня не было лучшего шанса, чем сейчас, в этой комнатухе вдвоем с ней.

Но время, на удивление, летело быстро. Прошло уже пять минут, а мы не поговорили ни о чем, кроме музыки. С печальным отчаянием я смотрел, как мы вымыли почти всю посуду, а я ничего не добился. Я был в панике, когда поднял из мыльной воды последнюю чашку.

Это должно было случиться теперь. Я подал чашку Хелен, и она попыталась взять ее у меня, но я крепко держал ее за ручку, поджидая вдохновения. Она нежно потянула ее опять, но я не отпускал. Между нами началась настоящая война. Затем я услышал хриплое кваканье, в котором узнал звук собственного голоса: «Может, встретимся как-нибудь?»

Она секунду молчала, а я пытался угадать по лицу ее настроение. Она удивлена, раздражена, шокирована? Она покраснела и ответила: «Если хочешь». Я снова услышал кваканье: «В субботу вечером?» Она кивнула, вытерла чашку и вышла.

Лошади на пенсии

Я вернулся на свое место с ухающим сердцем. Мелодии фальшивого Гайдна, которые исполнял квартет, проходили мимо моих ушей. Я наконец-то сделал это! Но действительно ли она хочет видеть меня? Не втянул ли я ее против ее воли? Я сжимал пальцы на ногах от волнения, но успокоил себя тем, что это был шаг вперед — плохой или хороший. Да, я в конце концов сделал это.

Пока мы завтракали, я глядел, как за окном в лучах восходящего солнца рассеивается осенний туман. День снова обещал быть ясным, но старый дом в это утро пронизывала какая-то промозглость, словно нас тронула холодная рука, напоминая, что лето прошло и надвигаются тяжелые месяцы.

— Тут утверждают, — заметил Зигфрид, аккуратно прислоня номер местной газеты к кофейнику, — что фермеры относятся к своим животным бесчувственно.

Я перестал намазывать сухарик маслом.

— То есть жестоко с ними обращаются?

— Ну, не совсем. Просто автор статьи утверждает, что для фермера скотина — только источник дохода, чем все и определяется, а об эмоциях, о привязанности не может быть и речи.

— И правда, что получилось бы, если бы фермеры походили на беднягу Кита Билтона? Свихнулись бы все до единого.

Кит был шофером грузовика и, как многие жители Дарроуби, откармливал в саду боровка для домашнего употребления. Но когда наступал срок его колоть, Кит плакал по три дня напролет. Как-то я зашел к нему в один из таких дней. Его жена и дочь разделявали мясо для пирогов и засолки, а сам Кит уныло притулился у кухонного очага, утирая глаза. Он был дюжим силачом и без малейшего видимого усилия забрасывал в кузов своей машины тяжеленные мешки, но тут он вцепился в мою руку и всхлипнул: «Я не выдержу, мистер Хэрриот! Он же был просто как человек, наш боровок, ну просто как человек!»

— Не спорю! — Зигфрид отрезал себе порядочный ломоть от каравая, испеченного миссис Холл. — Но ведь Кит не настоящий фермер. А это статья о владельцах больших стад. Вопрос ставится так: способны ли они привязываться к своим животным? Могут ли у фермера, выдаивающего за день по пятьдесят коров, быть среди них любимицы, или они для него —

просто аппараты, производящие молоко?

— Да, интересно, — сказал я. — Но, по-моему, вы совершенно верно указали на роль численности. Скажем, у фермеров в холмах коровы нередко наперечет. И они всегда дают им клички — Фиалка, Мейбл, а недавно мне пришлось смотреть даже Селедочку. По-моему, мелкие фермеры действительно привязываются к своим животным по-настоящему, но вряд ли можно сказать то же самое о хозяине большого стада.

Зигфрид встал и со вкусом потянулся.

— Пожалуй, вы правы. Ну так сегодня я посылаю вас к владельцу очень большого стада. В Деннэби-Клоуз к Джону Скиптону. Подпилить зубы. Пара старых лошадей приболела. Но лучше захватите полный набор инструментов — ведь причина может оказаться любой.

Я прошел по коридору в комнатушку, где хранились инструменты, и обозрел те, которые предназначались для лечения и удаления зубов. Занимаясь зубами лошадей и коров, я всегда ощущал себя средневековым коновалом — а в эпоху рабочей лошади превращаться в дантиста приходилось постоянно. Чаще всего надо было удалять «волчьи зубы» у стригунов и двухлеток. Волчьими зубами, уж не знаю почему, называют маленькие зубы, иногда вырастающие перед коренными, и если жеребенок хирел, хозяин не сомневался, что вся беда — от волчьего зуба.

Ветеринар мог до пены у рта втолковывать, что этот крохотный рудимент никак не способен повлиять на здоровье лошади, а дело, по-видимому, в глистах — фермеры упрямо стояли на своем, и зуб приходилось удалять.

Продельвали мы это следующим образом: лошадь за-водили в угол, приставляли к зубу раздвоенный металлический стержень и резко били по нему нелепо большим деревянным молотком. У этих зубов почти нет корня, и операция особой боли не причиняла, но лошадь отнюдь ей не радовалась, и обычно при каждом ударе возле наших ушей взметывались копыта передних ног.

А после того как мы завершали операцию и объясняли фермеру, что занялись этой черной магией, только потакая его суеверию, лошадь, словно назло, сразу же шла на поправку и обретала цветущее здоровье. Как правило, фермеры бывают сдержанны и не слишком хвалят наши успехи из опасения, как бы мы не прислали счет побольше, но в этих случаях они забывали про осторожность и кричали нам на всю рыночную площадь: «Э-эй! Помните жеребчика, которому вы вышибли волчий зуб? Такой ядреный стал, просто загляденье. Сразу излечился!»

Я еще раз с отвращением поглядел на разложенные зубные

инструменты: жуткие клещи с двухфутовыми ручками, щерящиеся зазубринами щипцы, зевники, молотки и долота, напильники и рашпили — ну просто мечта испанского инквизитора! Для перевозки мы укладывали их в деревянный ящик с ручкой, и я, пошатываясь, дотащил до машины порядочную часть нашего арсенала.

Ферма, на которую я ехал, Деннэби-Клоуз, была не просто зажиточным хозяйством, а подлинным символом человеческой целеустремленности и упорства. Прекрасный старинный дом, добротные службы, отличные луга на нижних склонах холма — все доказывало, что старый Джон Скиптон осуществил невозможное и из неграмотного батрака стал богатым землевладельцем.

Чудо это досталось ему нелегко: за спиной старика Джона была долгая жизнь, полная изнурительного труда, который убил бы любого другого человека, — жизнь, в которой не нашлось места ни для жены, ни для семьи, ни для малейшего комфорта. Однако даже такие жертвы вряд ли обеспечили бы ему достижение заветной цели, если бы не удивительное земледельческое чутье, давно превратившее его в местную легенду. «Пусть хоть весь свет идет одной дорогой, а я пойду своей» — такое, среди множества других, приписывалось ему высказывание, и действительно, скиптоновские фермы приносили доход даже в самые тяжелые времена, когда соседи старика разорялись один за другим. Кроме Деннэби, Джону принадлежали еще два больших участка отличной земли примерно по четыреста акров каждый.

Победа осталась за ним, но, по мнению некоторых, одерживая ее, он сам оказался побежденным. Он столько лет вел непосильную борьбу и выжимал из себя все силы, что уже никак не мог остановиться. Теперь ему стали доступны любые удовольствия, но у него на них просто не хватало времени. Поговаривали, что самый бедный из его работников ест, пьет и одевается куда лучше, чем он сам.

Я вылез из машины и остановился, разглядывая дом, словно видел его впервые, в который раз дивясь его благородству и изяществу, ничего не потерявшим за триста с лишним лет в суровом климате. Туристы специально делали большой крюк, чтобы полюбоваться Деннэби-Клоузом, сфотографировать старинный господский дом, высокие узкие окна с частым свинцовым переплетом, массивные печные трубы, вздымающиеся над замшелой черепичной крышей, или просто побродить по запущенному саду и подняться по широким ступенькам на крыльцо, где под каменной аркой темнела тяжелая дверь, усаженная шляпками медных гвоздей.

Из этого стрельчатого окна следовало бы выглядывать красавице в

коническом головном уборе с вуалью, а под высокой стеной с зубчатым парапетом мог бы прогуливаться кавалер в кружевном воротнике и кружевных манжетах. Но ко мне торопливо шагал только старый Джон в перепоясанной куском бечевки старой рваной крутке без единой пуговицы.

— Зайдите-ка в дом, молодой человек! — крикнул он. — Мне надо с вами по счетцу расплатиться.

Он свернул за угол к черному ходу, и я последовал за ним, размышляя, почему в Йоркшире обязательно оплачивают «счетец», а не счет. Через кухню с каменным полом мы прошли в комнату благородных пропорций, но обставленную крайне скудно: стол, несколько деревянных стульев и продавленная кушетка.

Старик протопал к каминной полке, вытащил из-за часов пачку бумаг, полистал их, бросил на стол конверт, затем достал чековую книжку и положил ее передо мной. Я, как обычно, вынул счет, написал на чеке сумму и пододвинул книжку к старику. Выдубленное погодой лицо с мелкими чертами сосредоточенно нахмурилось, и, наклонив голову так низко, что козырек ветхой кепки почти задевал ручку, он поставил на чеке свою подпись. Когда он сел, штанины задрались, открыв тощие икры и голые лодыжки — тяжелые башмаки были надеты на босу ногу.

Едва я засунул чек в карман, Джон вскочил.

— Нам придется пройти до реки: лошадки там.

И он затрусил через кухню.

Я выгрузил из багажника ящик с инструментами. Странно! Каждый раз, когда нужно нести что-нибудь потяжелее, мои пациенты оказываются где-нибудь в отдалении, куда на машине не доберешься! Ящик был словно набит свинцовыми слитками и не обещал стать легче за время прогулки через огороженные пастбища.

Старик схватил вилы, вогнал их в порядочный тюк спрессованного сена, без малейшего усилия вскинул его на плечо и двинулся вперед все той же бодрой рысцой. Мы шли от ворот к воротам, иногда пересекая луг по диагонали. Джон не замедлял шага, а я еле поспевал за ним, пыхтя и старательно отгоняя мысль, что он старше меня по меньшей мере на пятьдесят лет.

Примерно на полпути мы увидели работников, заделывавших пролом в одной из тех каменных стенок, которые повсюду здесь исчерчивают зеленые склоны холмов. Один из работников оглянулся.

— Утро-то какое погожее, мистер Скиптон! — весело произнес он напевным голосом.

— Чем утра-то разбирать, лучше бы делом занимался! — проворчал в

ответ старый Джон, но работник только улыбнулся, словно услышал самую лестную похвалу.

Я обрадовался, когда мы наконец добрались до поймы. Руки у меня, казалось, удлинились на несколько дюймов, по лбу ползла струйка пота. Но старик Джон словно бы нисколько не устал. Легким движением он сбросил вилы с плеча, и тюк сена плюхнулся на землю.

На этот звук в нашу сторону обернулись две лошади. Они стояли рядом на галечной отмели, там, где зеленый дерн переходил в маленький пляж. Головы их были обращены в противоположные стороны, и обе ласково водили мордой по спине друг друга, а потому не заметили нашего приближения. Высокий обрыв на том берегу надежно укрывал это место от ветра, а справа и слева купы дубов и буков горели золотом и багрецом в лучах осеннего солнца.

— Отличное у них пастбище, мистер Скиптон, — сказал я.

— Да, в жару им тут прохладно, а на зиму вон для них сарай, — и он указал на приземистое строение с толстыми стенами и единственной дверью. — Хотят — стоят там, хотят — гуляют.

Услышав его голос, лошади тяжело затрусили к нам, и стало видно, что они очень стары. Кобыла когда-то была каурой, а мерин — буланым, но их шерсть настолько поседела, что теперь оба они выглядели чалыми. Особенно сказался возраст на мордах. Пучки совсем белых волос, проваленные глаза и темные впадины над ними — все свидетельствовало о глубокой дряхлости.

Тем не менее с Джоном они повели себя прямо-таки игриво: били передними копытами, потряхивали головой, нахлобучивая ему кепку на глаза.

— А ну отвяжитесь! — прикрикнул он на них. — Совсем свихнулись на старости лет! — Но он рассеянно потянул кобылу за челку, а мерина потрепал по шее.

— Когда они перестали работать? — спросил я.

— Да лет эдак двенадцать назад.

— Двенадцать лет назад! — Я с недоумением уставился на Джона. — И с тех пор они все время проводят тут?

— Ну да. Отдыхают себе, вроде как на пенсии. Они и не такое заслужили. — Старик помолчал, сгорбившись, глубоко засунув руки в карманы куртки. — Работали хуже каторжных, когда я работал хуже каторжного. — Он поглядел на меня, и я вдруг уловил в белесо-голубых глазах тень тех мучений и непосильного труда, который он делил с этими лошадьми.

— И все-таки... двенадцать лет! Сколько же им всего?

Губы Джона чуть дрогнули в уголках.

— Вы же ветеринар, вот вы мне и скажите.

Я уверенно шагнул к лошадям, спокойно перебирая в уме формы чашечки, степень стирания, угол стирания и все прочие признаки возраста. Кобыла безропотно позволила мне оттянуть ей верхнюю губу и посмотреть ее зубы.

— Господи! — ахнул я. — В жизни ничего подобного не видел!

Неимоверно длинные резцы торчали вперед почти горизонтально, смыкаясь под углом не больше сорока пяти градусов. От чашечек и помину не осталось. Они бесследно стерлись. Я засмеялся и поглядел на старика.

— Тут можно только гадать. Лучше скажите мне сами.

— Ей, значит, за тридцать перевалило, а мерин, он ее года на два помоложе. Она принесла пятнадцать жеребят, один другого лучше, и никогда не болела, вот только с зубами бывал непорядок. Мы их уже раза два подпиливали, и теперь опять пора бы. Оба тощат, и сено изо рта роняют. Мерину совсем худо приходится. Никак не прожует свою порцию.

Я сунул руку в рот кобылы, ухватил язык и отодвинул его в сторону. Быстро ощупав коренные зубы другой рукой, я нашел именно то, чего ожидал: внешние края верхних зубов сильно отросли, зазубрились и задевали щеки, а у нижних коренных отросли внутренние края и царапали язык.

— Что же, мистер Скиптон, ей помочь нетрудно. Вот подпилим острые края, и она будет как молоденькая.

Из своего огромного ящика я извлек рашпиль, одной рукой прижал язык и принялся водить по зубам грубой насечкой, время от времени проверяя пальцами, достаточно ли спилено.

— Ну вот, вроде все в порядке, — сказал я через несколько минут. — Особенно заглаживать не стоит, а то она не сможет перетирать корм.

— Сойдет, — буркнул Джон. — А теперь поглядите мерина. С ним что-то нехорошо.

Я пощупал зубы мерину.

— То же самое, что у кобылы. Сейчас и он будет молодцом.

Но вода рашпилем, я все тревожнее ощущал, что дело отнюдь не так просто. Рашпиль не входил в рот на полную длину, что-то ему мешало. Я положил рашпиль и сунул руку в рот, стараясь достать как можно глубже. И вдруг наткнулся на нечто непонятное, чему там быть совсем не полагалось: словно из неба торчал большой отросток кости.

Нужно было осмотреть рот как следует. Я достал из кармана фонарик

и посветил им через корень языка. Сразу все стало ясно. Последний верхний коренной зуб сидел дальше, чем нижний, и в результате его дальняя боковая стенка чудовищно разрослась, образовав изогнутый шип дюйма три длиной, который впивался в нежную ткань десны.

Его необходимо было убрать немедленно. Моя небрежная уверенность исчезла, и я с трудом подавил дрожь. Значит, придется пустить в ход страшные клещи с длинными ручками, затягивающиеся с помощью барашка.

При одной мысли о них у меня по коже побежали мурашки. Я не выношу, когда при мне кто-нибудь хлопает надутым воздушным шариком, а это было то же самое, только в тысячу раз хуже. Накладываешь острые края клещей на зуб и начинаешь медленно-медленно поворачивать барашек. Вскоре под огромным давлением зуб начинает скрипеть и похрустывать. Это означает, что он вот-вот обломится с таким треском, словно кто-то выстрелил у тебя над ухом, и уж тут держись — в лошадь словно сам дьявол вселяется. Правда, на этот раз передо мной был тихий старый мерин и я мог хотя бы не опасаться, что он начнет танцевать на задних ногах. Боли лошади не испытывали — нерва в выросте не было, — а бесились только от оглушительного треска.

Вернувшись к ящику, я взял пыточные клещи и зевник, наложил его на резцы и вращал храповик, пока рот не раскрылся во всю ширь. Теперь зубы можно было разглядеть в подробностях, и, разумеется, я тут же обнаружил точно такой же вырост с другой стороны. Прелестно! Прелестно! Значит, мне придется сломать два зуба!

Старый конь стоял покорно, полузакрыв глаза, словно он на своем веку видел все и ничто на свете его больше потревожить не может. Внутренне сжавшись, я делал то, что полагалось. И вот раздался отвратительный треск, глаза широко раскрылись, показав обводку белков, однако лишь с легким любопытством, — мерин даже не пошевелился. А когда я повторил то же со вторым зубом, он даже не раскрыл глаз. Собственно говоря, пока я не извлек зевник, можно было подумать, что старый конь зевает от скуки.

Я принялся укладывать инструменты, а Джон подобрал с травы костяные шипы и с интересом рассмотрел их.

— Бедняга, бедняга! Хорошо, что я вас пригласил, молодой человек. Теперь ему, верно, станет полегче.

На обратном пути старый Джон, избавившись от сена и опираясь на вилы, как на посох, шел вверх по склону вдвое быстрее, чем вниз. Я еле поспевал за ним, пыхтя и то и дело перекладывая ящик из руки в руку.

На полпути я его уронил и получил таким образом возможность

перевести дух. Старик что-то раздраженно проворчал, но я оглянулся и увидел далеко внизу обеих лошадей. Они вернулись на отмель и затеяли игру — тяжело гонялись друг за другом, разбрызгивая воду. Темный обрыв служил отличным фоном для этой картины, подчеркивая серебряный блеск реки, бронзу и золото деревьев, сочную зелень травы.

Во дворе фермы Джон неловко остановился. Он раза два кивнул, сказал: «Спасибо, молодой человек», — резко повернулся и ушел.

Я с облегчением укладывал ящик в багажник и вдруг увидел работника, который окликнул нас, когда мы шли к реке. Он устроился в солнечном уголке за кипой пустых мешков и, все так же сияя улыбкой, доставал из старого армейского ранца пакет с едой.

— Пенсионеров, значит, навещали? Ну уж старый Джон туда дорогу хорошо знает!

— Он часто к ним туда ходит?

— Часто? Да каждый божий день! Хоть дождь, хоть снег, хоть буря, он туда ходит, ни дня не пропустит. И обязательно чего-ничего с собой прихватит — мешок зерна или соломки им подстелить.

— И так целых двенадцать лет?

Он отвинтил крышку термоса и налил себе кружку чернильно-черного чая.

— Ага. Эти коняги двенадцать лет ничего не делают, а ведь он мог бы получить за них у живодера неплохие денежки. Удивительно, а?

— Вы правы, — сказал я. — Удивительно.

Но насколько удивительно, я сообразил только на обратном пути. Мне вспомнился утренний разговор с Зигфридом, когда мы решили, что фермер, у которого много скотины, не способен испытывать привязанность к отдельным животным. Однако за моей спиной в коровниках и конюшнях Джона Скиптона стояли, наверное, сотни голов рогатого скота и лошадей.

Так что же заставляет его день за днем спускаться к реке в любую погоду? Почему он окружил последние годы этих двух лошадей покоем и красотой? Почему он дал им довольство и комфорт, в которых отказывает себе? Что им движет?

Что как не любовь?

Теория и практика

Чем дольше я работал в Дарроуби, тем сильнее меня завораживали холмы. И с каждым днем все нагляднее становилось одно важное преимущество — фермеры в холмах все были скотоводами. И умели обращаться со скотиной, а это истинная благодать для ветеринара, чьи пациенты только и стараются, как бы свести на нет его усилия или нанести ему телесное повреждение.

А потому в это утро я с удовольствием оглядел двух мужчин, которые держали корову. Особых затруднений, впрочем, и не предвиделось. Просто надо было сделать ей внутривенную инъекцию, однако присутствие двух таких могучих помощников успокаивало нервы. Морис Беннисон был не очень высокого роста, но крепок, как один из его бычков. Одной рукой он сжимал рог коровы, а пальцы другой стискивали ее нос. У меня сложилось утешительное впечатление, что корова далеко не отпрянет, когда я воткну иглу. Его брат Джордж, которому было поручено обеспечить вздутие вены, держал конец аркана на шее коровы в огромных ручищах, смахивавших на пучки моркови. Он ухмыльнулся мне с высоты своего роста. Шесть футов четыре дюйма.

— Ну-ка, Джордж, — сказал я, — затяните аркан и прислонитесь к корове, чтобы она меня не придавила.

Я протиснулся между коровой и ее соседкой, минуя неподвижную громаду Джорджа, и нагнулся над яремной веной. Она вздулась лучше некуда. Я нацелил иглу, почувствовал, как Джордж оперся на меня локтем, заглядывая через мое плечо, и быстро вонзил ее в вену.

— Чудесно! — воскликнул я, когда брызнул фонтанчик темной крови и густо оросил соломенную подстилку. — Ослабьте аркан, Джордж! — Я порылся в кармане, ища зажим. — И Бога ради, не наваливайтесь на меня!

Джордж, видимо, решил опереться на меня всем своим весом, и пока я старался подсоединить трубку к игле, у меня под его тяжестью начали подгибаться колени. Я испустил еще один отчаянный призыв, но он остался недвижим. Его подбородок впивался мне в плечо, хриплое дыхание раздавалось над самым моим ухом.

Кончиться это могло лишь одним: я упал ничком и беспомощно извивался под неподвижным телом. Мои крики никакого эффекта не произвели — Джордж потерял сознание.

Привлеченный шумом, в коровник вошел мистер Беннисон — как раз

вовремя, чтобы увидеть, как я выползаю из-под его старшего сына.

— Вытащите его оттуда! Быстрее! — прохрипел я. — Пока коровы его не затоптали.

Безмолвно Морис и его отец ухватили каждый по щиколотке и разом потянули. Джордж вылетел из-под коров, отбивая затылком четкий ритм, пересек сток с навозной жижей и продолжил свое пребывание в обмороке на полу в проходе.

Мистер Беннисон вернулся к корове, ожидая, что я займусь инъекцией, но распростертое бесчувственное тело отвлекло мое внимание.

— Послушайте, может, прислонить его спиной к стене, а голову опустить между протянутых ног? — виновато предложил я.

Они переглянулись, словно решая исполнить мой каприз, ухватили Джорджа за плечи и поволокли к стене со сноровкой людей, привыкших таскать мешки с удобрением и картофелем. Прислоненный к нетесаным камням стены, он по-прежнему выглядел очень скверно: голова упала на грудь, длинные могучие руки бессильно свисают.

Невольнo я почувствовал себя немного виноватым.

— А вы не думаете, что нам следует дать ему выпить?

Но терпение мистера Беннисона истощилось.

— Да нет, ничего с ним не стряется, — раздраженно пробурчал он. — Лучше за дело возьмитесь!

Он, несомненно, считал, что уже и так достаточно долго нянчился с Джорджем.

Это происшествие заставило меня задуматься о том, как люди реагируют на вид крови и другие неприятные зрелища. Хотя я работал только второй год, но уже вывел некоторые законы, касающиеся этого, и один из них гласил, что с ног валятся всегда самые высокие и сильные. (К этому времени я разработал еще несколько других, возможно, не слишком научных теорий. Например: больших собак держат люди, живущие в маленьких домах, и наоборот. Клиенты, которые говорят: «Цена неважна», — никогда-никогда не платят по счетам. Когда в холмах я спрашивал дорогу и мне говорили: «Сразу увидите, мимо не проедете!» — я знал, что вскоре безнадежно заплутаюсь.)

Я начинал спрашивать себя, не отличаются ли сельские жители большей впечатлительностью, чем городские. С того самого вечера, когда Сид Бленкхорн, шатаясь, вошел в Скелдейл-хаус. Лицо у него было блее мела — он явно перенес какое-то потрясение.

— Джим, у вас капельки виски не найдется? — произнес он дрожащим голосом, а когда я подвел его к креслу и Зигфрид вложил в его пальцы

стопку, он сообщил нам, что был на лекции об оказании первой помощи, которую читал доктор Эллисон, чья приемная была чуть дальше по улице.

— Он говорил про вены, артерии и все такое прочее, — простонал Сид, проводя ладонью полбу. — Господи, это было ужасно!

Выяснилось, что Фреда Аддисона, рыбака, унесли без сознания всего через десять минут после начала, а сам Сид только-только успел добраться до двери. Ну, будто на бойне побывал!

Я заинтересовался подобными явлениями, так как обнаружил, что до них всегда только шаг. Полагаю, мы чаще с ними сталкиваемся, чем врачи, поскольку наши коллеги-медики, когда необходимо резать или кромсать, отправляют своих пациентов в больницы, а мы, ветеринары, просто снимаем пиджаки и оперируем на месте. А это означает, что хозяевам или работникам отводится роль ассистентов и они вынуждены наблюдать много необычного.

А потому, несмотря на мой еще малый опыт, я стал настоящим знатоком разнообразных симптомов приближения к роковой черте. Полагаю, статистикой заниматься еще рано, но мне ни разу не доводилось видеть, чтобы в обморок упала женщина или низенький мужчина, хотя они и проявляли различные степени брезгливости. А вот на высокого сильного мужчину всегда можно было положиться в этом смысле, особенно на шумных и сверхсамоуверенных.

Я сохранил яркое воспоминание о летнем вечере, когда должен был произвести операцию рубца. Как правило, когда я подозреваю, что в желудке застрял инородный предмет, то предпочитаю тянуть время — такие же симптомы могут означать и многое совершенно другое, а потому я никогда не тороплюсь прорезать дырку в боку животного. Но на этот раз диагноз был очевиден с самого начала — внезапное резкое снижение удоя, отсутствие жвачки, покряхтывание, запавшие глаза и общий понурый вид коровы. А в довершение фермер рассказал мне, что чинил курятник на коровьем пастбище, прибывал отвалившиеся доски. И я без труда догадался, куда пропал один из его гвоздей.

Ферма, выходящая прямо на главную улицу деревни, была любимым местом встреч тамошних парней. Пока я раскладывал инструменты на чистом полотенце, разостланном на тючке соломы, за мной наблюдали ухмыляющиеся физиономии, маячившие над нижней половиной двери. И не только наблюдали, но и подбодряли меня разухабистыми выкриками. Я уже собирался приступить к делу, как вдруг мне пришло в голову, что пара лишних рук пришлась бы очень кстати, и я обернулся к двери.

— Может, кто-то из вас, ребята, хочет стать моим помощником?

Минуты две стоял страшный гвалт, затем дверь отворилась, и в коровник ввалился дюжий молодой человек с огненно-рыжей шевелюрой. Можно было залюбоваться его могучими плечами и мощной загорелой шеей, поднимавшейся из расстегнутого ворота. А синие глаза и румяное лицо с высокими скулами тут же напомнили мне, что тысячу лет назад в Йоркшире похозяйничали скандинавы. Передо мной был подлинный викинг.

Я попросил его закатать рукава, хорошенько вымыть руки в ведре с теплой водой и дезинфицирующим средством, а сам выбрал участок на боку коровы и сделал местную анестезию. Когда я вручил ему артериальные зажимы и ножницы, он принялся гарцевать вокруг коровы, размахивая ножницами, как кинжалом, и безудержно хохоча.

— Может, вы сами прооперируете? — спросил я.

Викинг расправил могучие плечи.

— А что? Да я мигом!

И физиономии над дверью радостно завопили,

Когда я наконец занес мой острый как бритва скальпель над коровой, деревенские шуточки сыпались градом. Я заранее решил, что на этот раз сделаю глубокий разрез, как рекомендуют руководства по хирургии. Пора стадии, когда я нервно еле надрезаю кожу, остаться позади. «Подлинное рассечение», как выразился один ученый авторитет. Вот сейчас я его и сделаю.

Я прикоснулся скальпелем к выстриженному участку коровьего бока и быстрым движением кисти сделал десятидюймовый разрез. Я отступил на секунду-другую по-любоваться чисто рассеченными краями кожи. Лишь несколько капилляров брызгали кровью на поблескивающие брюшные мышцы. Одновременно я заметил, что хохот и насмешливые вопли внезапно смолкли, сменившись жутковатой тишиной, которую тут же нарушил звук падения тяжелого тела.

— Зажим, пожалуйста, — сказал я, протягивая руку за спину. Но ничего не произошло. Я оглянулся. Над нижней половиной двери — пустота. Ни единой физиономии в пределах видимости. Только викинг, расплостертый на полу с раскинутыми руками и ногами, с подбородком, обращенным к потолку. Поза выглядела настолько театральной, что я решил, будто он все еще валяет дурака, но более внимательный осмотр рассеял эти подозрения: викинг хлопнулся в обморок. Видимо, повалился на спину, рухнув, как срубленный дуб.

Фермер, сторбленный человечек, который на весах потянул бы не больше фунтов ста с небольшим, держал все это время голову коровы. Он

взглянул на меня с чуть заметной усмешкой в глазах.

— Похоже, справляться-то нам придется вдвоем, мистер. — Он привязал веревку намордника к кольцу в стене, тщательно вымыл руки и занял свое место рядом со мной. С начала до конца операции он подавал мне инструменты, промокал сочащуюся кровь и обрезал кетгут, что-то скучающе насвистывая. Единственный раз он проявил какое-то чувство, когда я извлек из глубин желудка роковой гвоздь. Поднял чуть-чуть брови, сказал «ого-го!» и опять принялся насвистывать.

Мы были так заняты, что не могли уделить викингу ни минуты. На половине операции он приподнялся, сел, несколько раз потряс головой, потом встал и небрежной походкой вышел из коровника. Казалось, бедняга уповал, что мы просто ничего необычного не заметили.

Но в любом случае вряд ли нам удалось бы привести его в чувство. Лишь однажды я нашел средство, как мгновенно вернуть человеку сознание, — и то случайно.

Произошло это, когда Генри Адаме попросил меня показать ему, как кастрировать хряка с выпадением петли кишечника, чтобы не осталось вздутия. Генри собирался всерьез заняться свиноводством и горел честолюбивым желанием набить руку в ветеринарной хирургии.

Когда он показал мне поросенка с раздутой мошонкой, я воспротивился.

— По-моему, Генри, это работа для ветеринара. Кастрируйте здоровых поросят, сколько хотите, но не думаю, что вы справитесь с такой операцией.

— А что такого?

— Ну, необходима местная анестезия, существует большая опасность инфекции... И вам нужно по-настоящему знать анатомию, чтобы разбираться в том, что вы делаете.

Глаза Генри выразили всю меру жажды несостоявшегося хирурга.

— Черт! Я бы хотел узнать, как это делается!

— Знаете что, — сказал я. — Посмотрите, как я буду его оперировать, а потом решайте. Оперировать буду под общим наркозом, чтобы вам не надо было его держать.

— Это дело! — Генри на секунду задумался. — Сколько вы с меня возьмете?

— Семь шиллингов шесть пенсов.

— Грабьте, грабьте! Так валяйте.

Я ввел несколько кубиков нембутала в брюшину поросенка, и, немного пошатавшись, он повалился на солому, перекатился на другой бок и замер.

Генри уже приготовил на дворе стол, и мы уложили на него моего пациента. Я приготовился начать, но тут Генри вытащил десятишиллинговую бумажку.

— Лучше сразу уплачу вам, пока не забыл.

— Ладно. Только я уже вымыл руки, так засуньте ее мне в карман, а сдачу я дам, когда закончу.

Я люблю выступать в роли учителя и вскоре увлекся возможностью прочесть лекцию, наглядно ее иллюстрируя. Тщательно разрезал кожу над паховым каналом и вытащил семенник, не повредив его оболочки.

— Смотрите, Генри, вот тут кишка спустилась в канал и лежит рядом с семенником. — Я указал на петли кишки, бледно-розовые под прозрачной оболочкой. — Теперь, если я сделаю так, то верну ее в брюшную полость. А стоит нажать вот тут, и она снова вывалится. Видите, как это получается? Вот она там. А вот она снова тут. Снова я ее возвращаю и — бац! — она снова тут! Для того чтобы удержать ее в брюшной полости, я беру семенной канатик, перекручиваю его вместе с влагалищной оболочкой, а потом...

Но мой слушатель меня покинул. Генри опустился на бочку из-под бензина и улегся грудью на стол, обхватив руками голову. Я испытал горькое разочарование и завершил операцию. И наложил швы без малейшего подъема духа, пока мой студент пребывал в обмороке на другом конце стола.

Я отнес поросенка в его закуток, собрал инструменты и тут вспомнил, что не дал Генри сдачи с десятишиллинговой бумажки. Уж не знаю почему, но вместо полукроны я брякнул на деревянную столешницу шестипенсовик и один шиллинг вместо двух возле самого его лица. На стук монет он открыл глаза и несколько секунд тупо смотрел на них, а потом с пугающей внезапностью сел прямо, и хотя лицо у него оставалось землистым, взгляд стал пронзительным и яростным.

— Эй! — крикнул он. — А где еще один шиллинг?!

Живодёр против ветеринара

Ветеринары — бесполезные бездельники, паразитирующие на фермерах, лентяи, предъявляющие огромные счета, хотя ничего не понимают ни в скотине, ни в ее болезнях. Проще вызвать Джеффа Мэллока, живодера, чем без толку посылать за ветеринаром.

Во всяком случае, это мнение часто высказывали все члены семьи Сидлоу. В конечном счете выходило, что единственным человеком на мили и мили кругом, который знал, как лечить больную скотину, был сам мистер Сидлоу. Если какая-нибудь их корова или лошадь заболела, мистер Сидлоу немедленно пускал в ход ту или иную коронную панацею из своего богатейшего запаса. У жены и многочисленных детей он пользовался чисто божественным престижем, и главный догмат их веры гласил, что отец в таких делах непогрешим, и единственным, кто почти не уступал ему в этом, был давно скончавшийся дедушка Сидлоу, у которого отец почерпнул значительную часть своих лечебных средств и процедур.

Учтите, мистер Сидлоу был справедливым и гуманным человеком. После пяти-шести дней энергичного лечения, в процессе которого он, например, трижды в сутки запикивал корове в глотку полфунта топленого сала с изюмом, усердно растирал ей вымя скипидаром, а то и отрезал кончик хвоста, чтобы выпустить хворь, он под конец непременно вызывал ветеринара. Не то чтобы от этого могла быть хоть какая-то польза, но он считал себя обязанным предоставить животному все шансы. Приехав, ветеринар неизменно видел животное при последнем издыхании с глубоко запавшими глазами, и лечение, которое он в отчаянии применял, по сути, уподоблялось последнему причастию. Животное неизбежно умирало, а Сидлоу в очередной раз укреплялись в твердом убеждении, что от ветеринаров — пользы никакой.

Их ферма находилась довольно далеко от Дарроуби, и мы были третьей фирмой, которую испробовал мистер Сидлоу. Он побывал в клиентах бротонского Грайера, но счел его некомпетентным и заручился услугами Уоллеса в далеком от нас Мансли. Уоллес горько его разочаровал, и потому он решил испробовать Дарроуби. И пробыл в наших клиентах более года, но отношения между нами оставались натянутыми, так как Зигфрид во время своего самого первого визита глубоко его оскорбил. Вызвали Зигфрида к умирающей лошади, и мистер Сидлоу, сообщая о мерах, какие принимал, упомянул, что засовывал пациентке в задний

проход сырые луковицы; он понять не мог, почему она так нетвердо держится на ногах. Зигфрид указал, что, введи он сырую луковицу в задний проход мистера Сидлоу, он — мистер Сидлоу — тоже плохо бы держался на ногах.

Не многообещающее начало, но больше ветеринаров на достижимом расстоянии не было, и он попросту не мог сменить нас на кого-нибудь еще.

Мне сверхъестественно повезло, что я проработал в Дарроуби более года и ни разу не посетил эту ферму. Мистер Сидлоу редко вызывал нас в обычные рабочие часы — поборовшись несколько дней со своей совестью, он словно бы неизменно проигрывал эту битву около одиннадцати вечера (или порой в качестве исключения поражение он терпел во второй половине воскресенья), и волей судеб вызовы эти приходились на ночные дежурства Зигфрида. Именно Зигфрид брел к машине, тихо поругиваясь, и возвращался перед рассветом с глазами, слегка вылезшими из орбит.

А потому, когда все-таки настал мой черед, я не помчался на вызов с энтузиазмом, даже хотя речь шла всего лишь о подавившемся бычке, что никаких осложнений не сулило. (Кусок турнепса или картофеля застревали у него в пищевode, препятствуя срыгиванию газов и вызывая тимпанию рубца, что могло привести к летальному исходу.) Обычно мы либо выпускали газы, делая прокол желудка, либо осторожно пропихивали трубку в глотку вниз по пищеводу и в желудок с помощью длинного гибкого кожаного инструмента, особого зонда, предназначенного специально для этой цели. В любом случае они поняли, что на этот раз не следует тянуть несколько дней, а к тому же — чудо из чудес! — было четыре часа дня.

Ферма была ближе к Бротону, чем к Дарроуби, на плодородной земле Йоркской равнины. Вид ее мне не понравился. Чудилось что-то угнетающее в обветшалых кирпичных строениях среди распаханых полей, чью унылую плоскость нарушали лишь бурты картофеля.

При первом взгляде на мистера Сидлоу я вспомнил, что он и его семья принадлежат к религиозной секте, отличающейся фанатизмом. Это лицо со впалыми щеками и синеватыми брылями не раз смотрело на меня воспаленным взглядом со страниц исторических книг о былых веках, и у меня возникло чувство, что мистер Сидлоу сжег бы меня на костре и глазом не моргнув.

Бычок помещался в мрачном стойле за скотным двором. Несколько членов семьи потянулись туда за нами — два парня двадцати с лишним лет и три девочки-подростка, — все красивые смуглой цыганской красотой, но с такими же сумрачными напряженными лицами, как у их отца. Занимаясь

осмотром моего пациента, я заметил еще одну их особенность — все они бросали быстрые взгляды на меня, на бычка, друг на друга, абсолютно не поворачивая головы. И все молчали.

Я был бы рад нарушить это молчание, но не знал, что бы такое бодрое сказать. Судя по виду бычка, было не похоже, что он просто подавился. Картофелина четко прощупывалась снаружи на полпути по пищеводу, но вокруг нее был отек, охватывавший левую сторону шеи выше и ниже. И не только это! Из рта у него капала кровавая пена. Что-то было очень и очень не так. Внезапно меня осенило.

— Вы пытались чем-то протолкнуть картофелину вниз?

Я всей кожей ощутил беглый огонь взглядов. Мышцы крепко сжатых челюстей мистера Сидлоу вздулись подергивающимся гребнем. Он сглотнул.

— Да, попробовали.

— Что вы применяли?

Вновь подергивание челюстных мышц под смуглой кожей.

— Ручку метлы и кусок шланга. Ну, что полагается.

Ну вот! Меня захлестнуло чувство обреченности. Было бы так приятно оказаться первым ветеринаром, который произвел на них хорошее впечатление, но судьба рассудила иначе. Я повернулся к фермеру.

— Боюсь, вы порвали пищевод. Понимаете, это очень ранимая трубка — стоит нажать чуть сильнее, и конец. Видите отек вокруг места разрыва?

Ответом мне было вибрирующее молчание. Я упрямо продолжал:

— Я наблюдал такие случаи. Прогноз самый скверный.

— Ну хорошо, — проскрежетал мистер Сидлоу. — А делать-то что вы будете?

То-то и оно! Что я буду делать? Теперь, тридцать лет спустя, я мог бы попытаться восстановить пищевод, засыпав рану антибиотиком и назначив инъекции пенициллина. Но там, в этом тоскливом месте, глядя на терпеливого бычка, с трудом сглатывающего, кашляющего кровью, я понимал, что положен на обе лопатки. Разрыв пищевода — трудно было бы придумать что-то более безнадежное. Я старался подыскать, что бы такое сказать.

— Мне очень жаль, мистер Сидлоу, но сделать я ничего не могу.

Взгляды затрещали вокруг меня электрическими разрядами, фермер тяжело задышал через нос. Мне не требовалось объяснений, о чем они думают — еще один никчемный ветеринаришка. Переведя дух, я

продолжал:

— Даже если я протолкнул бы картофелину, рана будет загрязнена, едва он начнет есть. Начнется гангрена, а это означает мучительную смерть. Он достаточно упитан. На вашем месте я бы его сейчас же забил.

Единственным ответом было добродетельное проигрывание желваками. Я попробовал другой ход:

— Я выдам вам свидетельство. Уверен, что мясо у вас купят.

Это заверение криков радости не вызвало. Наоборот, лицо мистера Сидлоу стало еще более сумрачным.

— Бычок еще не готов для убоя, — прошептал он.

— Да, но вы отправили бы его на бойню через месяц, если не раньше. Я уверен, вы почти ничего не потеряете. И знаете что, — добавил я фальшиво-бодрым омерзительным тоном, — если бы мы прошли в дом, я бы сразу написал удостоверение, и больше никаких хлопот. Право же, ничего другого не остается.

Я повернулся и пошел через скотный двор к входу на кухню. Мистер Сидлоу последовал за мной с детьми. Никто не проронил ни слова.

Я быстро написал удостоверение, а вокруг меня в мертвой тишине плескались волны неодобрения. Складывая листок, я вдруг с пронзительной ясностью понял, что мистер Сидлоу проигнорирует мой совет, а подождет день-два, чтобы посмотреть, как все обернется. Мысль о том, как молодое могучее, ничего не понимающее животное тщетно пытается проглотить хоть что-нибудь, изнывая от голода и жажды, меня доконала. Я подошел к телефону на подоконнике.

— Я сейчас позвоню Гарри Норману на бойне. Я знаю, он сразу приедет, если я его попрошу. — Я договорился с Гарри, повесил трубку и пошел к двери со словами, обращенными к профилю мистера Сидлоу: — Все в порядке. Гарри подъедет через полчаса. Гораздо лучше сразу же с этим покончить.

Я шел через двор, подавляя желание припустить галопом. Сев в машину, я слишком поздно припомнил совет Зигфрида: «В щекотливых ситуациях обязательно разверните машину, прежде чем пойдете осматривать животное. В случае необходимости оставьте мотор включенным. Очень важно быть готовым исчезнуть мгновенно!» Как он был прав! Чтобы развернуть машину под перекрестным огнем невидимых глаз, потребовалась вечность. Я нелегко краснею, но когда ферма наконец осталась позади, мое лицо пылало.

Таков был мой первый визит к Сидлоу, и я молил Бога, чтобы он оказался последним. Но полоса везения кончилась. С этого дня всякий раз,

когда они вызывали нас, дежурным оказывался я. Говорить о том, что я там обнаруживал, мне не хочется, но обязательно что-нибудь непоправимое. Словно сама фамилия «Сидлоу» несла в себе проклятие. Как я ни старался, на этой ферме у меня ничего путного не выходило, а потому очень скоро ее обитатели пришли к убеждению, что никого опаснее меня для здоровья и жизни домашних животных им еще встречать не доводилось. Они вообще были о ветеринарах самого невысокого мнения — на их веку они насмотрелись на всяких, — но хуже меня и вообразить было невозможно.

Дошло до того, что, заметив издали кого-нибудь из Сидлоу в городе, я нырнул в ближайший переулок, лишь бы избежать встречи, а однажды на рыночной площади я испытал невероятный шок, когда лишь в нескольких футах от меня проехала вся семейка, каким-то образом втиснувшись в старую, правда большую, машину. Все лица были повернуты прямо вперед, но я знал, что все глаза злобно нацелены на меня. На мое счастье, я стоял как раз перед дверью «Гуртовщиков», так что, пошатываясь, укрылся внутри и восстановил иссякшие силы полпинтой крепкого шотландского пива.

Однако Сидлоу совсем не занимали моих мыслей в то субботнее утро, когда Зигфрид спросил, не соглашусь ли я заменить его на бротонских скачках.

— Они пригласили меня, потому что Грайер уехал отдыхать, — сказал он. — Но я обещал поехать в Скарборо помочь Детку Хенли со сложной операцией. И я не могу его подвести. Работа на ипподроме самая простая, а в случае чего тамошний ветеринар вам поможет.

Не прошло и нескольких минут после его отъезда, как позвонили с ипподрома: когда одну из лошадей выгружали из фургона, она упала и повредила колено. Не могу ли я приехать немедленно?

Я и сейчас мало что понимаю в скаковых лошадях; они образуют свой небольшой раздел ветеринарной науки. С собственными приоритетами, с собственными тайнами. За мое еще короткое пребывание в Дарроуби никакого касательства я к скаковым лошадям не имел. Зигфрид, подлинный лошадиный фанатик, обычно забирал себе все вызовы, касавшиеся их. А потому мой практический опыт в этой области был почти равен нулю.

И мне не стало легче, когда я увидел моего пациента. Колено выглядело ужасно. Конь споткнулся, сходя по пандусу, и всей тяжестью ударился о твердую землю. Кожа висела окровавленными лохмотьями, обнажив дюймов шесть капсулы, в разрывах фиброзного слоя поблескивали связки. Трехлетний красавец, дрожа, приподнимал поврежденную ногу, чуть касаясь земли кончиком копыта. Изуродованное

колени выглядело особенно жутко по контрасту с глянцевиной ухоженной шерстью.

Исследуя рану, осторожно ощупывая сустав, я благодарил Бога, что конь оказался очень спокойным. Некоторые скаковые лошади бывают настолько нервными, что взвиваются в воздух при малейшем прикосновении, но мой пациент не шелохнулся, пока я складывал воедино мозаику лоскутков кожи. Еще одна удача — ни один не оторвался совсем.

Я обернулся к старшему конюху, невысокому, коренастому. Он следил за мной, сунув руки в карманы куртки.

— Я обработаю рану и наложу швы, но когда вы отвезете его домой, им должен заняться специалист. Вы не скажете, кто его лечит?

— Да, сэр. Мистер Брейли-Рейнольдс. Он им всегда занимается.

Я выпрямился, словно меня ударили. Фамилия эта была точно трубный звук, донесшийся из моих студенческих дней. В любом разговоре о лошадях рано или поздно речь заходила о Брейли-Рейнольдсе. И я представил себе, как это светило рассматривает дело моих рук. «Кто, вы сказали, накладывал эти швы? Хэрриот?.. Хэрриот?..»

Снова за работу я принялся с колотящимся сердцем. К счастью, суставная капсула и связки не пострадали — ни капли синовиальной жидкости наружу не просочилось. Я обрабатывал дезинфицирующим раствором все уголки раны, пока землю вокруг меня не усеяли ватные тампоны будто пороша. Затем я распылил йодоформ и скрепил волокна фиброзного слоя. Теперь передо мной стояла задача так сшить кожу, чтобы никаких заметных следов повреждения не осталось. Я выбрал шелк потоньше и самую маленькую иглу, присел на корточки и начал сшивать.

Занимался я этим добрый час: тщательно совмещал лоскутки кожи и скреплял их бесчисленными крохотными швами. Есть особая прелесть в том, чтобы привести рваную рану в полный порядок, и я всегда занимался этим с большим тщанием, даже когда через мое плечо не наклонялся воображаемый Брейли-Рейнольдс. Когда я наконец распрямылся, то с большим трудом, медленно, точно старик, разгибая затекшую спину и шею. Колени у меня дрожали. Я посмотрел на старшего конюха, толком не соображая, кто это. Он улыбался.

— Ну, вы постарались, сэр! — сказал он. — Колени прямо как новое. Большое вам спасибо — он у меня особый, и не потому только, что резвый, а потому что добрый! — И он похлопал трехлетку по крупу.

— Ну, надеюсь, все обойдется, — сказал я, доставая марлевый бинт и эластичный. — Я сейчас забинтую колено стерильным бинтом, а вы сверху можете наложить обычную эластичную повязку. Сейчас сделаю ему

противостолбнячный укол, и все.

Я складывал инструменты в машину, когда рядом со мной возник старший конюх.

— Вы на лошадей ставите?

— Нет. — Я засмеялся. — Практически никогда. Я ничего в этом не понимаю.

— Неважно. — Он посмотрел по сторонам и понизил голос. — На сегодня я вам подскажу. Кемаль в первом заезде. Он один из наших и придет первым. Вы на нем хорошо подзаработаете.

— Ну, спасибо. Все-таки мне будет чем заняться. Поставлю полкроны. Лицо низенького конюха брезгливо скривилось.

— Да нет. Пять фунтов ставьте. Верняк. Голову прозакладываю. Только помалкивайте, а пятерку поставьте! — Он быстро удалился.

Не знаю, какое на меня нашло безумие, но к тому времени, когда я добрался до Дарроуби, решение было принято: я последую его совету. Было что-то гипнотическое в хриплом шепоте и в абсолютной уверенности, светившейся в черных глазах-камешках. Он хотел оказать мне услугу. Я заметил, как он посматривал на мой старый пиджак и мятые брюки, такие непохожие на щегольские костюмы ветеринаров, лечащих скаковых лошадей. Наверное, он подумал, что лишние деньги мне не повредят.

Я заехал в банк и взял пять фунтов — в то время примерно половину моих капиталов. Быстро съездил по оставшимся вызовам, еще быстрее пообедал и облачился в мой лучший костюм. До половины третьего, когда начнется первый заезд, у меня было вполне достаточно времени доехать до ипподрома, представиться администрации и поставить свою пятерку на Кемалья.

Телефон зазвонил, когда я уже шел к двери. Мистер Сидлоу. У его коровы понос, и ею надо заняться безотлагательно. Естественно, подумал я мрачно, в миг радостного предвкушения преследующий меня рок протянул костлявые пальцы и сцапал меня. Днем в субботу. Тоже естественно. Но потом я ободрился. От фермы до Бротона рукой подать, корова с расстройством желудка много времени не займет, и я успею на ипподром.

Моя элегантная внешность, едва я вылез из машины, вызвала кривой дождь взглядов собравшегося семейства, а плотно сжатые губы и прямая спина мистера Сидлоу свидетельствовали, что он готов мужественно выдержать еще один мой визит.

Когда мы вошли в коровник, по моему телу разлилось онемение. Оно нарастало по мере того, как мистер Сидлоу объяснял, как он боролся со все чаще повторяющейся диареей этой коровы в течение нескольких месяцев

— начал с того, что подмешивал толченую яичную скорлупу в жидкую овсянку, и постепенно добрался до самого сильного своего средства, медного купороса с настоем из одуванчиков, но все тщетно. Я его не слушал, потому что с одного взгляда было ясно, что у коровы паратуберкулезный энтерит.

Стопроцентной уверенности, конечно, быть не могло, но ужасающая худоба, особенно в крестце, и струйка пузырящейся вонючей жижи, прыснувшая из-под ее хвоста, когда я подходил к ней, были классическими симптомами. Инстинктивно я ухватил ее за хвост и ввел термометр в задний проход. Температура меня интересовала не очень, но так я получил пару минут на размышление.

Да только на сей раз я получил передышки не больше пяти секунд, потому что термометр внезапно вырвался из моих пальцев. Какое-то движение коровьих внутренностей всосало его в задний проход целиком. Я пошарил пальцами за сфинктером — ничего. Я ввел кисть целиком — и тоже без успеха. Ощущая нарастающую панику, я засучил рукав, но и более глубокие розыски результата не дали.

Оставалось одно. Мне пришлось попросить ведро горячей воды, мыло и полотенце, а затем раздеться, словно для операции первостепенной важности. На протяжении тридцати с лишним лет моей практики я много раз оказывался в дурацком положении, и моя память хранит большинство этих случаев, однако есть что-то невыносимо жгучее в воспоминании о том, как я, голый по пояс, в скрещении враждебных взглядов лихорадочно копаюсь внутри этой коровы. В тот момент я был способен думать о том, что нахожусь на ферме Сидлоу, а тут может произойти все, что угодно. В полном смятении я забыл и патологию и анатомию, мысленно следя, как стеклянная трубочка быстро-быстро скользит вверх по пищеварительному тракту, чтобы под конец вонзиться в какой-нибудь жизненно важный орган. И еще одна жуткая мысленная картина: я провожу полостную операцию, дабы извлечь из коровы мой термометр.

Трудно описать, какое сладостное облегчение я испытал, когда наконец-то мои пальцы сомкнулись на чертовой штуке. Я вытащил термометр, с которого капала зловонная жижа, и тупо уставился на шкалу.

Мистер Сидлоу откашлялся.

— Ну, так что он показывает-то? Есть у нее температура?

Я резко обернулся и пронзил его взглядом. Неужели этот человек способен шутить? Но смуглое лицо с узкой полоской губ не выражало ничего.

— Нет, — проямлил я. — Температуры у нее нет.

Остальная часть визита, к счастью, стерлась в моей памяти. Несомненно, я почистился и оделся и сказал мистеру Сидлоу, что у коровы паратуберкулезный энтерит — болезнь неизлечимая, но я возьму кал на анализ, чтобы окончательно убедиться. Все это очень туманно, но одно я знаю твердо: ни единого проблеска света или надежды.

Я покинул ферму, горбясь от сознания, что навлек на себя больше презрительного осуждения, чем обычно, и помчался в Бротон, всю дорогу вжимая педаль газа в пол. С ревом я въехал на специальную автостоянку у ипподрома, вихрем промчался через вход для владельцев и тренеров, а затем вцепился в рукав сторожа.

— Первый заезд? — еле прошептал я.

— Как раз кончился, — ответил он весело. — Выиграл Кемаль. Десять к одному.

Я повернулся и медленно направился к загону. Пятьдесят фунтов! Целое состояние, выхваченное у меня из-под носа жестокой судьбой. А над трагедией нависал мрачный призрак мистера Сидлоу. Я способен простить мистера Сидлоу, пришло мне в голову, за то, что он вытаскивает меня из дома в самое неподходящее время; я способен простить его за вызовы к бесчисленным обреченным животным, так что от моего самоуважения ничего не остается; я способен простить его за то, что он считает меня величайшим идиотом в Йоркшире и кричит об этом направо и налево. Но я никогда не прощу ему потерю этих пятидесяти фунтов!

Совет Тристана

— «Ренистон», да? — Я заерзал на стуле. — А не слишком круто?

Тристан скорее лежал, чем сидел в своем любимом кресле, и лицо его периодически скрывалось в клубах сигаретного дыма.

— Конечно, круто. Это самый роскошный отель вне Лондона, но для твоей задачи это единственное возможное место. Послушай, сегодня вечером тебе может выпасть твой главный шанс, так? Ты хочешь произвести впечатление на девушку, так? Так позвони ей и скажи, что приглашаешь ее в «Ренистон». Кухня там прекрасная, а по субботам — танцы. А сегодня — суббота. — Он резко сел, и глаза его раскрылись. — Ты только представь себе, Джим. Из тромбона Бенни Торнтон лется музыка, и ты, наевшись лобстеров по-французски, плывешь по паркету, а Хелен прижимается к тебе. Есть одна загвоздка: это будет стоить тебе кучу денег, но если ты готов истратить примерно двухнедельный заработок, то вечер будет прекрасным.

Я едва расслышал последнюю фразу, представив себе ослепительное зрелище в виде Хелен, прижимающейся ко мне. Оно затмевало такие вещи, как деньги, я стоял, разинув рот, и уже слышал звуки тромбона. Вполне отчетливо.

Тристан перебил меня.

— Да, и еще: а у тебя есть смокинг? Тебе понадобится.

— Я же не настолько богат, чтобы иметь вечерний костюм. Когда я ходил на прием к миссис Памфри, то брал костюм напрокат, но теперь у меня нет на это времени, — я сделал паузу и задумался. — У меня, правда, есть мой первый и единственный смокинг, но я купил его, когда мне было семнадцать, и не знаю, влезу ли в него сегодня.

Тристан жестом отклонил мои сомнения. Он затянулся сигаретой, впусив дым глубоко в легкие, и неохотно выпустил его клубами и кольцами, говоря мне:

— Это ничего не значит, Джим. Если на тебе соответствующий пиджак, тебя пропустят, а для такого большого симпатичного мальчика, как ты, костюм неважен.

Мы поднялись на второй этаж и достали смокинг со дна моего комода. Я щеголял в нем на танцах в колледже, и хотя к концу учебы он стал мне маловат, но представлял собой именно тот наряд, в котором можно было пойти вечером, и в этом своем качестве вызывал уважение.

Но теперь он производил жалкое впечатление и был старомоден. Сегодня все ходили в удобных пиджаках и мягких ненакрахмаленных сорочках. А этот был пошит в строгих традициях старой школы и включал в себя нелепую короткую жилетку с клапанами и плотную атласную сорочку со стоячим воротником.

Проблемы начались тогда, когда я попытался в него влезть. Тяжелая работа, чистый здешний воздух и хорошая кухня миссис Холл привели к тому, что мой размер увеличился и смокинг не сходился в талии сантиметров на пятнадцать. Видимо, я еще и вырос, потому что между тем местом, где кончалась жилетка, и началом брюк было довольно большое пространство. Сами брюки туго обтягивали ягодицы и дурачки висели мешком внизу.

Уверенность Тристана улетучилась, когда я прошелся взад-вперед мимо него, и он решил попросить помощи у миссис Холл. Она была женщиной спокойной и бесстрастно относилась к беспорядочной жизни в Скелдейл-хаусе, но когда она зашла в комнату и увидела меня, ее лицо исказила гримаса ужаса. Наконец она справилась со своей слабостью и заговорила деловым тоном.

— В задний шов на брюках вставим небольшой клинышек, мистер Хэрриот, смокинг стянем шелковым шнуром, и все будет прекрасно. Видите ли, вот тут есть пустое пространство, но пусть вас это не беспокоит. А в конце я как следует отутюжу, и все станет по-другому.

Мне никогда еще не приходилось женихаться, но в тот вечер я плотно поработал над собой, расчесывая и бриолиня волосы и примеряя пробор в разных местах, пока не остался доволен собой. Тристан, похоже, назначил себя церемониймейстером и заботливо принес мне на второй этаж костюм, еще хранивший тепло утюга миссис Холл. Затем он, как профессиональный дворецкий, помог мне надеть все принадлежности костюма. Больше всего неприятностей доставил воротник, и Тристан выслушал от меня несколько придушенных проклятий, пока сдавливал мою шею зажимом.

Когда я был окончательно экипирован, он обошел вокруг меня несколько раз, разглаживая материал и делая поправки то тут, то там.

Наконец он прекратил кружиться и осмотрел меня спереди. Я никогда не видел его таким серьезным.

— Прекрасно, Джим, прекрасно. Ты выглядишь исключительно здорово. Не каждый умеет носить смокинг, многие в нем выглядят клоунами, но не ты. Постой так минутку, я принесу твою пальто.

Я договорился с Хелен, что заеду за ней в семь, и, выбираясь в темноте из машины перед ее домом, я ощутил странное беспокойство. Мир

изменился. Когда я приезжал сюда как ветеринарный врач, я был специалистом, в услугах которого нуждались и который приехал, чтобы помочь в трудном положении. Мне и в голову не приходило, как сильно это влияло на мое поведение каждый раз, когда я приезжал на ферму. Теперь все было по-другому. Я пришел за дочерью этого мужчины. Ему это могло и не понравиться, он даже мог вознегодовать на это.

Остановившись перед дверью дома, я глубоко вздохнул. Ночь была очень темная и спокойная. Ветер не играл в кронах больших деревьев, росших рядом, и только отдаленный шум Дарроу нарушал тишину. Недавние сильные дожди превратили ленивую, спокойную речушку в бурный поток, который местами выходил из берегов и заливал соседние пастбища.

Младший брат Хелен провел меня на просторную кухню. Он прикрывал рот ладошкой, чтобы скрыть широкую улыбку. Он находил ситуацию забавной. Ее младшая сестра сидела за столом и делала уроки. Она также хотела притвориться, что целиком сосредоточена на своей работе и смотрит только в учебник, но и у нее на лице была та же ухмылка.

Мистер Олдерсон читал «Фермерское и племенное дело». Обувь он снял, а ноги в носках протянул к огню в камине. Он посмотрел на меня поверх очков.

«Проходите, молодой человек, и садитесь к огню», — сказал он безучастно. У меня сложилось впечатление, что ему наскучили частые визиты молодых людей к его старшей дочери.

Я сел с другой стороны камина, а мистер Олдерсон продолжил изучать «Фермерское и племенное дело». Тишину подчеркивало тяжелое тиканье больших часов на стене. Я смотрел на огонь в глубине камина, пока у меня не заболели глаза. Тогда я стал смотреть на большую картину в золотой раме, висевшую над каминной полкой. На ней был изображен какой-то лохматый скот, стоявший по колено в невероятно голубой воде, а за ним темным фоном возвышались страшные, невозможные горы, чьи вершины терялись в желтом тумане.

Отведя глаза, я стал переводить их с одного окошка на другой, они висели на крючьях под потолком. Мистер Олдерсон перевернул страницу. От стола доносился не-внятный шепот детей.

Прошел, наверное, год. Наконец я услышал шаги на лестнице, и в комнату вошла Хелен. Она была одета в голубое платье, такое — без бретелек. Похоже, они каким-то волшебством держатся на девушках. Ее темные волосы блестели в свете мощной керосиновой лампы — единственного источника света в кухне, который оттенял изгибы ее шеи и

плеч. Через одну из ее белых рук было перекинуто пальто из верблюжьей шерсти.

Я был ошарашен. Хелен казалась огромным брильянтом в грубой оправе из каменных плит и побеленных стен. Она спокойно и приветливо улыбнулась мне и подошла ближе. «Привет, я надеюсь, ты не слишком долго ждал».

Я что-то пробормотал в ответ и помог ей надеть пальто. Она подошла к отцу и поцеловала его в щеку, но он только рассеянно махнул рукой. За столом раздался очередной всплеск хихиканья. Мы вышли.

В машине я чувствовал себя необычайно скованно и первые два-три километра не мог выдавить из себя ничего, кроме нескольких слов о погоде, чтобы поддержать разговор. Я начал успокаиваться после того, как пересек небольшой горбатый мостик, за которым дорога уходила вниз. И вдруг машина внезапно остановилась. Двигатель чихнул, заглох, и мы остались в полной тишине и темноте. Но было и что-то еще: мои ступни и лодыжки вдруг ощутили сильный холод.

— О боже, — закричал я. — Мы въехали на затопленный участок дороги. В машину поступает вода. — Я посмотрел на Хелен. — Я очень извиняюсь. Ты, наверное, вымокла.

Но Хелен смеялась. Она подняла ноги на сиденье, и коленки оказались у нее под подбородком.

— Да, я немного промокла, но, наверное, не стоит сидеть сложа руки. Может быть, лучше вытолкнуть машину на сухое место?

Прогулка по черной ледяной воде была самым настоящим кошмаром, но другого выхода не было. Хорошо, что машина была небольшая, и мы смогли вытолкнуть ее из потока своими силами. Затем я высушил свечи при свете фонарика, и двигатель завелся.

Когда мы снова сели в машину, Хелен дрожала от холода.

— Боюсь, мне нужно вернуться, чтобы сменить туфли и чулки. Да и тебе тоже. Тут есть другая дорога — через Фенсли. Надо будет на первом перекрестке повернуть налево.

Мы вернулись на ферму, где мистер Олдерсон все еще читал «Фермерское и племенное хозяйство», водя пальцем по таблицам с ценами на свиней. Он посмотрел на меня сердитым взглядом. Когда мистер Олдерсон узнал, что я вернулся, чтобы одолжить у него пару его туфель и носков, он с досадою бросил газету и, ворча, поднялся со стула. Затем зашаркал к выходу из комнаты, и я слышал, как он ворчит, поднимаясь по лестнице.

Хелен пошла за ним, а меня оставили с детьми. Они внимательно и с

нескрываемой радостью рассматривали мои мокрые брюки. Я отжал воду, но результат приключения был налицо. Такая острая, что можно обрезать, стрелка, сделанная миссис Холл, теперь спускалась чуть ниже колена, но дальше было черт знает что. На этом месте брюки расходились клешами, превращаясь в бесформенную жеваную массу. Я протянул ноги к огню, и от них стал подниматься парок. Дети смотрели на меня широко раскрытыми глазами, и на лицах у них было выражение счастья. Было видно, что у них сегодня — великий вечер.

Наконец появился мистер Олдерсон и бросил к моим ногам пару каких-то туфель и грубых носков. Я быстро натянул носки, но вздрогнул, когда увидел туфли. Это были старомодные легкие бальные туфли начала века, и их потрескавшаяся кожа заканчивалась на кончиках черными шелковыми носами.

Я открыл было рот, чтобы возразить, но мистер Олдерсон уже глубоко погрузился в свое кресло и вернулся к прејскуранту на свиней. У меня было такое чувство, что, если бы я попросил у него другую пару, он ударил бы меня кочергой. Пришлось надеть эти.

Мы поехали в объезд, чтобы снова не попасть в поток, но я жал на газ, и через полчаса мы покинули холмы и направлялись в долину. Я почувствовал себя легче. Мы успевали вовремя, а автомобильчик, трясясь и скрипя, ехал хорошо. Я уже начал было подумывать, что мы не опоздаем, как вдруг рулевое колесо потянуло в сторону.

Я прокалывал колеса почти каждый день и сразу догадался, что случилось. Я уже выучился менять колеса не хуже автомеханика и, извинившись перед Хелен, молнией выскочил из машины. Я быстро орудовал ржавыми болтами и гайками и снял колесо за три минуты. Поверхность покрышки была гладкой, за исключением нескольких мест, где она протёрлась до корда. Работая как черт, я прикрутил запаску, внутренне поживаясь, поскольку и ее покрышка была в таком же состоянии. Я решительно отмел мысль о том, что мне делать, если потрепанная резина не выстоит в борьбе с дорогой.

Днем «Ренистон» возвышался над Бротоном как огромная средневековая крепость, а на всех его четырех башнях неизменно развевались яркие флаги. Но сегодня вечером он напоминал черный утес с ярко освещенной пещерой в основании на уровне улицы, по которой катили роскошные «Бентли» со своим дорогим грузом на борту. Я не стал подъезжать к парадному крыльцу, а тихо припарковался в дальнем углу стоянки. Величественный швейцар открыл нам дверь, и мы бесшумно зашагали по толстому ковру холла.

Здесь мы расстались, чтобы избавиться от верхней одежды, и в мужском гардеробе я тщательно расчесал набриолиненные волосы. Правда, это не помогло, смена колеса в дороге обеспечила мне черный траур под ногтями, который не поддавался мылу и воде. А Хелен уже ждала меня.

Я посмотрел в зеркало на служителя в белом кителе, стоявшего у меня за спиной с полотенцем. Он явно был поражен моим костюмом и не отводил глаз от моих клоунских туфель и мятых брючин. Подавая полотенце, он улыбнулся будто в благодарность мне за дополнительное разнообразие в его жизни.

Я встретился с Хелен в холле, и мы подошли к распорядителю.

— А когда начинаются танцы? — спросил я.

Девушка за стойкой с удивлением посмотрела на меня.

— Извините, сэр, сегодня танцев не будет. Мы устраиваем их через субботу, раз в две недели.

Я уныло повернулся к Хелен, но она одобрительно улыбнулась мне.

— Неважно, — сказала она, — мне все равно, чем мы будем заниматься.

— Тогда давай хотя бы пообедаем, — предложил я.

Я старался говорить бодро, но небольшое черное облачко уже начинало собираться у меня над головой. Хоть что-нибудь сегодня получится нормально? Я поникал духом, шагая по пышному ковру, и даже первый в жизни вход в зал ресторана не облегчал мою душу.

Он был огромен, как футбольное поле, с массивными мраморными колоннами, поддерживавшими резной расписной потолок. «Ренистон» был построен в конце викторианской эры, и все очарование и вся роскошь тех дней воплотились в нем. Большинство столиков были заняты привычными клиентами, представлявшими собой местную аристократию и промышленников из Западного Райдинга. Я никогда не видел такого количества красивых женщин и властных мужчин под одной крышей и с некоторой тревогой заметил, что мужчины были одеты во что угодно: от костюмов до мохнатых твидовых пиджаков, но смокингов не было больше ни у кого.

К нам подошла величественная фигура с белой бабочкой и во фраке. Со своей гривой седых волос, нависавшей над бровями, мощной талией, орлиным носом и высокомерным выражением на лице он напоминал римского императора. Его глаза понимающе осмотрели меня, и он бесстрастно спросил:

— Нужен столик?

— Да, пожалуйста, — пробормотал я, чуть не назвав его «сэром» в

ответ. — Столик на двоих.

— Вы остаетесь, сэр? — спросил он.

Вопрос озадачил меня. Как же я смогу пообедать, если не останусь?

— Да, остаюсь.

Император сделал пометку в своей книжечке.

— Сюда, пожалуйста.

Он с огромным достоинством двинулся между столиками, а мы с Хелен робко следовали в его кильватере. Идти до столика было далеко, и я пытался игнорировать поворачивающиеся в мою сторону головы, пытавшиеся разглядеть меня получше. Больше всего меня беспокоил клин, который вшила миссис Холл, мне казалось, он светится сзади, как фонарь, который открывает короткий пиджак. Он буквально жег огнем мои ягодицы, когда мы прибыли на место.

Столик стоял в уютном месте, и нас окружил рой официантов; они отодвинули стулья, посадили нас, встряхнули салфетки и положили их нам на колени. Когда они исчезли, император вновь принялся за дело. Он занес карандаш над своим блокнотом.

— Могу я узнать, в каком номере вы остановились?

Я с трудом сглотнул и уставился на него из моей опасно натянувшейся рубашки.

— Какой номер? Я не живу в гостинице.

— Ах, вот как, вы не остаетесь!

Он окинул меня взглядом, в котором светилось ледяное презрение, и что-то с ненужной силой вычеркнул из своей книжечки. Затем шепнул что-то официантам и зашагал прочь.

И вот тогда меня охватило чувство обреченности. Черное облако над моей головой сгустилось и опустилось на меня, покрыв плотной тучей страданий. Вечер превращался в катастрофу, но дела, возможно, могли быть еще хуже. Я, видимо, рехнулся, когда пришел в такое шикарное место, вырядившись как уличный комедиант. Мне было адски жарко в этом отвратительном костюме, а застежка воротника злобно впивалась в шею.

Я взял у официанта меню и пытался держать его так, чтобы он не видел траур под моими ногтями. Все было написано по-французски, в котором я бессилён, и слова по большей части ничего не значили для меня, однако мне все же удалось заказать мясо, и, пока мы ели, я пытался завязать разговор. Но паузы, заполненные пустотой, становились все длиннее, и казалось, только мы с Хелен храним молчание, когда все вокруг смеются и беседуют.

Хуже всего было то, что какой-то внутренний голос твердил мне, что

на самом деле Хелен не хотела никуда идти со мной и согласилась только из вежливости, а теперь ждет не дождется, когда же закончится скучный вечер.

Возвращение домой стало полной катастрофой. Мы тупо смотрели вперед на освещаемую фарами дорогу, которая петляла между холмов. Мы обменивались случайными словами, но потом снова воцарялось напряженное молчание. К тому времени, когда мы подъехали к ферме, у меня разболелась голова.

Мы обменялись рукопожатиями, и Хелен поблагодарила меня за приятный вечер. Ее голос дрожал, а освещенное лунным светом лицо выглядело взволнованным и потерянным. Я пожелал ей доброй ночи, сел в машину и уехал прочь.

Слабые тормоза

Если бы у моей машины имелись тормоза, то, конечно, я упоенно любовался бы видом на деревушку Уортон с плоской вершины холма. Старинные каменные домики, прихотливо разбросанные вдоль речки, создавали приятный серый узор на зеленом дне долины, а подстриженные газоны в садиках смягчали суровость крутых голых склонов по ту сторону долины.

Но живописность этой картины портилась мыслью, что вот сейчас я начну спускаться под уклон по дороге, а там меня подстерегают два поворота почти под прямым углом. С того места, где я стоял, дорога эта смахивала на коварную змею, извивающуюся чуть ли не по отвесной стене. А, как я уже упомянул, у моей машины отсутствовали тормоза.

Разумеется, первоначально автомобиль был снабжен этим приспособлением, предназначенным останавливать его, и в течение почти года, как я на нем ездил, яростное вдавливание педали в пол достигало желанной цели, хотя при этом машина и елозила по дороге. Но последнее время тормоза отзывались на мои настояния все слабее, а теперь и вовсе отказали.

Во время постепенного их захирения я несколько раз доводил это обстоятельство до сведения Зигфрида, и он сочувственно принимал его к сердцу.

— Так не годится, Джеймс! Я поговорю об этом с Хэммондом. Предоставьте это мне.

И через несколько дней, когда я снова воззвал к нему:

— О Господи! Ну разумеется. Я же собирался договориться с Хэммондом! Не волнуйтесь, Джеймс. Я этим займусь.

Наконец я был вынужден сообщить ему, что, как я ни жму на педаль, толку никакого и у меня есть только один способ остановить машину: внезапно поставить первую передачу.

— Скверно, скверно, Джеймс. Такая незадача для вас. Но ничего, я все устрою.

Некоторое время спустя я спросил мистера Хэммонда, заехав к нему в гараж, не договаривался ли с ним Зигфрид. Нет-нет. Однако механик забрался в машину и медленно покатил по улице. Ярдов через пятьдесят машина бешено дернулась, затряслась всем кузовом и остановилась. Он вылез, даже не попытавшись вернуться на ней, и задумчиво направился ко

мне пешком. Это был на редкость невозмутимый человек, но теперь он заметно побледнел и уставился на меня широко открытыми глазами.

— И ты, малый, едешь по всем своим вызовам на этом вот драндулете?

— Ну да.

— Так тебе медаль положена за храбрость. Да я на этой чертовой развалине побоялся бы и через площадь проехать!

Но что я мог сделать? Машина принадлежала Зигфриду, и мне оставалось лишь ждать, когда он соблаговолит о ней вспомнить. Конечно, я кое-что уже вкусил в этом плане с подвижным передним пассажирским сиденьем его собственного автомобиля, когда только что приехал в Дарроуби. Он, казалось, ни разу не заметил, что стоило мне опуститься на это сиденье, как я опрокидывался на заднее. И наверное, он так и не привел бы его в порядок, если бы в один прекрасный рыночный день не нагнал бы старушку, которая брела в Дарроуби с большой корзиной овощей, и любезно не предложил бы ее подвезти.

— Ноги бедняжки взвились к потолку, и она провалилась куда-то назад. Еле извлек ее оттуда, думал уже, что понадобится лебедка, а повсюду вокруг кочаны капусты так и катаются.

Я снова поглядел на крутой спуск. Разумнее, конечно, было бы вернуться в Дарроуби и отправиться в Уортон нижней дорогой. Вполне безопасной. Но это означало крюк почти в десять миль, а маленькая усадьба, куда я направляюсь, вот же она, прямо передо мной, хотя и ниже на тысячу футов. Теленок с воспалением суставов вон в той сараюшке с зеленой дверью. А вот из дома вышел старый мистер Робинсон и семенит через двор с ведром. Казалось, стоит протянуть руку, и я до него дотронусь.

Я подумал (и не в первый раз), что если уж ты должен ездить на машине без тормозов, то в Англии наименее подходящее для этого место — йоркширские холмы. Даже на ровной дороге это было достаточно скверно, хотя через неделю-другую я попривык и часто попросту забывал про вышедшие из строя тормоза. Например, в тот день, когда я возился с коровой, а ее хозяин прыгнул в мою машину, чтобы открыть путь работнику на тракторе. Я даже слова не сказал, когда ничего не подозревающий фермер, быстро и уверенно давший задний ход, с душенадрывающим треском ударил задним бампером в стенку сарая. С типичным йоркширским преуменьшением он сказал только:

— Тормоза у вас, мистер, что-то слабоваты.

Как бы то ни было, а мне предстояло сделать выбор. Назад в Дарроуби или с гребня вниз? Ситуация уже стала привычной. Каждый день я вот так

сидел у края вершины и спорил с собой под стук моего сердца, колотившегося и сейчас. В зеленом безмолвии холмов, наверное, разыгрывались десятки этих драм без свидетелей. Наконец я включил мотор и поступил так, как поступал всегда, — выбрал короткий путь вниз.

Но этот холм был тем еще, и дорога пользовалась дурной славой даже в этом краю; едва я осторожненько съехал на нее, как мир словно провалился передо мной. Поставив первую передачу, судорожно сжимая рычаг, я спускался с пересохшим ртом по полоске асфальта, которая теперь казалась почти вертикальной.

Поразительно, какую скорость можно набрать на первой передаче, если ничто больше не мешает машине катиться вниз, и когда первый поворот ринулся мне навстречу, маленький мотор протестующе завыл на восходящей ноте. У поворота я отчаянно повернул баранку вправо, секунду колеса разбрасывали камешки и рыхлую землю на самом краю обрыва, а потом мы вновь устремились вниз.

Прямой участок земли был тут длиннее и еще более крутым. Попытка вписаться в поворот на такой скорости была чистейшим безумием, но либо это, либо слететь по прямой с обрыва. Парализованный ужасом, я закрыл глаза и повернул баранку влево. На этот раз машина накренилась набок, и я не сомневался, что она навсегда распрощалась с дорогой, но тут задравшиеся колеса опустились на асфальт, и она накренилась в другую сторону, потом повторила то же самое в течение кошмарной секунды и наконец решила остаться на четырех колесах, так что я продолжил путь. И вновь крутой спуск. Машина ринулась вниз под завывание мотора, но мной овладела странная апатия. Казалось, я исчерпал все запасы страха и почти не заметил, как третий поворот остался позади. Еще один — и дорога наконец обрела горизонтальность; я стремительно потерял скорость, и перед последним поворотом она не превышала двадцати миль в час. Победа осталась за мной!

И только оказавшись на последней прямой, я увидел овец. Сотни их трусили по дороге. Река курчавых спин занимала ее от стенки и до стенки. До них оставались какие-то ярды, а я все еще ехал под уклон, пусть и еле заметный. Без колебаний я повернул и въехал в стенку.

Все словно бы обошлось без особых повреждений. Не-сколько камней сползли на дерн, мотор заглох, и воцарилась тишина.

Я медленно откинулся на спинку сиденья, расслабляя стиснутые челюсти, разгибая один за другим пальцы, мертвой хваткой сжимавшие баранку. Овцы текли мимо, и я искоса поглядел на их пастуха. Я видел его впервые и вознес мысленную молитву, чтобы он меня не узнал. В эту

минуту наиболее желательной мне представлялась роль никому не известного обитателя сумасшедшего дома. Лучше ничего не объяснять. Появиться из-за поворота и сознательно уткнуться в стенку — нет, это не материал для поучительной беседы.

Овцы все шли и шли мимо, и я услышал, как пастух окликает своих собак:

— Пошевеливайся, Джесс! Сюда, Нелл!

Но я упрямо смотрел на слои плоских камней передо мной, хотя он прошел совсем рядом с машиной.

Полагаю, что многие люди обязательно бы осведомились, какого черта все это означает, но только не овечий пастух в йоркширских холмах. Он же спокойно миновал меня, уважая мое желание побыть одному, однако когда я несколько секунд спустя посмотрел в зеркало заднего вида, то заметил, что он стоит на середине дороги и глядит на нас с машиной, временно позабыв про овец.

Мой безтормозной период четко запечатлелся у меня в памяти. Годы и годы он оставался в ней поразительно ясным. Наверное, длился он парусную неделю, но мог бы продолжаться до бесконечности, если бы сам Зигфрид не оказался за рулем моей машины.

Случилось это, когда Мы должны были поехать на вызов вдвоем, и по какой-то причине он решил воспользоваться моей машиной и вести ее сам. Я тревожно скорчился рядом с ним, и он, по обыкновению, лихо рванул с места.

Ферма Хинчклифа лежит примерно в миле от Дарроуби прямо у шоссе. Очень внушительная ферма с широкой подъездной дорогой, ведущей к дому, прямой как стрела. Ехали мы не туда, но Зигфрид повел машину на полной скорости, и вдруг я увидел впереди большой «бьюик» мистера Хинчклифа, движущийся с солидной неторопливостью. Зигфрид пошел на обгон, и тут фермер, высунув руку в окошко, начал поворачивать к въезду на свою ферму. Прямо наперерез нам. Нога Зигфрида впечаталась в тормозную педаль, и его брови взлетели к волосам, поскольку не произошло ровно ничего. Мы устремились прямо на «бьюик», и объехать его слева возможности не было.

Зигфрид не утратил хладнокровия. В последний момент он свернул вправо вместе с «бьюиком», и обе машины, ревя, понеслись бок о бок по подъездной дороге. Мистер Хинчклиф смотрел на меня выпученными глазами с очень близкого расстояния. Фермер остановился во дворе, но мы унеслись за дом, так как ничего другого нам не оставалось.

К счастью, дом можно было объехать кругом, и мы выехали из-за угла

позади мистера Хинчклифа, который заглядывал за другой угол, чтобы выяснить, куда мы отправились. Фермер повернулся на каблуках в полном ошеломлении и с разинутым ртом следил, как мы проезжаем мимо. Но Зигфрид, сохраняя апломб до конца, вежливо кивнул и помахал рукой, прежде чем свернуть на подъездную дорогу.

Перед тем как мы выехали на шоссе, я оглянулся на мистера Хинчклифа. Он смотрел нам вслед, и в его позе была некоторая окостенелость, которая напомнила мне того пастуха с овцами.

С шоссе Зигфрид аккуратно съехал на площадку для отдыха и остановился. Несколько секунд он смотрел прямо перед собой, храня молчание. И я понял, что у него не совсем получается принять свой исполненный терпения вид. Но когда он наконец повернулся ко мне, его лицо преобразилось и почти излучало святость.

Я впился ногтями в ладони, а он ласково мне улыбнулся.

— Право, Джеймс, — сказал он, — я не понимаю вашей скрытности. Бог знает, сколько времени ваша машина находится в таком состоянии, а вы и словом не обмолвились. — Он поднял палец, и терпеливое выражение сменилось на огорченное. — Неужели вы не понимаете, что мы могли бы погибнуть? Нет, право же, вам следовало сказать мне!?

Схватка с немецким догом

Казалось бы, миллионеру нет смысла заполнять купоны футбольного тотализатора, но в жизни Гаролда Денема этому занятию отводилось одно из главных мест. И оно скрепило наше знакомство, так как Гаролд, несмотря на любовь ко всяческим тотализаторам, в футболе не смыслил ровно ничего, ни разу не побывал ни на одном матче и не мог бы назвать ни единого игрока высшей лиги. Вот почему, когда он обнаружил, что я со знанием дела рассуждаю об играх даже самых захудалых команд, уважение, с которым он всегда ко мне относился, превратилось в почтительное благоговение.

Познакомили нас, разумеется, его любимцы и питомцы. У него было множество всевозможных собак, кошек, кроликов, птичек и золотых рыбок, а потому я, естественно, стал частым гостем на пыльной вилле, викторианские башенки которой, встававшие над зеленью парка, были видны из самых разных мест в окрестностях Дарроуби. Вначале мои визиты словно бы носили самый обычный характер — то фокстерьер поранил лапу, то старую серую кошку беспокоил ее ринит, — но затем меня стали одолевать сомнения. Слишком уж часто он вызывал меня по средам, когда подходил срок отсылки купонов, а недомогание очередного четвероногого или пернатого оказывалось настолько пустяковым, что у меня волей-неволей возникло подозрение, не находится ли животное в полном здравии и не нуждается ли Гаролд в консультации для своих ответов.

В тот день, о котором пойдет речь, он попросил меня посмотреть суку немецкого дога, которая только что ощенилась и выглядела не очень хорошо. Случилось это не в среду, а потому я решил, что с ней, пожалуй, действительно приключилось что-нибудь серьезное, и поспешил туда. Гаролд, как обычно, заговорил со мной на любимую тему — у него был чрезвычайно приятный голос, звучный, выразительный, неторопливый, как у проповедующего епископа, и я в сотый раз подумал, что названия футбольных команд, произносимые словно с церковной кафедры под аккорды органа, производят удивительно комичное впечатление.

— Не могу ли я попросить у вас совета, мистер Хэрриот? — начал он, когда мы прошли через кухню в длинный, плохо освещенный коридор. — Я пытаюсь решить, кого следует прогнозировать как победителя: «Сандерленд» или «Астон-Виллу»?

Я остановился и изобразил глубокую задумчивость, а Гаролд уставился на меня в тревожном ожидании.

— Как бы вам сказать, мистер Денем, — произнес я внушительно. — «Сандерленд» имеет хорошие шансы, но мне из верных источников известно, что тетушка Рейча Картера прихворнула, и это может оказать влияние на его игру в субботу.

Гаролд уныло закивал головой, потом поглядел на меня внимательнее и захохотал.

— Мистер Хэрриот, мистер Хэрриот, вы опять надо мной подшучиваете! — Он пожал мой локоть и пошел дальше, басисто посмеиваясь.

Покружив по настоящему лабиринту темных, затянутых паутиной коридоров, мы наконец добрались до маленькой охотничьей комнаты, где на низеньком деревянном помосте лежала моя пациентка. Я тотчас узнал в ней могучего немецкого дога, которого видел несколько раз во дворе во время моих предыдущих визитов. Лечить мне ее еще не приходилось, но ее присутствие здесь нанесло смертельный удар одной из моих новейших теорий — что больших собак в больших особняках не встретишь. Сколько раз я наблюдал, как из крохотных домишек на задних улицах Дарроуби пулей вылетают бульмастифы, немецкие овчарки и бобтейли, волоча на поводке своих беспомощных владельцев, тогда как в парадных гостиных и в садах богатых особняков мне встречались только самые мелкие из терьеров. Но, конечно, Гаролд во всем был оригиналом.?

Он погладил суку по голове.

— Она оценилась вчера, и выделения у нее подозрительно темные. Ест она хорошо, но все-таки мне бы хотелось, чтобы вы ее осмотрели.

Доги, как большинство крупных собак, обычно отличаются флегматичностью, и, пока я измерял ей температуру, сука даже не пошевелилась. Она лежала на боку и блаженно прислушивалась к писку своих слепых щенят, которые влезали друг на друга, добираясь до набухших сосков.

— Да, температура у нее немного повышенная и выделения действительно нехорошие. — Я осторожно ощупал длинную впадину на боку. — Не думаю, чтобы там остался щенок, но все-таки лучше проверить. Не могли бы вы принести мне теплой воды, мыло и полотенце?

Когда дверь за Гаролдом закрылась, я лениво оглядел охотничью. Она была немногим больше чулана и вопреки названию в ней никакого охотничьего снаряжения и оружия не хранилось, так как Гаролд принципиально не признавал охоты. В стеклянных шкафах покоились

только старые переплетенные комплекты журналов «Блэквудс мэгэзин» и «Кантри лайф». Я простоял так минут десять, недоумеваю, куда пропал Гаролд, а потом повернулся и начал рассматривать старинную гравюру на стене. Естественно, она изображала охоту, и я задумался над тем, почему на них так часто изображены лошади, переносящиеся через ручей, и почему у этих лошадей обязательно такие невозможно длинные ноги, как вдруг позади меня послышался легкий рык — утробный рокот, негромкий, но угрожающий.

Я оглянулся и увидел, что сука очень медленно поднимается со своего ложа — не так, как обычно встают собаки, но словно ее поднимают на невидимых стропах, перекинутых через блоки в потолке: ноги выпрямлялись почти незаметно, тело было напряжено, шерсть вздыбилась. Все это время она не сводила с меня немигающего свирепого взгляда, и впервые в жизни я понял смысл выражения «горящие глаза». Нечто похожее мне прежде довелось увидеть только однажды — на потрепанной обложке «Собаки Баскервилей». Тогда я подумал, что художник безбожно нафантазировал, но вот теперь на меня были устремлены два глаза, пылающие точно таким же желтым огнем.

Конечно, она решила, что я подбираюсь к ее щенкам. Ведь хозяин ушел, а этот чужак тихо стоит в углу и явно замышляет что-то недоброе. Одно было несомненно: еще две-три секунды, и она бросится на меня. Я благословил судьбу, что совершенно случайно оказался почти рядом с дверью. Осторожно, дюйм за дюймом, я продвинул левую руку к дверной ручке, а собака все еще поднималась с той же ужасной медлительностью, с тем же утробным ворчанием. Я уже почти коснулся ручки и тут совершил роковую ошибку — поспешно за нее схватился. Едва мои пальцы сжали металл, собака взвилась над помостом, как ракета, и ее зубы сомкнулись на моем запястье.

Я ударил ее правым кулаком по голове, она выпустила мою руку и тут же вцепилась мне в левую ногу выше колена. Я испустил пронзительный вопль, и уж не знаю, что было бы со мной дальше, если бы я не наткнулся на единственный стул в этой комнате. Он был старый, расшатанный, но он меня спас. Когда собаке словно бы надоело грызть мою ногу и она внезапно прыгнула, целясь мне в лицо, я схватил стул и отбил ее атаку.

Дальнейшее мое пребывание в охотничьей превратилось в пародию на номер укротителя львов и, несомненно, выглядело все это очень смешно. По правде говоря, я с тех не раз жалел, что эпизод не мог быть запечатлен на киноплёнке, но в те минуты, когда чудовищная собака кружила передо мной в тесной комнатухе, а у меня по ноге струилась кровь и обороняться

я мог только ветхим стулом, мне было совсем не до смеха. В ее атаках чувствовалась свирепая решимость, и ее жуткие глаза ни на миг не отрывались от моего лица.

Щенки, рассерженные внезапным исчезновением восхитительного источника тепла и питания, все девятеро слепо ползали по помосту и что есть мочи возмущенно пищали. Их вопли только подстегивали мать, и чем громче становился писк, тем яростнее стремилась она расправиться со мной. Каждые несколько секунд она бросалась на меня, а я отскакивал и тыкал в нее стулом в стиле лучших цирковых традиций. Один раз ей, несмотря на стул, удалось прижать меня к стене. Когда она поднялась на задние ноги, ее голова оказалась почти на уровне моей, и я с неприятно близкого расстояния мог полюбоваться лязгающими зубами страшной пасти.

А главное — мой стул начинал разваливаться. Собака уже без особого усилия обломилась две ножки, и я старался не думать о том, что произойдет, когда он окончательно разлетится на части. Но я отвоевывал путь назад к двери, и, когда уперся спиной в ее ручку, настал момент для решающих действий. Я издал последний устрашающий крик, швырнул в собаку остатками стула и выскочил в коридор. Захлопнув дверь и прижавшись к ней спиной, я почувствовал, как она вся содрогнулась от ударившегося о нее огромного тела.

Я опустился на пол у стены, засучил штанину и начал рассматривать свои раны, и тут поперек дальнего конца коридора проследовал Гаролд с дымящимся тазом в руках и с полотенцем через плечо. Теперь я понял, почему он так задержался: все это время он кружил по коридорам, — возможно, попросту заблудившись в собственном доме, но, скорее, взвешивая, какую команду назвать в качестве победителя.

В Скелдейл-хаусе мне пришлось вытерпеть немало на-смешливых замечаний по адресу моей новой моряцкой походки, но когда Зигфрид в спальне осмотрел мою ногу, улыбка сползла с его лица.

— Еще бы дюйм, черт побери! — Он тихо присвистнул. — Знаете, Джеймс, мы часто шутим, как нас в один прекрасный день обработает разъяренный пес. Ну так вот, мой милый, вы чуть было не испытали это на собственном опыте!

Вторая зима в Дарроуби

Это была уже вторая моя зима в Дарроуби, а потому я не испытал особого потрясения, когда наступила она в ноябре. Если на равнине моросил дождь, то холмы на несколько часов окутало белое одеяло — накрыло дороги, заровняло привычные ориентиры, преобразило наш мирок в нечто новое и необычное. Вот что в сводках погоды по радио подразумевалось под сообщением «снег на высотах».

Когда же снег повалил всерьез, на всем крае словно затянули удавку. Машины еле ползли между валами, которые нагромождали снегоочистители. Херн-Фелл нависал над Дарроуби, будто сверкающий белый кит, а в городе люди прокапывали ходы к своим калиткам и убирали сугробы от дверей. Делали они это с полным спокойствием, рожденным привычкой и сознанием, что, возможно, на следующий день им снова придется взять лопаты в руки.

Каждый новый снегопад наносил очередной удар по ветеринарам. Мы умудрялись добираться до места по вызовам, хотя и не всегда, но ценой многих трудов и пота. Иногда нам улыбалось счастье: мы пристраивались в хвост снегоочистителя, но куда чаще мы проезжали на машине, сколько удавалось, а дальше брели пешком.

Мистер Клейтон из Пайк-хауса позвонил наутро после снегопада, продолжавшегося всю ночь.

— У теленка из носу льет, — сказал он. — Так приедете?

Чтобы добраться до его фермы, требовалось перевалить через Пайк-Эдж, а потом спуститься в долину. Летом ехать туда было одно удовольствие, но теперь я засомневался.

— А как с дорогой? — спросил я.

— С дорогой? С дорогой? — отозвался мистер Клейтон с типичной небрежностью. Фермеры в наиболее трудно-достижимых местах всегда отмахивались от таких вопросов. — Дорога-то — ничего дорога. Поезжайте осторожненько, так и доберетесь без всяких хлопот.

Зигфрид этой уверенности не разделял.

— Через гребень вам наверняка придется идти пешком. И неизвестно, расчищено ли шоссе внизу. Так что решайте сами.

— Во всяком случае, попытаюсь. Утром у меня ничего нет, так разомнусь немного.

Во дворе я увидел, что старик Бордман, как всегда незаметно,

потрудился на славу. Откопал ворота гаража и проложил машинам путь на улицу. Я уложил все, что, по моему мнению, могло мне потребоваться, в небольшой рюкзак — откашливающую микстуру, банку с электуарием, шприц и несколько ампул с противовоспалительной сывороткой. Затем я бросил на заднее сиденье самый важный предмет моей зимней экипировки — широкий совок, и тронулся в путь.

Магистральные шоссе уже были расчищены снегоочистителями, которые громыхали мимо Скелдейл-хауса еще до рассвета, снег намерз на поверхности, и я ехал медленно, трясясь на неровностях. До фермы мистера Клейтона было больше десяти миль, а день был из тех, когда на ветровом стекле нарастает густой иней, за какие-то минуты делая его абсолютно матовым. Но в это утро я торжествовал над ним победу, ибо только что обзавелся замечательным новым изобретением: двумя бакелитовыми планками с проволочками. Они крепились к ветровому стеклу резиновыми присосками, работали от аккумуляторов и оттаивали небольшие окошечки.

Больше мне не требовалось устало вылезать из машины каждые полмили, чтобы выскрести замерзшее стекло. Я с наслаждением смотрел вперед через два безупречно чистых полукружья шириной около восьми дюймов и любовался пейзажами, развертывающимися передо мной словно на киноэкране. Серые каменные деревенские дома, безмолвные, скрытые под пушистыми белыми накидками; гнущиеся под бременем снега ветви придорожных деревьев.

Я так упивался всем этим, что не сразу заметил, как заныли пальцы на ногах. В дни до появления в автомобилях отопителей замерзающие ноги были правилом, особенно потому, что сквозь дырки в полу можно было видеть, как внизу мелькает асфальт. К концу долгих поездок ноги причиняли мне нестерпимые мучения. То же произошло и теперь, когда я вылез из машины у подножия Пайк-Эджа. Отчаянно ныли и пальцы на руках. Чтобы согреться, я притопывал ногами и похлопывал руками бока.

Снегоочистители даже не попытались расчистить боковую дорогу, уводившую вверх, а затем спускавшуюся в долину за гребнем. Заполнявшая ее от стенки до стенки начинка кремового оттенка недвусмысленно объявляла: «Пути наверх тебе здесь нет!» Эта равнодушная категоричность была мне так знакома! Но даже расстроившись, я с обычным восхищением созерцал творения ветра, созданные за ночь, — безупречно ровные волнистые складки, переходящие в тончайшие сужения, глубокие ложбины с краями, как будто обрезанными бритвой, уходящие в небо обрывы с почти прозрачными, словно

кружевными карнизами.

Вскинув на спину рюкзак, я почувствовал радостное возбуждение. Кожаная куртка застегнута до самого горла, ноги внутри резиновых сапог облачены в две пары теплых носков — я был готов для любых испытаний. Конечно, мне чудилось, что в образе преданного своей профессии молодого ветеринара, преодолевающего с магическими панацеями на спине все препятствия, чтобы спасти беспомощное животное, есть нечто доблестное, эдакая благородная лихая смелость.

Я постоял, глядя на холм, с холодной четкостью вздымавшийся к сумрачному небу. Замерзшую речку, луга, неподвижные деревья окутывала выжидательная тишина. И я зашагал по боковой дороге.

Шел я довольно быстро. Сначала по мосту через белую, безмолвную речку, а потом вверх, вверх, вверх, выбирая путь между сугробами на почти невидимой дороге, извивающейся под обрывами. Несмотря на холод, спина у меня, когда я добрался до гребня, была мокрая от пота.

Я огляделся. Мне несколько раз доводилось побывать тут в июне и в июле: ласковый солнечный свет, запах нагретой травы, а из долины внизу веяло ароматом цветов и сосновой смолы. Однако теперь было трудно связать улыбающийся пейзаж прошедшего лета с этой унылой снежной пустыней.

Плоская вершина холма, летом заросшая вереском, теперь простиралась белой бесконечностью до горизонта, смыкаясь с небом, нависающим как темное одеяло. Я увидел ферму в ее долине, и она тоже казалась совсем другой, чем летом: маленькой, далекой, словно рисунок углем на фоне могучих белых холмов за ней. Сосновый лес выглядел как черные мазки по склонам... Да, это был совсем иной, почти незнакомый пейзаж.

Дорога просматривалась лишь кое-где — стенки почти на всем своем протяжении были занесены с верхом, зато ферма была видна хорошо отовсюду. Я прошел по направлению к ней примерно полмили, как вдруг внезапно порыв ветра взвихрил облако снежных кристаллов. На несколько секунд я оказался отрезанным от всего мира. Ферма, склоны исчезли, и меня охватило чувство неизбывного одиночества, но тут облако рассеялось.

Идти по глубокому снегу было очень нелегко, а в сугробах мои резиновые сапоги проваливались по самый верх. Но я упрямо шел, наклоняя голову, и до каменных строений оставалось уже лишь несколько сотен ярдов. Я как раз подумал, что все обошлось без особых неприятностей, и тут, взглянув вверх, увидел, что на меня спускается колышущаяся завеса из миллионов черных точек. Я ускорил шаги и,

прежде чем вокруг закружила вьюга, успел точно зафиксировать направление на ферму. Но после десяти минут спотыкания и скольжения понял, что прошел мимо. Я направлялся к дому, который существовал только в моем воображении.

Я постоял, вновь ощущая страшное одиночество отрезанности от мира. Решив, что я забрал слишком влево, и с трудом переведя дух, я повернул вправо, но вскоре понял, что опять иду не туда. Я начал проваливаться в снег чуть не по плечи и вспомнил, что земля тут была вся в торфяных ямах.

Продолжая брести, я убеждал себя в нелепости происходящего. Топящийся очаг Пайк-хауса где-то совсем близко — я же все-таки не на Северном полюсе! Но тут мне вспомнилось огромное пустое пространство за фермой, и я с трудом подавил панический страх.

Холод, несущий онемение, уничтожил всякое понятие о времени. Скоро я полностью утратил представление о том, как долго я проваливаюсь в ямы и выбираюсь из них. Но твердо знал, что с каждым разом выбираться становилось все трудней. И нарастал соблазн просто сесть, отдохнуть, даже поспать; было что-то гипнотическое в том, как пушистые хлопья бесшумно ложились на мою кожу и залепляли закрытые глаза.

Я отгонял от себя мысль, что стоит мне провалиться еще десяток раз, и мне уже не встать, когда впереди возникло словно колеблющееся темное пятно. Затем мои протянутые руки прикоснулись к чему-то твердому и шершавому. Не веря себе, я нащупывал один квадратный камень за другим, пока не добрался до угла и не увидел светлый квадрат — окно кухни.

Побарабанив в дверь, я прислонился к косяку, хватая ртом воздух, судорожно дыша. Огромное облегчение, меня охватившее, видимо, граничило с истерией, так как мне казалось, что, когда дверь откроется, мне следует растянуться ничком на полу. И воображение рисовало картину, как вся семья толпится вокруг распростертого страдальца, отпаивая его коньяком.

Однако, когда дверь действительно открылась, что-то удержало меня в вертикальном положении. Мистер Клейтон постоял на пороге несколько секунд, видимо несколько не взволнованный зрелищем явившегося перед ним изнемогшего снеговика.

— А, это вы, мистер Хэрриот. Очень вы удачно пришли. Я как раз доел обед. Погодите минутку, я только шляпу надену. Теленок тут рядышком, только двор перейти.

Он пошарил за дверью, нахлобучил на голову потрепанную фетровую шляпу, сунул руки в карманы и, посвистывая, зашагал по бульжнику. Он

повернул щеколду телятника, и я с наслаждением вошел внутрь, в тепло, исходящее от животных, в сладкий запах сена, куда не было доступа беспощадному холоду и снежным вихрям.

Я снимал рюкзак, а четыре длинношерстных бычка благодушно взирали на меня через перегородку, ритмично двигая челюстями. Мое появление, казалось, вызвало у них не больше сочувствия, чем у их хозяина. Ничего, кроме легкого интереса. За косматыми головами я разглядел маленького тельенка, закутанного в мешковину. Из его носа обильно текло.

Нос этот напомнил мне о цели, приведшей меня сюда. Пока мои онемевшие пальцы нашаривали в кармане термометр, сильнейший порыв ветра сотряс дверь, загремел щеколдой, загнал внутрь мельчайшую снежную пыль.

Мистер Клейтон повернулся и протер рукавом стекло небольшого окошка. Ковыряя в зубах ногтем большого пальца, он посмотрел наружу, на бушующую вьюгу.

— Эхе-хе... — сказал он и с удовольствием рыгнул. — Денек-то нынче не того, чтобы...

И так тоже было

В ожидании момента, когда Зигфрид выдаст мне список утренних вызовов, я закутался в шарф по самые глаза, поднял воротник своего пальто и застегнул его под подбородком. Затем я натянул на руки пару шерстяных перчаток.

За окном жалящий северный ветер с озверением мел снег почти параллельно земле, перекрывая улицы и все остальное большими вьющимися хлопьями.

Зигфрид склонился над регистрационной книгой.

— Так, что у нас тут? Барнет, Джил, Сантер, Дент, Картрайт... — Он начал что-то писать в свой блокнот. — Так, я отправлюсь к Скрутону, посмотреть его теленка. Я знаю, ходил к нему ты, но сегодня я как раз буду проезжать мимо. Расскажи мне, что с ним?

— Он слишком часто дышит, и температура под сорок. Не думаю, что это — пневмония. Я скорее подозреваю первые признаки дифтерита — у него небольшое опухание подчелюстных желез и горла.

Пока я говорил, Зигфрид не переставал писать в своем блокноте, остановившись лишь раз, чтобы пошептаться с мисс Харботтл. Затем он посмотрел на меня невинными глазами.

— Так, значит, пневмония? И как ты ее лечил?

— Нет, я сказал, что это — не пневмония. Я сделал инъекцию пронтозила и оставил мазь, чтобы втирать в кожу на горле.

Но Зигфрид опять начал быстро писать. Он ничего не говорил, пока не исписал два листа, вырвал их из блокнота и подал мне.

— Правильно, что ты прописал мазь для втирания в кожу на груди. Это может помочь. А какую мазь, из чего она состоит?

— Линимент метилеалицила, но его втирают в кожу не груди, а горла теленка.

Но Зигфрид уже повернулся к мисс Харботтл, чтобы распорядиться о том, в каком порядке ей следует выстроить его визиты, и оказалось, что я говорю с его затылком.

Наконец он встал и отошел от стола.

— Так, что же, все отлично. Вот список твоих вызовов, можно начинать. — Но на полпути к двери его шаг дрогнул, и он обернулся. — А какого черта ты распорядился втирать мазь в горло?

— Ну, я подумал, что такая процедура немного уменьшит воспаление.

— Но, Джеймс, откуда воспаление в горле? Не думаешь ли ты, что было бы больше пользы от растирания груди?

На лице Зигфрида играла все та же терпеливая улыбка.

— Нет, не думаю. Во всяком случае, не при дифтерите у тельца.

Зигфрид наклонил голову набок, и на его лице появилась невиннейшая улыбка. Он положил руку на мое плечо.

— Мой старый добрый Джеймс, может, будет правильным, если ты расскажешь мне все с самого начала. Пусть мы потратим время, но мы же никуда не торопимся. Говори не спеша и спокойно, и тогда ты ничего не перепутаешь. Ты сказал мне, что лечил тельца от пневмонии, — вот с этого места и начни.

Я сунул руки глубоко в карманы пальто и начал рыться в термометрах, пинцетах, ножницах и бутылочках с лекарствами, которые всегда жили там.

— Послушай, я сказал тебе, что с самого начала заподозрил первые признаки дифтерита, а не пневмонии. Ведь и жар у тельца приличный — выше тридцати девяти градусов.

Зигфрид смотрел мимо меня в окно.

— Боже, ты только посмотри на этот снег. Нам сегодня будет непросто справиться с вызовами. — Он снова перевел глаза на меня. — А тебе не кажется, что с температурой за тридцать девять тебе следовало бы сделать инъекцию пронтозила? — Он развел руки в стороны и безвольно их опустил. — Я просто предлагаю, я никогда ни за что не стану вмешиваться в твою тактику лечения, но, честно говоря, в такой ситуации требуется немного пронтозила.

— Черт возьми, да я же так и сделал! — закричал я. — Я сказал тебе об этом с самого начала, но ты же не слушаешь меня. Я из кожи вон лезу, чтобы донести это до тебя, но как я могу это сделать...

— Спокойствие, мой дорогой, только спокойствие. Не надо так волноваться.

Лицо Зигфрида преобразилось, оно излучало свет. На нем можно было прочесть нежность, благодушие, всепрощение, терпимость и любовь. Я подавил желание легонько пнуть его в колено.

— Джеймс, Джеймс, — сказал он ласковым голосом, — у меня нет ни малейшего сомнения, что ты попытался по-своему рассказать мне об этом случае, но нам обоим недостает таланта коммуникации. Ты — самый лучший парень, но тебе надо помнить об этом недостатке. Нужно просто решить вопрос выстраивания фактов в картину и представить их в нужном порядке. И тогда ты ничего не перепутаешь, как сегодня утром. Я уверен, тебе просто надо попрактиковаться.

Он поощрительно помахал мне рукой и был таков.

Я быстро пошел в кладовую и, увидев перед собой большую пустую картонную коробку, с ненавистью пнул ее. Я вложил в удар столько яда, что моя нога пробила картон, и когда я попытался освободиться, в комнату вошел Тристан. Он поддерживал огонь и был свидетелем разговора.

Тристан в молчании наблюдал, как я, чертыхаясь, прыгал по комнате, пытаясь стряхнуть коробку с ноги.

— Что случилось, Джим? Мой старший брат опять достал тебя?

Наконец я избавился от коробки и опустил на ящики.

— Не понимаю, почему он теперь так меня донимает? Я знаю его довольно долгое время, и он всегда был таким. Он никогда не был другим, но раньше меня это не Донимало, по крайней мере, не так сильно. В другое время я бы просто посмеялся. Что случилось со мной?

Тристан поставил на пол ведро с углем и внимательно посмотрел на меня.

— Да ничего с тобой не случилось, Джим, но скажу тебе одно: ты стал несколько нервным после того, как ходил в ресторан с этой девушкой Олдерсон.

— О боже, — простонал я и закрыл глаза. — Не напоминай мне об этом. В любом случае, я не виделся и не говорил с ней с того момента, так что это было концом наших отношений, и я не могу винить ее в этом.

Тристан вытащил сигарету и сел на корточки рядом с ведром для угля.

— Все это так, но посмотри на себя. Ты страдаешь, хотя в этом нет никакой необходимости. Да, у тебя случился провальная вечер, и она дала тебе отставку. Ну и что? Ты знаешь, сколько раз меня отвергали?

— Какое там отвергали — я даже не успел начать.

— Ну и очень хорошо, только ты ведешь себя, как бычок с резами в животе. Забудь об этом, старина, и возвращайся в большой мир. Там тебя ждет яркая картина жизни. Я понаблюдал за тобой — ты же все время работаешь, а когда не работаешь, то читаешь в учебниках о способах лечения твоих пациентов. Я так тебе скажу: подобная преданность ветеринарии хороша до определенного момента. Но надо же и жить иногда. Подумай о том, сколько в Дарроуби симпатичных девушек, а ты даже не смотришь в их сторону. А ведь каждая ждет, чтобы к ней на белой лошади прискакал такой солидный, красивый молодой человек, как ты. Не разочаровывай их. — Он наклонился ко мне и хлопнул меня по колену. — Я тебе вот что скажу. Давай я займусь этим для тебя. Небольшое развлечение на четверых — вот то, что тебе нужно.

— Ну, не знаю. Мне что-то не хочется.

— Чепуха, — сказал Тристан. — Даже не знаю, как это мне не пришло в голову раньше. Твоя монашеская жизнь погубит тебя. Предоставь мне позаботиться обо всем.

Я захотел лечь пораньше, но около одиннадцати меня разбудил звук рухнувшего на мою кровать тяжелого тела. В комнате было темно, но меня, казалось, окружили клубы табачного дыма, густо насыщенные запахом пива. Я закашлялся и сел.

— Это ты, Трисс?

— А кто еще? — спросила темная фигура, сидевшая в изножье моей кровати. — Я принес тебе радостную новость. Помнишь Бренду?

— Это — молоденькая медсестра, с которой я тебя видел?

— Она самая. Так вот, у нее есть подружка — Конни, — она еще симпатичнее. Так что во вторник вечером мы вчетвером идем на танцы в Пултон.

Его голос, наполненный парами пива, звучал победно.

— Ты хочешь сказать, что и я тоже?

— О боже, ну конечно! И ты проведешь такой вечер, какого у тебя в жизни не было. Я прослежу.

Он выдохнул мне в лицо последнюю затяжку и, хихикая, пошел в свою комнату.

Земляничка: абсцесс

«Будет горячий обед и музыка!»

Я сам удивился тому, как подействовали на меня эти слова. Они пробудили множество чувств — и все приятные. Сознание, что ты чего-то добился, что ты стал своим, что ты одержал победу.

Теперь я знаю, что меня никогда не пригласят стать ректором Королевского ветеринарного колледжа, но вряд ли даже подобное приглашение доставило бы мне больше радости, чем те давние слова о горячем обеде.

Ведь они показывали, как относится ко мне типичный фермер йоркширских холмов. А это было важно. Хотя после года практики меня уже начинали считать надежным ветеринаром, я все время ощущал пропасть, которая неминуемо должна отделять этих обитателей долин и склонов от меня, уроженца большого города. Они внушали мне искреннее уважение, но меня не покидала мысль, что я для них чужой. Я понимал, насколько это неизбежно, но от такого утешения легче мне не становилось — вот почему искреннее выражение дружбы столь меня тронуло. И особенно потому, что оно исходило от Дика Рэдда.

Познакомился я с Диком прошлой зимой на крыльце Скелдейл-хауса в такое мрачное утро, когда деревенские ветеринары сомневаются, не ошиблись ли они в выборе профессии. Ежась от вездесущего сквозняка, который оледенил в коридоре мои ноги, укрытые только пижамными брюками, я зажег свет и отпер дверь. Передо мной, опираясь на велосипед, стоял щуплый человечек в старой армейской шинели и вязаном шлеме. Позади него в желтой полосе света, падающей из двери, летели косые струи дождя.

— Вы уж извините, что я вас в такой час поднял, мистер, — сказал он. — Фамилия моя Рэдд. Я с фермы «Берчтри» в Коулстоне. У меня молодая корова телится, да только что-то у нее застопорилось. Вы бы не приехали?

Я поглядел на худое лицо, на дождевую воду, стекающую по щекам и капающую с носа.

— Хорошо, я сейчас оденусь и приеду. Но, может, вы оставите велосипед здесь и поедете со мной в машине? До Коулстона ведь четыре мили, а вы и так насквозь промокли.

— А, да ничего! — Лицо осветилось бодрой улыбкой и из-под намокшего шлема на меня блеснула пара веселых голубых глаз. — Не

возвращаться же потом за ним. Ну, я поехал. Так что вы не намного меня обгоните.

Он вскочил на велосипед и завертел педали. Жаль, что люди, считающие крестьянскую жизнь приятной и беззаботной, не видели, как его сгорбленная фигура скрылась во мраке за завесой хлещущего дождя. Ни машины, ни телефона, ночь возни с телящейся коровой, восьмимильная поездка под дождем, а с утра — вновь ничего, кроме тяжелого труда. Стоило мне подумать о том, какое существование ведет мелкий фермер, и самые мои загруженные дни начинали казаться пустяками.

Наше первое знакомство завершилось тем, что на рассвете я порадовал Дика живой здоровой телочкой и после этого, с удовольствием попивая чай у него на кухне, знакомился с его детьми. Их было семеро, и, к моему удивлению, они оказались отнюдь не такими маленькими, как я предполагал. Старшей было за двадцать, младшему исполнилось десять, а я-то даже не заметил, что Дик уже пожилой человек. В смутном свете на крыльце Скелдейл-хауса, а потом в коровнике, где горел закопченный керосиновый фонарь, я бы не дал ему больше тридцати — такими быстрыми были его движения, с такой веселой бодростью он держался. Но теперь я заметил, что жесткий ежик его волос подернут сединой, а от глаз к щекам тянется паутина морщинок.

В первые годы брака Рэдды, которые, как все фермеры, мечтали о сыновьях, с возрастающим разочарованием произвели на свет одну за другой пять дочерей.

— Мы уж было решили, что хватит, — как-то признался мне Дик.

Но тем не менее их надежды были вознаграждены, и вслед за девочками наконец родились два здоровых мальчугана. Всякий фермер трудится ради своих сыновей, и теперь у Дика появилась цель в жизни.

Познакомившись с ними поближе, я не переставал дивиться прихотям природы: все пять девушек были как на подбор рослые, крепкие красавицы, и оба паренька обещали вымахать в великанов. Я переводил взгляд на их маленьких, худеньких родителей («Ну ни в него, ни в меня, что ты тут скажешь!» — говаривала миссис Рэдд) и недоумевал, откуда взялось такое чудо.

Гадал я и о том, каким образом миссис Рэдд, вооруженная только чеком за молоко от косматых коровенок Дика, умудрялась хотя бы кормить их досыта, а не то что обеспечить им такое физическое совершенство. Кое-какой ответ я получил в тот день, когда осматривал у них телят и был приглашен пообедать чем Бог послал. На фермах среди холмов покупное мясо было редкостью, и я уже хорошо знал способы наполнения голодных

желудков до появления на столе главного блюда — перед ним подавался ломоть тяжелого мучнистого пудинга или горка клецок на почечном жиру. Однако у миссис Рэдд был свой секрет: в качестве закуски ставилась большая миска рисового пудинга, обильно политого молоком. Я впервые попробовал такое кушанье и заметил, что мои сотрапезники насыщались прямо на глазах. Да и я сам сел за стол, терзаемый волчьим аппетитом, но после риса на все остальное смотрел с сытым равнодушием.

Дик считал нужным по каждому поводу узнавать мнение ветеринара, а потому я стал частым гостем на его ферме. И каждый визит завершался неизменным ритуалом: меня приглашали в дом выпить чаю, и вся семья, отложив дела, садилась вокруг и смотрела, как я его пью. В будние дни старшая дочь была на работе, а мальчики в школе, но по воскресеньям церемония проходила с полным блеском: я прихлебывал чай, а все девять Рэддов сидели вокруг в немом восхищении — по-другому просто не скажешь. Любая моя фраза встречалась кивками и улыбками. Конечно, для самолюбия очень приятно, когда целая семья буквально впитывает каждое твое слово, и в то же время я испытывал чувство, похожее на смирение.

Наверное, причина заключалась в натуре Дика. Нет, он отнюдь не был уникален — мелких фермеров вроде него можно найти тысячи и тысячи, — но в нем словно воплотились лучшие качества обитателя йоркширских холмов: неколебимое упорство, практичная жизненная философия, душевная щедрость и гостеприимство. Однако были у него и качества, присущие именно ему: внутренняя честность, о которой свидетельствовал его прямой открытый взгляд, и юмор, дававший о себе знать даже в самые трудные минуты. Дик не был присяжным остряком, но о самых обычных вещах умел говорить забавно. Я просил его подержать корову за нос, и он торжественно отвечал: «Приложу все усилия!» А однажды, когда я пытался приподнять фанерный лист, отгораживавший угол, где стоял теленок, Дик сказал: «Минуточку, сейчас занавес взовьется». Когда он улыбался, его худое, острое лицо все озарялось изнутри.

Восседая на кухне и слушая веселый смех членов семьи, подтверждавший, что они полностью разделяют взгляды Дика на жизнь, я поражался, насколько они довольны своей судьбой. Они не знали ни комфорта, ни ленивого досуга, но это их совершенно не беспокоило, и я гордился тем, что они считают меня своим другом.

Всякий раз, уезжая от них, я находил на заднем сиденье какой-нибудь скромный гостинец — пару булочек домашней выпечки, три только что снесенных яйца. Миссис Рэдд, конечно, было нелегко выкроить и такой подарок, но я ни разу не уехал оттуда с пустыми руками.

У Дика было одно честолюбивое желание — улучшить породу своих коров и обзавестись молочным стадом, которое отвечало бы его представлениям о совершенстве. Он понимал, что без капитала добиться своего сможет лишь очень нескоро, но решение его было твердо. Пусть не при его жизни, пусть даже когда его сыновья давно сами станут отцами, но люди будут приезжать издалека на ферму «Берчтри», чтобы полюбоваться ее коровами.

Мне было суждено стать свидетелем самого первого шага на этом пути. Как-то утром Дик остановил меня на шоссе, и по его сдерживаемому волнению я догадался, что произошло нечто чрезвычайно важное. Он повел меня в коровник и молча остановился на пороге. Говорить ему было не нужно: я и так, онемев, смотрел на рогатую аристократку.

Коровы Дика собирались с бору по сосенке на протяжении многих лет и представляли собой довольно-таки пестрое зрелище. Одни попали к нему уже старыми — прежние хозяева, зажиточные фермеры, выбраковывали их за отвислое вымя или за то, что они «доились на три соска». Других Дик вырастил сам — эти были жесткошерстными и тощими. Но примерно на полпути по проходу, резко выделяясь среди своих плебейских соседок, стояла чудеснейшая молочная корова шортгорнской породы.

Теперь, когда Англию черно-белой волной затопил фризский скот, вторгшись даже на родину шортгорнов, в йоркширские холмы, таких коров, как та, которую я созерцал тогда у Дика Рэдда, уже больше не увидишь, но в ней воплотилось все великолепие, вся гордость ее племени. Широкий таз, прекрасные плечи, изящная небольшая голова, аккуратное вымя, выпирающее между задних ног, и замечательная масть — шоколадная с серебряным отливом. В холмах ее называли «доброй мастью», и всякий раз, когда я содействовал появлению на свет шоколадно-серебристой телочки, фермер обязательно говорил: «А она доброй масти», — и такая телочка особенно ценилась. Разумеется, генетики совершенно правы — шоколадно-серебристые коровы давали не больше молока, чем рыжие или белые, но мы их любили, и они были изумительно красивы.

— Откуда она, Дик? — спросил я, не отрывая от нее глаз.

Он ответил с нарочитой небрежностью:

— Ну, я съездил к Уэлдону в Крэнби да и купил ее. Как она вам?

— Загляденье. Призовая корова. Я лучше не видывал.

Уэлдоны были крупнейшими в этих краях поставщиками племенного скота, и я не стал спрашивать, добился ли Дик займа в банке или на нее ушли сбережения многих лет.

— Ага! Дает по семь галлонов, когда раздоится, а уж жирность — так

самая высокая. Двоих моих прежних может заменить, и телята ее тоже будут кое-что стоить. — Он прошел вперед и провел ладонью по идеально ровной упитанной спине. — Имечко у нее в родословной записано — не выговоришь, так хозяйка назвала ее Земляничкой.

Стоя в этом убогом коровнике с булыжным полом, дощатыми перегородками и стенами из дикого камня, я понял, что гляжу не просто на корову, но на прародительницу элитного стада, на залог осуществления мечты Дика Рэдда.

Примерно через месяц он позвонил мне.

— Вы бы заехали поглядеть Земляничку. До сих пор ею нахвалиться нельзя было, в молоке хоть купайся, только вот сегодня утром она что-то поскучнела.

Вид у коровы был здоровый, и, когда я вошел к ней, она даже ела, но я заметил, что глотает она с некоторым напряжением. Температура у нее была нормальная, легкие чистые, но, стоя у ее головы, я уловил еле слышное похрипывание.

— У нее горло не в порядке, Дик, — сказал я. — Возможно, просто легкое воспаление, но не исключено, что там созревает небольшой абсцесс.

Я говорил спокойно, но на душе у меня было скверно. Заглочный абсцесс, как я знал по своему ограниченному опыту, штука крайне скверная. Добраться до него в глубине глотки невозможно, а если он сильно увеличится, то может затруднить дыхание. Пока мне везло — те, с которыми мне приходилось иметь дело, были либо небольшими и рассасывались, либо прорывались сами.

Я сделал инъекцию пронтозила и повернулся к Дику.

— Вот сюда, позади угла челюсти, ставьте горячие припарки, а потом хорошенько втирайте вот эту мазь. Возможно, он лопнет. Повторяйте три раза в день, не меньше.

Следующие десять дней шло типичное развитие абсцесса. Корова еще не была больна по-настоящему, но ела Уже значительно хуже, худела и давала меньше молока. Я чувствовал себя совершенно беспомощным, так как знал, что облегчение может наступить, только если абсцесс прорвется, а от разных инъекций, которые я ей делаю, большого толку не будет. Время шло, эта чертова штука все зрела и зрела, но не лопалась.

Зигфрид как раз тогда уехал на конференцию специалистов по лошадям, которая должна была продлиться неделю. Несколько дней я работал буквально с утра до утра, и у меня не хватало времени даже подумать про корову Дика, но затем он спозаранку приехал ко мне на своем велосипеде. Вид у него был по обыкновению бодрый, но в глазах пряталась

тревога.

— Вы бы съездили поглядеть Земляничку. За последние три дня ей что-то совсем худо стало. Не нравится мне, как она выглядит.

Я тут же сел в машину и был в коровнике, когда Дик не проехал еще и половины пути. Едва взглянув на Земляничку, я остановился как вкопанный, и у меня пересохло во рту. От бывшей призовой коровы в буквальном смысле слова остались только кожа да кости. Она невероятно исхудала и превратилась в обтянутый шкурой скелет. Ее хриплое дыхание было слышно в самых дальних углах коровника, и при каждом выдохе морда словно поддухала. Такого я еще никогда прежде не видел. Полные ужаса глаза тупо смотрели в стену. Иногда она мучительно кашляла, и изо рта у нее нитками повисала слюна.

Наверное, я простоял так очень долго, потому что очнуться меня заставил угрюмый голос Дика:

— Сущим пугалом стала, почище всех остальных.

У меня похолодело внутри.

— Черт, я никак не ожидал, что она дойдет до такого состояния. Я просто глазам своим не верю.

— Да ведь оно как-то разом произошло. В жизни не видел, чтобы корова так быстро изменилась.

— Абсцесс, несомненно, совсем созрел, — сказал я. — У нее же затруднено дыхание... — Я не договорил: ноги у коровы задрожали, и мне показалось, что она вот-вот рухнет на пол. Я кинулся к машине и достал банку с припарками. — Наложим их ей на шею. Может быть, тогда он вскрыется.

Когда мы наложили припарку, я поглядел на Дика.

— Думаю, сегодня вечером все кончится. Не может же он не прорваться.

— А нет, так завтра она протянет ноги, — буркнул он. Наверное, вид у меня стал очень жалким, потому что он внезапно улыбнулся своей бодрой улыбкой. — Да не принимайте вы к сердцу! Вы ведь сделали все, что можно.

Только я-то не был так уж в этом уверен. У машины меня ждала миссис Рэдд. Она как раз пекла хлеб на неделю и вложила мне в руку булку. На душе у меня стало совсем скверно.

Земляничка: операция

Сидя вечером в гостиной Скелдейл-хауса, я предавался грустным размышлениям. Зигфрид еще не вернулся, мне не у кого было спросить совета, и я совершенно не представлял, что буду делать с коровой Дика утром. Когда я лег спать, решение было принято: если облегчение не наступит, придется взять скальпель и добираться до абсцесса снаружи.

Я знал его точное место, но он лежал за толщей мышц, а на пути к нему находились такие жуткие вещи, как сонная артерия и яремная вена. Я пытался забыть про них, но они снились мне всю ночь напролет — огромные пульсирующие трубы, бесценное содержимое которых грозило вот-вот прорваться сквозь тонкие стенки. Я проснулся в шесть, целый час тоскливо созерцал потолок и вдруг почувствовал, что больше не выдержу. Я торопливо оделся и поехал на ферму, даже не умывшись и не побрившись.

Опасливо проскользнув в коровник, я с ужасом увидел, что стойло Землянички пусто. Значит, все. Пала. Ведь уже вчера было видно, что она вряд ли протянет ночь.

Я повернулся, и тут меня с крыльца окликнул Дик:

— Я ее перевел в сарай по ту сторону двора. Думал, там ей удобнее будет.

Я кинулся через мощный двор и еще до того, как Дик открыл дверь сарая, услышал мучительное хриплое дыхание. У Землянички уже не было сил стоять — переход через двор окончательно ее доконал, и теперь она лежала на груди, вытянув голову вперед. Ноздри ее были раздуты, глаза остекленели, щеки вздувались в борьбе за каждый вздох.

Но она была жива! Я почувствовал огромное облегчение, и оно подстегнуло меня, развеяло мои колебания.

— Дик, — сказал я. — Вашу корову необходимо оперировать. Он явно не успеет прорваться. Значит, теперь или никогда. Но я обязан предупредить вас об одном: мне придется вскрывать его из-под челюсти. Я никогда этого раньше не делал и не видел, как это делают, и не слышал, чтобы кто-нибудь когда-нибудь это делал. Если я задену проходящие там крупные кровеносные сосуды, она умрет через минуту.

— Все равно она долго не протянет, — буркнул Дик. — Терять нечего. Давайте.

Оперируя рогатый скот, мы обычно связываем животное, кладем его и

даем общий наркоз, но для Землянички ничего этого не требовалось. Она была почти при последнем издыхании. Мне стоило легонько нажать на ее плечо, как она перекадилась на бок и замерла.

Я быстро сделал местную анестезию от уха до угла челюсти и разложил инструменты.

— Оттяните ее голову прямо, Дик, и чуть-чуть сдвиньте назад, — сказал я, опустился коленями на солому, сделал надрез, осторожно рассек длинный тонкий слой ключично-ключично-грудиной мышцы и раздвинул волокна корнцангами. Где-то ниже лежала моя цель, и я попытался мысленно нарисовать во всех подробностях анатомическую картину этого участка. Именно там челюстные вены сливаются в большую яремную вену, а глубже лежит еще более опасная ветвящаяся сонная артерия. Если нажать скальпелем прямо за подчелюстной слюнной железой, я попаду примерно куда надо.

Но когда я поднес острое как бритва лезвие к крохотному разрезу, рука вдруг затряслась. Я пытался унять дрожь, но меня словно била лихорадка. Пришлось взглянуть правде в глаза: я боялся резать глубже. Отложив скальпель, я взял корнцанг и ввел его в разрез, легонько и ровно нажимая. Казалось, он погрузился куда-то невероятно глубоко, но тут, не веря своим глазам, я увидел, что по блестящему металлу ползет струйка гноя. Я вошел в абсцесс!

Очень осторожно я раскрыл корнцанг как можно шире, чтобы увеличить дренажное отверстие, и струйка тотчас превратилась в кремовую струю, которая хлынула мне на руку и по шее коровы побежала на солому. Я замер и ждал, пока гной не перестал вытекать, а потом извлек корнцанг.

Дик поглядел на меня через голову коровы и негромко спросил:

— А что дальше, командир?

— Ну, я дал отток гною, Дик. И по всем правилам ей скоро должно стать заметно лучше. Давайте-ка провернем ее на грудь.

Когда мы устроили корову поудобнее и для опоры положили ей под плечо тючок соломы, я посмотрел на нее с мольбой. Ведь должны же появиться признаки улучшения! Должна же она почувствовать облегчение, раз вышло столько гноя! Но Земляничка выглядела все так же. А дыхание стало, пожалуй, даже еще более затрудненным.

Я бросил грязные инструменты в ведро с горячей водой и антисептической жидкостью и, перемывая их, сказал:

— Я знаю, в чем дело. Стенки абсцесса утолщились и затвердели, потому что прошло столько времени. Надо подождать, пока они спадут.

На следующее утро, торопливо шагая через двор, я испытывал

ликующую уверенность. Дик как раз выходил из сарая, и я крикнул ему:

— Ну, и какова она сегодня?

Он ответил не сразу, и сердце у меня упало. Я понял, что он ищет слова помягче.

— Да все по-прежнему.

— Не может быть! Должно же наступить улучшение! Дайте-ка я ее погляжу.

Нет, не по-прежнему, а гораздо хуже. Вдобавок ко всем прежним симптомам глаза у нее глубоко запали — верный признак близкой смерти у рогатого скота.

Мы стояли рядом и оба смотрели на эту страшную тень еще недавно столь великолепного животного. И тут вдруг Дик сказал негромко:

— Ну, так как же? Послать за Мэллоком?

Фамилия живодера прозвучала как похоронный звон.

Да и правда, Земляничка теперь ничем не отличалась от тех изможденных болезнью или старостью коров, которых он приезжал забирать.

Я неловко переступил с ноги на ногу.

— Не знаю даже, что и сказать, Дик. Я больше ничего сделать не могу.

— Я снова поглядел на остекленные глаза, на пену, пузырящуюся у ноздрей и губ, услышал хрип. — Вы ведь не хотите, чтобы она мучилась. Я тоже не хочу. И все-таки погодите звать Мэллока. Состояние у нее тяжелое, но настоящей боли она не испытывает, и я дал бы ей еще день, но если к утру ей лучше не станет, посылайте... — Я сам не верил тому, что говорил, и всем своим существом чувствовал безнадежность положения. Я повернулся и пошел к машине с таким тягостным ощущением неудачи, какого еще никогда не испытывал. Дик крикнул мне вслед:

— Да вы не принимайте к сердцу, и не такое случается. Спасибо вам за все, чем помогли ей.

Его слова хлестнули меня как кнутом. Если бы он обрушился на меня с бранью, мне было бы легче. Он меня благодарит, а корова лежит там и подышает — единственная племенная корова, которую ему удалось купить. Для него это подлинная катастрофа, а он утешает меня!

Открыв дверцу машины, я увидел на заднем сиденье кочан капусты. Еще и миссис Рэдд! Я положил локоть на крышу машины и разразился монологом. Этот кочан словно распахнул шлюзы моей злости на себя, и я перечислил бесчувственной капусте все свои промахи и недостатки. Я подчеркнул всю несправедливость случившегося: Рэдды, прекраснейшие люди, которым так нужна была помощь искусного ветеринара, обратились

к мистеру Хэрриоту, а он ударил лицом в грязь, да еще как! Я указал, что Рэдды, вместо того чтобы вполне заслуженно выгнать меня взащей, искренне меня поблагодарили и осыпали кочанами капусты.

Говорил я долго, а когда наконец умолк, на душе у меня стало чуть легче. Но только чуть, потому что всю дорогу домой я взвешивал возможности и не обрел ни проблеска надежды. Если стенки абсцесса могли спасти, это уже произошло бы. Нет, надо было послать за живодером — ведь все равно к утру она сдохнет.

Я был так в этом убежден, что на следующий день поехал в «Берчтри» не с утра, а побывав на других фермах, и, когда остановил машину во дворе Рэддов, шел уже третий час. Я знал, что увижу — обычные мрачные свидетельства того, что ветеринар потерпел поражение: распахнутую дверь пустого сарая и тянущийся от нее широкий след, оставленный тушей, которую Мэллок воротом тащил к своему фургону. Однако двор выглядел обычно, и все же, подходя к двери сарая, откуда не доносилось ни звука, я стиснул зубы. Ну хорошо, живодер пока не приехал, но моя-то пациентка лежит бездыханная. Протянуть еще сутки она никак не могла. Мои пальцы долго не ухватывали щеколду, словно что-то во мне отчаянно этому сопротивлялось. Но я все-таки рывком распахнул дверь.

И увидел Земляничку. Она стояла у кормушки и ела сено. И не просто ела, а выдергивала его сквозь решетку, словно играючи, — обычная манера коров, когда они получают от еды удовольствие. Казалось, она просто не успевает вытаскивать большие душистые клоки сена и отправлять их в рот сильным шершавым языком. Я смотрел на нее, и у меня в душе вдруг заиграл орган, да не какой-нибудь консерваторский, а могучий инструмент, сверкающие трубы которого уходят в сумрак под сводами собора. Я вошел в сарай, закрыл за собой дверь и сел на солому в углу. Сколько времени я ждал этой минуты! И намеревался насладиться ею сполна.

Корова превратилась в живой скелет — ее красивая шоколадно-серебристая шкура была вся в буфах и выступах костей. Вымя, прежде такое гордое, болталось между ногами, как смятый мешочек. Она дрожала от слабости, но глаза ее смотрели ясно, ела с неторопливой жадностью, и я уже не сомневался, что скоро она снова станет прежней.

Кроме нас, в сарае никого не было, и время от времени Земляничка поворачивала ко мне голову и внимательно смотрела на меня, ни на секунду не переставая двигать челюстями. Этот взгляд казался дружеским. По правде говоря, я не удивился бы, если бы она мне подмигнула.

Уж не знаю, сколько времени я просидел так, но каждая секунда была радостью. Мне довольно долго пришлось свыкаться с мыслью, что это

происходит наяву, а не во сне. Глотала она без всяких усилий, слюна у нее не пенилась, дыхание было ровным и спокойным. Когда я наконец вышел и закрыл за собой дверь, кафедральный орган гремел в полную мощь, и ликующие звуки отражались от сводов собора.

Поправлялась Земляничка не по дням, а по часам. Когда я увидел ее три недели спустя, кости спрятались под мышцами и жиром, шерсть глянцеви́то блестела и, что самое важное, великолепное вымя было туго наполнено и четыре аккуратных соска гордо торчали по углам.

Я был очень доволен собой, но беспристрастная оценка случившегося показывает одно: с самого начала и до конца я громоздил ошибку на ошибку. Мне следовало бы как можно раньше вскрыть абсцесс скальпелем, добравшись до него через рот. Но тогда я просто не знал, как это сделать. Позднее я вскрывал сотни таких абсцессов, привязывая скальпель к пальцам и вводя руку через зевник. Операция довольно героическая, так как ни коровам, ни быкам это, естественно, не нравилось и у них возникало поползновение плюхаться на пол именно в тот момент, когда моя рука почти по плечо уходила в гортань. Я прямо-таки напрашивался на перелом.

Когда я рассказываю про это современным молодым ветеринарам, они смотрят на меня с недоумением, поскольку такие абсцессы чаще всего имеют туберкулезное происхождение и наблюдаются теперь редко. Но, полагаю, мои сверстники задумчиво улыбнутся собственным воспоминаниям.

При заглочной операции выздоровление бывало быстрым и эффективным, и я успел получить свою долю этих маленьких триумфов. Но ни один из них не доставил мне такой радости, как операция, которую я сделал не с той стороны.

После выздоровления Землянички прошло несколько недель, и я сидел в кухне Рэддов на своем обычном месте, окруженный всей семьей. Только на этот раз я против обыкновения не сыпал перлами мудрости, потому что пытался справиться с яблочным пирогом миссис Рэдд. Я по опыту знал, что они восхитительны, но этот был особый, испеченный «для полдника» во время работы в поле. Я въедался в толстый ломоть, пока у меня не пересохло во рту. Без сомнения, где-то в глубине прятался яблочный слой, но я все еще до него не добрался. Говорить я не рисковал из опасения поперхнуться, а потому наступила неловкая тишина, и мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь ее нарушил. Сделала это миссис Рэдд.

— Мистер Хэрриот, — произнесла она с обычной спокойной деловитостью. — Дик хочет сказать вам одну вещь.

Дик откашлялся и сел прямее. Я вопросительно обернулся к нему.

Щеки у меня все еще раздувались от упрямого пирога. Дик выглядел непривычно серьезным, и мне вдруг стало не по себе.

— Я вам вот что хочу сказать, — начал он. — У нас скоро серебряная свадьба, и мы думаем отпраздновать ее как следует. И приглашаем вас.

Я глотнул так судорожно, что чуть не подавился.

— Дик, миссис Рэдд, я вам очень благодарен. С радостью приду... Почту за честь.

Дик с достоинством наклонил голову, сохраняя торжественный вид. Явно это было еще не все.

— Вот и отлично. Думаю, вам понравится, потому что праздновать мы решили по-настоящему. Сняли зал в «Королевской голове» в Карсли.

— Вот это да!

— Мы с хозяйкой все обсудили. — Он расправил худые плечи и гордо откинул голову. — Будет горячий обед и музыка!

Злостный неплательщик

Время шло, голый костяк моих теоретических познаний мало-помалу одевался плотью личного опыта, и тут я осознал, что в ветеринарной практике есть сторона, о которой в учебниках не пишут. Денежная. Деньги всегда воздвигали стену между фермером и ветеринаром. По-моему, многие фермеры — возможно даже, на уровне подсознания — убеждены, что о своей скотине они знают больше кого бы то ни было и платить посторонним за лечение этой скотины — значит признать свое поражение.

Стена эта была источником многих неприятностей даже в те далекие дни, когда им приходилось платить врачам за лечение собственных болезней из своего кармана и когда не было бесплатной Службы сельскохозяйственного развития и консультирования. Но положение в стократ ухудшилось теперь, когда на фоне вышеупомянутой службы, а также Государственной службы здравоохранения ветеринар безжалостно выделяется и изобличается, как единственный, кому приходится платить наличными.

Чаще всего фермеры проглатывают горькую пилюлю и вытаскивают чековые книжки, но некоторые — примерно десять процентов — прилагают все усилия, чтобы как-то увильнуть от этой необходимости.

У нас в Дарроуби имелись наши личные десять процентов — не очень сильный, но постоянный источник раздражения. Как помощник, я к финансовым делам отношения не имел, да и Зигфрида они, как правило, особенно не занимали, кроме времени, когда рассылались счета за квартал. Вот тогда он начинал лезть на стенку.

Мисс Харботтл, наша секретарша, педантично представляла ему оплаченные и неоплаченные счета аккуратной стопкой, и тут начиналось! Он проглядывал их поочередно, и было жутко наблюдать, как у него неуклонно поднимается давление.

Как-то вечером я застал его скорчившимся над письменным столом. Время шло к одиннадцати, а день у него выдался тяжелый. И сопротивляемость его была на нуле. Он внимательно прочитывал счет, прежде чем положить его на стопку слева от себя. Справа стопка была пониже, и если счет водворялся на нее, то это сопровождалось сердитым бурчанием, а время от времени бешеными взрывами.

— Нет, вы только представьте себе! — проворчал он, когда я вошел. — Генри Брансом... С тех пор как мы в последний раз видели хотя бы пенни

его денег, прошло больше двух лет, а он живет, как султан! Не пропускает ни одного рыночного дня на мили и мили вокруг, несколько ночей в неделю нализуется до чертиков, и я своими глазами видел, как на скачках в прошлом месяце он поставил на лошадь десять фунтов!

Он хлопнул счет на пачку справа и, тяжело дыша, взял следующий. И окаменел над ним.

— Взгляните-ка на этот! Старик Саммерс из Лоу-Несса. Голову прозакладываю, он у себя под кроватью прячет тысячи и тысячи фунтов, но, черт подери, ни с единым ради меня не расстанется!

Он помолчал, перекладывая несколько счетов на более высокую пачку, а затем с громким воплем обернулся ко мне, размахивая счетом под самым моим носом.

— Только не это! О черт! Джеймс, это уже чересчур! Берт Мейсон должен мне двадцать семь шиллингов шесть пенсов. И я наверняка потратил вдвое больше, посылая ему счета который уж год! И знаете, вчера я видел, как он проехал мимо окон приемной в новехоньком автомобиле! Мошенник чертов!

Он швырнул счет на стопку и взял следующий. Я заметил, что проделывает он все это одной рукой, а пальцы другой буйствуют в его шевелюре. Я горячечно надеялся, что он наткнется на серию исправных плательщиков, так как опасался, что новых шок его нервная система не выдержит. И словно бы моя молитва была услышана: в течение нескольких минут только тихо шуршали листки бумаги, когда их поднимали и опускали. Затем Зигфрид весь напрягся и замер в кресле, упершись взглядом в стол. Он взял счет, несколько секунд подержал на уровне глаз. Я стиснул зубы. Ну, сейчас последует извержение вулкана.

Однако, к моему изумлению, Зигфрид начал тихонько посмеиваться, потом откинул голову и разразился громовым хохотом. И хохотал, пока совсем не ослабел от смеха, а тогда посмотрел на меня.

— Майор, вот кто это, Джеймс, — объяснил он. — Милый доблестный старина майор! Знаете, им нельзя не восхищаться. Когда я купил практику, он уже был должен моему предшественнику порядочную сумму. И должен ее и посейчас. За свою работу я тоже не получил ни единого су. А ведь точно то же он проделывает со всеми, и тем не менее ему все сходит с рук. Он подлинный художник. По сравнению все остальные просто неумелые жалкие дилетанты.

Он встал, открыл стеклянный шкафчик над каминной полкой, извлек бутылку виски и две рюмки. Щедро наполнил обе и одну протянул мне, а затем вновь погрузился в кресло, все еще улыбаясь. Майор вернул ему

веселое настроение будто мановением волшебной палочки.

Прихлебывая виски, я размышлял, что в характере майора Булливанта, бесспорно, было что-то красочное и покоряющее. Перед миром он предстал воплощением патрицианской элегантности: бархатный голос актера на шекспировские роли, безупречные манеры и избыток особой внушительности. Всякий раз, когда он снисходил бросить мне дружеское слово, я чувствовал, что мне оказана огромная честь, хотя я прекрасно сознавал, что работаю на него даром.

У него была небольшая уютная ферма, жена — деревенская дама в твидовом костюме и несколько дочек, у которых были свои верховые лошади, так как они непременно участвовали в лисьих травлях, которые устраивал Охотничий клуб. Все в его доме, в его образе жизни соответствовало требованиям аристократичности. Но он никогда никому ничего не платил.

Прожил он в наших местах почти три года, и когда обосновался тут, торговцы наперебой старались заполучить его в клиенты. В конце-то концов, он выглядел одним из тех, к кому они питали особое уважение, — в

Дарроуби фамильные состояния предпочитали благоприобретенным. В прямом контрасте с тем, к чему я привык в Шотландии, тут же к человеку, сумевшему разбогатеть, относились с глубоким подозрением. Среди дарроубийцев не было обвинений страшнее, чем пробормотанный под нос темный намек: «Когда он сюда только приехал, у него за душой ну ничегошеньки не было».

Разумеется, когда пелена спала с их глаз, они начали принимать ответные меры, но без толку. Местный гараж взял в залог старый «роллс-ройс» майора и некоторое время яростно в него вцеплялся, но майор сумел вернуть его себе благодаря своему обаянию. Тем не менее одну неудачу он все-таки потерпел: его телефон был постоянно отключен — начальник почты принадлежал к тем немногим, кто оставался невосприимчивым к его улещиваниям.

Но свой срок наступает даже для самых больших знатоков своего дела. Как-то, проезжая через Холлертон, соседний рыночный городок, милях в десяти от Дарроуби, я заметил, что девицы Булливант целенаправленно переходят от лавки к лавке, вооруженные объемистыми корзинами. По-видимому, майору приходилось закидывать свои сети все шире, и я прикинул, что, пожалуй, он созрел для переезда. И действительно, несколько недель спустя он исчез из наших краев, предоставив множеству людей зализывать раны, которые он им нанес. Не знаю, заплатил ли он хоть кому-нибудь перед отъездом, только Зигфрид не получил ничего.

Но и после его исчезновения Зигфрид был не в претензии, предпочитая считать майора умником, величайшим мастером на избранном им поприще.

— Что ни говорите, Джеймс, — как-то заметил он, — но, если оставить в стороне этические соображения, признайте, что человек, способный задолжать дарроубийскому парикмахеру пятьдесят фунтов за стрижку и бритье, заслуживает известной доли уважения.

Отношение Зигфрида к его должникам было на редкость противоречивым. Порой он приходил в ярость при одном упоминании их фамилий, а иногда проявлял к ним саркастическую снисходительность. Если мы когда-нибудь пригласим своих клиентов на коктейли, говаривал он, то первыми приглашения получают наши должники, так как все они на редкость обаятельные люди.

Что не мешало ему вести с ними неумолимую войну при помощи серии писем, которые по степени суровости он распределял на три категории в согласии с системой, которую называл ВУА (Вежливое, Угрожающее, Адвокатское) и в которую глубоко верил. Жаль только, что система редко срабатывала, когда дело касалось закоснелых грешников, давно, привыкших получать письма от кредиторов с каждой утренней почтой. Они позевывали над вежливыми и угрожающими и оставались равнодушными к адвокатским, так как знали по опыту, что Зигфриду всегда претило прибегать к помощи закона в полную меру.

Когда система ВУА результатов не давала, Зигфрид начинал изыскивать не вполне ортодоксальные способы получить свои тяжким трудом заработанные гонорары. Вроде плана, который он разработал, чтобы одолеть Денниса Прэтта. Деннис был энергичным толстячком, и его очень высокое мнение о собственной особе воплощалось в том, как он всегда ходил, гордо выпрямившись во весь рост — пять футов три дюйма. Казалось, он устремлялся вверх: грудь выпячена вперед, жирный задик торчал под удивительным углом.

Деннис задолжал внушительную сумму и полтора года назад уже был подвергнут всей мощи системы ВУА. Она вынудила его расстаться с пятью фунтами «в счет долга», но тем все и ограничилось. А Зигфрид оказался перед тяжком дилеммой, потому что ему не хотелось брать за горло такого бодрого радушного человека.

Деннис всегда либо смеялся, либо готовился смеяться. Помню, как нам пришлось анестезировать корову на его ферме, чтобы удалить опухоль. Мы с Зигфридом приехали на вызов вместе и по дороге разговаривали о чем-то смешном. Вылезая из машины, мы продолжали хохотать, и тут из

распахнувшейся двери дома появился Деннис.

Мы находились в дальнем конце двора, и нас разделяло добрых тридцать ярдов. Он никак не мог слышать наш разговор, но едва он увидел, что мы смеемся, как откинул голову и от всей души присоединился к нам.

Шагая нам навстречу, он так трясся от смеха, что я опасался, как бы он не упал, а когда подошел, то утирал слезы с глаз.

Когда мы завершали визит, он обязательно приглашал нас отведать свежайшие булочки миссис Прэтт, а в холодные дни к нашему приезду уже был готов термос с горячим кофе. К тому же у него была милейшая привычка сначала плеснуть в чашку порядочную толику рома, а уж потом наливать в нее кофе.

— Тащить такого человека в суд невозможно, — сказал Зигфрид. — Но необходимо изыскать способ, как заставить его раскошелиться. — Несколько секунд он вперял задумчивый взгляд в потолок, затем стукнул кулаком по ладони. — Есть, Джеймс! Знаете, вполне возможно, что Деннису попросту не приходит в голову, что по счетам полагается платить. Так что я создам для него обстановку, которая вынудит его понять это. Счета как раз разосланы, и я договорюсь встретиться с ним здесь в два часа в следующий же базарный день. Скажу, что нам надо обсудить, что делать с маститом у его коров. И он окажется в самой гуще фермеров, расплачивающихся по счетам, причем я нарочно оставлю его с ними на полчаса. Уверен, он все поймет.

Я не разделял его оптимизма. Я уже успел узнать, что очень многие идеи Зигфрида были блистательными, а некоторые на редкость идиотичными. Но идей у него было такое количество, и сыпались они как из рога изобилия, так что частенько я не мог сразу определить, какая из них — какая. Но в этом случае он явно исходил из принципа уролога, который включает водопроводный кран на полную мощность, чтобы понудить пациента, страдающего мочезадержанием, помочиться в бутылочку.

Возможно, план имел свои достоинства, — не исключалось, что шелест чековых книжек, звяканье монет, шелест купюр досверлятся до давно погребенного долга и из скважины забьет мощный фонтан его возвращения, но я сильно в этом сомневался.

Видимо, мои сомнения отразились у меня на лице, потому что Зигфрид засмеялся и похлопал меня по плечу.

— Да не смотрите так хмуро! Почему бы нам не по-пробовать? И получится, вот увидите!

После обеда в базарный день я выглянул в окно и обнаружил, что в нашу сторону направляется Деннис. На улице было много народу — кто

торопился на рыночную площадь, кто торопился оттуда, но Деннис сразу бросался в глаза. Подбородок задран, сияющие улыбки направо и налево, каждый пружинистый шаг поднимал его на носки — ну как его было не узнать! Я открыл ему дверь, и он, выпятив грудь, прошествовал по коридору. Его спортивная куртка аккуратной складкой прикрывала выпуклые ягодицы.

Зигфрид стратегически усадил его рядом с мисс Харботтл, так что весь стол был открыт его взгляду. Затем он попросил извинить его на несколько минут — в операционной ждет собака. Я остался, чтобы отвечать на вопросы клиентов и следить за развитием событий. Ждать мне пришлось недолго. Фермеры начали входить один за другим почти непрерывным потоком, крепко сжимая чековые книжки. Некоторые терпеливо ждали своей очереди у стола, другие покорно рассаживались на стульях.

Был типичный день оплаты счетов с положенной квотой стенаний. Наиболее часто раздавались заявления, что мистер Фарнон «слишком уж налегал на перо», и многие хотели уплатить «чуток поменьше». Мисс Харботтл в этих вопросах полагалась на собственное суждение: если животное после лечения все-таки сдохло или цифры в счете выглядели великоватыми, она делала некоторую скидку.

Впрочем, один ничего не добился. Он воинственно потребовал «скидочки» со счета, и мисс Харботтл смерила его ледяным взглядом.

— Мистер Брюис, — сказала она, — заплатить по этому счету должны были год назад. Собственно, с вас следовало бы потребовать проценты. Скидки я делаю, только если по счету уплачивают в срок. Очень жаль, что вы тянули с этим столько времени.

Деннис сидел совершенно прямо, положив ладони на колени, и явно соглашался с каждым ее словом. Он осуждающе посмотрел на фермера, а потом обернулся ко мне с негодующе-доброжелательным выражением на лице.

Жалобы иногда перемежались данью уважения. Старичок, который получил одно из вежливых писем, рассыпался в извинениях:

— Уж извините, что я на пару-тройку месяцев задержался с уплатой. Ветеринары-то приезжали, чуть я звонил, так что нехорошо вышло, что я с их деньгами тянул.

Я увидел, что Деннис был абсолютно с ним согласен. Он энергично закивал и благожелательно улыбнулся старичку.

Еще один фермер, по виду из тех, кому пальца в рот не клади, направился к двери, не взяв квитанции, когда мисс Харботтл его окликнула:

— Захватите-ка ее с собой, не то мы ведь можем вам второй счет

прислать за то же самое, — тяжеловесно пошутила она.

Фермер остановился, уже взявшись за ручку двери.

— Я вам вот что скажу, миссис: скажите спасибо, что один-то раз получили, а чтоб второй — да никогда в жизни!

Деннис был свидетелем всего этого. Внимательно следил, как фермеры шлепают чековые книжки на стол перед мисс Харботтл, чтобы она вписала сумму (они никогда сами чеков не заполняли), а затем медленно, кропотливо расписываются. Зачарованным взором он следил, как пачки купюр исчезают в ящичке, а я не скупился на провокационные замечания, вроде: «А все-таки приятно, когда тебе платят. Без этого же мы не продержимся, ведь верно?»

Очередь мало-помалу редела, а порой мы и вовсе оставались в комнате одни и начинали беседовать на разные темы — о погоде, о скотине Денниса, о политике. Наконец вошел Зигфрид, и я поехал по вызовам.

Когда я вернулся, Зигфрид ужинал. Мне не терпелось узнать, как сработал его план, но он был непонятно сдержан. Наконец я не выдержал.

— Ну, так как же? — спросил я. Зигфрид подцепил на вилку кусок жаркого и намазал его горчицей.

— Что — как же?

— Ну-у... Деннис. Как у вас с ним прошло?

— Да прекрасно. Мы подробно разобрались с проблемой мастита у его коров. Утром во вторник я съезжу туда и обработаю пораженные четверти вымени у всех коров раствором акрифлавина. Новый способ лечения и, как я слышал, очень действенный.

— Вы знаете, я не об этом. Он изъявил намерение уплатить по счету?

Несколько секунд Зигфрид невозмутимо жевал и проглатывал.

— Нет. Ни словом, ни намеком. — Он положил нож с вилкой, и на его лице появилось измученное выражение. — Не подействовало, верно?

— Ну, неважно. Как вы сами сказали: почему бы не попробовать. — Я замялся. — Это уже о другом, Зигфрид. Боюсь, вы на меня рассердитесь. Я знаю, вы говорили мне, чтобы я никогда не давал лекарств тем, кто не платит, но он выманил у меня две бутылки жаропонижающего. Просто не понимаю, что на меня нашло.

— Выманил, говорите? — Зигфрид секунду-другую смотрел в пустоту, а потом улыбнулся скорбной улыбкой. — Забудьте об этом! От меня он получил шесть жестянок желудочного порошка.

Злостный неплательщик 2

Впрочем, один из них приглашения на вечеринку должников не получил бы — некий мистер Хорас Дамблби, олдгравский мясник. Хотя, как завзятый неплательщик, он, несомненно, отвечал важнейшему условию, но слишком уж мало было в нем обаяния!

Торговля в его лавке на главной улице живописной деревни Олдграв шла бойко и приносила немалую прибыль, однако наибольший доход он получал, обслуживая окрестные деревушки и фермы. Обычно в лавке управлялись его жена и замужняя дочь, а сам мистер Дамблби совершал очередной объезд. Я часто заставал во дворах ферм его голубой фургон: задние дверцы открыты, и фермерша терпеливо ждет, пока он нарубит мясо. Его дюжая бесформенная фигура наклонялась над колодой, и, когда он выпрямлялся, я успевал увидеть огромное бульдожье лицо и меланхоличные глаза.

Мистер Дамблби и сам был немножко фермер. Он продавал молоко от шести коров, стоявших в небольшом ладном коровнике позади лавки, а кроме того, откармливал несколько бычков и боровов, которые со временем появлялись у него на витрине в виде колбас, фаршей, вырезок и отбивных. Судя по всему, мистер Дамблби успел нажать круглый капиталец и, по слухам, владел кое-какой недвижимостью в Олдграве и в окрестностях. Тем не менее Зигфрид редко видел, какого цвета его деньги.

У тех, кто не спешил с оплатой, имелось одно общее качество: они требовали, чтобы ветеринар являлся по первому зову, и не терпели ни малейшего промедления. «Вы приедете немедленно?», «Через сколько минут вас ждать?», «Вы поторопитесь, не правда ли?», «Сейчас же выезжайте, я настаиваю!» Я пугался, глядя, как на лбу Зигфрида набухают вены, как белеют пальцы, стискивающие телефонную трубку.

После одной такой беседы с мистером Дамблби в одиннадцатом часу ночи, в воскресенье, он пришел в бешенство и высказал мяснику все, что накопело у него на душе. Это не заставило мистера Дамблби раскошелиться, но чрезвычайно его обидело. Он явно не сомневался в своей правоте. И с тех пор, когда бы я ни встречал его голубой фургон, мистер Дамблби медленно оборачивался и устремлял на меня пустой взгляд. Но вот что странно: теперь я натыкался на него все чаще и чаще. Это даже начинало действовать мне на нервы.

Затем дело приняло совсем уж скверный оборот. Мы с Тристаном

облюбовали уютный олдгравский трактирчик, где пиво отвечало взыскательному вкусу Тристана. Прежде я как-то не замечал, что мистер Дамблби был его завсегдатаем, и всегда занимал столик в углу. Теперь же, стоило мне посмотреть вокруг, я обязательно встречал укоризненный взгляд его больших печальных глаз. Стараясь отвлечься, я сосредоточенно слушал болтовню Тристана, но все равно ощущал на себе этот взгляд. Смех замирал у меня на губах, и я невольно оглядывался, после чего прекрасный портер приобретал вкус уксуса.

Редкие часы, которые мне удавалось проводить в трактирчике, обрели оттенок кошмара. Я лихо осушал очередную кружку, я смеялся, шутил, даже пел — и все время с тайным напряжением ждал минуты, когда не выдержу и обернусь.

Оставалось одно: больше не заглядывать в трактирчик и тоскливо выслушивать лирические восторги Тристана по поводу орехового аромата, который он обнаружил в тамошнем портере. Но трактирчик потерял для меня всякую прелесть: я просто больше не мог находиться под одной крышей с мистером Дамблби.

По правде говоря, я сумел-таки выбросить этого джентльмена из головы, но вскоре вынужден был про него вспомнить, когда в три часа ночи из телефонной трубки донесся его голос. Если телефон на тумбочке трезвонил у самого твоего уха в предрассветной мгле, это почти обязательно означало, что где-то начала тельиться корова.

Звонок мистера Дамблби не составил исключения, но вот говорил мистер Дамблби с исключительной бесцеремонностью. В отличие от большинства фермеров он и не подумал извиниться, что звонит в такое время. Я сказал, что приеду немедленно, но ему этого было мало; он пожелал точно узнать, через сколько минут меня ждать. Еще не совсем проснувшись, я саркастически изложил свой график: столько минут на одевание, столько на то, чтобы спуститься вниз, столько — чтобы вывести машину из гаража... но, боюсь, он не заметил иронии.

Когда я въехал в спящую деревню, в витрине мясной лавки горел свет. Мистер Дамблби выскочил на улицу почти рысью и, пока я вынимал из багажника веревки и инструменты, нетерпеливо расхаживал взад и вперед, ворча себе под нос. «А больше года не платить по счету ветеринара у него терпения хватает», — подумал я.

Чтобы попасть в коровник, нам пришлось пройти через лавку. Моя пациентка, крупная упитанная корова белой масти, относилась к своему положению с полным благодушием. Время от времени она тужилась, и наружу на несколько дюймов высывались две ножки. Я внимательно их

осмотрел — для ветеринара это первое указание, насколько тяжелая работа ему предстоит. Когда в первый раз телится молодая небольшая корова, два широких копытца способны сразу стереть улыбку с моего лица. Эти же копытца были широкими, но в меру, да и, судя по матери, плоду особенно тесно не было. Я прикинул: что же могло нарушить естественный ход событий?

— Я там пощупал, — сказал мистер Дамблби. — Голова близко. А сдвинуть никак не удастся. Я за ноги дергаю целых полчаса.

Пока я раздевался по пояс (почему-то комбинезон все еще казался мне символом изнеженности), у меня сложилось убеждение, что ситуация могла оказаться и гораздо хуже. В каких только ветхих и холодных сараях не доводилось мне снимать рубашку! А это, во всяком случае, добротный современный коровник, где шесть коров с успехом заменяли центральное отопление. И электрическое освещение вместо обычного керосинового фонаря с закопченным стеклом.

Намылив и продезинфицировав руки по плечи, я произвел первое исследование. Обнаружить причину затруднения оказалось просто.

Действительно, две ноги и голова. Только принадлежали они разным телятам.

— Двойня, — сказал я. — Вы тянули за задние ноги. Спинное предлежание.

— Задницей, что ли, идет?

— Да, если вам так больше нравится. А второй теленок идет головой, но ноги вытянуты вдоль боков. Мне придется отодвинуть его подальше назад, чтобы он не мешал, и сначала извлечь первого.

Будет-таки тесно! Я в принципе люблю принимать двойню, потому что такие телята обычно бывают очень маленькими, но эти казались довольно крупными. Я прижал ладонь к мордочке, сунул палец в рот и был вознагражден подергиванием языка. Жив, значит!

Ровным нажимом я начал задвигать его назад в матку, пытаюсь представить себе, как все это воспринимает малыш. Он ведь уже почти появился на свет — от его ноздрей до вольного воздуха оставалось сантиметров пять, не больше, — и вот теперь его возвращают в исходную позицию.

Не понравилось это и корове. Во всяком случае, последовали могучие потуги — она явно старалась помешать мне. И почти преуспела, поскольку корова заметно сильнее человека. Но я не отнимал напряженной ладони от теленка и, хотя потуги отталкивали руку назад, продолжал нажимать, пока не отодвинул его из тазового отверстия. Тут я оглянулся на мистера

Дамблби и прохрипел:

— Теперь его голова мешать не будет. Беритесь за ноги и вытаскивайте первого теленка.

Мясник грузно шагнул вперед и зажал ноги в тяжелых кулаках. Потом, зажмурив глаза, пыхтя и гримасничая, вроде бы принялся тянуть. Но теленок не сдвинулся ни на йоту, и у меня защемило сердце. Мистер Дамблби оказался кряхтелой! (Этот термин появился после того, как однажды во время отела Зигфрид и хозяин коровы ухватили каждый по ноге, но хозяин предпочел не напрягаться и только жалобно покряхтывал. Зигфрид поглядел на него и сказал: «Послушайте, давайте договоримся: вы тяните, а я за вас покряхчу».)

Было ясно, что помощи от дюжего мясника ждать нечего, и я решил попробовать сам. А вдруг повезет? Отпустив мордочку, я попытался схватить задние ноги, но корова меня опередила: мои пальцы еще не успели сомкнуться на скользкой шерстке, как она понатужилась, — и второй теленок вернулся на прежнее место. Опять начинай все сначала!

Вновь я уперся ладонью во влажную мордочку, и мучительный процесс отжимания возобновился. Преодолевая мощные потуги, я невольно вспомнил, что в четыре часа утра человек редко бывает в наилучшей форме. К тому времени, когда я отодвинул голову из тазового отверстия, меня уже начала одолевать необоримая слабость — ощущение было такое, словно кто-то вынул из моей руки значительную часть костей.

На этот раз, перед тем как отпустить голову и вцепиться в ноги, я несколько секунд передохнул, но все равно опоздал. Корова с помощью точно рассчитанной потуги вышла победительницей из состязания. И голова перекрыла тесный проход в третий раз.

Ну, хватит! Тут меня осенила мысль, что и теленок, наверное, устал от этого скольжения взад-вперед. Дрожа от озноба, я прошел через холодную пустую лавку на спящую улицу и достал из машины все необходимое для местной анестезии. Восемь кубиков в эпидуральное пространство головного мозга — и корова, матка которой совершенно онемела, утратила всякий интерес к происходящему. Она даже выхватила из кормушки клочок сена и принялась рассеянно жевать.

Дальше все пошло как по маслу: то, что я отодвигал, отодвигалось и не выталкивалось назад. Когда я все наладил, единственной трудностью оказалось отсутствие схваток, которые теперь только помогали бы мне. Значит, придется тянуть самому. Я ухватил одну ногу, принудил пыхтящего от мук мистера Дамблби ухватить вторую, и теленок, шедший спиной вперед, скоро был благополучно извлечен. Он успел вдохнуть изрядное

количество плацентарной жидкости, но я подержал его вниз головой, и он ее выкашлял. Затем я положил его на пол коровника, он энергично потряс головой и попытался сесть.

Тут настало время вернуться за моим старым приятелем, вторым теленком. Он лежал теперь в глубине и словно бы дулся. Когда я в конце концов вытащил его наружу, он пофыркивал, дергал ногами и, казалось, собирался сказать: «Так, значит, вы все-таки решили, в какую сторону меня двигать?» И надо признать, у него были для этого все основания!

Водя полотенцем по груди, я, как всегда, с особой пронзительной радостью смотрел на двух маленьких мокрых телят, которые барахтались на полу. Мистер Дамблби растирал их пучком соломы.

— Большие для близнецов-то, — пробормотал мясник.

Даже столь умеренное одобрение меня изумило, и я подумал, что не стоит упускать случая.

— Да, отличные телята. Когда они при родах перепутываются, как сегодня, то чаще рождаются мертвыми. Хорошо, что нам удалось сохранить их живыми! — После паузы я добавил: — А знаете, эта парочка немало стоит.

Мистер Дамблби промолчал, и я не понял, попала ли стрела в цель.

Я оделся, собрал свои принадлежности и следом за ним прошел из коровника через лавку мимо огузков на крючьях, потрохов на подносах и груды свежайших сосисок. У входной двери мясник вдруг нерешительно остановился. Он словно что-то обдумывал. Вдруг он обернулся ко мне.

— Может, желаете немножко сосисок?

Я даже пошатнулся от удивления.

— Благодарю вас. С удовольствием возьму.

Каким невероятным это ни казалось, но мне удалось тронуть его сердце!

Мистер Дамблби прошествовал к сосискам, отрезал фунтовую гирлянду, быстро завернул ее в пергаментную бумагу и протянул мне.

Я смотрел на пакет, ощущал в руке его вес — и все-таки не мог поверить. И тут мной овладела недостойная мысль. Я знаю, это было нечестно — благородные порывы наверняка лишь изредка возвышали душу бедняги мясника, — но какой-то внутренний демон толкал меня подвергнуть испытанию его щедрость. Я сунул руку в карман брюк, побренчал мелочью, поглядел ему прямо в глаза и спросил:

— Так сколько же я вам должен?

Дородная фигура мистера Дамблби вдруг окаменела, и несколько секунд он простоял, не сделав ни единого движения. Повернутое ко мне

лицо не выражало ничего, но подергивающаяся щека и нарастающая мука в глазах вы-давали кипевшую в нем битву. Наконец он хрипло прошептал, как будто каждое слово извлекали из него клещами:

— Два шиллинга шесть пенсов.

Я и Тристан. Попытка развеяться

Для меня стояние перед дверьми больницы в ожидании, когда у медсестер закончится дежурство, было внове, а для Тристана — привычным делом, он проводил там по несколько вечеров в неделю. Его опыт сказывался во многих отношениях, но главным образом он проявлялся в грамотно занимаемой позиции: Тристан стоял под прикрытием козырька над входом в офис газовой компании, где на него не попадал свет уличных фонарей. Со своего места он мог видеть расположенный на другой стороне вход в больницу и длинный белый коридор, ведущий к кабинетам медсестер. Но было в его позиции и еще одно преимущество: случись Зигфриду пройти по той же улице, Тристан оставался невидимым и неуязвимым.

В половине восьмого он толкнул меня. Из дверей больницы вышли две девушки и остановились, словно поджидая кого-то. Тристан осторожно поглядел в обе стороны и только потом взял меня за руку.

— Вперед, Джим, это — они. Та, что слева, — Конни, симпатичная малышка с медными волосами.

Мы подошли ближе, и Тристан представил меня со свойственным ему обаянием. Должен признаться, что вечер и в самом деле имел лечебный эффект, поскольку я уже начинал чувствовать себя лучше. Было что-то исцеляющее в том, как на меня снизу вверх смотрели две милых девушки с горящими глазами, как будто я был ответом на самые сокровенные их молитвы.

Они были чем-то похожи друг на друга, отличаясь цветом волос. Бренда была темноволосой, а волосы Конни, блестящие в свете открытой входной больничной двери, были посветлее. Обе они отличались отменным здоровьем — свежими щечками, белыми зубками и чем-то таким, что мне было особенно приятно: они просто хотели доставлять радость.

Тристан открыл заднюю дверь автомобиля с показным шиком.

— Поосторожнее с ним, Конни. Это он выглядит тихоней, но с женщинами превращается в дьявола. Повсеместно известен как великий дон Жуан.

Девчонки захихикали и стали рассматривать меня с еще большим интересом. Тристан сел за руль, и мы понеслись на головокружительной скорости.

Мимо пролетали окрестные поля, а я откинулся на своем сиденье и

слушал Тристана, который теперь был в ударе. То ли он хотел предпринять легкую попытку поднять мой дух, то ли всегда был таким в подобной ситуации, но поток его речи не останавливался ни на миг. Девушки представляли собой идеальную аудиторию, поскольку радостно смеялись надо всем, что он говорил. Я почувствовал, как Конни прижимается ко мне. Она сидела очень близко ко мне, хотя с другой стороны от нее было много свободного места. Наш автомобильчик резко повернул, и ее бросило на меня, она вполне естественным движением положила свою голову мне на плечо. Я почувствовал, как ее волосы щекочут мне щеку. Она не была сильно надушена, а пахла чистым мылом и антисептиками. Мои мысли вернулись к Хелен, я немного думал о ней в последние дни. Это был просто вопрос тренировки: надо было подавлять любую мысль о ней, как только она возникала. Я теперь достиг в этом больших успехов. Как бы то ни было, все кончилось, кончилось, так и не начавшись.

Я обнял Конни, и она подняла лицо навстречу мне. Ну, значит, так тому и быть, подумал я и поцеловал ее. Тристан на переднем сиденье запел, Бренда хихикала, а старый автомобиль, скрипя и гремя, несся по проселку.

Наконец мы прибыли в Пултон, деревушку, стоящую на дороге в никуда. Ее единственная кривая улочка заканчивалась тупиком, в котором стоял древний крест и начинался крутой подъем на холм, где разместился зал для танцев.

Именно там и должны были начаться танцы, но у Тристана были иные планы на начало мероприятия.

— Тут рядом очень хороший паб. Нам надо принять что-то на грудь, чтобы поднять настроение.

Мы вышли из машины, и Тристан проводил нас к небольшому каменному строению.

В нем не было ничего от старинных традиций — просто большое квадратное чистое помещение с открытой кухней, черным грилем и обращенными к ней стульями с высокой спинкой. Над грилем под потолком проходила единственная огромная балка, потемневшая от многих лет и копоти.

Мы поспешили усесться на стулья, видя в здешнем комфорте защиту от непогоды на улице. Мы чувствовали, что пришли именно туда, куда надо.

Вошел хозяин. Он был одет неофициально — без пиджака, только полосатая рубашка без воротника, брюки и подтяжки, перехваченные широким ремнем на груди. Его веселое лицо оживилось при виде Тристана.

— А вот и мистер Фарнон. Как поживаете?

— Как никогда лучше, мистер Пикок, а как вы?

— Прекрасно, сэр, прекрасно. Не жалуясь. А второго джентльмена я тоже знаю. Вы ведь были у меня, не так ли?

И я вспомнил. Я тогда проводил инспекцию местных ферм вокруг Пултона и зашел сюда перекусить, замерзший и умирающий от голода после многочасовой схватки с молодыми животными на вересковых холмах. Хозяин принял меня, не выражая никаких эмоций, и немедленно поставил на огонь сковородку, а я сидел и смотрел на его рубашку и на подтяжки. Приготовленная еда заняла всю поверхность круглого дубового стола возле гриля — толстый стейк из домашней свинины с двумя свежими жареными яйцами поверх него, свежеспеченный хлеб с воткнутым в него ножом, тарелка с маслом со здешней фермы, варенье, огромный чайник чая и целая головка здешнего сыра — круглая, снежно-белая, не меньше полуметра высотой.

Я легко вспомнил, как, не веря своим глазам, долго поедал поставленную на стол пищу, закончив ее невероятно вкусным сыром, который я поедал ломтик за ломтиком. Вся трапеза стоила мне два шиллинга шесть пенсов.

— Да, мистер Пикок, я уже бывал здесь и, когда буду умирать от голода на необитаемом острове, буду вспоминать о том, как вкусно вы меня угостили в тот раз.

Хозяин пожал плечами.

— Да не было ничего особенного. Так, все как обычно.

Но было видно, что ему приятно.

— Вот и отлично, — нетерпеливо сказал Тристан. — Но сегодня мы пришли не есть, а пить; а у мистера Пикоча самое лучшее пиво в Йоркшире. Хочу, чтобы и ты, Джим, сказал мне, как оно тебе понравится. Будьте любезны, мистер Пикок, принесите нам две большие кружки и две маленькие.

Я обратил внимание, что он не стал спрашивать девушек, чего бы им хотелось, но, судя по всему, они были довольны его выбором. Хозяин поднялся из подвала с легкой одышкой. Он нес высокий эмалированный кувшин, из которого тонкой коричневой струйкой наполнил кружки опытной рукой, соорудив над каждой шапку белой пены.

Тристан поднял кружку и посмотрел на нее с тихим благоговением. Он осторожно понюхал аромат и отпил каплю, но не проглотил сразу, а несколько секунд подержал во рту, перекачивая ее движением челюсти. Проглотив порцию, он несколько минут торжественно чмокал губами, затем закрыл глаза и сделал глоток поосновательнее. Он долго сидел,

закрыв глаза, а когда открыл, в них горел такой восторг, будто он увидел перед собой величественное зрелище.

— Какое же удовольствие заходить сюда, — прошептал он. — Создание бочкового пива требует большого умения, но вы, мистер Пикок, прямо художник.

Хозяин скромно склонил голову, и Тристан, подняв кружку в заздравном жесте, опрокинул ее в себя легким движением своего локтя.

Девушки заахали в восхищении, но я видел, что им нелегко даются их порции. Я с усилием проглотил свою, и эмалированный кувшин вновь вступил в дело.

Я всегда попадал в неудобное положение в компании такого виртуоза, как Тристан, но по мере того, как развивались события, а хозяин навещал свой погреб снова и снова, мне становилось все легче. Позднее, с восьмой кружкой, я почувствовал себя совсем хорошо, и мне стало интересно, как же это я раньше испытывал трудности с поглощением больших количеств жидкости. Теперь эта процедура казалась мне несложной и приятной. Тристан был прав: это именно то, что было мне нужно.

Мне стало непонятно, как же я раньше не заметил, что Конни — одна из самых красивых девушек на свете. Там, на улице перед больницей, она показалась мне привлекательной, но это явно оттого, что освещение было слабым и я не заметил, насколько безупречна ее кожа, как загадочна глубина ее зеленых глаз, как прекрасны ее волосы, в которых медью играет огонь очага. А ее смеющийся рот, ровные зубки и маленький розовый язычок! Она постоянно смеется, делая паузы лишь для того, чтобы выпить пива. Все, что я говорил, было исполнено мудрости и блестящего остроумия, а она все время смотрела на меня поверх своей кружки с нескрываемым восхищением. Это сильно окрыляло.

Пиво текло, а время замедлялось и наконец остановилось совсем, больше не было ни прошлого, ни будущего, — только лицо Конни и теплое, спокойное настоящее.

Я удивился, когда Тристан взял меня за руку. Я и забыл, что он тоже здесь, и сфокусировал на нем свой взгляд так же, как ранее на Конни: я видел одно лишь его лицо, подвешенное в атмосфере пустой комнаты. Только лицо его теперь было красным, он тяжело дышал, а его глаза остекленели.

— Хочешь, покажу сумасшедшего дирижера? — спросило лицо.

Я был глубоко тронут. Вот еще одно доказательство заботы моего друга обо мне. Из всего репертуара Тристана его пародия на сумасшедшего дирижера была наиболее трудной. Она требовала огромных затрат энергии,

а поскольку Тристан не привык к любой физической активности, она его выматывала. И все же он был готов пожертвовать собой. Меня охватила волна сладостного чувства, и на секунду мне показалось, что я даже могу расплакаться, но я удовлетворился тем, что пожал Тристану руку.

— Ничего не хочу так, как этого, старина, — сказал я веско. — Мне сегодня вечером именно этого и не хватало. И я хочу воспользоваться случаем, чтобы сказать тебе, что во всем Йоркшире не найдется более достойного джентльмена, чем Тристан Фарнон.

Огромное красное лицо стало торжественным.

— Старина, твои слова — большая честь для меня.

— Нис-с-сколько, — выговорил я с трудом. — Я даже не мог надеяться на то... на то... на то, чтобы выразить свое высокое к тебе отношение.

— Ты слишком добр ко мне, — Тристан икнул.

— Ничего подобного. Знакомство с тобой — это большая честь для меня, редкая привилегия.

— Спасибо, спасибо, — Тристан старательно кивал головой в нескольких сантиметрах от моего лица.

Мы уставились друг на друга, и разговор мог бы продолжаться еще долго, но вмешалась Бренда.

— Эй, вы двое, перестаньте тереться носами, а закажите мне еще пива.

Тристан окинул ее холодным взглядом.

— Тебе придется подождать несколько минут. Я должен кое-чем заняться.

Он поднялся, встряхнулся и с достоинством вышел на середину комнаты. Тристан повернулся к нам, и я заметил, что он сильно возбужден. Я почувствовал, что на сей раз произойдет нечто необычайное.

Тристан поднял руки и повелительным взглядом посмотрел на воображаемый оркестр, окинув одним движением головы ряды и струнных, и духовых, и ударных инструментов. Затем мощным движением руки он начал увертюру. «Что он играет? — подумал я. — Россини или, может быть, Вагнера?» Я смотрел, как он вскидывает голову, взмахом кулака приглашая вступить струнные, или дрожащей вытянутой рукой повелевает трубами.

Где-то посередине пьесы начались проблемы, и я заворуженно смотрел, как его лицо начало дергаться, а губы — дрожать. Взмахи рук становились все более дергаными, а все его тело охватил неуправляемый спазм. Было ясно, что дело идет к концу: глаза Тристана вращались, волосы упали на лицо, он потерял управление музыкой, и она беспорядочно клубилась вокруг него. Внезапно он замер как парализованный, руки его

опустились, и он рухнул на пол.

Я вместе со всеми засмеялся и захолопал, но вдруг заметил, что Тристан слишком неподвижен. Я наклонился к нему и обнаружил, что он ударился головой о тяжелую дубовую ножку стула и почти потерял сознание. Медсестры быстро принялись за дело. Бренда опытным движением подняла ему голову, а Конни принесла воду и полотенце. Когда Тристан открыл глаза, они обмывали крупную шишку у него над ухом.

Появился встревоженный мистер Пикок.

— Все нормально? Могу я чем-то помочь?

Тристан сел на стул и с трудом отхлебнул пива. Он был очень бледен.

— Через минуту я приду в себя, а пока попрошу о последней любезности. Принесите нам еще по одной на посошок, — и нам пора на танцы.

Хозяин поспешил прочь и вернулся с эмалированным кувшином, полным до краев. Последняя кружка волшебным образом вернула Тристана к жизни, и он вскоре встал на ноги. Мы с признательностью обменялись рукопожатиями с мистером Пикоком и вышли. После яркого света паба темнота накрыла нас, как одеялом, и мы с трудом находили дорогу на крутой улице. Наконец мы увидели здание танцзала на вершине поросшего травой холма. Сквозь шторы просачивался слабый свет, и мы слышали музыку и ритмическое топание ног.

Веселый молодой фермер на входе принял наши деньги, и когда мы вошли в зал, то оказались в плотной массе танцующих. Зал был битком набит молодыми людьми в строгих темных костюмах и девушками в ярких платьях. Все они радостно потели, раскачиваясь и кружась в такт музыке.

На невысоком подиуме в одном конце четыре музыканта выкладывались, как могли, — на пианино, аккордеоне, скрипке и ударных. На противоположном конце несколько приятных женщин средних лет стояли за длинным столом на козлах, распорядясь толстыми бутербродами с ветчиной, заливным, домашними пирогами, кувшинами с молоком и бисквитами, обильно украшенными сбитыми сливками.

Везде по стенам стояли парни, выискивая глазами девушек без пары. Я узнал одного.

— Как называется этот танец? — прокричал я через общий шум.

— Тристеп Евы, — ответил он.

Мне он был внове, но я уверенно пошел танцевать с Конни. Танец состоял из кружений и топанья ногами по полу, и когда мужчины опускали свои тяжелые башмаки на доски пола, зал сотрясался, а грохот стоял оглушительный. Мне понравилось, я был предельно счастлив и без усилий

кружил Конни в толпе. Я смутно чувствовал, что расталкиваю других танцующих плечами, но, как ни старался, не чувствовал под ногами пола. Это ощущение легкости было восхитительным. Я понял, что никогда в жизни не был так счастлив.

Протанцевав несколько танцев, я почувствовал сильный голод и вместе с Конни поплыл к буфету. Мы оба съели по огромному ломтю ветчины и по куску пирога с яйцом, который был настолько хорош, что мы немедленно повторили. Потом мы съели по бисквиту. Мы были посреди тура вальса, когда я вновь ощутил доски под ногами, и они явно тащили меня куда-то. Конни тоже чувствовала себя плохо, она просто повисла у меня на руках.

Она подняла на меня глаза. Ее лицо было совершенно белым.

— Что-то мне нехорошо. Извини.

Она отодвинулась от меня и, обходя собравшихся, зигзагами пошла к дамской комнате. Через несколько минут она показалась в зале. Лицо ее больше не было белым. Оно было зеленым. Она неуверенно подошла ко мне.

— Не выйти ли нам на свежий воздух? Проводи меня.

Я вывел ее в темноту и почувствовал себя так, будто вышел на палубу корабля. Земля качалась и вздыбливалась под моими ногами, которые мне пришлось расставить, чтобы не упасть. Держа Конни за руку, я быстро двинулся к наружной стене зала и прислонился к ней спиной. Это не сильно помогло, поскольку стена тоже уходила из-под меня. Меня охватила волна тошноты. Я вспомнил о ветчине и пироге с яйцами и громко застонал.

Открыв рот, я жадно глотал свежий воздух и смотрел вверх на суровый размах ясного ночного неба и рваные облака, время от времени закрывающие лик Луны.

— О боже, — простонал я. — Зачем же я выпил так много этого чертова пива?

Но нужно было присмотреть за Конни. Я положил руку ей на плечо.

— Пойдем, нам уже лучше, пошли.

Мы стали в темноте ходить вокруг здания. После не-скольких кругов я остановился, чтобы отдышаться, и резко тряхнул головой, чтобы прочистить мозги.

Мы не разбирали дороги, а я забыл, что танцзал был расположен на холме с крутыми склонами. Наконец наступило мгновение, когда у нас под ногами ничего не оказалось, и мы грохнулись вниз. Наш путь закончился на куче мусора на дне оврага.

Я мирно лежал, пока не услышал жалобные всхлипывания неподалеку. Конни! Как минимум, возможен сложный перелом, но, когда я помог ей, то обнаружил, что она невредима, равно как и я, что удивительно. После такого количества алкоголя мы были расслабленными, как тряпичные куклы. Мы поднялись к зданию зала и остановились перед входной дверью. Конни невозможно было узнать, ее прелестные волосы лохмами свисали на лицо, глаза были пусты, а слезы оставили дорожки на грязных щеках. Мой костюм был заляпан глиной, и я чувствовал, как она же засыхает на моей щеке. Мы стояли рядом, печально подпирая друг друга в дверях. Все танцующие слились в одно пятно. Мой желудок бурлил.

И тут я услышал, как кто-то сказал: «Добрый вечер». Голос принадлежал женщине, стоявшей где-то недалеко. Я разглядел две человеческие фигуры. Похоже, они только что вышли на воздух.

Я решительно сконцентрировался на них и навел фокус. Это была Хелен с каким-то мужиком. Его розовощекое, гладко выбритое лицо, лоснящиеся блондинистые волосы, расчесанные на пробор, были в полной гармонии с его безупречно британским теплым пальто. Он смотрел на меня с неприязнью. Мои глаза снова расфокусировались, и я слышал только голос Хелен.

«А мы решили заглянуть на минутку, чтобы посмотреть, как люди танцуют. А как вам, нравится?»

И тут неожиданно я отчетливо увидел ее. Она улыбалась своей милой улыбкой, но ее глаза смотрели строго, когда она переводила их с меня на Конни и обратно. Я был не в состоянии разговаривать, видя только ее спокойную красоту посреди шума и гама. Мне показалось вполне естественным обнять ее, но я оставил эту мысль и только молча глупо кивнул.

«Ну что ж, а нам пора, — сказала она и снова улыбнулась. — Спокойной ночи».

Блондинистый мужик холодно кивнул мне, и они ушли.

Особенности местной жизни

Дело, казалось, обстояло так, что мне будет нетрудно вернуться на дорогу. И я благодарил за это судьбу, поскольку было семь часов и зимняя заря только начала освещать восточные склоны вересковых холмов, а это было не самое удачное время для того, чтобы откапывать машину.

Узкая дорога петляла по плато, и от нее отходили еще более узкие ответвления, которые вели к одиноким фермам в конце. Когда я ехал на этот ранний вызов по случаю маточного кровотечения у коровы, снега практически не было, но ветер постоянно крепчал и вздымал на вершинах холмов белые облака из снега, который лежал там уже много недель. Фары моего автомобиля выхватывали из темноты тонкие полосы сугробов, пересекающие проезжую часть.

Так начинаются все снежные заносы на дорогах, и находясь на ферме, после того, как я вколол питуитрин и накрыл кровоточащую матку чистой тканью, я услышал, как ветер хлопает дверью хлева, и подумал, смогу ли выиграть гонку до дома.

На обратном пути сугробы перестали быть тонкими и лежали на пути настоящими валами, но мой автомобильчик как-то продирался сквозь них, иногда, правда, сваливаясь в занос от пробуксовки колес, но теперь я уже видел в нескольких сотнях метров впереди главную дорогу, которая призывно чернела прямо по курсу.

Но как раз именно в этом месте — слева, на той стороне поля — стояла ферма, где я лечил бычка. Он объелся мороженой репой, и мой визит был назначен на сегодня. Мне была не по душе мысль о поездке к ним, однако иного выхода не было, к тому же в окне кухни горел свет. Значит, семья уже проснулась. Я свернул и въехал к ним во двор.

Дверь в дом выходила на крыльцо, на которое ветер нанес довольно большое количество снега, высота сугроба превышала полметра. Я перешагнул через него и собрался постучать, как вдруг сугроб чуть вздрогнул и стал подниматься. Там спрятался кто-то, причем очень большой. Было удивительно наблюдать в полумраке, как из-под снега выбирается мохнатое существо. Видимо, какое-то дикое животное спряталось в снегу в поисках тепла, оно было крупнее лисы и вообще — любого животного, которое только могло прийти мне в голову.

Но тут открылась дверь, и меня поприветствовал Питер Тренхольм, а из глубины ярко освещенной комнаты мне улыбалась его жена. Они

составляли веселую молодую пару.

— А что это? — Я с удивлением показал на зверя, который резкими движениями отряхивался от снега.

— Это? — Питер улыбнулся. — Это — Тип.

— Тип? Ваша собака? Но что он делает в сугробе?

— Да его просто занесло снегом, я так думаю. Он все время там спит, за дверью.

Я уставился на фермера.

— Вы имеете в виду, что он спит там, на воздухе, каждую ночь?

— Да, постоянно. И летом, и зимой. Но не смотрите на меня так, мистер Хэрриот, — он сам выбрал. У других собак лежанки находятся в теплом хлеву, но Типу это не понравилось. Ему теперь уже пятнадцать, но он так спит с тех пор, как был щенком. Помню, еще когда отец был жив, он и так и эдак пытался заставить его спать внутри, но ничего не вышло.

Я с огромным удивлением смотрел на старого пса. Теперь я видел его более четко. Это не была обычная овчарка, пес был крупнее, крепче, шерсть на нем — длиннее, и от него исходила такая жизненная сила, которая никак не соответствовала его пятнадцати годам. Было невозможно поверить, что какое-либо животное, живущее на здешнем холодном плато, согласится спать на улице и получать от этого удовольствие. Мне пришлось приглядеться повнимательнее, чтобы найти признаки его преклонного возраста. Легкая напряженность в его шагах, когда он шел по двору, несколько осунувшаяся морда и, конечно же, многозначительная пустота в глубине его глаз... Но в целом он казался символом неугасимой энергии.

Он отряхнул с себя последние остатки снега, грациозно приблизился к Питеру и пару раз твякнул. Питер Тренхольм рассмеялся.

— Видите, он готов отправляться на работу. Он все время клянчит работу, этот Тип.

Он повел меня к постройкам, и я двинулся следом, спотыкаясь на замерзших тележных колесах и пряча лицо от кинжального ветра. Как же стало лучше, когда мы вошли в хлев, в его тепло!

В длинном строении содержались разные животные. Большую часть занимали молочные коровы, но были еще и телочки и молодые бычки, а в отдельном стойле, плотно набитом соломой, жили остальные собаки фермера. Тут же жили и кошки, значит, в помещении было тепло. Никакое животное не ценит комфорт больше, чем кошка, а на соломе я увидел и несколько пушистых комочков. Они занимали самое лучшее место — у деревянной стенки стойла, куда поступала большая часть тепла.

Тип уверенно прошел между своими коллегами. Сразу было видно, кто

тут начальник.

Один из бычков и был моим пациентом, и сразу было видно, что ему лучше. Когда я осматривал его вчера, его рубец был неподвижен и дистоничен, поскольку он переел мороженой репы. Бычок раздулся и стонал от боли. Но сегодня, когда я прислонил ухо к его левому боку, я услышал нормальные шум и движения работающего рубца, а не вчерашнюю мертвую тишину. Мое промывание желудка, несомненно, улучшило ситуацию, и я посчитал, что еще одно окончательно исправит положение. Почти с трепетом я смешал ингредиенты для одной из моих любимых процедур, которые прогресс уже давно снес в архив: тридцать граммов формалина, двести граммов по-варенной соли, банку черной патоки из бочки, которую можно найти в любом хлеву. Все смешать в ведре вместе с восемью литрами горячей воды.

Я засунул в рот теленку зевник и застегнул его за рогами, затем Питер взялся за рукоять, а я стал вталкивать в пищевод желудочный зонд. Толкнув его в рубец, я закачал в бычка свою смесь. Когда я закончил, его глаза расширились от удивления, и он начал топтать задними ногами. Я приложил ухо к его боку и услышал, как булькает содержимое его желудка, что порадовало меня. Я с удовлетворением улыбнулся сам себе. Работает! Оно всегда работает.

Обтирая зонд, я услышал звонкие звуки капель, с силой ударяющихся о металл: это брат Питера принялся за утреннюю дойку. Я готовился уходить, когда он пошел по амбару по дороге в холодильник с полным ведром молока. Проходя мимо собачьего стойла, он отлил немного парного молока в их миски, и Тип как бы мимоходом направился завтракать. Пока он пил, пес помоложе попытался присоединиться к нему, но Тип лишь хлопнул челюстью в миллиметре от его носа, и тот отправился к другой миске. Однако я заметил, что Тип не протестовал, когда к нему присоединились суки и щенки. Появились кошки: черно-белая, черепаховая и серая. Они растянулись на соломе. Их черед еще придет.

Миссис Тренхольм пригласила меня на чашку чая, и когда я вышел, день был уже в самом разгаре. Однако небо оставалось серым, а редкие деревья раскачивали своими голыми ветвями под ветром, который дул долгими ледяными порывами над пустынными просторами холмов. Именно такой ветер йоркширцы называют «тонкий ветер», а иногда — «ленивый ветер», — он не обдувает вас, а проникает сразу внутрь. Я вдруг почувствовал, что самое лучшее место на земле находилось у камина на кухне дома.

Большинство людей согласилось бы со мной, но не Тип. Он резвился

во дворе, пока Питер грузил на повозку тюки сена для молодого скота в дальних хлевах, а когда Питер взмахнул вожжами и лошадка отправилась в путь, он запрыгнул на повозку и уселся сзади. Я оглянулся и посмотрел на собаку, которая крепко уперлась лапами, чтобы удержаться на неровной дороге, виляла хвостом и лаяла, бросая вызов холодному миру. Я навсегда запомнил Типа, который презрел жизненные блага и спал там, где считал почетным, — у дверей дома своего хозяина.

Небольшие происшествия типа только что рассказанного всегда были способны внести светлое разнообразие в ход моего дня. К счастью, у меня была работа, где подобного рода вещи встречаются постоянно. Иногда они даже не случаются, а говорят в виде одной яркой фразы.

Как, например, тогда, когда я однажды утром обследовал корову, пока доила ее соседка. Дояр был очень немолод, и процесс шел с трудом. Он сидел под коровой, упершись головой в матерчатой кепке в ее бок, а ведро зажал между коленями, но стульчик, на котором он сидел, раскачивался, когда корова ерзала или переступала с ноги на ногу. Дважды она опрокидывала ведро, но ее особый трюк заключался в том, что хвостом, испачканным жидкими экскрементами, она хлестала по лицу старика.

Наконец его терпение лопнуло. Он вскочил на ноги, несильно хлопнул корову по крупу и выкрикнул в отчаянии: «Да стой же ты спокойно, старая сраная шлюха!»

Или вот: однажды мне надо было навестить Люка Бенсона в его небольшом владении в деревне Хиллом. Люк был мощным мужчиной шестидесяти лет, и у него была необычная особенность: он говорил, не разжимая стиснутых зубов. Он произносил слова буквально одними губами, показывая ряды квадратных, как у лошади, резцов, плотно сжатых вместе. Это заставляло его напрягаться даже над самыми простыми высказываниями, и, когда он говорил, его глаза злобно горели.

Большая часть разговора состояла из уничижительных замечаний в адрес других обитателей Хиллома. Он вообще отличался искренней нелюбовью к человеческой расе в целом. Но, как ни странно, я считал его благоразумным человеком, с которым можно иметь дело, он без колебаний соглашался с моими диагнозами недугований его животных и пытался проявлять ко мне дружеское отношение, постоянно называя меня «Джемс», ибо с плотно сжатыми зубами сказать точнее было невозможно.

Но самую искреннюю ненависть он питал к своему соседу, тоже владельцу фермы, невысокому человеку по имени Джилл, которого Люк называл не иначе как «этот молодец». У них долгие годы продолжалась междоусобица, и я только два раза видел, как Люк улыбался. В первый раз

— когда у свиноматки Джилла погиб весь приплод, а второй — когда у него сгорела поленница.

Когда жена мистера Джилла сбежала с коммивояжером, торговавшим на фермах щетками, событие произвело фурор в деревне. Ничего подобного в Хилломе никогда не случалось, и по деревне пронеслась волна восхищенного ужаса. Я было подумал тогда, что в жизни Люка Бенсона случился момент величайшего счастья, и, когда мне пришлось ехать к нему, чтобы осмотреть телку, я был уверен, что найду его в праздничном настроении. Но Люк был мрачен.

Я осмотрел животное и назначил лечение, но он хранил молчание до тех пор, пока я не зашел на кухню, чтобы помыть руки. Тогда он заговорил. Он бросил осторожный взгляд на жену, женщину с изможденным и хмурым лицом, которая возилась с жаровней.

— Вы слышали, что хозяйка этого молодца сбежала?

— Да, — ответил я. — Я уже слышал об этом.

Я ждал, что Люк станет злорадствовать, но, как ни странно, он чувствовал себя неуверенно. Он поерзал на стуле, пока я не закончил вытирать руки, и обнажил свои сильные зубы.

— Вот что я вам скажу, Джемс, — вымучил он из себя. — Хотел бы я, чтобы кто-нибудь украл мою дуру!

А однажды пришло письмо от семьи Брэмли, оно доставило мне искреннюю радость. Сейчас людей типа Брэмли вы не найдете: посредством радио, телевидения и автомобилей внешний мир врывается в самые далекие уголки, так что простые люди, которых раньше можно было встретить на изолированных фермах, теперь становятся похожими на всех остальных людей. Конечно, они остались и теперь, только их очень немного — стариков, которые привыкли в жизни следовать обычаям своих отцов. Когда мне попадаются такие, я обязательно нахожу время, чтобы посидеть рядом и послушать старые йоркширские слова и присловья, которые теперь почти исчезли.

Но даже в тридцатые годы, когда прогресс проходил мимо огромного числа селений, Брэмли были по-своему уникальны. В семье их было четверо: три брата, все холостяки средних лет, и старшая сестра, тоже незамужем. Их ферма лежала в широкой долине среди холмов. Древнюю плитку их Скар-хауса было видно сквозь ветки деревьев, если смотреть от паба в деревне Дрюберн, а летом можно было доехать до фермы прямо по полям. Мне приходилось неоднократно так поступать, и бутылки в багажнике звенели и разбивались, когда машину трясло на ухабах и рытвинах. Подъехать к ферме можно было и с противоположной стороны:

через гумно мистера Брума, а затем по колее настолько глубокой, что только трактор смог бы с нею справиться.

Так что получается, что никакой дороги на ферму не было, но это не беспокоило семью Брэмли, поскольку окружающий мир не сильно интересовал их. Мисс Брэмли время от времени наезжала в Дарроуби, чтобы делать покупки на ярмарке, а средний брат Герберт приезжал в город весной 1929 года, чтобы вырвать зуб, но в остальном они с удовольствием жили в своем доме безвыездно.

Звонок из Скар-хауса оказался сюрпризом, поскольку он означал потерю двух часов в рабочем расписании. Если только погода не держалась сухой несколько дней, то машину приходилось оставлять у мистера Брума и дальше идти пешком. А в тот февральский вечер я примерно в восемь часов шел по колее и чувствовал, как грязь неохотно отпускает мои резиновые сапоги. Мне нужно было осмотреть лошадь, страдающую от колик, и карманы у меня были набиты необходимыми принадлежностями: ареколином, ампулами с морфием и прочими препаратами. Моросил мелкий дождь, заставивший меня прикрывать глаза, но примерно в километре перед собой я уже видел между деревьев мерцающие огни дома. Через двадцать минут проваливания в невидимые лужи, открыв несколько калиток, закрытых на проволоку, я уже собирался постучать в дверь, как замер с поднятой рукой. Я посмотрел в окно кухни и увидел, что в ней, слабо освещенной керосиновой лампой, в ряд сидят все Брэмли.

Они не сидели кругом подле камина, но разместились, плотно прижавшись друг к другу, на деревянной лавке, вдоль дальней стены. Странность заключалась в том, что каждый сидел примерно в той же позиции, что и остальные: все четверо сложили руки на груди, опустили подбородки, вытянув ноги перед собой. Мужчины сняли свои тяжелые ботинки, а у мисс Брэмли на ногах были тапочки.

Я замороженно вглядывался в удивительную неподвижность их фигур. Они не спали, не разговаривали, не читали и не слушали радио. Да у них его и не было.

Я никогда раньше не видел, чтобы люди сидели вот так. Я простоял на крыльце несколько минут, пытаюсь увидеть, как кто-нибудь из них хотя бы пошевелится или что-то сделает, но ничего не случилось. Я подумал, что таковы, видимо, все их вечера: они упорно трудились весь день, а теперь поужинали и просто сидят в ожидании времени отхода ко сну.

Пару месяцев спустя я обнаружил еще одну неожиданную черту их характера, когда у них начались проблемы с кошками. По количеству и разнообразию кошек в их доме легко можно было сделать вывод, что они

обожают этих животных. Кошки с удовольствием залезали на капот моей машины в прохладные дни, безошибочно находя самое теплое место во дворе. Но я оказался не готов к горю, которое охватило всю семью, когда кошки начали умирать. Почти каждый день мисс Брэмли стояла на крыльце Скелдейл-хауса с корзиной, в которой лежал очередной страдающий пациент — кошка или несколько маленьких котят.

Даже сегодня с учетом разнообразных антибиотиков лечение кошачьего энтерита — неблагоприятное занятие, а тогда я и подавно не мог добиться успеха, пользуясь салицилатами и симптоматическим лечением. Я делал все, что мог. Я даже забирал некоторых кошек к себе в кабинет, чтобы наблюдать за ними в течение дня, но смертность оставалась высокой.

Семейство в глубочайшем горе наблюдало, как исчезают их кошки. Я был этим удивлен, поскольку большинство фермеров рассматривают кошек как охотников на грызунов, и только. Но когда мисс Брэмли однажды утром пришла с новым комплектом инвалидов, было заметно, что она потрясена. Она в упор смотрела на меня, а ее грубые пальцы сжимались и разжимались на ручке корзины.

— Они что, все погибнут? — спросила она дрожащим голосом.

— Ну, вообще-то это очень заразная болезнь, и, похоже, большинство ваших кошек так или иначе ее подхватят.

Несколько секунд мисс Брэмли боролась с собой, но потом ее подбородок задрожал, а все лицо исказила гримаса. Она не расплакалась, но глаза ее наполнились влагой, и пара слез скатилась по паутинке морщин на ее щеках. Я беспомощно смотрел на нее, а она стояла передо мной, и пряди ее седых волос неряшливо торчали из-под ее нелепого черного берета, который она натянула до ушей.

— Это — котята Топси, поэтому я так за них боюсь, — начала она. — Их пятеро, и они — самые лучшие из тех, что у нас есть.

Я почесал подбородок. Я много слышал о Топси, про-исходившей из племени лучших крысоловов и мышеловов. Ее последнему выводку не было еще и двух месяцев, и если бы с ними что-то случилось, то для семейства Брэмли это стало бы сокрушительным ударом. Но, черт возьми, что я могу сделать? Вакцины от этой болезни пока нет, или, позвольте, а может, уже есть? Я вспомнил, что слышал где-то об опытах Борроу Велкома по созданию такой вакцины.

Я подвинул стул.

— Посидите несколько минут, мисс Брэмли. Я должен позвонить.

Меня быстро соединили с лабораторией Велкома. Я ожидал услышать сарказм и иронию, но они оказались вежливыми и готовыми помочь. У них

были обнадеживающие результаты, и они с радостью пообещали прислать пять доз, если я в ответ сообщу им о результатах.

Я поспешил к мисс Брэмли.

— Я заказал кое-что для ваших котят. Ничего не могу гарантировать, но другого выхода нет. Принесите их сюда во вторник.

Вакцина прибыла быстро, и, пока я делал инъекции, мисс Брэмли рассказывала о достоинствах предков Топси.

— Вы только посмотрите на их уши! Вы когда-нибудь видели у котят такие уши?

Вынужден был признаться, что нет. Уши были огромные, как паруса, и от этого их восхитительные маленькие мордочки казались еще меньше.

Мисс Брэмли кивнула и улыбнулась от удовольствия.

— И, знаете, это всегда свидетельствует о том, что такие кошки — хорошие мышеловы.

Через неделю я повторил курс инъекций. Котята пока выглядели хорошо.

— Ну, вот и все, — сказал я. — Нам остается только ждать. Но помните: я хочу знать, каков будет результат, так что не забудьте известить меня.

Несколько месяцев я ничего не слышал от Брэмли и почти забыл о своем эксперименте, когда вдруг наткнулся на грязный конверт, видимо, сунутый под дверь моего кабинета. Это был обещанный отчет и — своему — образец научного мышления. В нем содержалась вся информация, которая была мне нужна, — без лишних слов и прикрас.

Письмо было написано аккуратными каракулями, и в нем говорилось: «Дарагой сэръ, Те котята теперь большие кошки. Всигда ваша, Р.Брэмли».

Кровопускание цыганскому пони

Я остановил машину и пожалел, что не могу запечатлеть эту картину на фотографии: травянистая обочина на изгибе дороги и вокруг костра — пятеро цыган. По-видимому, отец, мать и три маленькие дочери. Они сидели неподвижно и смотрели на меня сквозь плывущие клубы дыма ничего не выражающими глазами, а редкие снежные хлопья медленно кружили и опускались на спутанные волосы девочек. Ощущение нереальности приковало меня к сиденью, и я глядел сквозь ветровое стекло на эту картину дикого приволья, забыв, зачем я тут. Наконец я опустил стекло и спросил мужчину:

— Вы мистер Мьетт? Если не ошибаюсь, у вас заболел пони?

— Да-да! — закивал мужчина. — Он вон там! — Он говорил со странным акцентом, так что я не всегда его понимал. Встав, он направился от костра к машине — невысокий, худой, смуглый, небритый. В руке у него было что-то зажато — бумажка в десять шиллингов, которую он протянул мне как доказательство своей честности.

Цыгане, порой забредавшие в Дарроуби, особым доверием там не пользовались. В отличие от Мьеттов, появлялись они обычно летом, табор разбивали у реки и предлагали лошадей для покупки. И мы уже два попадали впросак: они словно бы все носили фамилию Смит, и, приехав на другой день, мы уже не заставляли ни пациента, ни его владельца. По правде говоря, утром, когда я уезжал, Зигфрид заявил мне категорически: «Потребуйте вперед — и наличными!» Но он мог бы не беспокоиться — мистер Мьетт сразу же показал себя в наилучшем свете.

Я вылез из машины и пошел за ним по траве мимо ярко раскрашенного дряхлого фургона и пса на цепи — помеси колли с борзой — туда, где было привязано несколько пони и лошадей. Распознать моего пациента оказалось нетрудно. Чубарый красавчик четырех с небольшим футов в холке, со стройными крепкими ногами и явными признаками породы. Но он был в скверном состоянии. Остальные лошади прохаживались взад и вперед, с интересом косились на нас, а чубарый стоял словно изваяние.

Второго взгляда оказалось достаточно, чтобы даже издали определить, что с ним. Только острый ламинит мог заставить его так пригнуться, и, приблизившись, я понял, что затронуты все четыре копыта. Конек подвел обе задние ноги почти под живот в отчаянной попытке перенести тяжесть

тела на пяточные стенки.

Я вставил термометр в прямую кишку.

— Он переел, мистер Мьетт?

— Ага. Добрался вчера до мешка с овсом! — И щуплый цыган кивнул на большой полупустой мешок у задней стенки фургона. Я по-прежнему понимал его с трудом, но он все-таки втолковал мне, что чубарый отвязался и объелся овсом. И он дал ему касторки.

Термометр показал 40°C; пульс был частым и прерывистым. Я провел ладонью по гладким дрожащим копытам, почувствовал, как ненормально они горячи, а потом взглянул на измученную морду, на раздутые ноздри, на полные ужаса глаза. Те, у кого нарывало под ногтем, могут — хотя и в слабой степени — представить себе, какие страдания испытывает лошадь, когда чувствительная основа кожи копытной стенки воспаляется и все время подвергается невыносимому давлению.

— Заставьте его пройтись, — сказал я.

Цыган схватил узду и потянул, но чубарый не пошевелился, и я взялся за узду с другой стороны.

— Попробуем вместе. В таких случаях им полезно походить.

Мы потянули, а миссис Мьетт шлепнула пони по крупу. Он сделал два-три спотыкающихся шага, но так, словно земля была накалена докрасна, и постанывал всякий раз, когда опускал копыто. Через несколько секунд он снова пригнулся и перенес вес тела на пяточные стенки.

— На это он не согласен, — сказал я, повернулся и пошел к машине.

Надо было облегчить ему боль и в первую очередь избавить от вчерашнего овса. Я достал флакон ареколина и сделал инъекцию в мышцу шеи, а потом показал хозяину, как обвязать копыта тряпками, чтобы все время смачивать их холодной водой.

Отступив на два шага, я снова оглядел чубарого. После инъекции у него обильно пошла слюна, потом он поднял хвост и очистил кишечник, но боль не уменьшилась — она могла уменьшиться, только если спадет чудовищное воспаление (если оно спадет!). Мне приходилось видеть подобные случаи, когда из-под венчика начинает сочиться сукровица, и это обычно возвещало потерю копыта, а нередко и смерть.

Пока меня одолевали мрачные мысли, к чубарому подошли три девочки. Старшая обняла его за шею и прижалась к ней щекой, а младшие поглаживали дрожащие бока. Они не плакали, их лица по-прежнему ничего не выражали, но все равно было видно, как он им дорог.

Я достал бутылку с настойкой аконита.

— Давайте ему вот это каждые четыре часа, мистер Мьетт, и

обязательно смачивайте копыта холодной водой. Я приеду посмотреть его утром.

Захлопнув дверцу, я снова взглянул на крутящийся дымок, на кружащие хлопья снега, на трех оборванных нечесанных девочек, которые все гладили и гладили пони.

— Ну, гонорар вы получили, Джеймс, — сказал Зигфрид за обедом, небрежно сунув десятишиллинговую бумажку в топырящийся карман. — Так что там?

— Ламинит, какого я еще не видел. Лошадь шагу не может ступить и мучается невообразимо. Я применил все обычные средства, но, боюсь, большого толку не будет.

— Прогноз, значит, не из лучших?

— Самый скверный. Даже если он перенесет острую стадию, у него наверняка все там будет изуродовано. Выщербление копыт, отслоение подошвы и остальные прелести. Такой чудесный чубарый конек! А я больше ничего не могу для него сделать.

Зигфрид откромсал два толстых ломтя холодной баранины и, задумчиво на меня глядя, положил их на мою тарелку.

— То-то вы вернулись расстроенный. Случай скверный, я понимаю, но что толку терзаться?

— Да я не терзаюсь, но просто он не выходит у меня из головы. Возможно, все дело в них — в Мьеттах. Я ничего похожего на них не встречал. Словно существа из другого мира. А эти три маленькие оборвашки надыхаться на своего пони не могут. Каково им будет?

Зигфрид сосредоточенно жевал баранину, но в его глазах я заметил знакомый блеск, который неизменно появлялся в них, едва разговор заходил о лошадях. Я знал, что он никогда не позволит себе вмешаться без просьбы с моей стороны и теперь ждет, чтобы я сделал первый шаг. И я его сделал.

— Вы бы не поехали со мной посмотреть его? Быть может, что-то порекомендуете. Нет ли какого-нибудь средства?..

Зигфрид положил нож и вилку, несколько секунд, щурясь, смотрел прямо перед собой, а потом взглянул на меня.

— Знаете, Джеймс, пожалуй, что и есть. Положение явно хуже некуда, и обычное лечение пользы не принесет. Тут необходимо что-то из шляпы фокусника, и у меня шевелится одна мысль. Средство-то существует... — Он виновато улыбнулся. — Но, может, вы его не одобрите.

— Обо мне не думайте, — сказал я. — Лошади — ваша епархия. Если ваше средство поможет этому пони, мне все равно, какое оно.

— Прекрасно, Джеймс. Доедайте поскорее, и мы поедем туда вместе.

После обеда он пошел со мной в комнату, где хранились инструменты, и, к моему удивлению, открыл шкаф, в котором покоились инструменты мистера Гранта, его предшественника. Настоящие музейные экспонаты.

Зигфрид унаследовал их, когда купил практику мистера Гранта, решившего уйти на покой в восемьдесят с лишним лет, и они так и лежали аккуратными рядами на полках, никем не тревожимые. Логично было бы просто их выкинуть, но, возможно, они внушали Зигфриду то же чувство, что и мне. Полированные деревянные шкатулки со сверкающими скальпелями удивительной формы; спринцовки и клизмы, резина которых давно растрескалась, но медные наконечники сохраняли былую внушительность; напильники, старинные стержни для прижиганий — безмолвные свидетели шестидесяти лет отчаянных усилий. Я часто открывал дверцу этого шкафа и пытался представить себе, как старый ветеринар разрешал те же трудности, с которыми сталкивался я, как он ездил по тем же проселкам, что и я. Совсем один и целых шестьдесят лет. Я еще только начинал, но уже успел получить кое-какое представление об удачах и провалах, о поисках и тревогах, о надеждах и разочарованиях — и о тяжелом, тяжелом труде. Как бы то ни было, но мистер Грант скончался и унес с собой то умение, тот опыт, которые я упрямо старался приобрести.

Зигфрид достал из глубины шкафа длинную, плоскую, обтянутую кожей шкатулку. Он сдул с нее пыль и осторожно открыл замочек. Внутри на ложе из вытертого бархата поблескивал флеботом, вытянувшись рядом с круглым кровеотворяющим ударником, тоже отполированным до блеска.

Я в изумлении уставился на моего патрона.

— Неужели вы хотите пустить ему кровь?

— Да, мой милый, я намерен увлечь вас в глухое средневековье. — Заметив мою растерянность, он положил руку мне на плечо. — Только не обрушивайте на меня все научные доводы против кровопускания. Сам я в этом вопросе строго нейтрален.

— Но разве вы к этому прибегали? Я ни разу не видел, чтобы вы брали этот набор.

— Прибегал. И затем наблюдал довольно-таки неожиданные вещи. — Зигфрид отвернулся, словно не желая продолжать разговор, тщательно протер флеботом и положил его в автоклав. Все время, пока он стоял и слушал свист пара, его лицо сохраняло отсутствующее выражение.

Цыгане, как и в прошлый раз, сидели тесной кучкой у костра. Увидев машину и сообразив, что прибыло подкрепление, мистер Мьетт вскочил и быстро пошел к нам с еще одной десятишиллинговой бумажкой.

Зигфрид не взял ее.

— Сперва поглядим, что у нас получится, мистер Мьетт, — буркнул он и зашагал через лужайку туда, где чубарый все так же дрожал, мучительно изогнувшись.

Улучшение не наступило. Наоборот, его глаза смотрели еще более безумно, и я услышал, как он постанывает, осторожно переступая с ноги на ногу. Зигфрид сказал негромко:

— Бедняга! Вы не преувеличили, Джеймс. Будьте добры, принесите шкатулку.

Когда я вернулся, он накладывал чубарому жгут на основание шеи.

— Затяните потуже! — скомандовал он, и, когда яремная вена набухла и напряглась в своем желобе, он быстро выстриг и продезинфицировал небольшой участок кожи и обезболит его. Потом открыл старинную кожаную шкатулку и вынул флеботом, завернутый в стерильный бинт.

Дальше события развивались стремительно. Зигфрид приставил маленькое лезвие флеботома к вздувшейся вене и без колебаний стукнул по нему ударником. Из ранки тут же хлынула кровь, растекаясь по траве темным озерком. Мистер Мьетт ахнул, а девочки начали что-то быстро говорить. Я понимал, что они сейчас чувствуют. Собственно говоря, меня и самого сверлила мысль: долго ли пони устоит на ногах, теряя столько крови?

Однако Зигфрид, видимо, счел, что она течет недостаточно быстро; он вытащил из кармана еще один ударник, сунул его в рот чубарому и принялся нажимать на челюсть. Пони невольно грыз ударник, и, когда его зубы почти смыкались, кровь начинала хлестать еще яростнее.

Зигфрид удовлетворился, только когда ее вышло литров пять.

— Ослабьте жгут, Джеймс, — скомандовал он, быстро наложил лигатуру и торопливо направился к калитке в изгороди за обочиной. Поглядев через нее, он крикнул: — Я так и думал! Там есть ручей. Его надо отвести туда. Ну-ка, все за дело!

Он явно получал от всего этого большое удовольствие, и его присутствие оказало обычное действие. Мьетты оживились, захлопотали, забегали вокруг пони, натываясь друг на друга. Я почувствовал внезапный прилив энергии, и даже чубарый впервые словно бы заинтересовался происходящим.

Мистер Мьетт вместе с женой и дочерьми тянул его за узду, мы с Зигфридом обхватили его задние ноги, и все дружно испускали ободряющие возгласы. Наконец пони сдвинулся с места. Передвижение было мучительным, но он шел — к калитке и через луг к мелкому ручью,

петлявшему среди камышей. Берег был совсем пологий и подтолкнуть чубарого на середину ручья не составило большого труда. Он застыл там неподвижно, ледяная вода закручивалась у его воспаленных копыт, и мне показалось, что я уловил в его глазах что-то вроде надежды на скорое облегчение.

— Так он должен простоять час, — объяснил Зигфрид. — А потом заставьте его походить по лугу. Потом еще час в ручье. По мере улучшения заставляйте его ходить все больше и больше, но непременно отводите потом в ручей. Возни будет очень много. Так кто займется его лечением?

Три девочки робко подошли к нему и застенчиво на него посмотрели. Зигфрид засмеялся.

— Втроем? Отлично. Сейчас я вам расскажу подробнее, что надо делать.

Он извлек из кармана пакетик мятных леденцов — среди пестрого содержимого его карманов они занимали существенное место, — и я приготовился к долгому ожиданию. Мне уже приходилось наблюдать его в обществе детей на фермах, и, когда на свет появлялись мятные леденцы, все останавливалось. Это были единственные минуты, когда Зигфрид переставал спешить.

Девочки взяли по леденцу, а Зигфрид присел на корточки и заговорил с ними, точно учитель с прилежными учениками. Вскоре они ободрились и уже добавляли кое-что от себя. А младшая пустилась в длинный и не слишком удобопонятный рассказ о замечательных проделках чубарого, когда он был еще жеребенком. И Зигфрид внимательно слушал, серьезно кивая головой. Куда и зачем торопиться?

Его наставления не пропали впустую: в следующие дни, когда бы я ни проезжал мимо, три растрепанные фигурки либо хлопотали возле пони в ручье, либо таскали его по лугу на длинном поводе. Моего вмешательства не требовалось: даже издали было видно, что ему с каждым днем становится гораздо лучше.

Примерно через неделю я увидел, как Мьетты покидали Дарроуби. Красный фургон, покачиваясь, пересекал рыночную площадь; на козлах сидел мистер Мьетт в черном бархатном берете, а рядом с ним — его жена. Вокруг, привязанные к разным частям фургона, брели лошади, а сзади шагал чубарый — пожалуй, еще с некоторой скованностью, но спокойно и уверенно. Больше за него можно было не беспокоиться.

Девочки сидели у заднего борта, и, когда наши взгляды встретились, я помахал им. Они без улыбки смотрели на меня, пока фургон не начал поворачиваться за угол, и тогда одна из них застенчиво помахала мне.

Сестры последовали ее примеру, и последнее, что я видел, были три радостно машущие руки.

Я зашел в трактир «Гуртовщики» и задумчиво направился с кружкой пива в угол. Спору нет, Зигфрид сумел вылечить чубарого, но я не знал, как мне все-таки к этому отнестись, ведь в прикладной ветеринарии опасно делать общие выводы даже из самых эффективных результатов. Мне почудилось, или чубарому действительно стало легче почти сразу же после кровопускания? Сумели бы мы без этого сдвинуть его с места? Может быть, и правда в подобных случаях следует продырявить яремную вену и выпустить ведро крови? Я и до сих пор не знаю ответа на эти вопросы, потому что у меня ни разу не достало духа попробовать самому.

Хелен привозит лечить своего пса

— Не может ли мистер Хэрриот посмотреть мою собаку? — такие слова нередко доносились из приемной, но этот голос приковал меня к месту прямо посреди коридора.

Не может быть... И все-таки это был голос Хелен Олдерсон! Я на цыпочках подкрался к двери, бессовестно прижал глаз к щели и увидел Тристана, который стоял лицом к кому-то невидимому, а также руку, поглаживающую голову терпеливого бобтейля, край твидовой юбки и стройные ноги в шелковых чулках.

Ноги были красивые, крепкие и вполне могли принадлежать высокой девушке вроде Хелен. Впрочем, долго гадать мне не пришлось: к собаке наклонилась голова, и я увидел крупным планом небольшой прямой нос и темную прядь волос на нежной щеке.

Я смотрел и смотрел как зачарованный, но тут из приемной вылетел Тристан, врезался в меня, выругался, ухватил меня за плечо и потащил через коридор в аптеку. Захлопнув за нами дверь, он хрипло прошептал:

— Это она! Дочка Олдерсона! И желает видеть тебя. Не Зигфрида, не меня, а тебя — мистера Хэрриота лично!

Несколько секунд он продолжал таращить на меня глаза, но, заметив мою нерешительность, распахнул дверь.

— Какого черта ты торчишь тут? — прошипел он.

— Да я стесняюсь, это ведь объяснимо. После тех танцев. Когда она видела меня в последний раз, я являл собой чудное зрелище. Я был настолько пьян, что даже не мог говорить.

Тристан ударил себя рукой по лбу.

— О боже, ты волнуешься о таких мелочах! Она же спросила тебя! Так какого черта тебе еще надо? Иди туда. Сейчас же!

Но не успел я сделать несколько робких шагов, как он меня остановил.

— Ну-ка, погоди! Стой и ни с места! — Он убежал и через пару минут вернулся с белым лабораторным халатом. — Только что из прачечной! — объявил он и принялся запихивать мои руки в жестко накрахмаленные рукава. — Ты чудесно в нем выглядишь, Джим: элегантный молодой хирург перед операцией.

Я побрел по коридору, а Тристан на прощание ободряюще помахал мне рукой и упорхнул по черной лестнице.

Взяв себя в руки, я твердым шагом вошел в приемную. Хелен

посмотрела на меня и улыбнулась той же самой открытой, дружеской улыбкой, как и при первой нашей встрече.

— А вот теперь с Дэном плохо, — сказала она. — Он у нас овечий сторож, но мы все так его любим, что считаем членом семьи.

Услышав свое имя, пес завилял хвостом, шагнул ко мне и вдруг взвизгнул. Я нагнулся, погладил его по голове и спросил:

— Он не наступает на заднюю лапу?

— Да. Утром он перепрыгнул через каменную изгородь — и вот! По моему, что-то серьезное. Он все время держит ее на весу.

— Проведите его по коридору в операционную, и я его осмотрю. Идите с ним вперед: мне надо поглядеть, в каком она положении.

Я придержал дверь, пропуская их вперед.

Первые несколько секунд я никак не мог оторвать глаз от Хелен, но, к счастью, коридор оказался достаточно длинным, и у второго поворота мне удалось сосредоточить внимание на моем пациенте.

Неожиданная удача — вывих бедра! И нога кажется короче, и держит он ее под туловищем, так, что лапа только чуть задевает пол.

Я испытывал двойственное чувство. Повреждение, конечно, тяжелое, но зато у меня были все основания надеяться, что я быстро с ним справлюсь и покажу себя в наилучшем свете. Несмотря на мой недолгий опыт, я уже успел убедиться, что удачное вправление вывихнутого бедра всегда очень эффективно. Возможно, мне просто посчастливилось, но во всех тех — правда, немногих — случаях, когда я вправлял такой вывих, хромое животное сразу же исцелялось, словно по волшебству.

В операционной я поднял Дэна на стол. Все время, пока я ощупывал его, он сохранял неподвижность. Сомнений не оставалось никаких: головка бедра сместилась вверх и назад, и мой большой палец просто в нее уперся.

Пес оглянулся на меня только один раз — когда я осторожно попробовал согнуть поврежденную ногу, но тут же вновь с решимостью уставился прямо перед собой. О его нервном состоянии свидетельствовало только тяжелое прерывистое дыхание (он даже чуть приоткрыл пасть), но, как большинство флегматичных животных, попадавших на наш хирургический стол, он покорно смирился с тем, что его ожидало. Впечатление было такое, что он не стал бы особенно возражать, даже если бы я принялся отпиливать ему голову.

— Хороший, ласковый пес, — сказал я. — И к тому же красавец.

Хелен погладила благородную голову по белой полосе, сбегавшей по морде, и хвост медленно качнулся из стороны в сторону.

— Да, — сказала она, — он у нас и работяга, и всеобщий баловень.

Дай бог, чтобы повреждение оказалось не слишком серьезным!

— Он вывихнул бедро. Штука неприятная, но, думаю, его почти наверное удастся вправить.

— А что будет, если не удастся?

— Ну, тогда там образуется новый сустав. Несколько недель Дэн будет сильно хромать, и нога скорее всего навсегда останется короче остальных.

— Это было бы очень грустно! — сказала Хелен. — Но вы полагаете, что все может кончиться хорошо?

Я взглянул на смиренного пса, который по-прежнему упорно смотрел прямо перед собой.

— Мне кажется, есть все основания надеяться на благополучный исход. Главным образом потому, что вы привезли его сразу, а не стали откладывать и выжидать. С вывихами никогда не следует мешкать.

— Значит, хорошо, что я поторопилась. А когда вы сможете им заняться?

— Прямо сейчас. — Я направился к двери. — Только позову Тристана. Это работа для двоих.

— А можно, я вам помогу? — спросила Хелен. — Мне очень хотелось бы, если вы не возражаете.

— Право, не знаю. — Я с сомнением взглянул на нее, — Ведь это будет что-то вроде перетягивания каната, с Дэном в роли каната. Конечно, я дам ему наркоз, но тянуть придется много.

Хелен засмеялась.

— Я же очень сильная. И совсем не трусиха. Видите ли, я привыкла иметь дело с животными и люблю их.

— Отлично, — сказал я. — Наденьте вон тот запасной халат, и приступим.

Пес даже не вздрогнул, когда я ввел иглу ему в вену. Доза нембутала — и его голова почти сразу легла на руку Хелен, а лапы заскользили по гладкой поверхности стола. Вскоре он уже вытянулся на боку в полном оцепенении.

Я не стал извлекать иглу из вены и, поглядев на спящую собаку, объяснил:

— Возможно, придется добавить. Чтобы снять сопротивление мышц, нужен очень глубокий наркоз.

Еще кубик, и Дэн стал дряблым, как тряпичная кукла. Я взялся за вывихнутую ногу и сказал через стол:

— Пожалуйста, сцепите руки у него под здоровым бедром и постарайтесь удержать его на месте, когда я примусь тянуть. Хорошо?

Начинаем.

Просто поразительно, какое требуется усилие, чтобы перевести головку сместившегося бедра через край вертлужной впадины. Правой рукой я непрерывно тянул, а левой одновременно нажимал на головку. Хелен отлично выполняла свою часть работы и, сосредоточенно сложив губы трубочкой, удерживала тело пса на месте.

Наверное, существует какой-то надежный способ вправления таких вывихов — прием, безусловно срабатывающий при первой же попытке, но мне так и не дано было его обнаружить. Успех приходил только после долгой череды проб и ошибок. Не был исключением и этот случай. Я тянул то под одним углом, то под другим, поворачивал и загибал болтающуюся ногу, отгоняя от себя мысль о том, как я буду выглядеть, если именно этот вывих не удастся вправить. И еще я пробовал отгадать, что думает Хелен, которая стоит напротив меня и по-прежнему крепко держит Дэна... и вдруг услышал глухой щелчок. Какой прекрасный, какой желанный звук!

Я раза два согнул и разогнул тазобедренный сустав. Ни малейшего сопротивления! Головка бедра вновь легко поворачивалась в своей впадине.

— Ну вот, — сказал я. — Будем надеяться, что головка снова не выскочит. Иногда такое случается. Но у меня предчувствие, что все обойдется.

Хелен погладила шею и шелковистые уши спящего пса.

— Бедный Дэн! Знай он, что готовит ему судьба, он бы ни за что не стал прыгать через эту изгородь. А скоро он очнется?

— Проспит до вечера. Но к тому времени, когда он начнет приходить в себя, постарайтесь быть при нем, чтобы поддержать его. Не то он может упасть и снова вывихнуть ногу. И пожалуйста, позвоните, чтобы рассказать, как идут дела.

Я взял Дэна на руки, слегка пошатываясь под его тяжестью, вышел с ним в коридор и наткнулся на миссис Холл, которая несла чайный поднос с двумя чашками.

— Я как раз пила чай, мистер Хэрриот, — сказала она. — Ну и подумала, что вы с барышней, наверное, не откажетесь от чашечки.

Я посмотрел на нее пронзительным взглядом. Это что-то новенькое! Неужели она, как и Тристан, взяла на себя роль купидона? Но ее широкоскулое смуглое лицо хранило обычное невозмутимое выражение и ничего мне не сказало.

— Спасибо, миссис Холл. С большим удовольствием. Я только отнесу собаку в машину.

Я прошел к автомобилю Хелен, уложил Дэна на заднее сиденье и

закутал его в одеяло. Торчавший наружу нос и закрытые глаза были исполнены тихого спокойствия.

Когда я вошел в гостиную, Хелен уже держала чашку, и мне вспомнилось, как я пил чай в этой комнате с другой девушкой. В тот день, когда приехал в Дарроуби. Но теперь все было совсем иначе.

Во время манипуляций в операционной Хелен стояла совсем близко от меня, и я успел обнаружить, что уголки ее рта чуть-чуть вздернуты, словно она собирается улыбнуться или только что улыбнулась; и еще я заметил, что лаковая синева ее глаз под изогнутыми бровями удивительно гармонирует с темно-каштановым цветом густых волос.

И никаких затруднений с разговором на этот раз не возникло. Возможно, я просто чувствовал себя в своей стихии — пожалуй, полная раскованность приходит ко мне, только если где-то на заднем плане имеется больное животное; но как бы то ни было, говорил я легко и свободно, как в тот день на холме, когда мы познакомились.

Чайник миссис Холл опустел, последний сухарик был доеден, и только тогда я проводил Хелен к машине и отправился навещать моих пациентов.

И то же ощущение спокойной легкости охватило меня, когда вечером я услышал ее голос в телефонной трубке.

— Дэн проснулся и уже ходит, — сообщила она. — Правда, пошатывается, но на ногу наступает как ни в чем не бывало.

— Прекрасно! Самое трудное уже позади. И я убежден, что все будет в порядке.

Наступила пауза, потом голос в трубке произнес:

— Огромное вам спасибо. Мы все страшно за него бес-покоились. Особенно мой младший брат и сестренка. Мы очень, очень вам благодарны.

— Ну что вы! Я сам ужасно рад. Такой чудесный пес! — Я помолчал, собираясь с духом: теперь или никогда! — Помните, мы сегодня говорили про Шотландию. Так я днем проезжал мимо «Плазы»... там идет фильм о Гебридских островах. И я подумал... может быть... мне пришло в голову... что... э... может быть, вы согласитесь пойти посмотреть его вместе со мной?

Еще пауза, и сердце у меня бешено заколотилось.

— Хорошо, — сказала Хелен. — С большим удовольствием. Когда? Вечером в пятницу? Еще раз спасибо — и до пятницы.

Я дрожащей рукой положил трубку на место. И чего я так переживал по этому поводу? Но все теперь было неважно: я снова в игре.

Собачий ревматизм

Для собаки ревматизм — это подлинный кошмар. Конечно, он мучителен и для людей, однако острый приступ способен превратить в остальном здоровую собаку в визжащий, полный ужаса, скованный неподвижностью комок.

Животные с развитой мускулатурой страдают сильнее, и мои пальцы с особой бережливостью ощупывали бугрящиеся трицепсы и ягодичные мышцы небольшого стаффордширского бультерьера. Беззаветно смелый, дружелюбный крепыш, взлетающий высоко вверх, чтобы облизать лицо гостя, сейчас окостенело вытянулся, мучительно вздрагивая и испуганно глядя прямо перед собой. Даже попытка чуть повернуть ему голову вызывала отчаянный вопль.

К счастью, ему было можно помочь, причем быстро. Я набрал в шприц новальгина и сделал укол. Песик, истерзанный кинжальными ударами ревматизма, даже не шелохнулся, когда его кожу пронзила игла. Я отсчитал салициловые таблетки, ссыпал их в коробочку, написал на крышке указания и протянул коробочку хозяину страдальца.

— Когда инъекция подействует, мистер Тавенер, дайте ему одну таблетку. Затем повторите через четыре часа. Не сомневаюсь, что ему тогда будет уже заметно легче.

Миссис Тавенер выхватила коробочку из рук мужа, не дав ему дочесть инструкции.

— Дай я посмотрю! — резко потребовала она. — Ведь давать их ему, конечно, должна буду я.

Вот так она пилила его с той минуты, когда я переступил порог красивого загородного дома среди садов, которые террасами спускались к реке. Пока, помогая мне, он держал голову собаки, жена не давала ему передохнуть. Стоило песику взвизгнуть, как она одергивала мужа:

— Ах, Генри, да не стискивай же бедняжку так грубо! Ты делаешь ему больно!

Она все время гоняла его то за тем, то за этим, а когда он вышел из комнаты, сообщила:

— Во всем виноват мой муж! Он позволял ему плавать в речке. Я знала, чем это кончится!

Во время осмотра вошла их дочь Джулия, и сразу стало ясно, на чьей она стороне. «Да как ты можешь, папочка!» и «Бога ради, папочка!» — так

она заполняла паузы, когда ее мать переводила дух.

Супругам Тавенер было под пятьдесят. Он был дородным мужчиной и нажил миллионы на судостроительных верфях Тайнмута, прежде чем сменить дымный воздух заводов и фабрик на этот чудесный загородный дом. Мне он сразу понравился. Я ожидал увидеть сурового промышленного магната, а он оказался мягким, дружелюбным, до странности ранимым человеком и, совершенно очевидно, очень тревожился за стаффордшира.

Миссис Тавенер произвела на меня не особенно приятное впечатление. Улыбки ее были из тех, которые включаются и выключаются механически, а в голубизне ее глаз пряталась сталь. Казалось, она испытывает не столько тревогу за собаку, сколько потребность выместить на муже свое раздражение.

Джулия, уменьшенная копия матери, бесцельно бродила по комнате с надутым видом избалованного ребенка. Переводила пустой взгляд с собаки на меня, равнодушно смотрела в окно на изумрудные газоны, теннисный корт, темную ленту речки за деревьями внизу.

Я в последний раз ободряюще потрещал стаффордшира по голове и поднялся с колен. Когда я убрал шприц, мистер Тавенер положил руку мне на локоть.

— Чудесно, мистер Хэрриот. Мы вам очень благодарны за то, что вы нас успокоили. Признаюсь, я было подумал, что старичку конец наступил, так он визжал. А теперь вам обязательно следует выпить на дорожку.

Рука у меня на локте подрагивала. Этот тремор бросался в глаза, когда он держал голову песика. Болезнь Паркинсона? Нервы? Или просто алкоголь? Да, он явно намеревался налить свою стопку до краев, но едва наклонил бутылку, как дрожь усилилась и виски расплескалось по полированному верху серванта.

— Боже мой! Боже мой! — вскричала миссис Тавенер с интонацией, означавшей: «Нет-нет! Неужели опять?!» А Джулия прижала ладонь ко лбу и возвела глаза к небесам. Тавенер бросил затравленный взгляд на жену и дочь, а затем улыбнулся, протягивая мне стопку.

— Садитесь, садитесь же, мистер Хэрриот. Думаю, у вас есть время немножко передохнуть.

Мы сели у камина, и Тавенер по-приятельски заговорил о собаках, об окрестностях, а затем перешел на картины, украшавшие стены большой комнаты.

В наших краях эти картины вызвали большой интерес. Многие принадлежали кисти знаменитых художников. Их коллекционирование стало теперь главным интересом в жизни Тавенера. Второй его страстью

были антикварные часы. И, глядя на замечательные изделия старинных часовщиков, на изящную антикварную мебель, я без труда поверил слухам о богатствах, укрытых в этих стенах.

Миссис и мисс Тавенер не остались с нами, а исчезли, едва виски было налито, но когда я допил свою стопку, дверь распахнулась, и в ней возникли они — удивительно похожие друг на друга в дорогих твидовых жакетах и шапочках, отделанных мехом. Миссис Тавенер, натягивавшая автомобильные перчатки, безглаголиво посмотрела на мужа.

— Мы едем в Бротон, — сказала она. — Не знаю, когда вернемся.

Из-за ее плеча Джулия холодно смотрела на отца. Ее губы кривились.

Тавенер ничего не ответил. Он не шевельнулся, когда за окном взревел мотор и застучали брызнувшие из-под колес камешки. Потом пустыми глазами на ничего не выражающем лице посмотрел, как синеватое облачко выхлопных газов рассеивается над подъездной дорогой.

Меня мороз продрал по коже.

— Боюсь, мне пора, мистер Тавенер. Спасибо за виски.

Он словно бы только теперь вспомнил о моем присутствии. На его губах вновь заиграла дружеская улыбка.

— Не за что. Благодарю вас, что вы помогли старичку. Ему уже как будто стало много лучше.

В зеркале заднего вида его фигура на крыльце выглядела съежившейся и одинокой, а потом ее заслонила высокая живая изгородь.

Затем я поехал к заболевшей свинье почти на самую вершину Мастанг-Фелла. Сначала дорога вела по плодородной долине вдоль речки, в тени деревьев, мимо зажиточных ферм и сочных пастбищ, но когда машина свернула с шоссе на проселок, круто уходящий вверх, пейзаж вокруг начал меняться. И так резко, что это действовало ошеломляюще: деревья и кустарник уступили место голым каменистым склонам и милям стенок, сложенных из известняка.

И хотя долина щеголяла свежей зеленью молодой листвы, на этих высотах почки еще не раскрылись, — голые ветки на фоне неба все еще напоминали о зиме.

Проселок упирался в ферму Тима Олтона, и, затормозив у ворот, я в который раз спросил себя, каким образом ему удастся сводить концы с концами на этих нескольких акрах, где трава прижималась к земле и жухла под ветром, дувшим здесь днем и ночью. Но как бы то ни было, много поколений творили это чудо — жили, тяжело трудились и умирали вот в этом доме, который вместе со службами укрывается за купами согнутых ветром деревьев, а камни его массивных стен изъедены тремя веками

свирепой непогоды.

Почему кто-то выбрал для фермы подобное место? Открыв ворота, я оглянулся на проселок, уходящий между стенками вниз, вниз, вниз — туда, где на весеннем солнце сверкали белые галечники реки. Может быть, тот первый фермер остановился здесь, обвел взглядом зеленые просторы, вдохнул холодный живительный воздух и решил, что этого достаточно.

Я увидел, что через двор идет Тим Олтон. Двор не потребовалось вымостить булыжником или залить бетоном. Они просто счистили тонкий слой почвы, и между домом и службами протянулась наклонная площадка покрытой трещинами скальной породы. Не просто прочное покрытие, но вечное!

— Так на этот раз боров, Тим? — сказал я, и фермер мрачно кивнул.

— Ага. Вчера был здоровехонек, а утром, гляжу, валяется, точно сдох. Когда я его корыто доверху наполнил, он даже головы не поднял, а уж коли свинья от корыта рыло воротит, значит, дело неладно. — Тим засунул руки за широкий кожаный пояс, поддерживавший его не по росту большие брюки и словно готовый вот-вот переломить пополам его худую фигуру, и угрюмо повел меня в хлев. Несмотря на постоянную жестокую нужду, он был из тех, кто встречает неудачи бодро. Таким я его еще никогда не видел, и мне казалось, я понимаю почему. Свиньи для таких семей обладали особым значением.

Мелкие фермеры вроде Тима Олтона поддерживали свое существование с помощью нескольких коров: продавали молоко большим молочным хозяйствам или сбивали масло на продажу. И каждый год они кололи свинью (или две) для собственного потребления. У меня даже сложилось впечатление, что наиболее бедные семьи ничего другого вообще почти не едят. Оказывался ли я на ферме, когда там готовили завтрак, обед или ужин, из кухни всегда доносился один и тот же запах — жарящегося жирного бекона.

И добиться, чтобы свинья отличалась особой жирностью, было делом чести. Собственно говоря, на этих маленьких фермах высоко в холмах, где люди, и коровы, и собаки отличались худобой и поджаростью, толщина была уделом только свиней.

Я уже видел олтоновского борова. Недели две назад я зашивал разорванный сосок коровы, когда Тим похлопал меня по плечу и шепнул:

— Пойдемте-ка со мной, мистер Хэрриот. Я вам кое-что покажу.

И мы в хлеву засмотрелись, как чудовище весом не меньше трехсот пятидесяти фунтов запросто опустошает большое корыто мучной болтушки. Я помнил, какой гордостью светились глаза фермера, как он

слушал хлюпанье и чавканье будто божественную музыку.

На этот раз картина была иной. Лежа на боку с закрытыми глазами, боров выглядел даже еще более огромным, точно выброшенный на берег кит. Его туловище закрывало весь пол закутка. Тим поболтал палкой в полном корыте, ласково подзывая борова, но тот не шелохнулся. Фермер поднял на меня измученные глаза.

— Плохо ему, мистер Хэрриот. Что-то с ним серьезное приключилось.

Я уже измерял температуру и присвистнул, когда посмотрел на шкалу термометра.

— Сорок два градуса! Да, это температурка!

Лицо Тима побелело.

— А, черт! Сорок два! Все, значит. Тут ему и конец.

Я ощупывал бок моего пациента и ободряюще улыбнулся в ответ на эти слова.

— Да нет, не тревожьтесь, Тим. Думаю, он выкарабкается. У него рожа. Вот пощупайте пальцем ему спину. Чувствуете утолщенные вздутия на коже? Это ромбы. Через несколько часов он весь покроется чудесной сыпью, но пока ее можно обнаружить только на ощупь.

— И вы его вылечите?

— Почти наверное. Вкачу ему хорошенькую дозу сыворотки и голову прозакладываю, что через пару дней он опять уткнется рылом в корыто. От рожи они почти всегда выздоравливают.

— Рад слышать, — сказал Тим, и по его лицу расплзлась улыбка. — А то вы меня насмерть перепугали вашими сорока двумя градусами, чтоб вас!

Я засмеялся.

— Извините, Тим, я не хотел вас пугать. Меня высокая температура частенько больше устраивает, чем пониженная. Только время для рожи странноватое. Обычно мы с ней сталкиваемся в конце лета.

— Ладно уж, на этот раз я вам спущу. Идемте-ка, вымойте руки.

В кухне я наклонил голову, но все-таки задел затылком массивный свиной бок, свисавший с балки, и он закачался на своих крючьях. Толщина его местами достигала восьми дюймов сплошного белого жира. Лишь внимательно вглядевшись, можно было различить узенькую полоску мяса.

Миссис Олтон налила мне чашку чая, и, прихлебывая его, я поглядывал на Тима, который развалился в кресле, свесив руки почти до пола. На минуту он закрыл глаза, и его лицо стало безмерно усталым. Я в тысячный раз подумал о нескончаемом изнурительном труде, к которому сводилась жизнь этих мелких фермеров. Олтону было всего сорок, но от

непомерных задач, которые он ставил своему телу, его спина уже сторбилась, и вы могли прочесть историю его жизни по худым жилистым рукам, мозолистым, опухшим от работы пальцам. Он как-то сказал мне, что всего раз пропустил дойку — двенадцать лет назад, когда хоронил отца.

Я уже прощался, когда увидел Дженни, старшую дочку Олтонов. Она энергично накачивала шину своего велосипеда, прислонив его к стене прямо напротив кухонной двери.

— Собрались куда-то? — спросил я, и девушка поспешно выпрямилась, смахивая со лба прилипшие прядки волос.

Ей было около восемнадцати — тонкие черты лица, большие выразительные глаза. В ее неухоженной изящной миловидности было что-то от кружащихся кроншнепов, ветра, и солнца, и распахнутых просторов вересковой пустоши.

— Да, в деревню. — Она покосилась на дверь кухни. — Хочу отцу бутылку пивка привезти.

— В деревню! Путь неблизкий ради одной бутылки пива. Не меньше двух миль, а ведь назад дорога только вверх ведет. И вы туда отправляетесь из-за одной бутылки пива?

— Ну да, одной, — шепнула она, сосредоточенно пересчитывая на ладони несколько медяков в дополнение к шестипенсовику. — Отец всю ночь на ногах провел, ждал, когда молодая корова телиться начнет, ну и устал до смерти. Я быстро обернусь, чтобы к обеду у него было пиво. Он это любит. — Она бросила на меня заговорщический взгляд. — Это я ему сюрприз устрою!

В этот момент ее отец, все еще полулежавший в кресле, повернул голову и посмотрел на нее. Он улыбнулся, и на мгновение я увидел тихую безмятежность в его спокойных глазах, благородное достоинство в изрезанном морщинами лице.

Дженни несколько секунд смотрела на него из-под ресниц счастливым загадочным взглядом, потом быстро повернулась, вскочила на велосипед и понеслась под уклон с немыслимой скоростью.

Я последовал за ней куда медленнее, поставив вторую передачу, подпрыгивая и трясясь на камнях. В глубокой задумчивости я смотрел прямо перед собой, невольно сравнивая два дома, где я побывал в это утро, — великолепный особняк над рекой и лачугу из выветренных камней, которую только что покинул. Мои мысли переходили от Генри Тавенера с его прекрасным костюмом, ухоженными руками, книжными шкафами, картинами и старинными часами к Тиму Олтону в поношенных, затянутых под грудью брюках, еле держащихся на широком кожаном поясе, его

ежедневному, ежемесячному, круглогодичному изнуряющему труду, без которого не прожить на голой беспощадной вершине холма.

И еще вновь и вновь мне вспоминались их дочери: презрение в глазах Джулии Тавенер, когда она смотрела на отца, нежность в глазах Дженни.

Сделать вывод оказалось не так-то просто. Наоборот, с каждой минутой становилось все труднее решить, кто из них имел больше радостей в своей жизни, такой непохожей на жизнь другого. Но когда я провел машину по последним ярдам поселка и выехал на ровный асфальт шоссе, внезапно ответ стал мне абсолютно ясен. Учитывая все, я, если бы меня поставили перед таким выбором, предпочел бы бутылку пивка.

Как мы с Хелен ходили в кино

Тристан распаковывал УСС. В бутылках содержалась густая красная жидкость, которая являла собой наше последнее достижение в борьбе с болезнями животных. Его полное название — Универсальное Средство для Скота — было написано на этикетках большими черными буквами, а под ними было пояснено, что средство эффективно при кашле, простудах, расстройствах желудка, воспаленных слизистых оболочках, родовом парезе, пневмонии, нарывах и вздутиях. Заканчивались слова на уверенной ноте: «Всегда приносит облегчение». Мы настолько часто читали эти этикетки, что почти поверили им.

К сожалению, толку от УСС было мало, но было что-то чарующее в его темно-рубиновом на просвет цвете, его резком запахе аммиака и камфары, что заставляло фермеров моргать глазами, трясти своими головами и с уважением говорить: «Вот это да! Какое сильное лекарство!» Но в нашем распоряжении имелось так мало средств для лечения причин болезней, а возможность ошибки была так велика, что в сомнительных случаях было удобно вручить бутылку этого зелья из старых запасов. Как только в регистрационной книге почерком Зигфрида или моим появлялась запись: «Вызов к корове, обследование, рекомендации, 1 бутылка УСС», — можно было биться об заклад, что мы не знаем, что случилось с животным.

Бутылки были высокими и красивыми, они поступали в элегантных картонных коробках, которые выглядели куда как впечатляюще по сравнению с непритязательными коробками, в которых мы сегодня получаем антибиотики и гормональные препараты.

Тристан вытаскивал бутылки из сундука и расставлял на полках. Когда он увидел меня, то прекратил работу, сел на сундук и вытащил пачку сигарет. Закурив и выпустив длинную струйку дыма, он посмотрел на меня пустым взглядом.

— Так, стало быть, ты ведешь ее в кино?

Чувствуя себя не очень ловко под его пристальным взглядом, я вытащил из кармана несколько бутылок и пачек из-под лекарств и выбросил в корзину.

— Да, это так. Примерно через час.

— Хм! — Он сузил глаза, вглядываясь в клубящийся дым. — Хм, понимаю.

— А почему ты так на меня смотришь? — спросил я, защищаясь. — С

походом в кино что-то не так?

— Нет, нет. Нет-нет-нет. Здесь нет ничего такого, Джим. Ничего-ничего. Очень здравая мысль.

— Ты же не думаешь, что мне не следует брать Хелен?

— Я этого никогда не говорил. Нет, я уверен, что вы прекрасно проведете время. Я только... — Он потер лоб. — Я подумал, что вы могли бы сходить куда-нибудь в более — э-э — интересное место.

Я горько усмехнулся.

— Послушай, я уже пытался интересно провести время в «Ренистоне». Я не виню тебя, Трисс, ты хотел как лучше, но, как ты знаешь, я потерпел полное фиаско. Я не хочу, чтобы и сегодня вечером все пошло как попало. Не хочу рисковать.

— Что ж, не буду с тобой спорить по этому вопросу, — сказал Тристан. — Вот уж где никакого риска, так это в «Дарроуби плазе».

Позднее, дрожа в ванной, стоявшей в продуваемой сквозняками комнате, я не мог отделаться от мысли, что Тристан прав. Поход с Хелен в местный кинотеатр был формой трусости, уходом от реального положения дел и сведением его к своего рода интимной встрече в темноте. Вытираясь полотенцем и прыгая на одной ноге, чтобы согреться, я поглядел сквозь заросли глицинии в темный сад и пришел к душевному комфорту от мысли, что это было еще одним шагом вперед, пусть и не слишком широким.

Когда я закрыл за собой дверь в Скелдейл-хаус и оглядел улицу, где с наступлением сумерек загорались витрины магазинов, я почувствовал себя окрыленным. Меня словно охватил легкий ветерок с ближайших холмов. Я ощутил слабый аромат, который напомнил мне, что зима кончилась. Было еще холодно — в Дарроуби вообще редко бывает тепло до второй половины мая, — но в воздухе была растворена надежда на то, что придет время и для солнечных дней, и для теплой травы, и для отличной погоды.

Чтобы не пройти мимо «Плазы», нужно было постараться ее заметить, поскольку она была зажата между кузницей Пикергиллов и магазином бытовой химии Ховартса. При ее строительстве не делалось попыток добиться особых архитектурных успехов, а входные двери были не большего размера, чем у магазинчика средней руки. Но меня озадачило одно обстоятельство, когда я подошел ближе: здание стояло в полной темноте. Я пришел вовремя, и сеанс должен был начаться примерно через десять минут, но здание не подавало признаков жизни.

Я не решился сказать Тристану, что мои предосторожности зашли так далеко, что я назначил Хелен встречу на площади. С такой машиной, как у

меня, всегда был риск не попасть в нужное место вовремя, и я проявил достаточное благоразумие, чтобы не допустить проблем с транспортом.

«Встретимся у кинотеатра». Боже мой, похоже, это — не очень светлая мысль, не так ли? Она возвратила меня ко временам моего детства, когда я впервые пригласил девушку на свидание. Мне только что исполнилось четырнадцать, и по дороге к месту встречи я отдал полкроны этому чертову трамвайному кондуктору и попросил билет за один пенс. Он дал выход своему раздражению тем, что перерыл всю свою сумку и выдал сдачу исключительно полупенсовыми монетами. Поэтому, когда очередь в кассу дошла до нас, мне пришлось — под взглядами моей подружки и всех остальных — ссыпать кассиру пригоршню меди. Стыд от этой процедуры оставил такой шрам, что мне понадобилось еще четыре года, чтобы вновь пригласить девушку.

Но черные мысли отошли на задний план, когда я увидел, как Хелен идет по мостовой ярмарочной площади. Она улыбнулась и так весело помахала мне рукой, как будто поход в «Дарроуби плазу» был для нее самым большим удовольствием, и когда она подошла ко мне, на щеках ее играл мягкий румянец, а глаза блестели.

И все вдруг встало на свои места. Во мне все сильнее росла уверенность в том, что сегодня будет прекрасный вечер, — ничто не грозило его испортить. Хелен сказала мне «привет» и сообщила, что Дэн носит, как щенок, не показывая никаких признаков хромоты, и эта новость подняла мою радость на новую высоту.

Теперь меня беспокоило только одно: темный необитаемый вход в кинотеатр.

— Странно, что здесь никого нет, — сказал я. — Уже пора начинать. Я надеюсь, кинотеатр не закрыт.

— Да нет, — сказала Хелен. — Он открыт каждый день, кроме воскресенья. Впрочем, я уверена, что все эти люди ждут того же.

Я огляделся. Очереди как таковой в кассу не было, но то тут, то там стояли небольшие группы людей, несколько пар в возрасте и кучка мальчишек, которые разгуливали и задирали друг друга на тротуаре.

И в самом деле, другой причины быть не могло. А за две минуты до начала сеанса из-за угла на бешеной скорости вылетел велосипед, на котором сидел человек в черном плаще. Он опустил голову, а ноги его ходили как поршни, на повороте велосипед опасно накренился, и он чуть не упал. Подъехав к крыльцу, он взвизгнул тормозами, вставил в замок ключ и широко распахнул двери. Зайдя внутрь, он щелкнул выключателем, и над нашими головами загорелась единственная неоновая полоса, но тут

же погасла. Так повторилось несколько раз, пока он не встал на цыпочки и мастерским ударом кулака не заставил ее подчиниться. Затем он сбросил плащ и оказался в безупречном вечернем костюме. Сразу стало видно, что приехал директор.

Пока он проделывал все это, из ниоткуда появилась очень толстая дама, которая протолкнула себя в кассу. Шоу могло начинаться.

Мы стали заходить внутрь. Мальчишки опускали свои монетки и толкались, проходя перед занавесом в партер, а остальные покупали билет за полтора шиллинга и торжественно проходили на балкон. Директор в белой манишке и смокинге с блестящими шелковыми отворотами улыбался и грациозно кланялся нам.

Мы остановились у гардероба на верхней площадке лестницы, и кто-то из зрителей повесил свои пальто на плечики. Я с удивлением увидел здесь в качестве контролера Мэгги Робинсон, дочь кузнеца, а она, в свою очередь, заинтригованно посмотрела на нас. Она ухмылялась и хихикала, бросала на Хелен взгляды, а под конец ткнула меня под ребра. Наконец она раздвинула портьеры, и мы вошли внутрь.

Меня сразу поразила очевидная мысль о том, что работники кинотеатра исполнились решимости не допустить, чтобы их начальство простудилось, потому что, если бы не запах старых диванов, мы могли бы подумать, что нас забросили в тропические джунгли. В удушающей жаре Мэгги проводила нас на наши места, и я сел, заметив, что между нами не было подлокотника.

— Это места для обниманий, — выдавила Мэгги и убежала, закрывая рот ладошкой.

Свет еще не выключили, и я обвел взглядом балкон. Здесь — то тут, то там — сидело не более полутора десятков человек, в терпеливом молчании рассматривавших некрашеные стены. Рядом с экраном висели часы, и их стрелки решительно указывали на двадцать минут пятого.

А мне нравилось сидеть там с Хелен. Я чувствовал себя прекрасно, хотя в душной атмосфере зала и должен был разевать рот, как золотая рыбка. Я устраивался поудобнее, когда человек, сидевший с женой перед нами, обернулся и пристально посмотрел мне в глаза. Рот на хмуром лице был плотно сжат. Мы несколько секунд разглядывали друг друга в молчании, а затем он заговорил.

— Она умерла.

Меня охватил ужас.

— Умерла?

— Да-да. Она умерла. — Он медленно произносил каждое слово,

словно пытаюсь найти удовлетворение в своем трауре, а его глаза неподвижно уставились на меня.

Я пару раз сглотнул.

— Что ж, мне жаль это слышать. Действительно жаль.

Он хмуро кивнул и продолжал не сводить с меня взгляда, как будто в ожидании моих дальнейших речей. Потом он с видимым недовольством отвернулся и начал устраиваться в кресле.

Я беспомощно посмотрел на его неподвижную спину, на квадратные узкие плечи, закутанные в тяжелое пальто. Боже правый, кто это? И о чем он говорил? Лицо мне почему-то было знакомо, это, должно быть, старый клиент. А кто умер? Корова? Овца? Свиноматка? Я начал перебирать в уме вызовы, на которые ездил на прошлой неделе, но его лицо не напоминало мне ни о чем.

Хелен вопросительно смотрела на меня, и я попытался слабо улыбнуться. Но обстановка была испорчена. Я начал что-то говорить ей, когда человек вновь обернулся с угрожающей настойчивостью.

Он опять посмотрел на меня враждебным взглядом.

— И я не думаю, что дело было в ее желудке, — заявил он.

— Вы не думаете?

— Нет, молодой человек, нет.

Он с неохотой оторвал глаза от моего лица и опять повернулся к экрану.

Эффект от второго нападения был усилен еще и тем, что внезапно в зале погас свет, и мои барабанные перепонки едва не лопнули под напором звукового взрыва. Сначала пошли новости. Звуковая система, как и отопление, видимо, были настроены на залы размером с «Альберт-холл», и на мгновение я согнулся, как от удара. Пока голос рассказывал о событиях двухнедельной давности, я закрыл глаза и попытался представить себе человека, сидящего передо мной.

У меня всегда проблемы с узнаванием людей вне их обычной обстановки, и я даже однажды обсуждал эту проблему с Зигфридом.

Он был в благодушном настроении.

— Это же так просто, Джеймс. Просите их называть свои имена по буквам. У вас не будет больше никаких проблем.

Я попытался применить этот прием однажды; фермер окинул меня непонимающим взглядом, сказал: «С-М-И-Т», — и поспешил прочь. Так что не оставалось иного выхода, как обливаться потом, вперясь глазами в недоброжелательную спину, и шарить в памяти. Когда с оглушительным звуковым взрывом новости закончились, я перебрал все визиты за три

недели, но безрезультатно.

На несколько благостных секунд звук остановился, но затем грохот начался снова. Это был главный фильм сеанса, фильм о Шотландии должен был начаться позже, а про этот в афише было написано, что он — об истории нежной любви. Я не помню названия, но герои постоянно обнимались, что, наверное, было бы правильно, если бы каждый поцелуй не сопровождался хором громких чмоканий, которые испускали мальчишки в партере. Менее романтические громко портили воздух.

Помимо этого, становилось все жарче. Я расстегнул пиджак и воротник рубашки и едва не терял сознание. А человек, сидевший впереди, все кутался в свое толстое пальто, и казалось, ему нет никакого дела до жары. Проектор дважды останавливался, и мы несколько минут сидели перед пустым экраном, а мальчишки в партере громко свистели и топали ногами.

Мэгги Робинсон стояла у портьеры, все еще замороженная видом нашей с Хелен компании. Когда бы я ни смотрел на нее, она не сводила с нас косящего взгляда. Примерно на середине фильма ее внимание было отвлечено суматохой по ту сторону портьеры: ее внезапно отодвинули, и в проходе появилась огромная фигура.

Я с удивлением узнал в ней Гоббера Ньюхауса. Я уже был в курсе, во что ему обошлось неуважение к закону о лицензировании, и теперь было очевидно, что он опять взялся за старое. Основную часть дня он проводил в задних комнатах местных пабов, а сюда пришел, чтобы расслабиться после очередной тяжелой пьянки.

Он, раскачиваясь, пошел по проходу между креслами, свернул — к моему ужасу, — в наш ряд, присел ненадолго на колени к Хелен, оттоптал мне ноги и наконец разместил свой огромный скелет в кресле слева от меня. К счастью, это было очередное место для обниманий — без центрального подлокотника, и ему ничто не мешало, однако он никак не мог устроиться достаточно удобно. Он ерзал и так и этак, а звуки ворчания, сопения и хрипения мог бы издавать крупный боров. Но вот, наконец, он нашел свое место и, рыгнув на весь зал в последний раз, заснул.

История нежной любви и без этого не могла пользоваться успехом, но звуки, издаваемые Гоббером, стали ее погребальным звоном. В моих ушах стоял его мощный храп, запах несвежего пива плыл надо мной, — все это не способствовало проникновению в душевные движения героев.

Но вот закончился последний крупный план, и в зале зажегся свет. Я озабоченно посмотрел на Хелен: я заметил, что по мере того, как вечер медленно тянулся, ее губы время от времени поджимались, а бровь

поднималась от удивления. Я подумал, не расстроена ли она. Но тут появилась Богом посланная Мэгги с подносом. Она понимающе улыбалась, пока я покупал две порции шоколадного мороженого.

Едва я откусил, как заметил шевеление под пальто в кресле передо мной. Человечек начинал новую атаку. Его глаза на хмуром лице смотрели все так же враждебно.

— Я знал, — сказал он, — с самого начала, что вы на неверном пути.

— Ах, вот как?

— Да, я занимаюсь животными пятьдесят лет, и с ними никогда так не бывает, если дело в желудке.

— Разве? Возможно, вы правы.

Человечек вскарабкался на кресло, и на секунду мне показалось, что он полезет на меня. Он поднял указательный палец.

— Если у животного неладно с желудком, у него всегда твердый стул.

— А-а, понятно.

— А, если вы вспомните, из того выходил жидкий навоз.

— Да, да, конечно, — сказал я поспешно, глядя на Хелен. Как же все это кстати, это именно то, о чем я мечтал, чтобы довершить романтическую атмосферу.

Человечек фыркнул и отвернулся, и мы снова — как будто это все было запланировано заранее, — погрузились в темноту и грохот. Я откинулся на спинку в испуге, когда понял, что что-то не так. Зачем эта резкая западная музыка? И вот на экране появилось название: «Пушки Аризоны».

Я с тревогой повернулся к Хелен.

— Что происходит? Сейчас же должен начаться фильм о Шотландии! Мы же специально пришли на него!

— Должен, — сказала Хелен и с улыбкой поглядела на меня, — но, видимо, не пойдет. Дело в том, что они часто меняют сопутствующие фильмы без предупреждения. Похоже, никто не возражает.

Я устало упал в свое кресло. Что ж, я опять попал в то же положение. В «Ренистоне» не было танцев, сегодня пошел не тот фильм. Я был гением в своем роде.

— Мне жаль, — сказал я. — Надеюсь, ты не будешь возражать.

Она замотала головой.

— Нисколько. Как бы то ни было, давай дадим фильму шанс. Может быть, он не так плох.

Но по мере того, как в древнем ковбойском фильме стали все отчетливее проступать вечные клише фильмов этого рода, моя надежда

испарилась. Вечер будет точно таким же, как и ему подобные. Я безучастно смотрел, как шериф в четвертый раз скачет мимо все той же скалы, и оказался совершенно неготовым к грохоту ружейной перестрелки, от которой проснулся даже Гоббер.

«Давай, давай», — заорал он, размахивая руками. Удар его руки пришелся мне в голову, и я сильно прижался к плечу Хелен. Заметив поджатую губу и вздернутую бровь, я начал извиняться. Но на этот раз ее губы разжались, и она рассмеялась. Она смеялась беззвучно, не в силах остановиться.

Я никогда не видел, чтобы девушки так смеялись. Казалось, она дождалась чего-то такого, чего ждала очень долго. Она вся погрузилась в это чувство, откинувшись на спинку кресла и вытянув вперед ноги. Ее руки безвольно висели по сторонам. Хелен смеялась долго, но вот пришла в себя и повернулась ко мне.

Она положила свою руку на мою.

— Послушай, — сказала она, — почему бы нам в следующий раз просто не пойти погулять?

Я сел в кресло. Гоббер снова уснул, и его храп соперничал с грохотом и воем с экрана. Я так и не мог понять, что за человечек сидит передо мной, у меня не было уверенности, что он закончил свое выступление. Часы показывали все те же двадцать минут пятого. Мэгги все смотрела на нас, а у меня по спине потекла струйка пота.

Да, положение было не таким, как я хотел, но мне теперь было все равно. Ведь будет же еще и следующий раз!

Проверка генерала Рэнсома

У Зигфрида была привычка оттягивать мочку уха и смотреть прямо перед собой невидящим взором, когда что-то занимало его мысли. И теперь он сжимал мочку, а другой рукой крошил хлебную корку на своей тарелке.

Обычно я не отвлекал своего патрона от размышлений, да к тому же торопился отправиться по утренним вызовам, но в его лице было что-то настолько многозначительное, что я невольно спросил:

— В чем дело? Вас что-то тревожит?

Зигфрид медленно повернул голову, слепо глядя перед собой, но через несколько секунд его взгляд обрел осмысленность, он выпустил ухо из пальцев, встал, отошел к окну и посмотрел на пустынную улицу.

— Да, Джеймс, да! Собственно говоря, я как раз намеревался спросить вашего совета. По поводу вот этого письма, которое я получил утром. — Он начал неторопливо рыться в карманах, извлекая из них носовые платки, термометры, смятые банкноты, списки вызовов, пока не нашел длинный голубой конверт. — Вот прочтите.

Я открыл конверт и быстро пробежал глазами единственный лист. Потом с недоумением посмотрел на Зигфрида.

— Простите, я чего-то не уловил. Тут сказано только, что Г.Ст.Дж. Рэнсом, ген.-майор, был бы рад вашему обществу на бротонских скачках в субботу. Так что вас тревожит? Вы же любите скачки!

— Да, но все далеко не так просто, — сказал Зигфрид, вновь хватаясь за мочку. — Это своего рода проверка. Генерал Рэнсом — влиятельная фигура в Северо-Западной ассоциации конных состязаний, и в субботу он придет со своим приятелем, чтобы оценить меня. Будут испытывать меня на надежность.

Видимо, лицо у меня стало испуганным, потому что он засмеялся.

— Пожалуй, мне следует начать с начала. Но вкратце. Северо-Западная ассоциация ищет ветеринара, который осуществлял бы надзор над всеми скачками. Ну, вы знаете, на скачках в том или ином городе присутствует местный ветеринар, и к нему обращаются, если лошадь получает травму. Но это — совсем другое. Ветеринар-инспектор имеет дело с применением допинга и тому подобным — собственно, он должен быть специалистом в этой области. Ну так мне шепнули, что, по их мнению, я соответствую этим требованиям. Вот чем объясняется приглашение на субботу. Со стариком Рэнсомом я знаком, а с его коллегой — нет. Вот они и задумали провести со

мной день на скачках и посмотреть, чего я стою.

— Но если вы получите это место, то должны будете оставить практику? — спросил я, и при этой мысли меня словно обдало ледяным ветром.

— Нет-нет! Но мне тогда придется проводить примерно три дня каждую неделю на скачках, вот я и подумал, не будет ли это слишком уж большой перегрузкой.

— Ну-у, не берусь судить. — Я допил кофе и отодвинулся на стуле от стола. — Тут я плохой советчик. Со скаковыми лошадьми я практически не знаком и скачками не интересуюсь. Вам надо решить самому. Но вы же часто говорите, что хотели бы специализироваться по лошадям и атмосфера ипподромов вам по душе.

— Тут вы абсолютно правы, Джеймс, так оно и есть. Ну и лишние деньги очень даже не помешают. Вот что требуется каждому практикующему ветеринару — выгодный контракт, постоянный источник дохода, так чтобы меньше зависеть от того, платят ли фермеры по счетам или нет. — Он отвернулся от окна. — Во всяком случае, в субботу я поеду с ними на бротонские скачки, а тогда посмотрим. И вы должны поехать со мной.

— Я?! Зачем?

— Но в письме же сказано «вдвоем».

— С какой-нибудь дамой. Значит, они поедут с женами.

— Неважно, Джеймс. Вы едете со мной. Выходной день, бесплатный обед и напитки вам не повредят. А Тристан уж как-нибудь продержится в приемной несколько часов.

Уже почти наступил полдень, когда в субботу я пошел открыть дверь, едва в нее позвонили. Еще в коридоре сквозь дверное стекло было нетрудно узнать, кто стоит на крыльце.

Генерал Рэнсом был приземист и широко плеч, а его на удивление черные усы воинственно топорщились на верхней губе. Полковник Тремейн был высок и сутуловат, однако нос у него был орлиный, и он, как генерал, обладал той почти осязаемой аурой власти, которая приобретает лишь долгими годами начальствования над безропотными подчиненными. Позади них, ступенькой ниже, стояли две дамы в твидовых костюмах.

Я открыл дверь и почувствовал, как моя грудь выпячивается, живот подбирается, а пятки сдвигаются под свирепыми взглядами, в который не было и тени улыбки.

— Мистер Фарнон! — рявкнул генерал. — Полагаю, он нас ждет.

Я отступил на шаг и распахнул дверь до отказа.

— Да-да, конечно, прошу вас, входите!

Первыми вплыли две дамы — миссис Рэнсом, такая же приземистая и объемистая, как ее супруг, даже еще более суровая с виду. За ней — миссис Тремейн, много моложе и даже почти красивая при некоторой мужеподобности. Все они полностью меня проигнорировали, только полковник, вошедший последним, взглянул на меня рыбьими глазами.

Мне было поручено угостить их хересом, и в гостиной я взял графин, но успел только налить до половины вторую рюмку, когда вошел Зигфрид. Я плеснул немного хереса на стол. Мой патрон ради торжественного случая выглядел очень элегантно: его худощавую фигуру облегал костюм безупречного покроя, длинное худое лицо было только что идеально выбрито, рыжеватые усики тщательно подстрижены. Входя, он снял с головы новехонький котелок, и, поставив графин, я залюбовался своим патроном с гордостью собственника. Не исключено, что генеалогическое древо Зигфрида почтили своим присутствием пара-другая герцогов или на его ветвь затесался какой-нибудь граф, но, как бы то ни было, оба армейских начальника в мгновение ока обрели плебейский и даже чуть обшарпанный вид.

В том, как генерал шагнул к Зигфриду, казалось, было что-то заискивающее.

— Фарнон, дорогой мой, как поживаете? Рад вас видеть. Разрешите представить вас моей жене, миссис Тремейн и полковнику Тремейну.

Полковник, на удивление, выдавил из себя кривую улыбку, но я сосредоточил внимание на реакции дам. Миссис Рэнсом, глядя снизу вверх на склонившегося к ней Зигфрида, буквально растаяла. Казалось невероятным, что эта грозная крепость рухнет при первом же залпе, но случилось именно это. Суровые складки исчезли с ее лица, сменившись широчайшей улыбкой, придавшей ей сходство с чьей-то милой старой мамочкой.

На миссис Тремейн Зигфрид подействовал по-иному, но не менее эффективно. Когда внимательные серые глаза скользнули по ней, она словно бы увяла и что-то вроде болезненно-сладкой судороги пробежало по ее лицу. Она справилась с собой, но когда Зигфрид обернулся к мужчинам, поглядела на него с тоскливой жадностью.

Я начал яростно плескать херес в рюмки. Ну вот опять, черт подери! Все то же самое. А ведь он не сделал ровно ничего. Просто поглядел на них. Черт, это несправедливо!

Общество допило херес, мы вышли из дома и водворились в «ровер» Зигфрида, который после целого утра подневольных трудов Тристана,

орудовавшего шлангом и шагренью, сиял как зеркало. Зигфрид, сев за руль, изящно простер руки к брату, и мы тронулись. Я невольно почувствовал, что единственный предмет, вносящий дисгармонию, — это я, неловко притулившийся на маленьком откидном сиденье лицом к двум армейским начальникам, которые сидели, словно проглотив кочергу. Поля их котелков располагались строго горизонтально. Миссис Тремейн между ними изумленно созерцала затылок Зигфрида.

Мы перекусили на ипподроме — с копченой лососиной, холодным цыпленком и шампанским. Зигфрид обходился с непринужденностью старого знакомого. И было совершенно очевидно, что он одерживал победу за победой, беседуя с мужчинами о скачках, как знаток, и в равных долях распределяя свое обаяние между их женами. Грозная миссис Рэнсом прямо-таки кокетливо хихикала, когда он делал пометки на ее программке. Если его контракт с ассоциацией действительно зависел от его поведения на ипподроме и решение принималось бы в эту минуту, его кандидатура была бы поддержана единогласно.

Потом мы спустились посмотреть на лошадей, участвующих в первом заезде, и Зигфрид просто расцвел, озирая открывшееся перед нами зрелище. Толпы зрителей, вопящие букмекеры, красивые лошади. Их жокеи, миниатюрные, колоритные крепыши, переговаривались с тренерами. Зигфрид выпил ровно столько шампанского, чтобы его восприятие обострилось, и он был идеальным воплощением человека, с неколебимой уверенностью предвкушающего на редкость удачный день.

К нам, посмотреть первый заезд, присоединился Мерриуэзер, местный ветеринар. Зигфрид был с ним шапочно знаком, а потому они продолжали беседовать и после конца заезда, как вдруг был поднят сигнал: «Вызывается ветеринар», — и тут же к Мерриуэзеру подбежал какой-то человек.

— Лошадь, которая поскользнулась на последнем повороте, все еще лежит и вроде бы не может встать.

Мерриуэзер бросился к машине, стоявшей в полной готовности на дорожке за барьером. Он обернулся к нам.

— Хотите со мной? Вы оба?

Зигфрид вопросительно взглянул на дам и на генерала с полковником, получил в ответ милостивые кивки, и мы поспешили за нашим коллегой.

Несколько секунд спустя мы уже неслись к последнему повороту. Мерриуэзер отчаянно вцепился в руль, когда колеса запрыгали по дерну, и проворчал себе под нос:

— Черт! Надеюсь, это не перелом. Ненавижу пристреливать лошадей!

То, что мы увидели, прибыв на место, ничего хорошего не сулило. Поблескивая глянцевитой шерстью, лошадь лежала на боку совершенно неподвижно. Только ребра тяжело поднимались и опускались в такт затрудненному дыханию.

Возле ее головы стоял на коленях жокей. Из рассеченного лба у него текла кровь.

— Сэр, как по-вашему, нога у него сломана?

— Поглядим. — Мерриуезер начал ощупывать вытянутые ноги коня, проводя сильными пальцами по одной кости за другой, осторожно сгибая суставы — скакательный, коленный, плечевой, запястный.

— Все в порядке. Переломов нет, это твердо. — Внезапно он указал на голову. — Посмотрите на его глаза.

Мы посмотрели. Они остекленели, глазные яблоки подергивались, хотя и еле заметно.

— Сотрясение мозга? — сказал Зигфрид.

— Бесспорно. Он просто стукнулся головой. — Мерриуезер поднялся с колен, лицо у него прояснилось. — Давайте-ка перевернем его на грудь. Думаю, с небольшой помощью он сумеет встать.

Желающих помочь в толпе зрителей нашлось с избытком, и коня без особого труда перекатали так, что он теперь опирался на грудную кость, вытянув передние ноги. Пролежав в этой позе минуты две, он кое-как поднялся на ноги и стоял пошатываясь. Подошел грум и увел его.

Мерриуезер засмеялся.

— Ну, кажется, обошлось. Хороший конь. Думаю, ему надо отдохнуть, и все будет в порядке.

Зигфрид открыл было рот, чтобы ответить, но тут из-за барьера до нас донеслось настойчивое «эй! эй!». Мы оглянулись. Грузный краснолицый мужчина энергично махал нам руками.

— Эй! Эй! — повторял он. — Пойдите-ка сюда на минутку.

Мы подошли. Что-то в лице толстяка заинтересовало Зигфрида. Он пристально всмотрелся в широко улыбающееся пухлое лицо, в слипшиеся прядки черных волос, упавшие на лоб, и вдруг радостно воскликнул:

— Господи помилуй! Стьюи Брэннан! Джеймс, познакомьтесь с еще одним коллегой — мы вместе учились в колледже!

Зигфрид много рассказывал мне о Стьюи Брэннана. Так много, что мне казалось, будто я пожимаю руку старому другу, которого никогда не забывал. Порой мы с Зигфридом просиживали за бутылкой вина в гостиной Скелдейл-хауса чуть не до утра, предаваясь воспоминаниям о временах нашей юности, рассказывая друг другу о колоритных личностях, с

которыми нас сводила судьба. Я вспомнил, как он рассказывал, что намного обогнал Стьюи и получил диплом, пока Стьюи еще корпел на третьем курсе. По словам Зигфрида, Стьюи был начисто лишен честолюбия, не любил заниматься и предпочитал ходить небритым и невымытым — короче говоря, по мнению Зигфрида, он принадлежал к тому типу молодых людей, которые редко чего-то добиваются в жизни. Но в нем была какая-то трогательность: безыскусственность ребенка, огромная, всеобъемлющая симпатия ко всем людям, неугасимый оптимизм.

Зигфрид крикнул Мерриуезеру:

— Пожалуйста, если вас не затруднит, передайте моим друзьям, когда вернетесь, мои извинения, хорошо? Мне надо кое-кого повидать. Я задержусь только на несколько минут.

Мерриуезер помахал нам, сел в свою машину и поехал назад, а мы нырнули под барьер.

Зигфрид ухватил толстяка за локоть.

— Пошли, Стьюи! Где тут можно выпить?

Протирка стёкол дохлой курицей

Мы вошли в длинный бар с низким потолком под трибуной, и я испытал некоторый шок. Мы находились под самыми дешевыми местами, так что картина была несколько иной, чем в ресторане за ложами. Ели и пили тут в основном стоя, а выбор блюд исчерпывался пирожками и сосисками в тесте.

Зигфрид проложил себе дорогу к стойке и вернулся с тремя стопками виски. Мы сели за один из малочисленных столиков — колченогий, с металлическим верхом. За соседним столиком субъект с хищной физиономией штудировал «Спортивную газету», вгрызаясь в рулет со свининой и запивая его огромными глотками из пинтовой кружки.

— Ну, а теперь, мой мальчик, — сказал Зигфрид, — что ты подделывал последние шесть лет?

— Ну-у, дай сообразить, — сказал Стьюи и рассеянно, одним глотком покончил со своим виски. — После того как ты разделался с колледжем, экзамены я сдал довольно скоро, и в целом не так уж плохо, хотя хирургию только с третьего захода. Короче говоря, четыре года назад я получил право измываться над бессловесными животными. И с тех пор больше скитался. Север, юг и даже полгода в Ирландии. Все пытался найти место с доходами, на которые можно прожить. На три-четыре фунта в неделю не пороскошествуешь, когда у тебя на руках семья.

— Семья? Так ты женился?

— Еще как! Помнишь малютку Мег Гамильтон? Я приходил с ней на танцульки в колледже. Мы поженились, когда я был на последнем курсе. Теперь у нас пятеро детей и шестой на подходе.

Зигфрид поперхнулся виски.

— Пятеро детей! Побойся Бога, Стьюи!

— Так это же чудесно, Зигфрид! Наверное, ты удивляешься, как мы вообще существуем. Объяснить это я тебе не могу. Сам не понимаю. Но как-то справлялись и были счастливы. А теперь, думается, все будет хорошо. Пару месяцев назад я прибил свою дощечку в Хенсфилде, и дела идут хорошо. На прожитие хватает, а больше-то и не надо.

— Хенсфилд? — повторил Зигфрид, и мне представился угрюмый город, типичный для Уэст-Райдинга, — облезлые кирпичные джунгли, щетинящиеся фабричными трубами. Совсем другой Йоркшир.

— Полагаю, работаешь ты с мелкими животными, — добавил

Зигфрид.

— Угу. Снискиваю свой хлеб насущный почти исключительно тем, что отделяю местных котов от их причиндалов. Благодаря мне хенсфилдские кошечки могут гулять по улицам, не опасаясь покушений на их добродетель.

Зигфрид засмеялся и поймал за локоть единственную официантку этого заведения, пробежавшую мимо. Она обернулась, сердито хмурясь, готовая поставить нахала на место, но, едва взглянув на него, улыбнулась.

— Что угодно, сэр?

Зигфрид, не выпуская ее локтя, несколько секунд вглядывался в ее лицо, а потом сказал невозмутимо:

— Вы не будете столь любезны принести нам три большие стопки виски, а потом повторить заказ, едва заметите, что мы его допили. Можно вас об этом попросить?

— Ну, конечно, сэр, конечно! — Официантке было за сорок, но покраснела она, как юная девушка.

Подбородки Стьюи задрожали от беззвучного смеха.

— Старый ты прохиндей, Фарнон! До чего приятно видеть, что ты совсем не изменился.

— Правда? Так это же хорошо, а?

— И самое странное, что ты, по-моему, и не стараешься вовсе.

— Не стараюсь? В каком смысле не стараюсь?

— А, ладно! Забудем. Вот и виски.

Стопки наполнялись снова и снова, а они говорили, говорили, говорили. Я помалкивал и только слушал, по-груженный в сладкую эйфорию, и каждую вторую свою стопку незаметно придвигал к Стьюи, а он мгновенно небрежным поворотом кисти осушал ее.

Зигфрид повествовал о собственных успехах, и меня поразило, насколько Стьюи была чужда зависть. Толстяк с искренней радостью слушал про быстро растущую практику, про красивый старинный дом, про необходимость обзавестись помощником. Зигфрид, когда рассказывал мне о своих студенческих днях, описывал Стьюи как «полноватого», но теперь он был просто жирен, несмотря на нелегкую жизнь. И я слышал от Зигфрида про это пальто «с военно-морским» ворсом, которое в колледже служило ему единственной защитой от капризов погоды. Вряд ли оно и тогда выглядело особенно элегантным, но теперь, безусловно, являло собой жалкое зрелище, почти лопааясь по швам под давлением тела, раздавшегося в ширину.

— Послушай, Стьюи... — Зигфрид неловко повертел стопку в пальцах.

— Я уверен, что в Хенсфилде у тебя все будет в порядке. Но если что-то все-таки не задастся, надеюсь, ты не постесняешься обратиться ко мне. До Дарроуби ведь не так уж далеко, сам знаешь. Собственно говоря... — Он умолк и сглотнул. — У тебя сейчас все в порядке? Если несколько фунтов могли бы помочь, так они у меня найдутся.

Стьюи опустошил минимум десятую стопку и посмотрел на старого друга с мягкой благожелательностью.

— Доброе у тебя сердце, Зигфрид, старина, но, спасибо, нет. Я же сказал, на жизнь нам хватает, и все будет хорошо. Но я благодарен тебе. Ну, да ты всегда был добрым. Странноватым, но добрым.

— Странноватым? — с интересом повторил Зигфрид.

— Да нет, не то слово. Не странноватым, а непохожим. Вот именно: чертовски ни на кого не похожим.

— Непохожим? — осведомился Зигфрид, проглатывая виски так, словно оно давно утратило всякий вкус. — Тут ты ошибаешься, Стьюи. Ошибаешься!

— Выбрось из головы! — сказал Стьюи и потянулся через столик, чтобы похлопать старого друга по плечу, но промахнулся и сбил котелок у Зигфрида с головы. Он покатился под ноги субъекта за соседним столиком.

Пока длилась беседа за нашим столиком, я замечал, как этот джентльмен вдруг стремительно выбежал вон, а затем медленно возвращался, вновь утыкался в свою газету и возобновлял атаку на пирожки и пиво. Теперь он поглядел вниз, на котелок. Его лицо выражало глубокую горечь и разочарование, рожденные избытком пива и полупрожеванной свинины, а также неудачными ставками. Он судорожно пнул котелок, и лицо у него сразу посветлело.

Котелок с глубокой вмятиной взмыл в воздух прямо к Зигфриду, который поймал его и водворил на голову с невозмутимым апломбом. Казалось, это происшествие его ничуть не рассердило: видимо, поступок нашего соседа показался ему вполне естественным.

Мы встали, и я слегка удивился тому, что все вокруг слегка закачалось и затуманилось. А когда все пришло в норму, меня ждала еще одна неожиданность: большой бар был почти пуст. Пиворазливочные аппараты бармен укрыл белыми тряпками. Официантки собирали со столиков пустые кружки и стопки.

— Стьюи, — сказал Зигфрид, — скачки кончились. Ты понимаешь, что мы проболтали тут больше двух часов?

— И хорошо отвели душу. Куда лучше, чем отдавать заработанные тяжким трудом медяки всяким акулам букмекерам. — Стьюи схватился за

край столика и несколько секунд отчаянно моргал.

— Вот только одно, — сказал Зигфрид. — Мои друзья. Я привез их сюда, и они, наверное, удивляются, куда я пропал. Знаешь что? Пойдем, я тебя с ними познакомлю. Они поймут, когда узнают, сколько лет мы не виделись.

Мы кое-как добрались до лож. Никаких следов генерала и прочих. В конце концов мы отыскали их на автостоянке возле «ровера» и были встречены без единой улыбки. Почти все машины уже разъехались. Зигфрид направился к ним уверенной походкой, помятый котелок был лихо сдвинут набок.

— Простите, что оставил вас так надолго, но произошло настоящее чудо. Позвольте представить вам мистера Стьюарта Брэннана, коллегу и моего дорогого друга.

Четыре холодных взгляда обратились на Стьюи. Его широкое мясистое лицо было даже краснее обычного, и он ласково улыбнулся росистыми от пота губами. Я заметил, что пальто с военно-морским ворсом он застегнул не на те пуговицы, — вверху виднелась пустая петля, а одна пола была заметно выше другой. В результате это тесное, натянутое до предела одеяние выглядело еще нелепее.

Генерал сухо кивнул, полковник, казалось, скрипнул зубами, дамы совсем оледенели и отвели глаза.

— Да, да, конечно, — буркнул генерал. — Но мы ждем тут уже довольно давно и хотели бы отправиться домой. — Он выставил подбородок, и его усы ощетинились.

Зигфрид небрежно взмахнул рукой.

— Разумеется, разумеется, непременно. Сейчас же и поедем. — Он обернулся к Стьюи. — Ну, до скорого, мой мальчик. Надо повидаться не откладывая. Я тебе позвоню.

Он начал рыться в карманах, ища ключ зажигания. Начал поиски неторопливо, но затем все убыстрял и убыстрял их. Обследовав свои карманы раз пять, он замер, закрыл глаза и словно бы предался глубоким размышлениям. Затем, очевидно решив вести поиски систематически, он начал выкладывать содержимое своих карманов строго по одному на капот машины, и по мере того как их куча росла, росло и мое предчувствие, что вот-вот разразится буря.

И тревожился я не только из-за ключа. Зигфрид выпил заметно больше виски, чем я, и теперь замедленное действие этого напитка начинало все больше в нем сказываться. Он слегка покачивался, помятый котелок сполз ему на бровь, он то и дело ронял предметы, которые вытаскивал из

кармана, и тупо в них всматривался.

Через стоянку медленно катил тележку человек с длинной шваброй в руке. Внезапно Зигфрид ухватил его за плечо.

— Послушайте, мне надо, чтобы вы для меня кое-что сделали. Вот пять шиллингов.

— Договорились, мистер. — Он спрятал деньги в карман. — А что делать-то?

— Найдите ключ от моей машины.

Тот начал шарить взглядом у ног Зигфрида.

— Постараюсь. Вы его тут, что ли, обронили?

— Да нет же! Понятия не имею, где я его обронил, — Зигфрид неопределенно махнул рукой. — Где-то на ипподроме.

Уборщик недоумевающе посмотрел на него, потом обвел взглядом акры и акры замусоренной земли. Ковер из программки и разорванных билетов. Потом обернулся к Зигфриду и захихикал, после чего удалился, продолжая хихикать.

Я покосился на наших спутников. Они следили за по-исками в ледяном молчании, совершенно очевидно не находя в происходящем ничего забавного. Первым взорвался генерал:

— Боже великий, Фарнон! Есть у вас чертов ключ или нет? Если он потерян, так нам лучше поискать другой способ вернуться домой. Дамы не могут больше стоять тут!

На заднем плане послышался легкий кашель. Стьюи еще не ушел, а теперь вперевалочку подошел к Зигфриду и что-то прошептал ему на ухо. Зигфрид с жаром потряс его руку.

— Черт побери, Стьюи, очень любезно с твоей стороны! Ты нас выручил! — Он обернулся к остальному обществу. — Беспокоиться не о чем: мистер Брэннан любезно предложил нам воспользоваться его машиной. Он пошел за ней на другую стоянку. — И Зигфрид торжествующе указал на широкую спину в лоснящемся пальто, которая неуверенными зигзагами исчезала за воротами.

Зигфрид старался, как мог, поддерживать разговор, но его усилия пропадали втуне. Никто не отзывался на его шутливые замечания. Затем он умолк на полуслове, увидев, как лицо генерала исказилось от бешенства, а глаза выпучились, словно он не мог им поверить. Возвратился Стьюи.

Он оказался владельцем крохотного «остина-7», который выглядел еще меньше из-за втиснувшейся за руль грузной фигуры. Разглядев пятна ржавчины на темно-бордовой краске и трещины, змеящиеся по стеклам, я заключил, что это чуть ли не самая первая «туристская» модель, чей верх

давным-давно приказал долго жить и был заменен самодельной брезентовой крышей, привязанной к кривым распоркам бесчисленными веревочками.

Стьюи выкарабкался наружу, не без труда распахнул заднюю дверцу и со скромной гордостью наклонил голову. Он указал на груды мешков на полу рядом с сиденьем шофера. Заднее сиденье также отсутствовало. Его заменяли два деревянных ящика из нетесаных дощечек с яркими наклейками: «Лучшие американские яблоки». В щелях ящиков виднелись пузырьки, стетоскопы, коробки с медикаментами и шприцами.

— Я подумал, — сказал Стьюи, — можно постелить на ящики мешки...

Генерал не дал ему договорить.

— Черт побери! Это что — шутка? — Его лицо побагровело, вены на шее вздувались все больше. — Вы стараетесь оскорбить моего друга и дам? Вы заслуживаете хлыста, Фарнон, за все, что натворили. Да, хлыста!

Внезапно его голос был заглушён ревом «ровера». Полковник, человек находчивый, как ему и полагалось по чину, закоротил зажигание. К счастью, дверцы не были заперты.

Дамы сели сзади с полковником, я примостился на моем откидном сиденье. Генерал совладал с собой.

— Садитесь! Поведу машину я! — рявкнул он на Зигфрида, словно обращаясь к провинившемуся сержанту.

— Минутку! — произнес Зигфрид заплетающимся языком и поднял ладонь. — Надо протереть ветровое стекло, а то оно очень грязное.

Дамы молча смотрели, как он, описывая восьмерки, добрался до багажника и начал в нем рыться. Их глаза уже не блестели нежностью. Не знаю, зачем ему понадобилось протирать стекла: возможно, сквозь пары виски его осенила идея, что ему следует восстановить свое реноме находчивого специалиста.

Но, увы! Требуемого эффекта не получилось. Стекло он протирал дохлой курицей.

Недели две спустя, вновь за завтраком, Зигфрид, проглядывая газету за третьей чашкой кофе, сообщил мне:

— А! Северо-Западная ассоциация пригласила в ветеринары-инспекторы Герберта Джарвиса, члена Королевского ветеринарного общества, капитана ветеринарной службы в отставке. Я знаком с Джарвисом. Симпатичный человек. Просто создан для этой должности.

Я поглядел на моего патрона, ища признаков разочарования или сожаления. Но не обнаружил и намека на них.

Зигфрид поставил чашку, вытер губы салфеткой и удовлетворенно вздохнул.

— Знаете, Джеймс, что бы ни случилось, все к лучшему. Старину Стьюи послала сама судьба, или Провидение, или еще что-то там. Я для такой работы не создан и был бы несчастен, как не знаю что, если бы ее получил. Ну, пошли. Пора отправляться в холмы.

Женюсь?

После того как мы с Хелен сходили в кино, уже само собой получалось, что мы виделись чуть ли не каждый день. Не успел я оглянуться, как это превратилось в твердо сложившийся обычай: около восьми часов ноги сами несли меня на их ферму. Я, конечно, пытался бороться с этой привычкой — ходил не каждый вечер, случалось, что работа не оставляла мне времени, и потом, были же приличия и был мистер Олдерсон.

Отец Хелен был невысоким рассеянным человеком, который полностью ушел в себя после смерти жены несколько лет назад. Он был опытным скотоводом, и его ферма могла сравниться с лучшими в округе, но его мысли, казалось, постоянно блуждают где-то в стороне. У него были свои небольшие странности: когда дела шли не так, он погружался в долгие разговоры с самим собой, а когда он был чему-то рад, — начинал громко мурлыкать себе под нос невразумительную мелодию. Звук, издаваемый им, был слышен настолько далеко, что, когда я приезжал на ферму по вызову, то всегда мог найти его по этому напеву.

Поначалу, когда я приезжал к Хелен, он даже не замечал меня: я был одним из той толпы молодых людей, которые вились вокруг его дочери. Однако, когда со временем мои визиты стали более частыми, он внезапно стал осознавать мое присутствие — сначала с интересом, который впоследствии перерос в тревогу. Мне не в чем его упрекнуть, правда. Он был привязан к Хелен, и естественно, что он хотел бы для нее более достойного кандидата. Атакой в ближайшем окружении имелся, по крайней мере, один — молодой Ричард Эдмудсон, чей отец был давним другом семейства Олдерсонов и чье хозяйство занимало примерно тысячу гектаров. Они были богатыми и влиятельными людьми, а Ричард и в самом деле был отличным парнем. По сравнению с ним неизвестный, нищий молодой ветеринар выглядел убого.

Когда мистер Олдерсон был рядом, мои визиты к Хелен становились мучением. Нам всегда казалось, что он косит на нас глаза, а когда я смотрел на него, он всегда отводил глаза, хотя должен признаться, я бы тоже отвел глаза, если бы кто-то внезапно бросил на меня взгляд.

Мне было жалко его, потому что он мне нравился. У него был приятный, неагрессивный нрав, который притягивал к себе, и в других обстоятельствах мы бы с ним прекрасно поладили. Но никуда нельзя было

деваться от того факта, что он ненавидел меня. И дело было не в том, что он хотел оставить Хелен возле себя, — он не был эгоистом, и потом, у него была прекрасная экономка в лице его сестры, которая недавно овдовела и переехала жить к Олдерсонам. Тетя Люси обладала приятным характером, замечательно справлялась с домашними делами и присматривала за двумя младшими детьми. Просто мистер Олдерсон привык к удобной мысли, что однажды его дочь выйдет замуж за сына его старого друга и будет вести жизнь состоятельной женщины. Это было его твердое мнение, которое заставляло его яростно сопротивляться любому отклонению от него.

Поэтому я всегда с облегчением уходил с Хелен из дома. Тогда все становилось на свои места, мы ходили на танцы в деревню, гуляли по дорогам, проложенным шахтерами в холмах, а иногда она ходила со мной по вечерним вызовам. В Дарроуби не было каких-то достопримечательностей, но нам нравилось отсутствие нарочитости, чувство самодостаточности в нашем совместном сосуществовании, которое придавало смысл и значимость всему, что мы делали.

Вполне возможно, что так продолжалось бы очень долго, если бы не Зигфрид. Однажды вечером, как у нас было заведено, мы сидели в гостиной Скелдейл-хауса и обсуждали события дня, прежде чем отправиться на боковую. Вдруг он засмеялся и хлопнул себя по колену.

— Сегодня заходил заплатить по счету Гарри Форстер. Старик что-то расшутился — сидел здесь, поглядывал по сторонам и твердил: «Хорошее у вас тут гнездышко, мистер Фарнон, хорошее гнездышко!» А потом хитро посмотрел на меня и заявляет: «Пора бы в это гнездышко да птичку. Какое же гнездышко без птички?»

— Ну, вам давно следовало бы к этому привыкнуть! — сказал я и тоже засмеялся. — Вы ведь лучший жених в Дарроуби. И конечно, они тут не успокоятся, пока вас не женят.

— Э-эй, не торопитесь! — Зигфрид задумчиво оглядел меня с головы до ног. — Гарри имел в виду вовсе не меня, а вас.

— Как так?

— А вы вспомните. Сами же рассказывали, что встретили старика, когда прогуливались вечером с Хелен по его лугу. Ну а у него на такие вещи глаз острый. Вот он и решил, что пора вам остепениться, только и всего.

Я откинулся на спинку кресла и захохотал.

— Мне? Жениться? Вот потеха! Вы только представьте себе! Бедняга Гарри!

— Почему вы смеетесь, Джеймс? — Зигфрид наклонился ко мне. —

Он ведь совершенно прав. Вам действительно пора жениться.

— Не понимаю! — Я ошеломленно уставился на него. — Что вы такое говорите?

— Как что? — ответил он. — Я говорю, что вам надо жениться, и поскорее.

— Зигфрид, вы шутите!

— С какой стати?

— Да черт подери! Я только-только начал работать. У меня нет денег, у меня ничего нет! Мне даже и в голову не приходило...

— Ах, вам даже в голову не приходило? Ну так ответьте мне: вы ухаживаете за Хелен Олдерсон или не ухаживаете?

— Ну, я... Мне просто... Если хотите, то, конечно, можно сказать и так.

Зигфрид устроился в кресле поудобнее, сложил кончики пальцев и назидательно продолжал:

— Так-так. Значит, вы признаете, что ухаживали за ней. Пойдем дальше. Она, насколько я могу судить, весьма и весьма привлекательна: всякий раз, когда она проходит по площади в рыночный день, машины только чудом не налетают друг на друга. Все признают, что она умна, обладает прекрасным характером и отлично готовит. Быть может, вы против этого станете спорить?

— Разумеется, нет, — ответил я, обозлившись на его тон снисходительного превосходства. — Но к чему все это? Зачем вы произносите речь, словно судья перед присяжными?

— Я просто аргументирую свою точку зрения, Джеймс. А именно: вы встретили девушку, которая может стать для вас идеальной женой, и ничего не предпринимаете! Говоря без обиняков, я хочу, чтобы вы перестали валять дурака и взглянули на дело серьезно.

— Все далеко не так просто! — сказал я раздраженно. — Я же только что объяснил, что сначала мне нужно тверже встать на ноги... да и вообще я знаком с ней всего несколько месяцев — этого же недостаточно, чтобы так сразу и жениться. И еще одно: по-моему, я не нравлюсь ее отцу.

Зигфрид наклонил голову набок, и я даже зубами скрипнул — такая святость разлилась по его лицу.

— Послушайте, старина, не сердитесь, но я должен вам кое-что сказать откровенно для вашей же пользы. Осторожность, бесспорно, прекрасное качество, но порой вы перегибаете палку. Этот маленький изъян в вашем характере проявляется постоянно и во всем. Вот, скажем, в той робости, с какой вы решаете затруднения, возникающие в вашей работе. Вы всегда действуете с оглядкой, маленькими шажками, тогда как

следует смело бросаться вперед. Вам чудятся опасности там, где их и быть не может. Учитесь рисковать, дерзать. А то ваши собственные сомнения подрезают вам поджилки.

— Короче говоря, я жалкий безынициативный болван?

— Ну послушайте, Джеймс, я ведь ничего подобного не говорил, но, кстати, еще одна вещь, которой я хотел бы коснуться. Я знаю, вы меня извините. Но, боюсь, пока вы не женитесь, я не могу рассчитывать на вашу полноценную помощь. Ведь, откровенно говоря, вы все больше доходите до такой степени обалдения, что уж, наверное, половину времени пребываете в сомнамбулическом состоянии и сами не понимаете, что делаете.

— Да что вы такое несете? В жизни не слыхивал подобной...

— Будьте добры, дослушайте меня до конца, Джеймс. Я говорю чистейшую правду: вы бродите, как лунатик, и у вас появилась прискорбная привычка глядеть в пустоту, когда я с вами разговариваю. От этого, мой милый, есть только одно средство.

— И крайне незамысловатое! — закричал я. — Ни денег, ни собственной крыши над головой, но женись очертя голову, с ликующим воплем. Все так просто и мило!

— Ага! Ну вот, вы опять сочиняете всякие трудности. — Он засмеялся и поглядел на меня с дружеским сожалением. — Денег нет? Так вы же в недалеком будущем станете моим партнером, повесите табличку со своими титулами на решетку перед домом, и, следовательно, хлеб насущный будет вам твердо обеспечен. Ну, а что до крыши... Посмотрите, сколько комнат пустует в этом доме! Вам совсем нетрудно будет устроить себе наверху отдельную квартиру. Иными словами, ваши возражения — полнейшие пустяки.

Я запустил пятерню в волосы. Голова у меня шла кругом.

— У вас все это получается так просто!

— Это же и есть просто! — Зигфрид выпрямился в кресле. — Отправляйтесь к ней сейчас же, сделайте предложение и обвенчайтесь до конца месяца! — Он укоризненно погрозил мне пальцем. — Жизнь, как крапиву, надо хватать сразу и крепко, Джеймс. Забудьте вашу манеру мямлить по каждому поводу и запомните, что сказал Брут у Шекспира. — Он сжал кулак и гордо откинул голову. — «В делах людей прилив есть и отлив, с приловом достигаем мы успеха...»

— Ну хорошо, хорошо, — буркнул я, утомленно поднимаясь на ноги. — Достаточно. Я все понял и иду ложиться спать.

Вероятно, я не единственный человек, чья жизнь полностью

переменилась в результате одного из непредсказуемых и случайных Зигфридовых взрывов. В тот момент его доводы показались мне смехотворными, но семя пало на благодатную почву и буквально за одну ночь проросло и распустилось пышным цветом. Вне всяких сомнений, это он повинен в том, что еще относительно молодым человеком я оказался отцом взрослых детей, — ведь когда я объяснился с Хелен, она ответила мне «да», и мы решили пожениться немедленно. Правда, сначала она как будто удивилась, — возможно, она разделяла мнение Зигфрида обо мне и подозревала, что я буду раскачиваться несколько лет.

Но так или иначе, не успел я оглянуться, а все уже было улажено, и, вместо того чтобы скептически усмехаться самой возможности такой идеи, я увлеченно обсуждал, как мы устроим свою квартирку в Скелдейл-хаусе.

Наступило блаженное время, когда на горизонте было всего одно облако, однако оно было грозным и немаленьким. Я шел, держа Хелен за руку, и мои мысли витали высоко в небе, но Хелен умоляюще поглядела на меня и спустила их на землю.

«Ты знаешь, Джим, тебе надо поговорить с папой. Пора ему знать».

Женюсь!

Задолго до получения диплома меня предупреждали, что сельская ветеринария — работа грязная и вонючая. Я принял это как данность и приспособился к этому, но бывали случаи, когда эта сторона моей деятельности становилась слишком навязчивой и почти невыносимой. Как сегодня, когда я даже после горячей ванны чувствовал исходящий от себя запах.

Поднявшись из дымящейся воды, я понюхал руки, и вот оно — дурно пахнущее воспоминание о той ужасной чистке кишечника, которую я сделал у коровы Томми Дирлава. Запах победно прорвался сквозь все дезодоранты, антисептики и мыло и был столь же силен и остр, как и в четыре часа того же дня. Ничто не могло победить его, кроме времени.

Но что-то во мне восставало против отхода ко сну в таком виде, и я с отчаянием посмотрел на ряды бутылочек на полке в ванной комнате. Я остановился на соли для ванн миссис Холл, которая светилась ядовито-розовым цветом в большой стеклянной банке. Это было что-то, чего я еще никогда не пробовал, и я бросил пригоршню соли в воду вокруг моих ног. Секунду моя голова была погружена в поднявшийся от воды пар, затем, подчиняясь какому-то импульсу, я всыпал большую часть содержимого в воду и вновь погрузился в нее.

Долгое время я лежал, победно улыбаясь про себя, пока маслянистая жидкость омывала меня. Даже чистка коровы у Томми Дирлава не могла устоять перед такой процедурой.

Весь процесс произвел на меня успокаивающий эффект, и я впал в полудрему, из которой не вышел даже тогда, когда положил голову на подушку. Наступили блаженные моменты чудесного плаванья, и меня поймал сладкий сон. Поэтому, когда у моего уха загремел звонок телефона, охватившее меня чувство несправедливости и личной обиды было сильнее обычного. Протерев заспанные глаза, я взглянул на часы — пятнадцать минут второго ночи. Я снял трубку и что-то пробормотал, но тут же вскочил, потеряв остатки сна, когда узнал голос мистера Олдерсона. Конфетка рожала, и что-то было не в порядке. Не могу ли я приехать прямо сейчас?

В ночном звонке всегда есть оттенок ощущения, когда хочется сказать: «Вот зачем я пришел сюда». Фары моей машины выхватывали из темноты камни пустынной рыночной площади, а меня в очередной раз охватило это

чувство преданности собственным истокам, собственному «я». Молчаливые дома, окна с плотно задернутыми шторами, длинные безлюдные улицы превращались в загородные дороги, уходившие бесконечными лентами во все стороны. В такое время я обычно находился в промежуточном состоянии между сном и нормальной жизнью, оставаясь бодрствующим лишь настолько, чтобы не сбиться с дороги, но в ту ночь я был полностью собран, и мои мысли тревожно неслись по кругу.

Конфетка была необычной коровой, красивым некрупным животным джерсейской породы, любимицей мистера Олдерсона. Она была единственной представительницей своей породы во всем стаде. Но если молоко шортгорнок разливалось по бидонам, которые забирали молочники с комбинатов, то густая желтая продукция Конфетки каждое утро отправлялась в каши для членов семьи, или появлялась в виде сбитых сливок на бисквитах или фруктовых пирогах, или превращалась в золотое сливочное масло, о котором можно было только мечтать.

Но помимо всего этого, мистер Олдерсон просто любил ее. Проходя по длинному хлеву, он всегда останавливался возле нее и начинал мурлыкать себе под нос, а потом гладил ее по голове. Я не могу упрекнуть его, иногда мне хочется, чтобы все коровы были джерсейскими: некрупными нежными животными с глазами, как у лани. С ними так легко обращаться, они не доставляют хлопот, у них округлые очертания тела и слабые ноги. Даже если они лягнутся, то их движение выглядит дружеским похлопыванием по сравнению с ударом массивной фризки.

Я просто надеялся, что с Конфеткой случилось что-нибудь несложное, поскольку моя репутация в глазах мистера Олдерсона оценивалась невысоко, и я нервно думал о том, что он не будет рад, если я неудачно проведу отел его маленькой любимицы. Я отмел свои страхи, — роды у джерсiek обычно несложные.

Отец Хелен был отличным фермером. Я въехал во двор и увидел в освещенном стойле два ведра с горячей водой для меня. На полуоткрытой двери висело полотенце, а два давних помощника, Стэн и Берт, стояли рядом со своим начальником. Конфетка удобно лежала на толстом слое соломы. Она тужилась, из вульвы ничего не высовывалось, но ее взгляд был устремлен в пустоту так, как будто ей плохо.

Я закрыл за собой дверь.

— Вы прощупали ее внутри, мистер Олдерсон?

— Да, я совал туда руку, — там ничего нет.

— Совсем ничего?

— Ничего. У нее схватки уже несколько часов, и ничего не выходит,

поэтому я засунул руку, а там ничего нет — ни головки, ни ножек. И свободного места тоже нет. Поэтому я и вызвал вас.

Это звучало очень странно. Я повесил пиджак на гвоздь и начал медленно расстегивать рубашку. Когда я стягивал ее через голову, то заметил, что мистер Олдерсон наморщил нос. Его помощники тоже начали принюхиваться и с удивлением переглянулись. Соль для ванн миссис Холл, спрятавшаяся под одеждой, теперь вырвалась из плена густой волной, заполняя собой тесное пространство и пронзительно возвещая о себе. Я спешно начал мыть руки в надежде на то, что чужой запах смоется, но он стал только сильнее на моем разогретом теле, неуместно заслоня собой естественные запахи коровника, сена и соломы. Никто ничего не сказал. Эти люди не из тех, кто позволил бы себе игривые замечания, которые дали бы мне возможность обратить все в шутку. Запах не оставлял места для сомнений — он был исключительно женским. Берг и Стэн смотрели на меня, открыв рот, а мистер Олдерсон, поджав губы, крутил носом и смотрел в дальний угол коровника.

Внутренне сжавшись, я опустил перед коровой на колени и через секунду забыл о своем смущении. Влагалище было пустым, оно представляло собой гладкий проход, который быстро сужался, превращаясь в небольшое конусообразное отверстие, достаточное только для моей руки. Выше него я нащупал голову и ножки теленка. Мои надежды рухнули. Перекручивание матки. На этот раз моя победа не обещала быть легкой.

Я сел на корточки и обернулся к фермеру.

— У нее утроба перекрутилась. В ней живой теленок, тут все нормально, но он не может выйти, — я едва могу просунуть руку.

— Да, я так и думал, что здесь что-то необычное, — сказал мистер Олдерсон, потер подбородок и с сомнением посмотрел на меня. — И что мы можем теперь сделать?

— Нам придется исправить загиб, поворачивая корову, пока я буду держать теленка. Очень хорошо, что я здесь не один.

— И тогда все встанет на место, не так ли?

Я сглотнул. Я не любил такую работу. Иногда поворот помогал, иногда нет, а в те дни мы еще не привыкли делать коровам кесарево. Если у меня не получится, передо мной откроется дивная перспектива сказать мистеру Олдерсону, что Конфетку надо отправить к мяснику. Я быстро отбросил эту мысль.

— Я все поставлю на место, — сказал я.

Иного пути не было. Я поставил Берта у передних ног, Стэна — у задних, а сам фермер держал голову коровы, лежавшую на полу. Затем я

улегся на твердом бетоне, всунул руку и ухватил ножку теленка.

— Теперь вращайте ее.

Я разинул рот от напряжения, и мужчины начали вращать корову по часовой стрелке. Я изо всех сил держал ножку, а корова поворачивалась на бок. Похоже, ничего не происходит.

— Положите ее на грудь, — выдохнул я.

Стэн и Берт заученным движением подогнули корове ноги, и она опустилась. Но, как только она остановилась, я заорал от боли.

— Поставьте ее на место, быстро. Мы не туда крутим!

Тугая полоска плоти стянула мою руку с огромной силой. На секунду мне показалось, что я никогда не вылезу оттуда.

Мужчины работали молниеносно. Через секунду Конфетка оказалась в первоначальном положении, моя рука освободилась, и мы вернулись туда, откуда начали.

Я стиснул зубы, заново вцепился в ножку теленка.

— О'кей, крутите в другую сторону.

На этот раз они стали вращать корову против часовой стрелки, повернули ее на 180 градусов, но ничего не случилось. Я только продолжал удерживать копытце — сопротивление в этот раз было огромным. Сделав несколько вдохов, я улегся лицом в пол, а по моей спине бежал пот, делая экзотический запах соли для ванн все сильнее.

— Хорошо. Еще раз! — закричал я, и мужчины перевернули корову по второму разу.

О, как же прекрасно было чувствовать, как все внутри волшебным образом разворачивается, как широко открывается матка, а теленок уже скользит мне навстречу.

Конфетка тут же освоилась с ситуацией и впервые за все время потужилась. Чувствуя, что победа уже за углом, она напряглась еще раз, и мне в руки выскочил мокрый скрюченный теленок.

— Боже, как же она быстро в конце, — с удивлением пробормотал Олдерсон. Он схватил клок сена и начал обтирать малыша.

Я с удовольствием намылил руки в одном из ведер. Каждые удачные роды приносят чувство облегчения, но в этом случае оно было чрезвычайным. Теперь уже не имело значения, что стойло пахло, как женская парикмахерская, мне было хорошо. Я пожелал спокойной ночи Берту и Стэну, которые отправились в постель, еще раз недоверчиво принюхавшись ко мне на прощание. Мистер Олдерсон обхаживал то корову, разговаривая с ней, то теленка, которого обтер уже несколько раз. И я не могу упрекнуть его, потому что малыш напоминал диснеевского

персонажа — бледно-золотой детеныш, невероятно маленький, с большими темными глазами, в которых светилась доверчивая невинность. И это тоже была телочка.

Фермер поднял ее так легко, будто это был спаниель, и положил перед мордой матери. Конфетка обнюхала новорожденную, счастливо поворчала и начала облизывать ее. Я посмотрел на мистера Олдерсона. Он стоял, сцепив руки за спиной, раскачиваясь на каблуках, явно замороженный происходящим. Я подумал, что теперь можно. И я был прав: раздался невразумительный напев, который на этот раз был громче обычного.

Я напрягся. Лучшего момента не представится. Нервно прокашлявшись, я твердым голосом сказал:

— Мистер Олдерсон! — Он полуобернулся ко мне. — Я хотел бы взять в жены вашу дочь.

Мурлыканье внезапно прекратилось, и он медленно повернулся ко мне. Он ничего не сказал, но его глаза с сожалением шарили по моему лицу. Затем он с натугой наклонился, поднял ведра, одно за другим, вылил воду и пошел к двери.

— Зайдите лучше в дом, — сказал он.

Кухня выглядела пустой и заброшенной, когда семейство лежало в постели. Я сел на стул с высокой спинкой, который стоял у погашенного очага, а мистер Олдерсон убрал ведра, повесил полотенце и методично вымыл руки, затем он прошел в переднюю, и я слышал, как он возится в буфете. Когда он появился вновь, в руках у него был поднос, на котором стояла бутылка виски и нежно звенели два стакана. Поднос придавал процедуре оттенок формальности, который подчеркивали хрусталь стаканов и девственность непочатой бутылки.

Мистер Олдерсон поставил поднос на кухонный стол и подтащил его ближе к нам, а затем сел на стул по другую сторону камина. Никто ничего не сказал. Я смотрел, как в затянувшемся молчании он уставился на бутылку, будто никогда не видел ничего подобного, а затем стал медленно открывать ее, отворачивая пробку осторожно, словно она могла выстрелить ему в лицо.

Наконец он наполнил стаканы, тщательно стараясь, чтобы каждому досталось поровну, и нагибая голову, чтобы убедиться в том, что уровни равны, а затем в качестве жеста, завершающего церемонию, подвинул ко мне грузный поднос.

Я взял стакан и замер в ожидании.

Мистер Олдерсон пару минут смотрел на потухший камин, на висевшую над ним картину маслом, на которой коровы шлепали по воде.

Он сжал губы, словно собираясь засвистеть, но потом, похоже, передумал и, не глядя на меня, сделал добрый глоток виски, от чего сразу зашелся в приступе кашля и довольно долго не мог с ним справиться. Когда его дыхание восстановилось, он сел прямо и вперил в меня два слезящихся глаза. Он прокашлялся, и я ощутил некоторое напряжение.

— Что ж, — сказал он. — Стоит отличная погода для хорошего урожая сена.

Я согласился с ним, и он оглядел кухню с таким интересом, как будто впервые попал сюда. Завершив осмотр, он сделал еще один такой же глоток, скорчил рожу, закрыл глаза, резко покрутил головой несколько раз и подался вперед.

— Помяните мое слово, — сказал он, — ночной дождь будет очень полезным.

Я высказался в том смысле, что непременно, и вновь воцарилось молчание. На этот раз оно тянулось еще дольше, мой хозяин продолжал попивать виски, как будто для него это было привычным делом. Я стал замечать, что оно оказывало на него расслабляющее действие, его напряженные черты лица становились мягче, а глаза потеряли охотничий взгляд.

Мы больше ничего не сказали, пока он вновь не наполнил наши стаканы, по-прежнему внимательно стараясь наливать поровну. Он отпил от второй порции, посмотрел на половик и тихо заговорил.

— Джеймс, — сказал он. — У меня была жена — одна на тысячу.

Я так удивился, что не находил ответных слов.

— Да, я знаю, — пробормотал я. — Я много слышал о ней.

Мистер Олдерсон, все еще глядя в пол, заговорил снова, и его голос был полон нежной тоски.

— Это была лучшая девушка на много километров вокруг, и самая красивая, — он внезапно поднял на меня глаза, и на его лице появилось подобие улыбки. — Никто не думал, что она выйдет за такого парня, как я. Но она вышла.

Он начал рассказывать мне о своей покойной жене. Он говорил спокойно, не пытаясь вызвать жалость к себе, но с чувством глубокой благодарности за счастье, которое ему досталось. Я обнаружил, что мистер Олдерсон отличается от большинства фермеров его поколения, поскольку он ничего не сказал о том, каким «хорошим работником» она была. В те времена большинство женщин оценивались по тому, как они умеют работать, и по прибытии в Дарроуби я был потрясен, когда попытался посочувствовать недавно овдовевшему старику. Он вытер слезы и сказал:

«Да, она была чудной работницей».

А мистер Олдерсон говорил только о том, что его жена была красива, что она была добра и что он очень сильно ее любил. Он говорил и о Хелен, о том, как и что она говорила, когда была маленькая, о том, как она похожа на свою мать во всех отношениях. Он ничего не сказал обо мне, но я все время чувствовал, что он считал все это предметом моего интереса. Сам факт, что он так свободно говорил, свидетельствовал о том, что барьеры опускаются.

Вообще-то он говорил чуть-чуть слишком свободно. Он уже наполовину опустошил свою третью немаленькую порцию виски, а мой опыт говорил, что йоркширцы просто не могут осилить столько. Я видел дюжих мужиков, способных выпить десять кружек, но переворачивавшихся вверх килем от одного запаха этой янтарной жидкости, а мистер Олдерсон вряд ли вообще пил. Я начал волноваться.

Но делать было нечего, и я позволил ему предаться счастливым воспоминаниям. Теперь он откинулся на спинку своего стула и смотрел куда-то вверх моей головы. Я даже подумал, что он забыл обо мне, потому что после одного особенно долгого отрывка он опустил глаза на меня и некоторое время вглядывался в мое лицо, не узнавая. Когда он определил, кто я, то, похоже, вспомнил о своих обязанностях хозяина. Но, потянувшись за бутылкой, он посмотрел на настенные часы.

— Ну вот, уже четыре. Мы довольно долго засиделись. Вряд ли стоит идти в постель, но часок-другой сна, я полагаю, не повредит.

Он допил остаток своего виски и попытался рывком встать на ноги, деловито осмотрелся по сторонам и с грохотом упал головой в каминные принадлежности.

Внутренне застыв от ужаса, я поспешил на помощь, пока он шарил руками по камину, но моя подмога не понадобилась. Через пару секунд он качался на ногах и смотрел мне в глаза, как будто ничего не случилось.

— Пожалуй, мне пора, — сказал я. — Благодарю за выпивку.

Не было смысла оставаться дольше, поскольку я понял, что нет никаких шансов дождаться момента, когда мистер Олдерсон скажет что-нибудь вроде: «Благословляю тебя, сын мой». Но у меня сложилось приятное ощущение, что все будет хорошо.

Я пошел к двери, а фермер сделал честную попытку проводить меня, но ноги его не слушались, он беспомощно качался из стороны в сторону, пока не врезался в высокий кухонный шкаф. Его лицо со смущением глядело на меня из-под рядов тарелок с нарисованными ивами.

Я поколебался и вернулся.

— Давайте-ка я провожу вас наверх, мистер Олдерсон.

Я сказал это бесстрастным голосом, и он не стал сопротивляться, когда я подхватил его под руку и повел к двери в дальнем углу.

Ступеньки скрипели под нами, когда мы поднимались по лестнице. Он покачнулся и наверняка бы свалился, если бы я не обхватил его за талию. Когда я поймал его, он поднял глаза на меня и сказал: «Спасибо, старина», — и мы улыбнулись друг другу перед тем, как продолжить наше восхождение.

На входе в спальню я поддержал его, и он остановился, как будто желая что-то сказать. Но в итоге он просто два раза кивнул головой и вошел внутрь.

Я ждал у закрытой двери, с некоторой тревогой прислушиваясь к стукам и плюханьям внутри, но расслабился, как только услышал громкое мурлыканье, которое проникало сквозь стены. Теперь уже точно — все будет хорошо.

Наш медовый месяц

Наш медовый месяц удался на славу — особенно учитывая, что мы провели его, занимаясь проверкой коров на туберкулез. В любом случае мы были куда счастливее десятков моих знакомых, которые после свадьбы отправлялись на месяц в плавание по солнечному Средиземному морю, а потом вспоминали об этом без малейшего удовольствия. Нам с Хелен он подарил все самое главное — радость, смех, ощущение товарищеской близости, хотя длился всего неделю, и, как я уже упомянул, мы провели его, делая туберкулиновые пробы.

Идея эта возникла как-то утром за завтраком, когда Зигфрид после бессонной ночи, проведенной в стойле кобылы, страдавшей коликами, протер покрасневшие глаза и принялся вскрывать утреннюю почту. Из плотного министерского конверта высыпалась толстая пачка бланков, и он ахнул.

— Господи! Вы только взгляните, чего они хотят! — Он разложил анкеты на скатерти и начал лихорадочно читать длинный список ферм. — Требуют, чтобы мы на следующей неделе провели туберкулинизацию всего скота в окрестностях Эллерторпа. Безотлагательно. — Он свирепо поглядел на меня. — А на следующей неделе вы женитесь, так?

Я виновато заерзал на стуле.

— Боюсь, что да.

Зигфрид яростно схватил ломоть поджаренного хлеба и начал шлепать на него масло, как каменщик — раствор на кирпичную кладку.

— Чудесно, а? Работы невпроворот, неделя туберкулинизации в самом глухом из здешних углов, а вам именно сейчас приспичило жениться. У вас медовый месяц, порхаєте и наслаждаетесь жизнью, а я тут свивайся в кольца и лезь вон из кожи! — Он злобно впился зубами в ломоть и с хрустом принялся его жевать.

— Мне очень жаль, Зигфрид, — пробормотал я. — Но откуда мне было знать, что я невольно вас подведу? Не мог же я предвидеть, что именно сейчас привалит столько работы и министерство именно сейчас потребует проверки!

Зигфрид перестал жевать и негодуя уставил на меня палец.

— Вот-вот, Джеймс! Обычная ваша беда: вы не заглядываете вперед. Летите сломя голову, без оглядки и сомнений. Даже с этой вашей женитьбой — вы же ни на секунду не задумались! Женюсь, женюсь, а на

последствия плевать! — Он закашлялся, потому что от возбуждения вдохнул крошки. — И вообще, я не понимаю, к чему такая спешка! Вы ведь совсем мальчик, и времени, чтобы жениться, у вас предостаточно. И еще одно: вы же почти ее не знаете. Всего несколько недель, как вы вообще начали с ней встречаться!

— Но погодите, вы же сами...

— Нет, уж позвольте мне кончить, Джеймс! Брак — крайне серьезный жизненный шаг, который требует глубокого и всестороннего обдумывания. Ну зачем вам понадобилось тащиться в церковь именно на будущей неделе? В будущем году — вот это было бы разумно, и вы пожали бы все беззаботные радости длительной помолвки. Так нет, вам обязательно понадобилось тут же завязать узел, который так просто не развяжешь, к вашему сведению!

— К черту, Зигфрид! Это уж ни в какие ворота не лезет! Вы же прекрасно знаете, что вы сами...

— Минуточку! Ваша торопливость в вопросе о браке обрекает меня на множество затруднений, но, поверьте, я от души желаю вам счастья и надеюсь, что вопреки вашей легкомысленной непредусмотрительности все будет прекрасно. Тем не менее я не могу не напомнить вам старинную поговорку: «Женился на скорую руку, да на долгую муку».

Тут мое терпение лопнуло. Я взвился, стукнул по столу и взвыл:

— Черт подери, это же вы настояли. Я как раз хотел повременить, но вы...

Зигфрид не слышал. Он уже остывал, и лицо его расцвело ангельской улыбкой.

— Ну-ну, Джеймс, снова вы выходите из себя! Сядьте и успокойтесь. Не надо обижаться на мои слова: вы ведь очень молоды, а мой долг — говорить с вами откровенно. Ничего дурного вы не сделали. В конце концов, в вашем возрасте естественно действовать без оглядки на будущее, совершать поступки, не задумываясь о возможных последствиях. Юношеская беззаботность, только и всего. — Зигфрид был старше меня на каких-то шесть лет, но без малейших усилий входил в роль седобородого патриарха.

Я вцепился пальцами в колени и решил не продолжать. Конечно, он все равно не дал бы мне говорить, но главное — меня начала мучить совесть, что я уеду и брошу его в такое тяжелое время. Подойдя к окну, я уставился на старого Уилла Варли, который катил по улице велосипед с мешком картошки на руле. Сколько раз я уже видел это! Потом я обернулся к своему патрону; на меня снизошло озарение, что со мной бывает нечасто.

— Послушайте, Зигфрид, я буду рад провести медовый месяц в окрестностях Эллерторпа. В это время года там чудесно, и мы можем остановиться в «Пшеничном снопе». И я займусь пробами.

Он уставился на меня в изумлении.

— Провести медовый месяц в Эллерторпе? За пробами? Об этом и речи быть не может! Что скажет Хелен?

— Ничего не скажет. И поможет мне вести записи. Мы ведь просто решили поехать на машине куда глаза глядят, а значит, никаких планов нам нарушать не придется. И как ни странно, мы с Хелен часто говорили, что с удовольствием пожили бы в «Пшеничном снопе». Это же удивительно приятная старинная гостиница.

Зигфрид упрямо покачал головой.

— Нет, Джеймс, я даже слышать об этом не хочу. Перестаньте; я уже и так чувствую себя виноватым. С работой я прекрасно справлюсь сам. Поезжайте спокойно, ни о чем не думайте и наслаждайтесь своим счастьем.

— Нет, я решил твердо. И вообще мне эта мысль нравится все больше. — Я быстро просмотрел список. — Начать можно во вторник с Алленов и объехать все маленькие фермы, в среду обвенчаться, а в четверг и пятницу сделать вторичные пробы и записать результаты. К концу недели весь список будет исчерпан.

Зигфрид уставился на меня так, словно видел впервые в жизни. Он спорил и доказывал, но вопреки обыкновению я настоял на своем, вытащил из ящика министерские повестки и занялся подготовкой к своему медовому месяцу.

Во вторник ровно в полдень я закончил туберкулинизацию многочисленных алленовских коров, которые паслись, рассыпавшись на целые мили по голым склонам холмов, и уже садился за стол с радушными хозяевами, чтобы, как положено, «немножечко перекусить». Во главе до блеска оттертого стола сидел мистер Аллен, а напротив меня расположились двое его сыновей — двадцатилетний Джек и Робби, которому еще не исполнилось восемнадцати. Оба они были силачами, кровь с молоком, и все утро я прямо-таки с благоговением наблюдал, как они час за часом справлялись с бродящими на воле быками и коровами, без усталости разыскивая и ловя их. Я просто глазам своим не поверил, когда Джек догнал на пустоши мчавшуюся во весь дух телку, схватил ее за рога и медленно повалил, чтобы я мог спокойно сделать инъекцию точно в толщу кожи. Я даже пожалел, что в этот глухой уголок Йоркшира не заглядывают тренеры по легкой атлетике — не то на следующей Олимпиаде нам был бы обеспечен какой-нибудь мировой рекорд.

Миссис Аллен давно завела привычку подтрунивать надо мной и уже много раз немилосердно бранила меня за то, что я такой рохля с девушками, — как мне только не стыдно находиться под опекой старой экономки! Я не сомневался, что сегодня она тоже примется за свое, и выжидал подходящую минуту. Вот теперь я сумею ответить как следует! Она открыла дверцу духовки, и по кухне разлился аппетитнейший аромат жареной свинины. Водрузив на стол блюдо с огромным куском сочного окорока, миссис Аллен поглядела на меня и улыбнулась.

— Так когда же мы вас женим, мистер Хэрриот? Давным-давно пора бы вам подыскать хорошую девушку, да только вы и слушать не хотите, что я толкую!

Весело засмеявшись, она захлопотала у плиты над кастрюлей с картофельным пюре.

Я подождал, чтобы она вернулась к столу, и только тут самым небрежным тоном выложил свою сокрушительную новость:

— Собственно говоря, миссис Аллен, я решил последовать вашему совету и завтра женюсь.

Ложка, которой добрейшая женщина накладывала мне пюре, застыла в воздухе.

— Женитесь?.. Завтра?.. — повторила она с ошеломленным видом.

— Совершенно верно. Я думал, вы меня похвалите.

— Но... но как же это? Вы ведь сказали, что приедете сюда в четверг и в пятницу?

— Конечно, ведь я должен проверить результаты проб. И я привезу с собой жену. Мне не терпится показать ее вам.

Наступило молчание. Джек и Робби уставились на меня, мистер Аллен перестал резать свинину и тоже посмотрел в мою сторону, затем его супруга неуверенно усмехнулась.

— Ну будет, будет, я не верю. Вы нас разыгрываете. Если бы вы правда завтра женились, так поехали бы в свадебное путешествие.

— Миссис Аллен! — произнес я с достоинством. — Разве я способен шутить, когда речь идет о столь серьезном вопросе? Разрешите, я повторю: завтра моя свадьба, а в четверг я приеду к вам с женой.

В глубокой растерянности она наложила нам полные тарелки, и мы молча принялись за еду. Но я догадывался, какие муки она испытывает. Ее взгляд то и дело обращался ко мне, и было видно, что ей не терпится обрушить на меня град вопросов. Ее сыновья тоже, казалось, не остались равнодушны к моему сообщению, и только мистер Аллен, высокий неразговорчивый человек, который, вероятно, сохранил бы ту же

невозмутимость, объяви я, что завтра намерен ограбить банк, спокойно продолжал уписывать свой обед за обе щеки.

Больше мы об этом не говорили, пока я не собрался уезжать. Но тут миссис Аллен положила руку мне на локоть.

— Вы же пошутили, правда? — Лицо у нее словно даже осунулось.

Я забрался в машину и крикнул в окно:

— До свидания и большое спасибо. В четверг мы с миссис Хэрриот приедем прямо с утра.

Свадьбы я почти не помню. Она была тихой, и меня главным образом снедало желание, чтобы все это поскорее кончилось. Лишь одно живет в моей памяти: гулкие «аминь!», которые во время венчания через правильные промежутки провозглашал у меня за спиной Зигфрид — насколько мне известно, единственный шафер, столь усердно участвовавший в венчальной службе.

С каким невыразимым облегчением я наконец усадил Хелен в машину, и мы тронулись в путь. Когда мы проезжали мимо Скелдейл-хауса, она вдруг вцепилась мне в руку.

— Посмотри! — воскликнула она взволнованно. — Вон туда!

Под медной дощечкой Зигфрида, висевшей на чугунной решетке по-прежнему кривовато, появилась еще одна — бакелитовая, что тогда было новинкой. Белые четкие буквы на черном фоне провозглашали: «Дж. Хэрриот, дипломированный ветеринар, член Королевского ветеринарного общества». И эта дощечка была привинчена совершенно прямо.

Я оглянулся, отыскивая взглядом Зигфрида, но мы уже попрощались, и я решил, что поблагодарю его, когда мы вернемся. Однако из Дарроуби я выехал, надуваясь от гордости, ибо смысл этой дощечки был совершенно ясен: теперь я полноправный партнер Зигфрида и человек с положением. При этой мысли у меня даже дух захватило. Хелен радовалась не меньше меня, и мы час за часом кружили по боковым шоссе, останавливались, когда и где хотели, гуляли и совершенно не следили за временем. Было уже часов девять вечера и сумерки быстро сгущались, когда мы вдруг сообразили, что заехали совсем не туда.

От Эллерторпа нас отделяли миль десять вересковых холмов, и было уже совершенно темно, когда мы, погромыхивая по крутой узкой дороге, съехали на его единственную, но очень длинную улицу. «Пшеничный сноп» скромно прятался в дальнем ее конце — приземистое здание из серого камня с неосвещенным крыльцом. Когда мы вошли в душноватую переднюю, из буфета слева донесся мягкий звон стекла. Из задней комнаты появилась миссис Берн, пожилая вдова, владелица «Пшеничного снопа».

Она оглядела нас без всякого выражения.

— Мы знакомы, миссис Берн, — сказал я, и она кивнула.

Я извинился, что мы так задержались, и попробовал собраться с духом, чтобы попросить в такой поздний час пару-другую бутербродов, но тут она сказала все с той же невозмутимостью:

— Ничего, мы ведь вас ожидали. И ужин вас ждет.

Она проводила нас в столовую, и ее племянница Берил тотчас подала нам горячий ужин: густой чечевичный суп, а на второе — блюдо, которое сейчас, наверное, назвали бы гуляшом, хотя тогда это было просто мясо, тушенное с грибами и овощами. Но зато над ним явно колдовал кулинарный гений. От крыжовенного пирога со сливками мы уже вынуждены были отказаться.

Так продолжалось все время, пока мы жили в «Пшеничном снопе». Заведение это было воинствующее несовременным: чудовищная викторианская мебель, кое-где облупившаяся краска. И все-таки сразу становилось понятно, чем оно заслужило свою репутацию. Кроме нас, там в это время жил еще только один постоялец, который явно не собирался никуда уезжать, — удалившийся от дел суконщик из Дарлингтона. К столу он являлся задолго до урочного часа, неторопливо закладывая за воротник большую белую салфетку, и надо было видеть, как блестели его глаза, когда Берил вносила поднос с кушаньями.

Однако нас с Хелен покорили не только домашняя ветчина, йоркширский сыр, слоеные пироги с сочной начинкой из вырезки и почек, ягодные корзиночки и колоссальные йоркширские пудинги. Гостиницу окутывала атмосфера какого-то чарующего сонного покоя, и мы до сих пор с наслаждением возвращаемся мыслью к этим дням. Я и теперь часто проезжаю мимо «Пшеничного снопа» и, глядя на его старинный каменный фасад, на котором какие-то жалкие тридцать лет, протекшие с той поры, не оставили ни малейшего следа, с невольной нежностью вспоминаю эхо наших шагов на пустынной улице, когда мы выходили погулять перед сном, старинную латунную кровать, занимавшую почти все пространство тесной комнатки, тесные силуэты холмов в ночном небе за нашим окном, отголоски смеха, доносящиеся из буфета внизу, куда сошлись отдохнуть окрестные фермеры.

Особенное наслаждение доставило мне наше первое утро, когда я повез Хелен к Алленам проверять пробы. Вылезая из машины, я заметил, что миссис Аллен осторожно выглядывает в щелку между кухонными занавесками. Она тут же вышла во двор, и, когда я подвел к ней молодую жену, глаза у нее буквально полезли на лоб. Хелен одной из первых в тех

краях начала носить брюки и в это утро надела ярко-лиловые — «совершенно потрясные», выражаясь на более позднем жаргоне. Фермерша была немножко шокирована, а немножко и позавидовала, но вскоре она убедилась, что Хелен одной с ней породы, и между ними завязался оживленный разговор. Глядя, как энергично кивает миссис Аллен и как ее лицо все больше расцветает улыбками, я понял, что Хелен охотно удовлетворяет ее любопытство. Времени на это потребовалось много, и мистер Аллен в конце концов прервал их беседу.

— Если идти, так идти, — буркнул он, и мы отправились продолжать туберкулинизацию.

Начали мы с солнечного склона, где в загоне нас дожидался молодняк. Джек и Робби ринулись в загон, а мистер Аллен снял кепку и любезно обмахнул верх каменной стенки.

— Тут вашей хозяйке будет удобно, — сказал он.

Я уже собирался начать измерения, но от этих слов буквально прирос к месту. Моя хозяйка! Впервые такие слова были обращены ко мне. Я посмотрел на Хелен, которая сидела на необтесанных камнях, поджав ноги, положив на колено записную книжку и держа наготове карандаш. Она откинула упавшую на глаза темную прядку, наши глаза встретились, и она улыбнулась мне. Я улыбнулся в ответ и вдруг ощутил все великолепие окружающих холмов, медвяный запах клевера и нагретых солнцем трав, пьянящий сильнее любого вина. И мне показалось, что два года, которые я провел в Дарроуби, были прелюдией к этой минуте, что вот сейчас улыбка Хелен завершила первый решающий шаг в моей жизни — эта улыбка и бакелитовая дощечка на решетке Скелдейл-хауса.

Не знаю, сколько я простоял бы так, словно в забытьи, но мистер Аллен выразительно откашлялся, и я вернулся к действительности.

— Начали, — сказал я, прикладывая кутиметр к шее первой телки. — Номер тридцать восемь, семь миллиметров, четко очерчено. — И продиктовал Хелен: — Номер тридцать восемь, семь, ч.о.

— Тридцать восемь, семь, ч.о., — повторила моя жена, и ее карандаш побежал по страничке записной книжки.